

Виктор Усов

Советская разведка в Китае 20-30 годы XX века

Введение

В Советском Союзе в литературе на тему советской разведки за рубежом, в том числе и разведки в Китае, было наложено табу, о ней могли писать либо только единицы из советских разведчиков с разрешения КГБ, либо специальные лица, кому это было разрешено со стороны разведывательных служб. Обычному исследователю лучше было не касаться данной темы. В лучшем случае, разрешалось издание книг о разведке, вышедших за рубежом. Однако в последнее десятилетие положение стало коренным образом меняться. Появилось несколько десятков книг и статей о работе советской разведки в 20-е — 40-е годы. В первую очередь хотелось бы отметить шеститомную серию «Очерков истории российской внешней разведки», выпускаемую Службой внешней разведки (СВР) под редакцией академика Е. М. Примакова. Следует сразу же сказать, что это первое подобное издание в России. Выпущено уже четыре тома, которые охватывают период с истории становления разведки в дореволюционной России до 1917 г. (том 1), с 1917 по 1933 г. (том 2), с 1933 по 1941 г. (том 3) и с 1941 по 1945 г. (том 4).

В России была опубликована также серия статей о советской разведке. Интерес к работе внешней разведки СССР давно проявляется и за рубежом. [1]Появление новых книг, статей и открытие архивных материалов на эту тему значительно расширяет наше представление о работе советской внешней разведки, помогает ввести в научный оборот множество новых фактов и аргументов, открыть новые имена. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что далеко не все архивные материалы стали доступны нашим историкам и политологам, еще слабо изучены архивы КГБ, а то, что уже опубликовано, не всегда может удовлетворить интерес широкого круга историков, многие имена и факты остаются еще не раскрытыми, еще есть белые пятна и в нашей истории. Было бы желательнее детальнее познакомиться с архивами, находящимися в КНР и на Тайване, там тоже есть довольно много интересных материалов, относящихся к деятельности советской разведки в Китае

i Richard Deacon. A History of The Russian Secret Service. London.1987; Roger Faligot, Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1989; Frederick S. Litten. The Noulens Affair. — The China Quarterly. June 1994, N138, p.492-512; C.Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920-1927. London. 1989; Чжун — Э вайцзяо цзи Чжунгун шэньтоу юй бэйцин цзинго шияо (Исторические материалы китайско-русских международных отношений и просачивания коммунистов и очищения от них) — «Гэмин вэньсянь», № 9. 1968; Цзиньдай Чжунго вайде ю нейцзянь шияо хуйбянь (1871-1947) (Сборник материалов по истории зарубежной агентуры и провокаторов в Китае в период новой истории (1871-1947)). Тайбэй, 1986; Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1, М., 1996; Т. 2, М., 1996; Т. 3, М., 1997; Т. 4. М., 1999;

Ф. Дикин, Г. Стори. Дело Рихарда Зорге. — М., 1996; Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. — Т. 1. — М., 1997; А. Кокурин,

Н. Петров. ВЧК (1917-1922). — Свободная мысль. 1998. № 6.; В. Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1998, № 5, 6;

О. Гордиевский, К. Эндрю. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999; А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: В 2-х книгах. — М., 2000 и др.

в 20-е годы XX века, неизвестных нашим историкам. Однако, скорее всего, это задачи на будущее.

В предлагаемой книге хотелось бы остановиться только на становлении советской внешней разведки, особенно ее части, связанной с Дальним Востоком, и разведывательной работе в Китае в 20-е годы, которая дополнит картину наших взаимоотношений с Китаем в указанный период, покажет всю сложность и многогранность этой работы, ее успехи и провалы. Автор ставил своей целью обобщить уже имеющийся в нашей стране и за рубежом доступный материал по интересующей нас тематике.

Краткая история становления советской внешней разведки

Перед тем как перейти к истории становления советской внешней разведки, хотелось бы отметить, что разведка велась по нескольким каналам:

1) по линии ВЧК, ГПУ, ОГПУ;

2) по линии военной разведки Красной Армии (ГРУ);

3) по линии Коминтерна (линию НКВД и Министерства иностранных дел мы не берем). Известно, что все секции Коминтерна в Оргбюро находились в тесном контакте с советскими службами безопасности и разведки Красной Армии.

ВЧК — ГПУ — ОГПУ

Летом 1917 г., когда большевики готовились к захвату власти, Яков Христофорович Петерс (1886-1938) руководил своего рода контрразведкой внутри партии.

С октября 1917 г., когда появилась Советская Россия, перед ней встала серьезная задача — борьба с тайными контрреволюционными организациями внутри страны, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку. Гражданская война, голод и разруха, разгул бандитизма остро ставили вопрос о существовании самой Советской России. В этой кризисной для новой власти ситуации уже 20 декабря 1917 г. для борьбы с контрреволюцией и саботажем была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. В связи с тем что внутренняя и внешняя угроза оказались тесно связанными, переплеталась борьба с внутренними враждебно настроенными к новому режиму тайными организациями и с внешней контрреволюционной и разведывательной деятельностью большинства зарубежных государств, желавших ликвидации новой России и ее самостоятельности, вскоре «щиту и мечу» Революции — ВЧК были переданы разведывательные и контрразведывательные функции. Разведка оказалась в рамках силовых, репрессивных структур. В. И. Ленин прилагал усилия к тому, чтобы внутри механизма репрессий соблюдались определенные рамки. «Человек твердого и решительного характера, он не стремился к

насилию, даже когда внутренняя уравновешенность слишком рано уступает место „болезненному“ восприятию оппозиции, — отмечают известные на Западе историки Р. Фалиго и Р. Коффер в своей книге „Всемирная история разведывательных служб“. — После смерти В. И. Ленина режим ужесточается по указке тандема Зиновьев-Каменев. Но вскоре они были устранены Сталиным, который положил начало самой кровавой и тоталитарной форме правления». 4-

Архивные материалы свидетельствуют, что уже с первых месяцев существования ВЧК ею предпринимались попытки ведения разведывательной деятельности за рубежом.

С началом интервенции и Гражданской войны возникла необходимость усилить борьбу с подрывной деятельностью различных иностранных разведок в Красной Армии. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП(б) приняло Постановление об объединении ВЧК и Военного контроля Реввоенсовета (военная контрразведка). Заведующим Военным контролем (Военным отделом) ВЧК был утвержден профессиональный революционер М. С. Кедров. 1 января 1919 г. был создан Особый отдел (ОО) ВЧК, а органы Военного контроля слиты с армейскими ЧК и преобразованы в Особые отделы. 6 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил «Положение об Особом отделе ВЧК и его

местных органах», которое возлагало на Особые отделы борьбу с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте; в Положении отмечалось, что 00 ВЧК работает под контролем Реввоенсовета Республики и выполняет все его задания,

а его заведующим назначается один из членов Коллегии ВЧК по согласованию с Реввоенсоветом Республики. Особый отдел находился под личным руководством Ф. Дзержинского и следил за «политической благонадежностью» офицеров Красной Армии.

Особые отделы создавались в центральном аппарате ВЧК, в крупных воинских и военно-морских подразделениях, в некоторых губерниях. В Гражданскую войну Троцкий с успехом использует бывших царских офицеров в полках Красной Гвардии. В. И. Ленин и Ф. Дзержинский считают, что эта значительная сила постоянно и на все сто процентов должна контролироваться режимом, за ней и должны наблюдать эти органы.

Первым руководителем 00 ВЧК был М. С. Кедров. В августе 1919 г. на этот пост был назначен сам председатель ВЧК Ф. Дзержинский, а позднее член коллегии ВЧК В. Р. Менжинский. В 00 работал и один из будущих руководителей внешней разведки А. Х. Артузов (Фраучи) выходец из семьи итальянского швейцарца, сыродела, переселившегося в Россию, племянник М. С. Кедрова.

Поражение в войне с Польшей весной 1920 г. вынудило советское руководство сделать еще большей акцент на работе разведки. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о ее кардинальной реорганизации. В нем говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно

ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В целях укрепления руководства разведывательной работой за рубежом в 1920 г. создается Иностраный отдел внутри 00 ВЧК. Итак, внешняя разведка зародилась в недрах Особого отдела ВЧК, еще не получив самостоятельного статуса и оставаясь внутри структур армейской контрразведки.

Для разработки мер по улучшению деятельности разведки была создана специальная комиссия, в которую вошли И. Сталин, Ф. Дзержинский и ряд других лиц. На основании разработанных комиссией предложений Ф. Дзержинский 12 декабря 1920 г. отдал следующее распоряжение управляющему делами ВЧК: «Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов, или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия. Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом».

А уже 20 декабря на его базе создается самостоятельный Иностраный отдел (ИНО) ВЧК — внешняя разведка.

Вот что говорилось в приказе ВЧК за № 169, подписанном Ф. Дзержинским 20 декабря 1920 г.:

1. Иностраный Отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностраный отдел ВЧК.
2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела 00 ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК.
3. Иностраный отдел ВЧК подчинить начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врио, начальника Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, [которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.
5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностраный Отдел».

В «Положении о закордонной части ИНО СОУ ГПУ» в части о его зарубежной работе говорилось:

«Закордонная часть ИНО ГПУ является организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного характера, проводимой ГПУ».

«Для выполнения всех вышеизложенных задач за границей в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именуемые резидентами» .

В разработанной для Иностранного отдела инструкции указывалось, что при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР в капиталистических странах будет создана резидентура во главе с резидентом, который должен занимать официальное положение в миссии, и как разведчик может быть раскрыт только перед главой миссии. «Каждый резидент, — указывалось в инструкции, — отсылает сведения в Центр в шифрованном виде не реже одного раза в неделю»/12]В целях конспирации было принято обозначать источника резидентуры номером. Позже в практику были введены псевдонимы.

Таким образом, это был первый шаг к созданию сети «легальных» резидентур. В инструкции предусматривалось также, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК направляется нелегально.

Итак, с 20 декабря 1920 г. врио начальника ИНО был назначен Я.М. Давтян (Давыдов)/131

Давыдов—Яков Христофорович Давтян (1888-1938 гг.) исполнял обязанности начальника Иностранного отдела с 20 ноября 1920 по 20 января 1921 г., когда начальником ИНО назначили Катаняна, а с 10 апреля 1921 г. начальником ИНО вновь стал Давтян.[14]

Следующим начальником ИНО с 6 августа 1921 г. был назначен С. Г. Могилевский, который, не проработав и нескольких месяцев, погиб в авиакатастрофе.[15]

Приказом АОУ ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. было образовано Секретно — оперативное управление (СОУ). Его возглавил по совместительству с должностью начальника 00 В. Р. Менжинский. СОУ объединяло три отдела: Оперативный, Особый и Секретный. Особый отдел (начальник — В. Р. Менжинский, заместитель начальника — Г. Г. Ягода, помощник начальника

— А. Х. Артузов) имел спецотделения, 14-е спецотделение занималось странами Востока (начальник

— Калужский).[16]Через год СОУ включало в себя уже пять отделов: Секретный, Особый, Оперативный, Информационный и Иностраный.

Приказом Управления делами ВЧК № 277 от 2 декабря 1921 г. были введены новые штаты ИНО, а также утверждена новая расстановка личного состава отдела: начальник — С. Г. Могилевский, заместитель начальника

— А. И. Апетер, помощники начальника — Р. А. Пилляр и М. А. Трилиссер; Закордонная часть ИНО (начальник

— М. А. Трилиссер, заместитель начальника

— Г. Е. Прокофьев); Осведомительная часть ИНО (начальник — Л. Б. Залин, заместитель начальника

— В. Ф. Высоцкий); Бюро виз (начальник

— Н. Ф. Угаров).

В декабре 1921 г. новым начальником ИНО назначается Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер (1883-1940). В архивном деле Трилиссера имеется его записка (май 1922 г.) о целях и задачах возглавляемого им подразделения.

«Вся разведывательная работа в иностранных государствах, — говорилось в ней, — должна проводиться с целью:

— установления на территории каждого государства контрреволюционных групп, ведущих деятельность против РСФСР;

— тщательного разведывания всех организаций, занимающихся шпионажем против нашей страны;

— добывания документальных материалов по всем указанным направлениям работы.

«...Резидент, — писал Трилиссер, — должен оказывать полное содействие полпреду в работе;... Одновременно резидент вправе требовать от полпреда такого же содействия в работе, особенно в целях обеспечения конспирации, использования средств связи и передачи поступающих из ИНО ГПУ денежных средств»/201

При формировании штатов Трилиссер обращал особое внимание на оперативную подготовку кадров, знание иностранных языков, умение работать с агентурой и приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Он пригласил некоторых своих старых соратников по подпольной работе в Сибири и Приморье для работы в ИНО. Его заместителем стал С. Г. Вележев[2 — бывший начальник разведупра

комвойск в Сибири, ответственными работниками отдела — Я. Минскер, А. Нейман, А. Мюллер, проводившие в свое время разведывательные операции в Маньчжурии/223

В 1926 г. по инициативе Дзержинского Трилиссер становится заместителем председателя ОГПУ, одновременно исполняя обязанности начальника ИНО.

В 1930 г. по указанию И. Сталина его переводят возглавить органы Рабоче-крестьянской инспекции. По западным данным, он возвращается работать в Коминтерн.[23это соответствует фактам. Так, 21 августа 1935 г. по инициативе И. Сталина он избран в члены Секретариата ИККИ под псевдонимом М. Москвин вместе с руководителем НКВД Н. Ежовым, а в январе 1936 г. решением Секретариата ИККИ была создана «комиссия по проверке квалификации работников аппарата ИККИ» во главе с секретарем ИККИ Москвиным (М. Трилиссером).[24]

В 1922 г. ВЧК реорганизуется в Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). После создания СССР ГПУ было преобразовано в Объединенное

фронта. С февраля 1921 г. комиссар Оперативного управления, с июня заместитель начальника, а с октября — начальник Разведупра штаба помощника главкома по Сибири. В 1923-1929 гг. — помощник начальника ИНО ОГПУ. (Колпакиди А., Д. Прохоров. Ук. соч. С. 325-326).

22 Там же. С. 53—54

23 Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 153.

24 Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна 1919-1943. М., 1997. С. 243

государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР.

Иностранный отдел — внешняя разведка — вошел в состав сформированного ОГПУ Секретно-оперативного управления и стал называться ИНО СОУ ОГПУ. Его расширили и укрепили личным составом, достигавшим 70 человек.

Было выработано и Положение об ИНО, определявшее задачи внешней разведки:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР;
- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;
- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;
- добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;
- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей/251

Для решения этих задач было создано шесть географических секторов, которые и должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Впоследствии они стали называться отделениями, и число их увеличивалось по мере роста количества резидентур, расширения географических рамок работы и появления новых направлений деятельности разведки. К 1930 г. общий штат ИНО возрос до 122 человек, из них 62 — сотрудники резидентур за рубежом/261

К середине 20-х годов перехват и дешифровка разведывательных сообщений стали играть важную роль в советской разведке. Во главе спецотдела ОГПУ, который осуществлял перехват и дешифровку, с 1921 по 1937 г. стоял Г. И. Вокий. [2?] Спецотдел начал функционировать в ЧК еще в 1921 г., но в то время его деятельность была специализированной и главным образом касалась трудовых лагерей. Постепенно аппарат отдела переключился на перехват и дешифровку документации. [28] Уже к этому времени сотрудникам спецотдела удалось установить подслушивающие устройства в некоторых иностранных посольствах в Москве. Кроме того, они раскрыли ряд дипломатических шифров.

РАЗВЕДУПР — IV управление

— ГРУ РККА

5 ноября 1998 г. российская военная разведка отметила свое 80-летие. Именно в этот день в 1918 г. приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) за № 197/27 был объявлен штат Полевого штаба РВСР, в его составе штат Регистрационного управления — центрального аппарата, объединившего все органы военной агентурной разведки, которые уже существовали к этому времени (сокращенно Региструп, иногда именуемое в документах и Региструп). Цель военной разведки — сбор, обработка и доведение до высшего руководства военной, военно-политической и военно-экономической информации.

Однако военная разведка не возникла на пустом месте. В годы Первой мировой войны военной разведкой и контрразведкой ведал Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) русской армии (сокращенно: Огенквар). И так, военная разведка

направлялась Главным управлением генерального штаба. Структура ее выглядела так: 1) полевые управления: ставка и штабы фронтов; 2) заграничная агентура: военные агенты (так назывались тогда военные атташе) и негласная агентура; 3) штабы Одесского и восточных округов: Туркестанского, Иркутского, Омского, Приамурского и Заамурского.

Агентурная разведка на Дальнем Востоке, помимо негласной агентуры Главного управления Генерального штаба и наших военных агентов в Японии и Китае, входила также и в обязанности штабов округов.

К концу 1917 г. стало окончательно ясно, что Огенквар слишком громоздок. Поэтому было принято решение о его разделении на две части: Отделы 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. В первом стали заниматься вопросами оперативного характера, а во втором — разведкой, военной статистикой иностранных государств и контрразведкой. Возглавлял тогда 2-й отдел генерал-майор П. Ф. Рябиков, преподававший ранее в Академии генерального штаба (АГШ). Начальником разведывательной части, в состав которой входили добывающее и обрабатывающее отделения, и помощником Рябикова был 3-й квартирмейстер полковник Андрей Васильевич Станиславский. Структурно отдел в начале 1918 г. состоял из восьми отделений. Первое (разведывательное) возглавлял Николай Николаевич Шварц. Выпускник АГШ, штабс-капитан, руководитель Разведотделом штаба Московского военного округа в 1918-1919 гг. М. В. Цейтлин в своей книге «Разведывательная работа штабов» вспоминал: «...После октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба. После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех

штабов, разведывательная служба прекратилась совершенно, и хотя всевозможные партизанские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял, и сведения пропадали...Некоторое время продолжалась еще, по инерции, агентурная разведка, получались сведения от русского отделения междусоюзнического бюро в Париже и от иностранных военных миссий, особенно французской». Разведывательные сводки от последней поступали вплоть до конца июля 1918 г.

В мае 1918 г. к руководству операциями на фронтах подключается Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам (Оперод Наркомвоена), преобразованный из оперативного отдела штаба Московского военного округа. В первое время Оперод объединял всю агентурную и войсковую разведку на территории Советской России, а также выполнял специальные задания Совнаркома. Руководил разведкой Б. И. Кузнецов (1889-1957), в последующие годы служивший на штабных должностях в РККА (с 1940 г. — генерал-майор).]

Заграничной агентурной разведкой по-прежнему руководил ГУГШ, возглавляемый с ноября 1917 г. по май 1918 г. генерал-квартирмейстером Н. М. Потаповым

(1871-1946).1 "I

31 Цейтлин В. М. Разведывательная работа штабов. Смоленск. 1923. С. 6. Цит. по:

В. Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. Свободная мысль. № 5.

С. 96.

32 Колчик В. Свободная мысль. 1998 № 5.С.97.

33 Н.М.Потапов (1871-1946) генерал-квартирмейстер ГУГШ. С июля 1917 г. Потапов сторудничал с Военной организацией Петербургского комитета РСДП, возглавлял ГУГШ до его ликвидации в мае 1918 г., затем — на различных ответственных постах в военном ведомстве, на военно-научной и

С переездом в 1918 г. правительственных учреждений в Москву, сюда переехало и ГУГШ, его Отдел 2-го генерал-квартирмейстера разместился на Большой Молчановке, дом 20 (в особняке

Глебовых). По структуре Отдел по-прежнему состоял из добывающего (разведывательного) и обрабатывающих (региональных) отделений, все его сотрудники окончили АГШ. Начальником Дальневосточного отделения был К. И. Эзеринг, отвечавший за составление статистических сводок, обзоров по Северной Америке, Китаю и Японии.

В начале мая 1918 г. этот отдел был преобразован в Военно-статистический отдел (ВСО) Оперативного управления Всероссийского главного штаба (ВГШ). ВСО состоял из семи отделений, которыми ведал начальник разведывательной части, шестое отделение было дальневосточным. Им ставилась задача: изучать соответствующие государства «по данным, доставаемым нашей военной разведкой», особенно обращая внимание на изучение их вооруженных сил, вероятных планов войны его с соседями, составление и издание популярных справочников для войск.

Три отделения были в распоряжении начальника регистрационной службы (контрразведки), а также имелись еще военно-агентское и общее отделения, подчинявшиеся непосредственно начальнику ВСО.

Характерными причинами плохой работы военной разведки в то время было отсутствие взаимоотношений,

нескоординированность и разобщенность действий ее основных служб, рассредоточенность в ВГШ, Высшем военном совете и Опероде Наркомвоена.

«В настоящее время разведка ведется рядом органов, большей частью не связанных между собой никакими служебными взаимоотношениями и совершенно независимыми в принятии того или иного плана работ, — констатировал в июне 1918 г. ВСО. — ...Вследствие отсутствия разграничения сфер компетенции в деле разведки между перечисленными выше органами и отсутствии единого руководства всем этим делом выяснились и дают себя чувствовать следующие отрицательные явления: 1) параллельная работа нескольких органов в одном и том же направлении и рядом с этим оставление вовсе без внимания и обследования некоторых районов и данных, 2) чрезмерная расточительность одних органов в расходовании денежных средств на разведку и полное отсутствие кредитов у других, хотя часто эти последние имеют все данные для успешного развития дела разведки, 3) отсутствует орган, объединяющий и систематизирующий материалы по разведке, добываемые всеми перечисленными органами. Дело разведки без подведения итогов и без научной систематической обработки сырых материалов является совершенно не отвечающим пользе дела и обречено на естественное замирание, 4) в связи с отсутствием руководства разведывательной деятельностью всех перечисленных органов резко бросается в глаза бессистемность общей работы».

Для улучшения разведывательной работы была сформирована комиссия по выработке «Общих положений о разведывательной и

контр-разведывательной службе», в которую вошли: ее председатель С. А. Кузнецов⁵ (ВГШ), врид начальника ВСО А. В. Станиславский и его сотрудники (врид начальника разведчасти А. Л. Нолькен, начальник разведотделения Н. Н. Шварц, врид начальника регистрационной службы (контрразведки) А. А. Чернявский; от Высшего военного совета — помощник начальника Оперативного управления по разведке Б. М. Шапошников; от Оперода Наркомвоена — начальник Отдела военного контроля (контрразведки) М. Г. Тракман, представители штабов военных округов, от ВЧК — Я. Г. Блюмкин (единственный человек не из военного ведомства)/363

В этом документе, состоящим из трех глав: 1) о разведывательной работе; 2) о контрразведывательной службе и 3) об ассигнованиях на разведку и контрразведку, утверждалось, что «руководство всей разведкой, в смысле разграничения районов деятельности различных органов разведки и постановки задач принадлежит Всероссийскому Главному штабу». В статье 2 главы 1 говорилось: «Всероссийский Главный штаб ведает: а) заграничной агентурной разведкой как в мирное время, так и в период мобилизации и во время войны;

б) разработкой после окончания работ общего мирного конгресса всех вопросов, связанных с «мобилизацией» разведки, обеспечивающей ее непрерывность с объявлением войны и соответствие заграничной агентурной сети военным коалициям

35 Не путать с Б.И.Кузнецовым.

держав, в) разграничением районов разведки и постановкой разведывательных задач всем органам, ведущим разведку на территории Российской Республики и общим руководством этой работой в соответствии со ст. 1-й и примечаниями 1-м и 2-м той же статьи, г) окончательной разработкой и систематизированием сведений, добываемых нашими разведывательными органами».

Вместо расформированного Высшего военного совета и его штаба были образованы Революционный военный совет Республики (РВСР) и его штаб, начальником разведывательного отдела штаба был назначен Б. М. Шапошников, начальником разведывательного отделения этого отдела — Ф. Л. Григорьев.

1 ноября 1918 г. председателем Реввоенсовета Республики (РВСР) Э. М. Склянским, главкомом И. И. Вацетисом и членом РВСР К. Х. Данилешевским был утвержден штат Полевого штаба (ПШ) РВСР, начальником его назначили бывшего офицера царской разведки, члена РВСР, члена Реввоентрибунала Республики, комиссара ПШ РВСР Семена Ивановича Аралова (1880-1969), который впоследствии отсидел в

ГУЛАГе до 1953 г. В его структуре было предусмотрено Регистрационное управление (Региструп), на которое было возложено объединение всех органов агентурной разведки и военной контрразведки. Состоял Региструп из двух отделов: 1-го — отдела военного контроля (т. е. контрразведки), сокращенно Отвоенкон, и 2-го — агентурного, в котором по штату числилось 39 человек (включая техперсонал). При Региструпе имелись Курсы разведки и военного контроля. Региструпу и курсам было приказано разместиться в Москве на улице Пречистенка в домах № 35, 37 и 39, где раньше находился Оперод Наркомвоена. Большинство сотрудников пришло вместе с Араловым из Оперода, который он возглавлял с мая 1918 г. По штату после начальника следовали: консультант Г. И. Теодори (он же начальник Курсов разведки и военного контроля); начальник агентурного отдела В. Ф. Тарасов, однако через несколько дней он отбыл на фронт и его обязанности стал исполнять Г. Я. Кутырев; комиссар отдела В. П. Павулян, вскоре ставший заместителем Аралова; начальник агентурного отделения Г. Я. Кутырев, которого после перемещения в агентурное отделение сменил В. А. Срывалин. с Отвоенкон возглавляли М. Г. Тракман и его помощник латыш В. Штейнгарт, ранее руководившие Отделом военного контроля Оперода Наркомвоена. Однако в ведении Региструпа Отвоенкон был всего два месяца, а затем он был передан в ВЧК с изменением его названия и

начальник Регистрационного (разведывательного) управления Полевого Штаба РВСР. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Книга 2. М.2000. С. 287-288.)

руководства (Особый отдел ВЧК во главе с М. С. Кедровым).

В докладе 1-го отделения 1-го отдела Региструпа Срывалина, где подводились итоги работы органа агентурной разведки за 10 месяцев, говорилось, что «правильная организация разведки должна считаться столь же необходимой, как и организация вооруженных сил Государства и должна быть неотъемлемым их дополнением, иначе армия явится лишь слепым организмом». «Разведка не может быть делом импровизации и кустарничества, ибо она основывается на деятельности сети мелких тайных агентов, которые должны быть выбраны с большим разбором, — писал Срывалин, — затем подготовлены и натасканы и, наконец, еще испытаны, раньше чем считать возможным довериться их донесениям, которые нередко должны лечь основанием важных военных операций. Разведка должна вестись настойчиво и непрерывно, и связь с агентами должна

быть надежной. Работа тайной организации за границей должна быть обставлена строжайшей тайной, и агентура должна быть так организована, чтобы арест или измена одного агента не влекли за собой провала всей организации. Количество агентов должно быть достаточно велико, чтобы путем многочисленных засечек иметь возможность проверить правдоподобность донесений агентов». [40] В документе подчеркивалось, что недостает людей, желающих заниматься агентурной работой, что очень невысок коэффициент (ниже 35 % от общего числа поступивших на службу) полезных лиц из партийных работников. В докладе сообщалось о низком образовательном уровне

состава агентуры (у 66 % агентов уровень городского училища или церковноприходской школы), 50 % агентуры по профессии рабочие и 90 % агентов никогда не занимались не только тайной военной разведкой, но даже нелегальной партийной работой. Среди прочих недостатков агентуры Срывалин отмечал отсутствие стремления к методической и кропотливой работе и необъективность. Подводя итоги, автор доклада среди недостатков называл: 1) малочисленность агентуры, 2) сильную текучесть в личном составе, 3) отсутствие выбора и подбора кадров, 4) плохую связь, 5) «власть на местах» («В многочисленных докладах, составивших целое дело и представленных в течение последних 3-х месяцев, приводится много фактов о препятствиях в работе агентуры, встречаемых начиная от ЧК и кончая командармами»)/ ^ качестве примера можно привести «дело» Георгия Ивановича Теодори. 1 марта 1919 г. ближайший помощник Аралова в Опероде Наркомвоена и Региструпре Теодори был командирован в Литву, Латвию, на Северный и другие фронты для выполнения особых заданий РВСР по агентурной разведке. 12 марта он был арестован особистами в Двинске и этапирован в Москву, где по подозрению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации содержался в Бутырской тюрьме и в Особом отделе ВЧК до 4 января 1921 г. После освобождения служил на различных должностях в РККА до своего ареста и расстрела в апреле 1937 г. (реабилитирован в 1957 г.). [42]

В декабре 1918 г. ВЧК отобрало у военного ведомства контрразведку (отдел военного контроля), входившую в состав Региструпра Полевого штаба РВСР, и полностью сменило его руководство, уже накопившего определенный опыт работы. Усилиями Дзержинского Совет Труда и Оборона принял в ноябре 1920 г. постановление за личной подписью Ленина о подчинении Региструпра (военной разведки) помимо РВСР еще и ВЧК на правах отдела. [43] Но решение это не было исполнено.

19 июня 1919 г. впервые было принято положение о Региструпре, согласно которому он определялся как «центральный орган тайной агентурной разведки», который подчиняется непосредственно РВСР (минуя начальника ПШ РВСР). В Региструпре имеется три основных подразделения: 1-й — сухопутный агентурный, 2-й — морской агентурный, 3-й — военно-цензурный. Агентурный (сухопутный) отдел состоял из четырех отделений: Северного, Западного, Ближневосточного и Дальневосточного, включавшего Сибирь, Китай и Японию. Его начальником назначался Н. М. Чихиржин (Назаров). Однако в те годы руководство постоянно менялось. Так, уже в июле Аралов передал свои дела как военкома ПШ РВСР новому члену РВСР С. И. Гусеву, а в самом начале 1919 г. сдал и должность члена РВСР. Сергей Иванович Гусев (1874-1933) стал начальником Региструпра. В дальнейшем он был начальником Политуправления Реввоенсовета Республики, в 1924-1933 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б) и ИККИ. После Гусева в январе—феврале 1920 г. управление возглавил Г. Л. Пятаков, с февраля — Владимир

Христианович Ауссем (1879-1937). [44] В июле 1920 г. Ауссема сменил Ян Давыдович Ленцман. [45]

То же самое происходило и с заместителями начальника Региструпра. В сентябре 1919 г. от этой должности был освобожден В. П. Павулан, его сменил Т. П. Самсонов, затем (с февраля 1920 г.) Д. Р. Ипполитов, а с сентября 1920 г. — А. Я. Зейбот, в январе 1921 г. появился еще один заместитель

— А. М. Устинов.

Также часто менялись начальники в Агентурном отделе. В июне 1919 г. его несколько недель возглавлял В. Г. Зиверт, затем Н. М. Чихиржин, с декабря

— В. К. Вальтер, с января 1920 г. — В. Н. Соколов, с апреля — А. П. Апшен, с декабря 1920 г. — Я. К. Берзин.[46]Региструпр располагался по адресу: Б. Лубянка, дом № 12.

На проведенном в декабре 1919 г. совещании сотрудников Региструпра, представителей фронтов и армий, а также зарубежных бюро РКП(б) Т. П. Самсонов сообщил, что до его прихода на пост заместителя начальника Региструпра агентурная работа почти не велась, созвать подобное совещание до сих пор было невозможно, так как начальники Региструпра только

числились на этой должности, но не исполняли ее; кроме того, требовалось время на то, чтобы «вычистить» из Региструпра всех военспецов — теперь их не стало; в дальнейшем агентурная разведка будет классовою.

К началу 1920 г. Региструпр истратил на разведработу около 6 млн. рублей. Число его агентов составляло 285 человек.

С 1 января 1920 г. были введены в действие новый штат и положение о Региструпре. В его составе теперь имелось четыре отдела: мобилизационный, оперативный (агентурный), информационный и хозяйственно-финансовый. Несколько позднее прибавился еще один — общий. Мобилизационный отдел привлекал сотрудников «для работы по тайной разведке», занимался их обучением и разрабатывал для них инструкции и указания.

В апреле 1920 г. Ауссем отмечал, что разведка в тылу белогвардейских войск «на окраинах» страны отпадает или сокращается до минимума одновременно с очищением этих окраин. На первое место выходит глубокая разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки, которые рассматриваются как потенциальные противники. Заграничная тайная разведка, писал Ауссем, значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев, она требует большого политического кругозора, знания языков и местных условий, для чего достаточно 10-20 человек из старой (дореволюционной) русской эмиграции, которым можно доверить связи Коминтерна. Но проблема в том, чтобы найти их и отправить в распоряжение Региструпра. Резолюция на

документе гласила: «Тов. Ауссему необходимо помочь людьми, знающими тамошние условия и языки».

К началу 1921 г. комсостав Региструпра состоял из начальника Управления Я. Д. Ленцмана, его помощников А. Я. Зейбота и В. М. Устинова. Оперативный отдел: начальник Я. К. Берзин, «для поручений при нем» — С. Т. Мандрико, В. В. Татаринов, 1-е отделение (оперативное), начальник — Ф. И. Буш, 2-е (организационное) — Н. И. Никольский, 3-е (техническое) — Я. Я. Бренгман.

В результате давления со стороны Троцкого и Генерального штаба в 1920 г. начали формировать Разведупр. В приказе от 3 мая 1921 г. будет уточнена форма его организации.

В 1921 г. в Разведупре числилось 275 человек/50]

Некоторое время спустя Разведупр будет называться Четвертым (разведывательным) управлением Генерального штаба Красной Армии, затем Главным разведывательным управлением (ГРУ). Оно начнет действовать в Военной Александровской школе, затем переедет в дом № 19 по улице Знаменского.^

Начальником ГРУ с марта 1924 по 1935 г. был Ян Карлович Берзин.[52]

В мае 1924 г. было введено новое «Положение о Разведывательном Управлении Штаба РККА», а уточненный его вариант был официально утвержден председателем РВС СССР И. С. Уншлихтом, курировавшим разведку в те годы. В составе Управления по-прежнему числилась общая

(административная) часть и два отдела: 2-й (агентурный) и 3-й (информационно-статистический). Начальник Разведупра назначался РВС (по согласованию с председателем ОГПУ) и подчинялся «в общем порядке службы Начальнику Штаба РККА, в отношении же

латышских крестьян. С 15 лет активно участвовал в работе подпольных революционных организаций. В 1906 г. в столкновениях с полицией ранен и арестован. Военный трибунал присудил его к 8 годам каторги. Однако это наказание в связи с его несовершеннолетием было заменено двумя годами тюремного заключения.

В 1911 г. он вновь арестован за вооруженный налет на банк. Его ссылают в Иркутск, откуда он возвращается 3 года спустя. По возвращении его мобилизуют в царскую армию, откуда он дезертирует и приезжает в Петроград и устраивается работать механиком.

В феврале 1917 г. принимает активное участие в революции. Летом, когда большевики и приверженцы Троцкого готовят оружие для борьбы с меньшевиками, П. Кюзис редактирует латышский революционный листок «Пролетарская Сина». В октябре 1917 г. он уже в Петроградском комитете партии большевиков. Он становится Яном Карловичем Берзиным, неофициально его называют Павел Иванович. Он командует специальным подразделением, в его обязанности входит охрана В.Ленина и других вождей партии, проявляет себя там с лучшей стороны. Он пробует себя в контрразведке, выступая как коррумпированный карьерист, готовый сотрудничать с противниками режима. Берзин так хорошо исполняет свою роль, что проникает в британскую разведку Роберта Брюса Локкарта. Затем он становится заместителем наркома Внутренних дел в Латвии. Он устанавливает контакты с Красной Армией. Под контролем ЧК Я.Берзин создает первые отряды военной разведки. В первую очередь ведется наблюдение за офицерским составом. Его задача: раскрывать «контрреволюционеров», засланных белогвардейцами. В апреле 1921 г. его переводят в Разведупр и почти сразу же назначают руководителем Ш управления, занимающегося иностранной разведкой, а с марта 1924 г. по 1935 г. начальником Разведуправления. 3 1936-1937 гг. — главный военный советник в Республиканской армии в Испании. Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г. (Там же. С. 161-162; Владимир Пятницкий. Заговор против Сталина. М. 1998. С.424.)

агентурной разведки и ее организации — непосредственно одному из членов РВС СССР». [з3]В 1924 г. в составе Разведотдела, сменившего Разведупр, остался 91 сотрудник/541

С сентября 1926 г. наименование управлений штаба РККА стали номерными и Разведупр превратился с тех пор в IV Управление. Произошли изменения и в структуре Управления. С декабря 1925 г. был восстановлен 1-й отдел (войсковой разведки). С сентября

1926 г. появился новый — 4-й отдел (внешних сношений); тогда же шифровальное отделение было выведено из состава 2-го отдела и стало 1-й (шифровальной) частью Управления. 1-й отдел возглавляли: с декабря 1925 г. Н. А. Семенов, с февраля

1927 г. А. И. Гречанин, с марта 1930 г. В. Е. Луцкевич.

Цели и задачи, которые ставились перед Разведупром, наглядно видны из доклада Я. К. Берзина руководству наркомата в первой половине 1925 г.: «Основной задачей Разведупра является: обслуживание высшего командования, штабов, учреждений, заведений и частей Красной Армии, а также заинтересованных государственных и партийных органов СССР в отношении информации о современном состоянии военной мощи иностранных государств, в особенности наших соседей и вероятных противников, и об их планах и намерениях в отношении Союза. Необходимые для этого данные Разведупр добывает в первую очередь при помощи своего агентурного аппарата, а затем черпает

дополнительные сведения из иностранной прессы и литературы и из случайных сообщений некоторых гражданских органов, как-то: НКВД, ГПУ, Коминтерн и др. В общей сумме эти

материалы чрезвычайно обширны и требуют огромной работы по их систематизации, оценке, проверке и обработке...»/]

Стало больше внимания уделяться формированию специальной библиотеки Управления, которая в 1925 г. насчитывала свыше 48 тыс. томов (книг и журналов), только в 1924-1925 гг. в нее поступило 4275 книг и 9929 номеров журналов.^{6]}

Объем работ Разведупра в 1924-1925 гг. наглядно виден из доклада начальника 3-го отдела А. М. Никонова, [57]который информировал, что «через агентурный аппарат Разведупра получено 9851 агентурных материалов с общим количеством 84 148 листов и 3703 книг и журналов; кроме того, получались

материалы непосредственно Информационно-Статистическим Отделом от НКВД, ОГПУ и некоторых других органов — в количестве 1986 материалов, так что в общей сумме количество всех полученных Отделом материалов выражается цифрой 11 837». Помимо этого отдел получал и обрабатывал 110 ежедневных иностранных газет и 247 журналов на 24 иностранных языках из 25 стран.[58]В то же время в качестве самокритики признавалось, что еще имеется недостаточная согласованность работы добывающего и обрабатывающего аппаратов (то есть 2-го и 3-го отделов IV Управления).

Со второй половины 20-х годов усиливается конкуренция и борьба между IV разведуправлением РККА и отделами ОГПУ за «правильность», «достоверность» и «важность и ценность» сообщаемой наверх информации, получаемой от их резидентов за границей. Причем отголоски этой борьбы будут чувствоваться на всем протяжении работы разведок во второй половине 20-х и 40-х годов, в том числе и в Китае.

В качестве примера можно привести докладную записку Особого отдела ОГПУ наверх, в которой сообщалось: «Из разговоров ответственных работников Разведупра Штаба РККА о состоянии агентурного аппарата в Англии и Америке устанавливается, что агентурный аппарат в указанных государствах работает крайне неудовлетворительно. Имеет место постоянная присылка из Англии совершенно неценных материалов. Если же в редких случаях попадает материал, имеющий относительную ценность, то такой оказывается

взятым из официальной экономической печати. Еще хуже работает резидентура в САСШ. По имеющимся данным таковая совершенно не усвоила своих функций... Работу резидентур в Англии и Америке можно расценивать в области выполнения заданий и использования находящихся в их распоряжении средств как халатное, граничащее с преступностью отношение к делу».

Помощнику начальника Разведупра Б. Б. Бортновскому (1894-1927), который в 1925 г. был секретарем Китайской комиссии политбюро, в июне 1926 г. пришлось делать специальный доклад председателю РВС СССР Ворошилову о состоянии работы по указанным в «записке» странам. Он утверждал, что «крайнее недовольство, выраженное в агентурной записке, отражает лишь настроение политического сектора, который действительно до сих пор не обслужен. Факт этот особенно нас не тревожит, поскольку политической агентурой занимается главным образом ИНО ОГПУ». Докладчик отрицал как неправильное мнение, что работа военных резидентов является «халатной», подчеркивая, что это мнение лишь отдельных «сотрудников обрабатывающего аппарата», которые незнакомы ни с личностью резидента, ни с условиями работы. «На деле в этих странах у нас имеются весьма ответственные и испытанные товарищи, известные по прежней работе, и даже при плохих результатах работы их нельзя обвинить в халатности, — сообщал Бортновский. — ... В качестве вывода могу указать, что вся записка отражает настроение низших сотрудников политической части 3-го отдела, которые из-за ревностного отношения к делу часто недовольны

недостатком тех или других материалов, которые мы, из-за объективных условий, не всегда можем в этом смысле удовлетворить»/601

Расхождения в оценках ситуации ОГПУ и военным разведывательным ведомством проявлялись и во многих других случаях. О причинах этого еще в августе 1925 г. сообщал заместитель начальника Штаба РККА С.А. Пугачев: «...Разногласие в определении боеспособности армии между органами аппарата Управления Наркомвоенмора и 00 ОГПУ объясняется тем, что последний делает обобщения на основании отдельных, ничем не связанных между собой фактов, поскольку вся его работа направлена главным образом на выявление отрицательных, а не положительных сторон...» [61]

В апреле 1927 г. при IV Управлении было созвано совещание работников разведки военных округов. Со вступительным словом выступил начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский, отметивший ряд недостатков в деятельности военной разведки. О состоянии дел в IV Управлении сообщили выступившие Берзин и Никонов. Последний специально остановился на разведке в странах Востока. «По этим странам накоплен огромный материал, который лишь частично обработан и непрерывно пополняется новыми материалами. Страны Востока уже на основании имеющихся материалов могут быть освещены в достаточной мере. Однако развивающаяся на Востоке национально-освободительная борьба и наступление

мирового капитализма с каждым днем затрагивает все больше и больше непосредственно СССР, и странам Востока будет уделено должное внимание и в будущем, — заявил Никонов. — Необходимо освещение во всех деталях вооруженных сил Японии, которая в силу политических и иных условий до сих пор охватывалась нашим агентурным аппаратом в недостаточной мере, но которая представляет огромный интерес как страна, имеющая первоклассные сухопутные, морские и воздушные силы. На основании изложенных данных, характеризующих информационную работу IV Управления, можно сказать, что в настоящее время Управление располагает достаточными данными для того, чтобы поставить на должную высоту дело изучения иностранных армий в войсковых частях и штабах РККА...»

В заключение совещания заместитель начальника штаба РККА С. А. Пугачев подвел итог: «Использование всех способов разведки, я надеюсь, будет поставлено на ноги под руководством IV Управления. Не надо забывать, что на горизонте тучи начали сгущаться: нападение на погранпосты поляков в 1925 г., вопрос о КВЖД и, наконец, нападение на наше посольство в Пекине и консульство в Шанхае. При другой нашей политике мы уже давно бы вступили в войну, но мы этого не хотим. Что касается Центра, то мы постараемся все сделать, чтобы облегчить вашу работу»/631

К концу 20-х годов IV Управление имело в своем распоряжении сильный заграничный аппарат, работавший по легальной линии, и разветвленную нелегальную сеть. На «специальную работу» в 1929-1930 гг. Управлению было выделено 750 тыс. ам. долл. и 515 тыс. рублей (в ту сумму не входили денежное содержание военных и военно-морских атташе и оплата научных командировок)/641

Пополнение кадров оперативных работников IV Управления производилось в основном за счет командиров, оканчивающих восточный и основной факультеты Военной академии РККА и другие военные академии, срок обучения в которых обычно равнялся 4-5 годам. Существовали также годовичные курсы усовершенствования комсостава при Разведывательном управлении, где обучались лица, прошедшие специальную подготовку, и специальная высшая школа разведслужбы/^\

Почти с самого начала существовавшая военной разведки имели место случаи необоснованных репрессий против ее сотрудников, которых, в лучшем случае, увольняли по настоянию Особого отдела, арестовывали и содержали под стражей, в худшем — расстреливали. Среди них: Г. И. Теодори (12 марта 1919 г. арестован особистами в Двинске, этапирован в Москву и посажен в Бутырскую тюрьму по подозрению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, где и просидел до 4

64 В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.73

65 В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.79

января 1921 г., затем выпущен, расстрелян в 1937 г.), о котором мы уже писали, Б. И. Кузнецов (арестован в 1919 г.), Г. Г. Димма (1922 г.), Р. Я. Грасис (1923 г.), О. А. Ионфор (1924 г.). В 1927-1929 гг. в военном ведомстве работала совершенно секретная комиссия «по просмотру личного состава Центральных управлений», в том числе и Разведупра. Председателем комиссии был назначен Я. К. Берзин.[6?]

Коминтерн

Коминтерн после своего основания в 1919 г., провозгласив себя мировой партией революционного действия, стремился стать (особенно в первые годы деятельности) своего рода штабом по подготовке и осуществлению мировой пролетарской революции. Архивные документы свидетельствуют, что руководство РКП(б) и Коминтерна, исходя из роли Коминтерна как «штаба мировой революции», стало активно пользоваться презумпцией «революционной целесообразности», отвергая юридические и иные нормы как «буржуазные», «классово чуждые» и даже враждебные.

Представление, господствующее у большей части руководства Коминтерна (кстати, как и руководства РКП(б)), о верховенстве «революционного права», «революционной целесообразности» и «революционной совести», активно влияло на весьма бесцеремонное их отношение к государственным границам и национальным отношениям. Это влияло также и на вопросы

финансирования революционно-пропагандисткой и иной деятельности создаваемых компартий.

«Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии», — говорилось в Уставе Коминтерна, принятом его II конгрессом в августе 1920 г. Для ведения такой борьбы требовалась соответствующая организация. «По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране».

Вместе с тем следование ленинской концепции мировой революции предусматривало объединение вокруг Советской России «всех просыпающихся народов Востока» для решающего натиска на мировой империализм.[^]

Тогда созданный в Москве Коминтерн казался организатором мировой пролетарской революции. «Можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема... победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезвычайно далекий — эта победа обеспечена», — говорил Ленин в марте 1920 г. в связи с первой годовщиной Коминтерна.

Известно, что внешняя и внутренняя политика большевиков в эти годы базировалась на целом комплексе противоречивых и утопических идей, основой которых была теория мировой социалистической революции. В контексте этой общей идеи важная роль предписывалась подрыву и разрушению империалистической периферии посредством национально-освободительных революций. И в этой работе должное место отводилось Коминтерну.

Аппарат ИККИ разрабатывал инструкции о работе коммунистов в армиях зарубежных стран по их разложению. В архиве Коминтерна сохранился совершенно секретный проект документа «Организация работы среди вооруженных сил буржуазии (армия, флот, полиция, жандармерия, фашистские организации)».

В окончательном виде этот секретный документ получил название «Инструкция по работе среди войск». Он был переведен с русского на немецкий, английский и французский языки, надо думать, что и на китайский тоже. Немецкий текст датирован 31 августа 1928 г. «Инструкция» была наиболее развернутым изложением отношения Коминтерна и компартий к революционной борьбе за власть и вооруженному восстанию, к военно-конспиративной работе коммунистов по разложению армии вообще — к подрывной деятельности против государственных учреждений стран капитала как в мирное время, так и во время войны, особенно же на случай военных действий против Советского Союза. VI конгресс Коминтерна специально указывал, что в центре борьбы против военной опасности должна стоять защита

СССР. Компартии обязаны ориентировать международный пролетариат на поддержку национально-революционных войн и революций, вести антивоенную работу в армиях империалистических государств, а в случае возникновения новой империалистической войны выдвинуть — как и во время Первой мировой войны — лозунг превращения ее в войну гражданскую, иными словами, в международную социальную революцию»/721

Жесткий курс на откровенное революционное насилие как в Советской России, так и во внешнем мире делал коммунистических вождей слепыми и глухими к любым предостережениям морального характера, в том числе исходящим от деятелей культуры — В. Короленко, М. Горького. Остался без ответа и остро поставленный одним из теоретиков анархизма П. Кропоткиным в письме Ленину от 21 декабря 1920 г. вопрос: «Зачем же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом от недостатков, которые вовсе не свойственны социализму и коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий неограниченной, все пожирающей власти?» [3]Поводом для написания письма на имя В.Ленина стала публикация в газетах «Известия» и «Правда» заявления, что Советской властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова[74]и Чернова, г 5]белогвардейцев

Национального и Тактического центра и офицеров-врангелевцев; и что в случаях покушения на вождей Советов решено «беспощадно истреблять» этих заложников.

«Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма? — спрашивал у В. Ленина П. Кропоткин. — Неужели никто не объяснил, что такое заложник? Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: — «Убьете одного из наших, а мы убьем столько-то ваших!» — Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: «Погодите! Не сегодня!»

И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки — для заложников и их родных?

Надеюсь, никто не скажет мне, что людям, стоящим у власти, тоже невесело жить на свете. Нынче даже среди королей есть такие, что смотрят на покушение на их жизнь как на «особенность их ремесла».

...Даже короли и попы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни, строители новой общественности прибегать к такому оружию для защиты от врагов?

Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя?

Неужели ваши товарищи не сознают, — спрашивал В. Ленина П. Кропоткин, — что вы, коммунисты, какие бы вы не наделали ошибки, — работаете для будущего? И что поэтому вы ни в ком случае не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху? — что именно подобные акты, совершенные революционерами в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки?

Я верю, что лучшим из вас будущее коммунизма дороже собственной жизни. И помыслы об этом будущем должны заставить вас отвергнуть такие меры».[77]

Здесь хотелось бы также обратить внимание читателя на критические взгляды Розы Люксембург на

точку зрения В. Ленина и Л. Троцкого о демократии и диктатуре. Известно, Р. Люксембург высоко оценивала историческую инициативу большевиков, которые взятием власти в России смело пошли впереди мирового пролетариата, показывая ему пример. Вместе с тем она предельно ясно высказала свое несогласие с российскими большевиками по вопросу о демократии. «Основная ошибка теории Ленина — Троцкого, — считала она, — состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии... Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, равноудаленных от истинной социалистической политики»/781

«Свобода, — писала Р. Люксембург, — лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии, сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической

свободы; оно прекращается, если свобода становится привилегией».

«Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия... Более того, такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия», ' 80] — как актуально и сегодня звучат ее слова, сказанные почти более 80 лет назад.

Ошибки большевиков Роза Люксембург объясняла экстремальными условиями, в которых оказалась русская революция, оставшись изолированной в Европе. Однако она видела серьезную опасность в том, что большевики «нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать международному [пролетариату] как образец социалистической тактики, достойной подражания. Тем самым они не только совершенно неоправданно зарывают свои действительные, неоспоримые исторические заслуги в гуде вынужденных ошибочных шагов, но и оказывают плохую услугу международному социализму, во имя которого сражались и страдали, стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России

79 Там же. С.327.

чрезвычайными обстоятельствами, в конечном же счете явившиеся следствиями банкротства интернационального социализма в этой мировой войне... Все мы подвластны закону истории, а социалистическая политика может осуществляться лишь в международном масштабе».^!

Итак, общим для арсенала средств, методов деятельности, применявшихся Коминтерном, был акцент на вооруженное насилие, хотя оно не всегда являлось единственным путем движения к цели. Тем самым операции Коминтерна нарушали нормы уголовного права той или иной конкретной страны. Поскольку центром управления всей системой Коминтерна являлась Москва, вне зависимости от того, насколько значительной была связь между ним и советскими государственными органами или РКП(б), если бы она была установлена, Советское правительство несло ответственность за его действия. Все это обуславливало чрезвычайную конспирацию как едва ли не ведущий принцип организации аппарата Коминтерна — структуры и методов деятельности персонала. Таким путем стремились не только предупредить раскрытие операций самого Коминтерна, но и закамуфлировать его неразрывную связь с советским механизмом политической власти, хотя это было сделать очень трудно.

Известно специальное письмо генерального секретаря Профинтерна С. А. Лозовского от 28 декабря 1923 г. в политбюро ЦК ВКП(б) о взаимоотношениях Советского правительства и Коминтерна. Оно написано в связи с заявлением 18 декабря 1923 г. в сенате США

государственного секретаря Юза об отказе американского правительства от переговоров с Советской Россией и от восстановления с ней дипломатических отношений. Одним из мотивов отказа был, по утверждению Юза, факт «все продолжающейся пропаганды за ниспровержение существующего у нас строя». 19 декабря госдепартамент США сделал заявление для печати. В нем излагалось содержание «инструкции», будто бы посланной Коминтерном Рабочей партии Америки, по организации «боевых ячеек» для обучения стрельбе и подрывному делу. Госдепартамент здесь же попытался обосновать тождественность Советского правительства с Коминтерном. В заявлении Г. Чичерина по этому поводу говорилось, что «любые документы, опубликованные г. Юзом как якобы перехваченные инструкции Американской рабочей партии, излагающие детально разработанные планы революции, — фальшивка»/821

До сегодняшнего дня некоторые стороны Коминтерна как организации и его деятельности остаются еще неясными. Это связано как с тем, что далеко не все работники Коминтерна фиксировали на бумаге, так и тем, что многие действующие лица ушли в «мир иной», в основном в годы репрессий 1937-1939 гг. (по далеко не полным данным было уничтожено более ста человек руководства Коминтерна)/83]кстати как и деятелей военной разведки и ИНО ОГПУ, что мы наглядно увидим в дальнейшем.

82 Документы внешней политики СССР. М. 1962. Т.У1.С.547-548;552;628-629.

83 Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч..191-193; Коминтерн и идея мировой революции. М.1998.С. 64.

Итак, А. Лозовский предлагал «каким-нибудь формальным актом, на который можно было бы в дальнейшем всегда ссылаться, торжественно заявить об «абсолютной независимости» Советской власти от Коминтерна и наоборот». «В этом постановлении, — писал автор, — воздав должное Юзу и всем другим дипломатическим жуликам, сказать примерно так: «Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов торжественно заявляет, что Коммунистический Интернационал, как и Красный Интернационал Профессиональных Союзов, находящихся на территории Союза Республик, представляют собой добровольные международные объединения, деятельность которых не может быть контролируема Советской властью и ее органами. С другой стороны, эти добровольные международные объединения революционных рабочих не могут, со своей стороны, контролировать деятельность Советской власти, исключительно подотчетной Всероссийскому Съезду Советов»/ А. Лозовский откровенно писал, что такое «заявление должно в дальнейшем служить прикрытием для всех наших дипломатов».^]

В связи с этим интересен такой факт. Когда британское правительство через свои службы узнало, что в Китае действует в качестве политического советника М. Бородин, то оно запросило советскую сторону о роли этого «советника» в Китае. На что Литвинов ответил, что «Бородин неизвестен ни ему, ни комиссару Иностраннных

дел, и если он предпринимает что-либо в Китае, то вне компетенции Советского Союза».[86]

Типичным для деятельности Коминтерна в 20-е годы становится использование его закордонных организаций в качестве инструмента советской внешней разведки и организации повстанческих операций. Для И.Сталина и его окружения Коминтерн постепенно становится лишь «поставщиком кадров для ведения подрывной и разведывательной работы».⁷¹

Учитывая, что к революционной деятельности Коминтерна за рубежом было явно отрицательное отношение, его представителям приходилось там работать в нелегальных условиях, тесно координируя свою работу с разведывательными органами ИНО ВЧК и военной разведкой, часто под дипломатической «крышей» советских полпредств или торговых миссий. Характерно, что и многие руководители советской внешней разведки вышли из структур Коминтерна или работали в его руководящих органах. Так, в бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) с 29 марта 1919 г. входил Я. Берзин, он же входил в Малое бюро ИККИ с июля 1919 г. по август 1920 г., состоящее из 3-6 человек.[88] Многие из лучших советских разведчиков начинали свою деятельность в структурах Коминтерна и затем, после соответствующей проверки, передавались в Разведупр РККА или в ИНО ОГПУ.

По данным сына О. Пятницкого, по численности и количеству коминтерновских заграничных «пунктов» (т. е. резидентур) они не уступали ни резидентурам 4-го управления Генштаба РККА, ни резидентурам ИНО ОГПУ.[89] Коминтерновская разведка иногда зарубежными исследователями именуется как «политическая разведка».

Однако каждая из резидентур работала самостоятельно на свое ведомство и не должна была подменять друг друга. Это наглядно видно из проекта Положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК от 8 августа 1921 г.

«1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: НКВД и Внешторгу также не дается право без согласия ИККИ финансировать заграничные партии.

Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие».

Подписан этот документ от Коминтерна Зиновьевым и Пятницким, от ВЧК Уншлихтом, от Разведупра Арвидом Зейботом.

Для практической работы ИККИ был создан аппарат, который на протяжении всей истории Коминтерна подвергался реорганизациям — в зависимости от изменения политических задач или

же перипетий внутрипартийной борьбы в рядах ВКП(б). В состав аппарата ИККИ входили отделы, ведавшие определенными отраслями работы.

Высшим органом Коминтерна являлись всемирные конгрессы. Между конгрессами руководство осуществлялось Исполнительным комитетом Коминтерна (ИККИ). Для решения наиболее важных вопросов, связанных с деятельностью Коминтерна и компартий, проводились пленумы ИККИ. Внутри ИККИ, в свою очередь, с самого начала действовали свои коллективные руководящие органы.

Малое бюро ИККИ было создано по рекомендации ЦК ВКП(б) в июле 1919 г. 14 сентября 1921 г. оно было переименовано в Президиум ИККИ, который избирался Исполкомом Коминтерна и отчитывался о своей деятельности на его заседаниях. В качестве

руководящего органа ИККИ Президиум просуществовал вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 г.

Секретариат ИККИ был организован в 1919 г. в качестве организационно-технического аппарата Исполкома и возглавлялся в разное время одним или несколькими секретарями ИККИ.

На II Конгрессе Коминтерна в июле — августе 1920 г., где был специально обсужден национально-колониальный вопрос, был в общем виде принят план действий Коминтерна на Востоке. После II Конгресса были созданы три региональных центра для «руководства революционным движением на Востоке» — в Баку, Ташкенте и Шанхае. Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкент), существовавшее с осени 1920 по осень 1921 г., имело два своих филиала по операциям в Северо-западном Китае (Джунгарии и Кашгарии) в Андижане и Алма-Ате (тогда г. Верный).^[9] Исходя из принципов Коминтерна о необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности, в структуре Туркбюро Коминтерна с самого начала проводилось строгое разделение. Так, закордонную работу вели конспиративные базы вдоль границы со странами Востока с помощью штатных инструкторов-нелегалов.

Однако по поводу эффективности деятельности Туркбюро Коминтерна имелось довольно много вопросов. Его работу проверял А. А. Иоффе, который затем

направил свой доклад Троцкому, Зиновьеву и Чичерину. В нем он откровенно сообщал, что для него «совершенно ясно, что это учреждение более вредное, нежели полезное», «фактически работу ведут политические младенцы, играющие в революцию... денег тратится уйма, а дела никакого».

19 октября 1921 г. Иоффе направил специальное письмо Г. Зиновьеву, в котором дал более развернутую характеристику деятельности Туркбюро. Он признавал, что «китайской работы совершенно нет», а «в Кашгаро-Джунгарии работа сводится к организации бедноты на нашей территории», что «политического значения это не имеет, но приводит к тому, что возвращающиеся на родину безжалостно расстрел и ва ются ».

Отдел международной связи

Коминтерна

(иногда в литературе называется

Отделом международных связей)

8 августа 1920 г. Малое бюро приняло решение о создании специального Секретного отдела (взамен образованной вскоре после I конгресса Особой комиссии

по связи ИККИ). Его организация была поручена латышу, члену компартии с 1903 г. Давиду Самуиловичу Бейко (Бэйка). Для деятельности Бейко, как, кстати, и для деятельности его известного земляка Яна Берзина было характерно использование своих соотечественников. При

нем ключевые позиции в аппарате ОМСа заняли латыши, некоторые из них так и остались работать в Коминтерне после его ухода. Так, заместителем Бейко в ОМСе был его близкий приятель Симонис Бергис (1887-1943), член компартии с 1905 г., живший в эмиграции в Германии и США, арестован в декабре 1937 г.[98]к 11 ноября 1920 г. отдел оформился как Конспиративный отдел во главе с Д. Бейко.[99]Но этот отдел был слишком слаб и плохо организован и совершенно не соответствовал ставившимся перед ним задачам и нуждам всемирного коммунистического движения. С июня 1921 г.[100]отдел стал называться Отделом международной связи (сокращенно ОМС, эта аббревиатура известна во всем мире) [1°11с подотделами связи, финансирования,

литературы, шифровальным. ОМС руководил всей конспиративной деятельностью Коминтерна и имел разветвленную систему прямых связей с руководством национальных компартий всего мира. ОМС был, пожалуй, самым законспирированным и секретным из всех других отделов Коминтерна и действовал нелегально. Чисто внешне он полностью копировал любую разведслужбу, то есть располагал штатом оперативных работников, легальных и нелегальных, курьеров, шифровальщиков, радистов, службой по изготовлению фальшивых паспортов и других документов. Его главной задачей являлось осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку информации, документов, директив и денег, переброску функционеров из страны в страну и т. д. «Наиболее секретным был Отдел международных связей (ОМС), — писала жена Отто Куусинена Айно, работавшая в свое время в Коминтерне. — Это был мозговой центр, святая святых Коминтерна. Сеть уполномоченных ОМСа охватывала весь мир. Через его агентов руководителям компартий отдавались приказы Коминтерна. Уполномоченные ОМСа передавали компартиям средства, выделяемые Коминтерном на их партийную деятельность и пропаганду...Этому отделу подчинялись все тайные торговые предприятия, депутации и секретные службы информации. Отдел также занимался редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений и пропагандой.

Кроме того, ОМС был связующим звеном между Коминтерном и Разведслужбой Генерального штаба, а также между Коминтерном и тайной полицией»/1021

Итак, ОМСу подчинялись все тайные торговые предприятия ИККИ и секретные службы информации. Он занимался также редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений. В его функции входило и взаимодействие с ОГПУ — НКВД и Разведупром РККА. Кроме того, в состав ОМСа входил отдел документации, которым руководил Фриц Мильтер. Именно здесь подделывались визы, паспорта, печати, документы.

2 мая 1921 г. Малое бюро ИККИ назначило заведующим ОМСа И. А. Пятницкого, отступившего в должность после III конгресса Коминтерна.

10 2 Цит. по: Владимир Пятницкий. Ук. соч. С. 197-198.

10 3 Иосель Орионов Таршис (Пятницкий Иосиф Аронович) родился в уездном городке Ковельской губернии Вилькомире (ныне Укмерге, Литва) в 1882 г. У него было три старших брата и три сестры. Иосель выучился читать самоучкой, не по букварю, а по газетам и листовкам на русском, еврейском и литовском языках, большинство из которых было революционного содержания. В семье говорили только по-еврейски. В тринадцать лет родители отдали его в обучение к дамскому портному. Так он становится ремесленником и начинает самостоятельную жизнь.

В конце 1897 г. Иосель перебирается в Ковно (Каунас) к одному из братьев, у которого и поселился. Брат был столяром. Иосель включился в деятельность кружка самообразования и нелегального профсоюза столяров. А оттуда — прямой путь к подпольной революционной деятельности. Интересно, что в Ковно в этот же период начинают действовать будущие соратники Пятницкого по Коминтерну: Пранпс Эйдукиявичус, Арон Сольц и Викентий Капсукас (Мицкевич), а также молодой Феликс Дзержинский.

Из Ковно Иосель перебирается в Вильну, где с помощью местных товарищей получает работу и вступает в нелегальный профсоюз дамских портных, а вскоре становится его секретарем и кассиром, не оставляя работы в мастерской. Здесь, в Вильне, в 1900 г. происходит боевое крещение Пятницкого, он участвует в захвате полицейского участка и освобождении трех арестованных товарищей. Спустя две недели ему поручили обеспечить переход двух женщин из числа освобожденных через границу. Это был первый случай, когда ему пришлось

иметь дело с нелегальным переходом границы, делом, которым он позднее профессионально занимался на протяжении десяти лет.

Иосель помимо еврейского и литовского, говорил очень плохо на русском и немецком, немного на польском языках. Он, как вспоминают его современники, был очень коммуникабельным человеком, был очень ловок, предприимчив и отважен. Но, несмотря на пылкость натуры, умел сочетать смелость с точным расчетом. В Вильне он знакомится со слесарем по кличке Файвчик, прибывшим из Парижа по поручению группы «Освобождение труда», только что объединившейся с «Искрой». От приезжего Иосель узнает о программе группы «Освобождение труда» и о подготовке издания газеты «Искра». Происходит знакомство с младшим братом Мартова (Цедербаума) Сергеем Цедербаумом (Ежовым). Иосель всецело переключается на транспортировку «Искры» в Россию и отправку нужных людей за границу. Он сопровождает транспорты с нелегальной литературой и занимается переправкой своих людей через границу. В 1902 г. первый арест девятнадцатилетнего Пятницкого в вагоне поезда. Его отправляют в Киев в Лукьяновскую тюрьму. Там он знакомится со многими крупными социал-демократами: Н.Бауманом, М.Литвиновым (Валах), наборщиком «Искры» Иосифом Блюменфельдом, последний всерьез занялся политическим образованием Иоселя.

18 августа 1902 г., отсидев за пять месяцев и четыре дня, вместе с группой единомышленников Пятницкий совершает дерзкий побег из тюрьмы.

В Киевском государственном архиве имеется несколько материалов Департамента полиции и Киевского губернского жандармского управления. Вот один из них от 5 сентября 1902 г.: «Литер Б-262. Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого:

Таршис Иосель:

...П. 18. Место воспитания, образование: ни в каких учебных заведениях не был. Совершенно не грамотен по-русски и малограмотен по-еврейски.

...П.22. Основания для привлечения к дознанию: агентурная связь и данные наблюдения, из коих известно, что Таршис был знаком многим крупным деятелям и носил в партии конспиративную кличку «Виленец».

Именно с этого времени у Иоселя появилась кличка, ставшая фамилией на всю жизнь. Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали ему в целях конспирации прозвище Фрейтак (в переводе с немецкого Пятница), так как он постоянно назначал им встречи именно по пятницам.

К 1903 г. Пятницкий оказывается в Берлине, сразу же включившись в организацию транспорта литературы и людей в Россию. В конце 1903 г. в Берлин приехал член ЦК РСДРП Носков. Пятницкий вместе с ним выехал в Лондон, где в то время находилась редакция «Искры». Там он впервые встретился с Лениным и Крупской. Речь шла о создании транспортного пункта «Искры» в Берлине. Пятницкий должен был организовать службу связи заграничного центра партии с Россией. С этого момента он стал специализироваться в конспиративной и

Заместителем его по отделу, а с декабря 1922 г. заведующим отдела стал П. А. Вомпе (189^А-1925). С августа 1925 г. заведующим ОМСа стал М.Грольман, 1051затем до июня 1926 г. — А. Е.

Абрамович, известный также как Альбрехт, Александр, Четувев, Арно, Вудро, М. Хабераб 1 (1888—?). После ухода из ОМСа А. Е. Абрамовича (он в 1926-1931 гг. стал референтом Отрготдела ИККИ, в 1926-1930 гг. (с перерывами) представителем ИККИ в Китае, в дальнейшем на научно-педагогической и хозяйственной работе, с 1961 г. на пенсии) И. А. Пятницкий, который к этому времени возглавлял одновременно Бюджетную комиссию Коминтерна, Орготдел, Оргбюро и Секретариат ИККИ, вызывает из Берлина в Москву руководителя одного из первых опорных пунктов ОМСа за рубежом А. Л. Абрамова, вошедшего в историю под фамилией Абрамова-Мирова, [107]который в 1926 г. назначается

заведующим ОМСа.[108]Первым заместителем Абрамова-Мирова был Рыльский-Люберецкий, вторым — С. Б. Бричкина (1883-1967). В 1926 г. в ОМСе работали 33 человека, в 1927 г. — 45, а в середине тридцатых только в московском аппарате работали 65 человек.¹

В 1920-1921 гг. значительную часть работы ОМС составляла переправка в Москву и обратно делегатов конгрессов Коминтерна, пропагандистской литературы, различных грузов, в том числе оружия. Этим занималась специальная курьерская служба, созданная при ОМС решением ИККИ. 21 января 1921 г. Малое бюро по докладу Бейко постановило «просить ЦК РКП, чтобы 1) в числе сотрудников НКВД (в отделе дипломатических курьеров) был товарищ, назначаемый Коминтерном и исполняющий поручения Коминтерна; 2) то же в Наркомвнешторге; 3) то же в каждой из торговых миссий».[109]Такое право Коминтерну было предоставлено.

Следует сказать, что курьерская служба и фельдъегерская связь были самыми распространенными

руководителей советской военной разведки. Видный деятель Коминтерна.

Родился в Москве в купеческой семье. Получил образование в Германии. Большевик с 1916 г., участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. С 1921 г. на дипломатической и коминтерновской работе в Берлине. С ноября 1935 г. — заместитель заведующего. Службы связи ОМС. С 5 сентября 1936 г. — в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА — помощник начальника Управления, руководитель испанского направления. Арестован 21 мая, расстрелян 25 ноября 1937 г. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 302-303.)

Ю8 А.Л. „Абрамов работает на этой должности до августа 1936 г., с сентября 1936 г. в IV управлении РККА — помощник начальника Управления, руководитель испанского направления).

средствами связи. Основным средством передвижения вплоть до начала 30-х годов на Дальнем Востоке оставался железнодорожный транспорт, так как регулярное воздушное почтовое сообщение Москва—Новосибирск открылось только 1 августа 1928 г. Весь путь с четырьмя пересадками продолжался 26 час. 30 мин.

30 августа 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о том, что отныне пересылка всей секретной корреспонденции за пределами Москвы должна осуществляться силами специального вновь созданного при ГПУ НКВД подразделения фельдъегерской связи. Иркутск использовался как «пункт сбора информации» на Китай, Чита — на Монголию, затем собранная информация из этих городов один раз в три недели отправлялась по назначению в Китай и Монголию.[110]Однако существовали и определенные трудности. Секретрь Восточного отдела ИККИ И.Мусин жаловался 22 марта 1923 г. на отсутствие возможности передачи информации по маршруту Москва—Влад и восток. Так как официальный фельдъегерский маршрут существовал только до Читы, дальнейшая же передача информации могла осуществляться на основе «личной договоренности» с работниками региональных партийных органов власти. Выпадение по каким-либо причинам того или иного «неформального курьера» вело к нарушению информационного обмена по всей цепочке между центральными органами ИККИ и их региональными подразделениями восточнее Читы, особенно зарубежными. В среднем получение обратного ответа на

письменное сообщение посредством фельдъегерской связи осуществлялось через один месяц. За период прохождения информации от одного к другому адресату от одного до нескольких месяцев происходили серьезные изменения в обстановке на местах, которые не могли учитываться в Центре.

Горестное признание медленной передачи информации и документов на большие расстояния, которое вредит революционному делу, содержится в письме полномочного представителя Советской России в Китае А. Иоффе на имя В. Ленина от 27 января 1923 г.: «Месяцами мы совершенно ничего не получали из Москвы, ни директив, ни указаний, ни даже серьезной информации газетного характера. Когда я посылал подробную телеграфную информацию в Москву, то получал сообщение, что это слишком дорого и должно быть отменено; информация моя о Китае, как правило, должна идти с курьером и лишь в исключительных случаях по телеграфу. Принимая во внимание, что Китай как никак, а переживает свою революцию, и события здесь разворачиваются с чрезвычайной быстротой, благодаря всему этому создалась полная взаимная оторванность, при которой сообщаемые мной с курьерами факты, сплошь да рядом, по получению их Вами, уже менялись и уступали место другим, зачастую их отрицающим фактам, а в кои веки получаемые Вами сообщения относились к событиям уже несуществующим. К этому нужно прибавить, что еще чаще Вами даются указания по вопросам, касающимся политики в Китае, не мне, а Дальбюро, Дольревкому, и притом указания, которые противоречат моей политике здесь и все чаще противоречат Вашим же собственным директивам, данным ранее». 11'

Одной из наиболее сложных проблем в те годы были вопросы финансирования. Почти всегда Коминтерн испытывал недостаток денег для закордонной работы. Еще в начале 1919 г. Л. М. Карахан обратился с «совершенно секретным» меморандумом на имя Ленина по вопросам финансирования. Он просил «отпустить Народному комиссариату по иностранным делам 200 тыс. золотых рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку агитаторов для целей пропаганды на Востоке, на первую четверть года, январь—март 1919 г.». Среди стран, перечисленных в данном меморандуме, в которые планировалось направить «агитаторов» для поднятия угнетенных масс на пролетарскую революцию, указывались Северный и Южный Китай, Корея, Персия, Индия.

Первый бюджет Коминтерна, принятый специальным решением политбюро в апреле 1922 г. по докладом Сокольников и Пятницкого и подписанный Сталиным, составлял 5 536 400 золотых рублей.

Однако в эти годы официальный бюджет составлял лишь часть ассигнований на деятельность Коминтерна. Зачастую из так называемого «резервного фонда», фонда политбюро, бюджета ОГПУ направлялись деньги на те или иные запросы национальных компартий. Так, в апреле 1922 г. Карахан докладывал И. Сталину, что он передал крупные суммы корейцам (дважды золотом на сумму 600 тыс. рублей и один раз царскими купюрами — 4 млн. рублей) для создания двух типографий (в Шанхае и Пекине) и для непосредственной нелегальной работы в Корее против японцев, в том числе для организации вооруженного сопротивлениямиб1

Часто на места Коминтерн посылал не денежные купюры, а драгоценности, бриллианты, их легче было нелегально перевозить через границу. Они занимали меньше места. Драгоценности довольно часто заделывались в подметки ботинок и каблуки туфель агентов Коминтерна, направлявшихся в ту или иную страну. В Коминтерновском архиве найден интересный документ от 18 августа 1919 г., как повторное письмо на имя секретаря ЦК ВКП(б) Е. Д. Стасовой на вопрос: зачем для нужд служб Коминтерна необходимо определенное количество кожи следующего содержания:

«Уважаемый товарищ Стасова! Кожа нам нужна для подметок, в которые мы будем заделывать ценности,

главным образом бриллианты. У нас теперь имеется для этого вполне надежный человек.

Очень прошу Вас сделать соответствующую надпись на нашей бумаге. С товарищеским приветом управляющий делами Клиндер»/11 И видимо необходимая коминтерновским работникам кожа была выделена.

Однако не всегда деньги попадали по назначению, часто они шли на иные цели. К примеру, руководитель Восточного отдела Коминтерна Г. И. Сафаров докладывал Сталину, что денежные средства и ценности выдаются совершенно «безответственным людям из отдельных групп». Он приводил пример, когда неким Ху Нан Гену и К° Чи Иру было выдано 200 тыс. золотых рублей для поддержки национального движения в Корее, однако, как выяснилось, деньги пошли для продолжения фракционной борьбы в корейской эмиграции/1181

Известен и другой случай. Таро Есихара (псевдони — Ноги) приехал в Россию в 1920 г. из США, где он был активистом профцентра Индустриальные рабочие мира, руководимого Уильямом Хэйвудом. В России он участвовал в первом съезде народов Востока в Баку в

1920 г. и был делегатом III Конгресса Коминтерна в

1921 г. Осенью 1921 г. по поручению Коминтерна он был направлен в Японию для установления связи с японскими коммунистами, вез с собой драгоценные камни на крупную сумму для финансирования организационных

117 Коминтерн и идея мировой революции. М.1998. С.153.

118

мероприятий по созданию КПЯ, но расстратил эти средства/1191

Очевидно, злоупотребления были настолько очевидны, что В.Ленин вынужден был лично набросать проект секретного письма ЦК РКП(б) от 9 сентября 1921 г. следующего содержания:

«Нет сомнения, ч[то] денежные пособия от Коммунистического] И[нтернационала] компартиям буржуазных стран, будучи, разумеется, вполне законны и необходимы, ведут иногда к безобразиям и отвратительным злоупотреблениям.

Ведя беспощадную борьбу с этими злоупотреблениями, ЦК РКП обращается с этим секретным письмом ко всем членам партии, работающим за границей, находящимся там или знакомым ближайшим образом (тем или иным путем) с этой работой.

ЦК заявляет, ч[то] признает величайшим преступлением, за которое будут безоговорочно исключать из партии (не говоря об уголовном преследовании и об ошельмовании в прессе, при малейшей к тому возможности)

— не только всякое злоупотребление полученными от Коммунистического] И[нтернационала] деньгами (в смысле поддержки направления, желающего отличиться «левизной» или «революционностью»; в смысле обеспечения себе или другим лучших, чем средние для партработников, условия жизни и т. п.),

— но и малейшее сокрытие от ЦК подробностей насчет расходования этих денег, понимая под сокрытием

всякое, прямое или косвенное, уклонение от аккуратнейшей и безусловно правдивой информации ЦК насчет каждой копейки расходов за границей и получаемых от Коммунистического] И[нтернационала] денег.

Всех виновных в подобного рода сокрытии правды, как умышленном, так и по небрежности, ЦК будет третировать как воров и изменников, ибо вред, приносимый неряшливым (не говоря уже о недобросовестном) расходованием денег за границей, во много раз превышает вред, причиняемый изменниками и ворами.

Всякий, берущий деньги от Коммунистического] И[нтернационала], предупреждается, что он обязан с абсолютной пунктуальностью выполнить все инструкции и условия, необходимые для безусловно полной, быстрой и правдивой информации ЦК РКП насчет каждой копейки расходов денег.

ЦК поручает членам РКП, работающим в ИККИ, немедленно выработать детальнейшую инструкцию насчет правил расходования денег, полученных от ИККИ, и отчетности в этом расходовании.

Основными положениями этой инструкции должны быть:

- (1) расходование денег без ведома и согласия ЦК местной, аффилированной к Коммунистическому] И[нтернационалу], коммунистической] партии, объявляется воровством;
- (2) всякий, берущий деньги, хотя бы только для перевозки, обязан давать расписку в ИККИ (или присылать ее), удостоверяющую получение и подчинение правилам расходования;
- (3) всякий, получающий деньги, обязан осведомлять о каждой копейке расхода не менее как 2-х товарищей на месте расхода, из коих по крайней мере] 1 д[олжен] б[ыть] совершенно легален, т. е. не участвовать ни в малейшем нелегальном акте;
- (4) не реже, как раз в три месяца, всякий получающий деньги должен личной явкой в Москву (или явкой одного из упомянутых в параграфе 3 лиц) отчитываться в Москве подробнейшим образом и письменно в каждой копейке»/12"1

Как утверждал В.Пятницкий, его отец, который стал председателем Бюджетной комиссии ИККИ, одновременно являясь секретарем делегации ЦК ВКП(б) в Коминтерне, руководителем его Оргбюро и руководителем личного секретариата при Исполкоме Коминтерна, быстро навел порядок в финансовой сфере. Однако по воспоминаниям жены одного из лидеров компартии Германии 20-30-х годов и деятеля Коминтерна Маргаретте Бубер-Нейман можно сделать вывод, что это не всегда было так. Она приводит пример, когда ее муж Нейман по поручению И. Сталина должен был встретиться с представителем Коминтерна в Китае (с июля по ноябрь 1927 г.) В. В. Ломинадзе и с ним поехать в Кантон и возглавить там руководство

восстанием, одновременно они должны были привезти восставшим деньги. Итак, Ломинадзе и его друг Нейман встретились в китайском порту, предположительно в Шанхае. «На борту океанского лайнера они продолжили путешествие в Гонконг и здесь вскоре угодили в ловушку излишней конспирации, — вспоминала она. — Они, конечно, путешествовали под фальшивыми именами и вели себя, по возможности, так, чтобы не бросаться в глаза. Их больше всего занимала мысль о ценном содержимом чемодана. Кто-то один из двух постоянно дежурил в каюте. Но когда прибыли в следующий порт, корабль сделал остановку на несколько часов, и все пассажиры отправились на берег, чтобы осмотреть город, оба попали в затруднительное положение. Что им делать? Остаться на борту и навлечь на себя подозрение? Или оставить ценный багаж без присмотра? Они были молоды и легкомысленны. Ну что может случиться с чемоданом за такое короткое время? Наконец, они удостоверились, что за ними не было слежки и сошли на берег. Когда они

вернулись на пристань, их ожидала неприятная новость. Пассажирам сообщили, что взять их на борт невозможно, так как скоро разразится тайфун. Корабль отправился дальше, так как он должен следовать по расписанию, их же лишь завтра другим пароходом доставят в Гонконг. Само собой разумеется, что ответственность за их багаж берет на себя пароходство.

Что им делать? Оба эмиссара Коминтерна были в ужасе. Они ни в коем случае не могли передать свой чемодан «под ответственность пароходства». В отчаянии ходили они от одного владельца джонки к другому. Каждый качал головой. Я же не самоубийца! Когда уже была потеряна всякая надежда, Нейман и Ломинадзе

нашли оборванного владельца старенькой лодки, которая едва ли вообще могла плавать по морю. Он согласился за большую сумму доставить их на борт, и действительно, доставил их на своей жалкой шлюпке на пароход, который уже собирался отплыть. Чемодан остался нетронутым, но случилось именно то, что они так не хотели. Они обратили на себя внимание. Впрочем, это не помешало им беспрепятственно достичь Гонконга и отправиться поездом дальше в Кантон». В гостиничном номере одного из отелей Кантона они встретились с «ответственными товарищами из Кантонской секции КПК», которым они должны были передать деньги. Китайцы дважды пересчитали доллары, взволнованно пошептались, зачем-то вышли в соседнюю комнату для беседы, затем посланцам Коминтерна сообщили, что в ожидаемой и уведомленной сумме не хватает 3 тыс. долларов. Последние были потрясены. Значит, в их отсутствие кто-то вскрывал чемодан. Они еще раз попросили китайцев пересчитать деньги. Сумма оставалась прежней. Тогда они потребовали, чтобы позвонили в Шанхай и узнали, сколько денег было в чемодане. Ответ из Шанхая был более чем неожиданным. Была названа сумма на 2 тыс. долларов меньше той, которую доставили Ломинадзе и Нейман. «Этот эпизод доказывал, — констатирует Нэйман, — какая хаотическая неразбериха в финансовых делах господствовала тогда в аппарате Коминтерна?»]

Решение финансовых вопросов поглощало порой значительную часть времени сотрудников Коминтерна. Так, на заседании Туркбюро Коминтерна 18 июня 1921 г. под председательством Я. Э. Рудзутака из 9 пунктов повестки дня три были посвящены решению финансовых проблем, в одном из них говорилось, что «выделена крупная сумма в китайской валюте и значительное количество опиума (!) для отправки агентов в Южный Китай»/1241

Между руководством ОМСа и Наркоминделом первое время часто возникали противоречия и споры по ряду организационных и финансовых вопросов.

Вопрос о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна был даже заслушан на политбюро ЦК РКП(б) весной 1921 г. и были приняты специальные Тезисы. В них говорилось, что использование аппарата Наркоминдела в «целях осуществления партийных задач Коминтерна должно проводиться с соблюдением всех правил строжайшей конспирации и интересов сохранения в целостности аппарата Наркоминдела. Все поручения дипкурьерам от Коминтерна передавать только через тт. Пятницкого и Вильковского (сотрудника НКВД, отвечающего за доставку дипломатической почты за границу), возложив на них полную ответственность за сохранение конспирации. «Поручения дипкурьерам от Коминтерна за границей, — говорилось в Тезисах, — даются представителем Коминтерна с ведома и согласия полномочного представителя РСФСР.... Курьерские отправления представителей Коминтерна

передаются непременно через аппарат миссии».1 'Агентам Коминтерна в особо важных случаях разрешалось посылать шифрованные телеграммы через полномочные представительства РСФСР, «но при условии, что текст этих телеграмм сообщается открыто полномочному представителю для зашифрования шифром Наркоминдела». [126]

В Тезисах также оговаривалось, что «при использовании службы дипломатических курьеров необходимо иметь в виду установленный по согласованию с отдельными сторонами предельный вес неприкосновенной дипломатической почты и пользоваться ею поэтому исключительно для пересылки письменных сообщений и пакетов малого веса». В примечании специально подчеркивалось, что при посылке такой почты «необходимо соблюдать строжайшую экономию в весе — писать на папиросной бумаге, из тонкой бумаги иметь конверты, избегать многих сургучных печатей».127] Такое примечание не было случайным. Так, по соглашению между правительствами РСФСР и Германии от 18 февраля 1921 г. о взаимных правах представительств обоих государств вес секретного багажа дипломатических курьеров ограничивался 15 кг. Однако и этот объем советской дипломатической почты, и предусмотренная соглашением «свобода передвижения курьеров» вызывали «особенно большие сомнения» министра внутренних дел Германии и его протест статс-секретарю

125 Коминтерн и идея мировой революции. М. 1998. С. 264-265.

126 Там же. С.265.

127 Там же. С.264.

германского МИДа (от 25.03.1921 г.). Министр утверждал (и, видимо, он был недалек от истины), что в мешках дипломатической почты РСФСР «будет лежать не что иное, как материал для агитации за мировую революцию, так как у России не найдется ничего лучшего на экспорт»/1281

Вставал вопрос о плате за проезд сотрудников и гостей Коминтерна. Коллегия Наркомата иностранных дел 29 сентября 1921 г. постановила, что с «иностранцев путешественников Коминтерна плата за проезд взимается наравне с другими». [129] Последовал протест Пятницкого, который он направил в Президиум ВЦИК (копию в НКВД). «Иностранцы-коммунисты едут не за свой счет и даже не за счет партии, а за счет Коминтерна, — говорилось в нем. — За визы и за проезд нужно платить в иностранной валюте, которая приобретается нами с большим трудом через Наркомфин и Наркомвнешторг». А поскольку, по словам Пятницкого, ежемесячно в Москву приезжали по 30-40 человек, то «иностранную валюту придется, конечно, брать из золотого фонда, который был ассигнован Коминтерну. Если мы за него будем платить советскому учреждению в иностранной валюте, нам придется на эту сумму увеличить бюджет. Нельзя ли просто сделать бухгалтерский перерасчет между учреждениями?» (Напомним, что, к примеру, бюджет Коминтерна на

апрель 1922 г. определялся в 3,15 млн. рублей золотом, из которых 400 тыс. выделялось в резервный фонд.)

13 октября 1921 г. коллегия НКВД оперативно откликнулась на обращение Пятницкого следующим постановлением: «Слушали: О невзимании платы за проезд в вагонах НКВД с делегатов Коминтерна. Постановили: Отказать, принимая во внимание соображения конспирации и что оплата взимается не за вагон НКВД, а за проезд вообще». На заседании Президиума ВЦИК под председательством А. Енукидзе, состоявшемся 24 октября, было принято аналогичное решение: «Ходатайство отклонить»/1 ' Однако проблема финансирования не была снята с повестки дня. Боролась за деньги обе организации. 20 апреля 1922 г. на политбюро был поставлен вопрос: «О взаимоотношениях НКВД и ИККИ в деле финансирования работы на Востоке» по докладам Г. Сафарова и Л. Карахана. Было принято следующее решение: «а) установить, что, как правило, ни один расход особого назначения на Востоке впредь не может производиться НКВДом иначе как по согласованию с ИККИ и с санкции политбюро: б) поставить на вид НКВДу произведенные им расходы без согласования с ИККИ и политбюро: в) поручить комиссии, назначенной политбюро 20 апреля с.г. (Молотов, Сокольников и Пятницкий — протокол № 3, пункт 8), при рассмотрении сметы Коминтерна выделить определенную сумму в пределах этой сметы для усиления расхода на агитацию среди японских солдат». Этой комиссией из общей суммы резервного фонда

Коминтерна в 400 тыс. золотых рублей 100 тыс. выделялось для компартий Дальнего Востока.^{1 11}

Другой пример. НКВД отказывался включать сотрудников ОМСа в свои делегации и миссии. 12 октября 1921 г. заведующий ОМС ИККИ И. А. Пятницкий, в связи с этим писал Г. Зиновьеву: «По поручению Молотова я был вызван в ЦК РКП. Там мне показали письмо Чичерина, где он возражает против включения нашего представителя в миссию, которая едет в Норвегию, ссылаясь на постановление ЦК РКП об отделении работы Коминтерна и Наркоминдела. Я заявил, что ЦК нам предоставил право включать одного представителя в каждую миссию, и от этого права мы не можем отказаться. Можно спорить, годен ли тот или иной представитель, нужно ли послать в тот или иной пункт. Но ставить вопрос принципиально, чтобы работа КИ [Коминтерна] и НКВД шла так отдельно, чтобы мы не могли иметь своего представителя, посылать телеграммы и вообще пользоваться аппаратом, невозможно».^{1 J}

28 февраля 1921 г. Секретариат ИККИ разослал всем заведующим отделами ИККИ циркулярное письмо с требованием «принять к сведению и руководству, что в целях упорядочения дела и сохранения конспирации всякие сношения с границей, как-то: отправка писем, выписка литературы, пересылка печатного материала и т. д. обязательно, без всяких исключений, должны передаваться для исполнения Отделу международной связи и производиться только через его посредство».

В начале 20-х годов ОМС состоял из 4 секторов: сектора шифровки, сектора передачи (связи), счетно-финансового сектора (бухгалтерский учет и финансы), сектора учета техники (под этим названием функционировал центр изготовления фальшивых документов). В 1923 г. создается так называемый технический сектор. Затем наравне с сектором шифровки был образован сектор учета различных данных и адресов на функционеров национальных компартий и лиц, которые интересовали ИККИ. При секторе учета организуются фотолаборатория и фотоархив.

Финансирование ОМСа осуществлялось вне сметы Коминтерна. Так, в одном из писем сотрудников ОМСа руководству Коминтерна указывается: «Мы имеем еще второй текущий счет в Госбанке под названием «8-я база физкультурников из Спортинтерна» и проводим по нему операции, когда указать «Коминтерн» нежелательно». Зачастую для нужд ОМСа использовались и валютные поступления в фонд МОПРа.

ОМС имел свои нелегальные объекты, расположенные вне Москвы. Все их территории были огорожены высокими заборами с колючей проволокой, тщательно охранялись военизированными нарядами и собаками.

Так, на базе в Подлипках (закодированная в документах Коминтерна под названием «База № 1») находилось производство специальной бумаги для документов, изготавливались фальшивые паспорта и удостоверения, специальные чернила для их заполнения и другие подручные материалы.

В Ростокине («База № 2») действовал мощный радиоцентр, оборудованный по последнему слову техники и позволяющий осуществлять надежную связь с резидентурой ОМСа в большинстве стран Запада и Востока. Его руководителем был Д. Г. Липманов (Глезер). [135]Здесь следует сказать, что в первое время деятели Коминтерна да и советских разведывательных органов, как представляется, явно преувеличивали свои конспиративные возможности и недооценивали западные разведки. Так, британское разведывательное сообщество (прежде всего школа шифровальщиков правительственной связи), благодаря наличию в его штабе Эрнеста Феттерлейна (Фетти), бывшего ведущего криптоаналитика «черного кабинета» царской России, который вместе с женой убежал в Англию, спрятавшись на борту шведского парохода и благополучно переждав обыск, смогла «расколоть» все шифры и коды,

применявшиеся Москвой для связи с дипломатическими представителями в Англии и на Востоке, прежде всего в Лфганистане. Главнокомандующий Южной группы Красной Армии, разгромившей в Крыму белого барона Врангеля М. Фрунзе был одним из первых, кто оценил масштабы рассекречивания советской системы шифровки и кодирования. 19 декабря 1920 г. он с возмущением писал в Москву следующее: «Из доклада, представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции в Севастополе Ямченко, следует, что абсолютно все наши шифры, вследствие их примитивности, разгадываются врагами... Отсюда вывод: все наши враги, особенно Англия, все это время были в курсе нашей внутренней военно-оперативной и дипломатической работы».¹

Когда в Москве узнали, что их шифры и коды, применявшиеся как на Западе, так на Востоке, раскрыты, были немедленно приняты меры по разработке и введению новых шифров и кодов. К примеру, советская торговая делегация в Лондоне в конце 1920 г. получила указание вплоть «до разработки новой системы шифра» пересылать свою корреспонденцию только курьерской почтой. Уже в начале 1921 г. были введены новые советские шифры, которые, по признанию британских криптоаналитиков, в течение нескольких лет за рубежом не могли раскрыть.

В 1925 г. первый заместитель Пятницкого в ОМС Абрамов создал секретную школу по подготовке иностранных радистов Коминтерна для поддержания шифрованного радиообмена с ОМС в Мытищах.

На «Базе № 3» в окрестностях поселка Пушкино располагалась школа связи Коминтерна, созданная в 1933 г., которая в обиходе ИККИ называлась Восьмой спортивной международной базой. При школе имелся и ряд лабораторий специального назначения. В эту школу слушателями подбирались молодые, умные, холостые люди, способные к изучению языков и техники. Программа занятий была очень обширной и разнообразной: изучение языков, географии района будущей работы и истории. Особое внимание уделялось изучению тайнописи, приемов конспирации, шифровальному делу, кодам Морзе, средствам связи. Изучались различные варианты изготовления оборудования средств связи в условиях подполья и подручных материалов.^[140]

Еще в 1920 г. при Коминтерне была создана Военная школа. Малое бюро 15 января 1921 г. приняло решение об улучшении материального положения школы и подготовке в ней курсантов, которые впоследствии могли бы стать военными организаторами в своих партиях.¹⁴ Однако решением Малого бюро ИККИ от 26 августа 1922 г. Военная школа была закрыта, а ее

лучшие курсанты переданы военным ведомствам РСФСР.¹¹⁴²¹

ОМС, руководимый О.Пятницким, в 1921-1922 гг. создал или реорганизовал конспиративные пункты связи в ряде стран, включая Китай (Шанхай). Пункты связи в странах подчинялись непосредственно только ОМСу, их старались оградить от какого-либо контроля со стороны руководства компартий соответствующих стран и некоторых советских ведомств.

Часто через пункты связи ОМСа передавались шифрограммы, деньги и документы «соседей» — Разведуправления РККА и ИНО ОГПУ. В свою очередь, и последние помогали в случае необходимости ОМСу в его работе.

Основных ключевых работников пунктов связи ОМС назначал главным образом из числа функционеров других партий (не страны местонахождения данного пункта), часто из эмигрантской коммунистической среды. Однако наличие эмигрантов обостряло психологическую напряженность и резко повышало степень риска, возможность провалов из-за усилившихся полицейских преследований. Челночные рейсы его курьеров также могли вызвать сильные подозрения у местных властей. После ряда провалов это привело в 1923 г. к необходимости использования ОМСом фельдъегерской службы Государственного политического управления (ГПУ).

Конспиративный характер деятельности ОМСа, проводимые им нелегальные заграничные операции, требовали искать для них какое-то прикрытие. Большая

142

часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла на адрес Наркомата внешней торговли в Москве. Телеграммы и радиограммы Коминтерна за границу передавались компартиями только через Наркомат иностранных дел (была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД по отправке радиограмм»). Для перевозки людей и грузов ОМС использовал выделенные в его распоряжение по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома специальные железнодорожные вагоны и торговые суда. По данным Р. Фалиго и Р. Коффера, «реальное число подпольных агентов международных связей» ОМСа к концу 20-х годов приближалось к двумстам/1431

С начала 20-х годов работники ОМСа, как правило, являлись сотрудниками посольств СССР, торгпредств, представительств ТАСС и других легальных советских организаций за границей.

В докладной записке одного из руководителей службы связи ИККИ Б. Орлова от 4 марта 1939 г. по так называемому «делу Рюэгов» (известно также как «дело Ноуленсов») (Яков Рудник и его жена, руководители

143 Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С.304.

1*4Яков Матвеевич Рудник (псевдоним Анри, Генри, Марин, Нуленс, Руэг) (1894-1963). Польский еврей. Родился под Киевом в бедной семье. Окончил коммерческое училище. Учился в Петербургском политехническом институте, откуда мобилизован в армию. Окончил военное училище, прапорщик. Участник Февральской революции. Большевик с марта 1917 г. Во время Октябрьской революции комиссар ВРК в Финляндском полку. Участник штурма Зимнего, подавления восстания юнкеров, мятежа Керенского — Краснова. Организатор Красной гвардии в Финляндии. В начале 1918 г. — член коллегии ВЧК в Петрограде. Затем в политотделе Высшей военной инспекции. Летом 1918 г. руководил нелегальной доставкой оружия в Киев. В конце 1918-начале 1919 г. учился в Академии Генерального штаба, затем на нелегальной работе на Украине, в Крыму. В марте 1919 г., спасаясь от ареста в Одессе, выехал на пароходе с демобилизованными французскими солдатами во Францию. Активно участвовал в

пункта связи ОМСа, арестованные в Шанхае в 1931 г.) указывалось: «До 1927 г. в страны, где имелись дипломатические представительства, работники ОМСа посылались легально с дипломатическими или служебными паспортами, то есть для властей и остальных сотрудников учреждения они числились обыкновенными сотрудниками, на деле же вели работы исключительно для ОМСа. Вся связь с Москвой — деньги, телеграммы, посылка почты и печатного дела — производилась через аппараты НКВД, и часть своей работы сотрудники ОМСа выполняли в стенах посольства. После обыска помещений Аркоса в Англии, советского] посольства в Пекине в 1927 г. решено было реорганизовать работу ОМСа во всех странах на новых, более конспиративных началах. Работникам ОМСа было запрещено встречаться с иностранными коммунистами в советских учреждениях, держать там нелегальные архивы или заготавливать фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользоваться только для получения денег и посылки зашифрованных денежных отчетов, а также по вопросам въездных виз в СССР для иностранцев по линии Коммунистического] И[нтернационала]».

Так, 15 марта 1928 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) специально слушался вопрос О.Пятницкого. И было принято следующее решение, подписанное И. Сталиным: «Для упорядочения связи между ком. — и проф. — организациями Китая и Коминтерном и Профинтерном необходимо:

- 1) Организовать отделение ОМС ИККИ в Харбине вне совучреждений. Органы ГПУ должны оказывать всяческое содействие при переходе территории СССР через границы направляющихся не через официальные пункты и без установленных виз.
- 2) Выделить из работников Харбинского консульства верного товарища, который направлял бы кодированные телеграммы в Москву и получал бы таковые. Этот товарищ должен будет быть конспиративно связанным с одним из товарищей Харбинского отделения ОМС.
- 3) В консульстве ничего не должно храниться. Этот работник никого не должен у себя принимать и т. д. (в общем, те же условия, которые применяются к товарищам, работающим в некоторых полпредствах на аналогичной работе, должны быть выполнены и этим товарищем)»/1461

С октября 1921 г. было создано Организационное бюро ИККИ, которое должно было заниматься вопросами организационной структуры отдельных компартий — секций Коминтерна, а также осуществлять «надзор за подпольной работой в отдельных секциях», так как «контрреволюция из месяца в месяц нагнетается и не ограничивается одной политической областью, а прибегает в борьбе с коммунистами к террору, убийству

и каторге». В начале 1923 г. в Оргбюро вошел Г. Войтинский.[148]

После III конгресса Коминтерна продолжалось формирование Восточного отдела ИККИ. В конце 1921 — начале 1922 г. в Коминтерне существовали два отдела, отвечавшие за осуществление его восточной политики: Отдел Ближнего и Среднего Востока и Дальневосточный секретариат ИККИ; последний нередко именовался Отделом Дальнего Востока. Дальневосточный секретариат ИККИ в Иркутске уже имел сравнительно постоянные подразделения: президиум, четыре секции: монголо-тибетскую, китайскую, корейскую и японскую, с общим штатом более 100 человек. Летом—осенью 1922 г. в ходе реорганизации было создано три отдела: 1) Отдел Ближнего Востока; 2) Отдел Среднего Востока и 3) Отдел Дальнего Востока. Создание этой структуры в ИККИ, подбор кадров, знающих специфику различных стран Востока, происходили наряду с одновременными мерами по обустройству опорных пунктов на местах и укреплению связей с ними.

По решению IV конгресса Коминтерна Исполком должен был обратить особое внимание на организацию

Восточного отдела. В докладной записке сотрудников ИККИ М. Гольмана и К. Трояновского от 12 декабря 1922 г. о реорганизации Восточного сектора критиковалась его деятельность за то, что у него не было определенного плана, рационального распределения труда, царил «полная бессистемность». Поэтому IV Конгресс «счел необходимым заменить Восточный сектор Восточным политическим секретариатом», или Восточным отделом. Впервые для работы на Востоке была создана единая всеохватывающая структура с соответствующим разграничением функций.

4 мая 1923 г. Президиум ИККИ назначил заведующим отделом К. Радека, а заместителем заведующего Г. Войтинского, с 8 марта 1924 г. руководителем стал Ф. Петров (Ф. Ф. Раскольников (Ильин), 1892-1939, а заместителем остался Г. Войтинский. Одной из трех секций была секция Дальнего Востока, куда входили такие страны, как Япония, Китай, Корея и Монголия.

В январе 1923 г. по предложению Оргбюро ИККИ принимается решение о создании Дальневосточного секретариата ИККИ. Его руководителями были назначены Войтинский, Катаяма, Маринг.

Восточный отдел имел тесные контакты с ГПУ. Так, советские органы Дальнего Востока регулярно сообщали в ИККИ или прямо в Восточный отдел имеющиеся у них сведения о слежке полицейских властей Японии, Китая, Кореи за коммунистами, об арестах, провалах нелегальных типографий и

связных пунктов, а в свою очередь эти органы сами нередко запрашивали подобного рода информацию.

Обмен информацией шел и по линии ОМС и органов разведки. К примеру, 13 мая 1922 г. М. А. Трилиссер писал О. Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам».[149]

А вот в качестве примера еще одна секретная информация О. Пятницкому:

«21.12.1925 г. Совершенно секретно. Лично ИККИ — тов. Пятницкому.

Уважаемый товарищ. 1) По проверенным данным, т. Демьяненко, пом. комиссара штаморсил на Д. В., работающий по связи КИ, вследствие неумения ставить конспиративную работу расшифрован как Ваш сотрудник перед японцами и администрацией пароходов. Доводя об этом до Вашего сведения, добавляем, у нас имеются сведения, что в результате халатности т. Демьяненко была провалена целая группа товарищей, направлявшихся в Кантон». И подпись:
Начразведупра/ээряж^50]

ОМС продолжал руководить своими пунктами, созданными в основном в портовых городах СССР и зарубежных стран и занимающихся переправкой людей и грузов нелегальным путем в СССР и обратно, внедрением «нелегалов» в другие страны под «крышей» торговцев, представителей фирм и т. д.

Законспирированность деятельности ОМС, его тайные операции в зарубежных странах способствовали укреплению связей отдела ИККИ с ГРУ—ОГПУ.

Так, в апреле 1923 г. заведующий ОМС Петр Вомпе (возглавлял отдел с 19 декабря 1922 г. по август 1925 г.[15 1]) и начальник фельдъегерского корпуса ГПУ П. Митрофанов подписали соглашение «на предмет использования фельдъегерской связи ГПУ для нужд Отдела международной связи». В соглашении указывалось, что ОМС должен давать своим органам «распоряжения о выдаче местным отделам ГПУ соответствующих полномочий на право получения корреспонденции ОМСа». ОМС должен был «сообщать в фельдкорпус ГПУ дислосведения о расположении своих местных органов и всякие последующие изменения расположения таковым для включения в расписание маршрутов»/152] Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов ОМСа.

ГПУ через ОМС предупреждало гостей Коминтерна об опасностях, ожидающих на их родине (обыски или аресты на границе, готовящиеся преследования полиции). Иностраный отдел ГПУ запрашивал у ОМСа сведения о деятелях зарубежных партий, приезжавших в Советскую Россию на учебу или работу, а также

обеспечивал ОМС интересующими его разведданными.[153]

VI конгресс, исходя из того, что некоторые секции Коминтерна находятся на нелегальном положении, а также считаясь с вероятностью периода нелегальной работы для некоторых других партий, поручил Президиуму ИККИ «заняться подготовкой соответствующих партий к этой нелегальной работе». [154] С этой целью Оргбюро ИККИ 19 декабря

1922 г. создало нелегальную комиссию в составе: М. Трилиссер, И. Пятницкий, Г. Эберлейн, Э. Прухняк. Заведующему ОМС П. Вомпе было предоставлено право участвовать с совещательным голосом в ее заседаниях. Комиссия стала называться Постоянная нелегальная комиссия ИККИ. 3 февраля 1923 г. вместо выбывших Г. Эберлейна и Э. Прухняка в состав ее были введены Е. Ярославский и В. Мицкевич-Капсукас. 28 февраля

1923 г. по решению Оргбюро в ее состав были введены также заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт (1879-1938) (Яворский), К. Радек и начальник Политуправления РВС В. А. Антонов-Овсеенко/]

Эта комиссия проводила специфическую работу: помимо выяснения наличия нелегальных партийных организаций, их форм и размеров, уровня связи внутри нелегальных организаций, методов осуществления работы в армии и т. д., комиссия занималась также подготовкой нелегальных явок и нелегальных

типографий, вела наблюдение за фашистскими и белогвардейскими организациями.

17 марта 1926 г. ИККИ избрал новый состав Оргбюро, председателем которого 26 марта 1926 г. стал И. А. Пятницкий. В конце 1926 г. Оргбюро ИККИ было ликвидировано.

17 марта 1926 г. ИККИ избрал Секретариат ИККИ из 11 человек и 3 кандидатов в Секретариат, председателем стал О. Куусинен. С июля 1926 г. в заседаниях Секретариата ИККИ участвовал Р. Зорге, а с августа ему было поручено докладывать Секретариату ИККИ о ходе контроля и проверки выполнения его решений/1561

24 марта 1926 г. в связи с решением о создании секционных секретариатов Президиум ИККИ постановил «ликвидировать Восточный отдел, как отдел, а всех сотрудников передать в аппарат ИККИ». Вместо Восточного отдела был создан Секретариат для Ближнего и Дальнего Востока (лендерсекретариат). Фактически этот подотдел лендерсекретариата находился на правах самостоятельного секретариата и в документации назывался Дальневосточный секретарит (ДВС).

Восточный отдел перестал существовать с 1 апреля 1926 г., после того как Г.Н. Войтинский 31 марта отчитался о его работе за весь период существования,

156 Р. Зорге следующим образом оказался в Коминтерне. В 1924 г. в Германии проходил IX съезд Компартии Германии. Не него прибыла делегация Коминтерна, в которую входили О. Куусинен, С. Лозовский, Д. Мануильский и И.А. Пятницкий. Охрану делегации поручили группе боевиков военного отдела партии, возглавляемой Р. Зорге. Там и состоялось знакомство Пятницкого с Зорге. В 1925 г. Зорге вызывают из Германии в распоряжение ИККИ и направляют на работу в ОМС. С ноября 1929 г. Зорге рекомендуют начальнику Разведупра РККА для работы в военной разведке. (РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.18. Д.433. Л.52. Цит. по: Г.М.Адибеков, Э.Н. Шахназарова, К.К.Шириня. Ук. соч. С. 10-4-105.)

сдал документацию в архив и распустил референтов в другие отделы.

Дальневосточный секретариат, функционировавший с 9 апреля 1926 г. до начала 1927 г., включал такие страны: Китай, Монголия, Корея, Япония. Ответственным секретарем за страны Дальнего Востока был Г. Войтинский. Под его началом работали американский коммунист М. Бедахт (псевдонимы — Маршалл, Джеймс) (1883 — ?), английский коммунист Э. Фергюсон, индийский коммунист М. Н. Рой [158 J(1892-1954) (псевдонимы Аллен и Роберт), представитель Явы Р. Семаун (1899-1971) и немецкий коммунист Г. Реммеле (1880-1939). Он имел свой опорный пункт в Китае — Бюро ИККИ в Китае.

Для усиления влияния Коминтерна в Китае было предложено создать специальное Дальневосточное бюро в Шанхае. 25 марта 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «не возражать против образования в Шанхае Дальневосточного бюро Коминтерна». [15У] И уже по решению ДВС от 27 апреля 1926 г. было организовано Дальневосточное бюро ИККИ, в состав которого, утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 29 апреля 1926 г., входили Г. Н. Войтинский (председатель) (псевдоним Сергей, Сергин), М. Г. Рафес (Макс) (1883-1939) —

секретарь, Л. Н. Геллер [16° -(профессор) (от Профинтерна), Т. Г. Мандалян (Черняк), Н. А. Фокин (Молодой-^от КИМа), выехавшие в Китай. На месте планировалось ввести в него

представителей китайской, корейской и японской компартий. С китайской стороны в него вошли Генеральный секретарь ЦК партии Чэнь Дусю (псевдоним Старик) и Цюй Цюбо (Литератор). Работа Дальбюро ИККИ в Шанхае началась с июня 1926 г.[^]и велась в нелегальных условиях. Финансировалась работа Дальбюро из Москвы. В письме от 10 мая 1926 г. в Бюджетную комиссию ИККИ Дальбюро просило выделить на содержание 6 членов бюро ежемесячно по 2400 руб. и 3400 руб. на содержание остальных сотрудников, телеграфные и квартирные расходы и закупку литературы.[163]

Руководство ВКП(б) и Коминтерна в октябре—ноябре 1926 г. фактически признало деятельность Дальбюро неудовлетворительной. Практически с начала 1927 г. его деятельность в Китае была прекращена.[164]

10 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: а) Признать, что Дальневосточное] бюро должно быть единым для всех восточных стран, со включением в сферу его деятельности Китая, б) Утвердить Дальбюро ИККИ в следующем составе: члены — тт. Бородин, Розенберг, Рой и Секретарем Дальбюро наметить т. Лепсе, поручив тт. Кубяку и Молотову переговорить с ним после приезда его в Москву». (И. И. Лепсе фактически не приступал к работе и не выезжал в Китай).

В критический период развития событий в Китае (об этом будет рассказано ниже) для усиления координации работы политических представителей ВКП(б), Коминтерна и военных советников 9 и 16 июня 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании в Китае Бюро Коминтерна в составе М. Н. Роя, М. М. Бородина и В. К. Блюхера. В конце июня Рой был отозван в Москву. Ему на смену был прислан Г. Нойман, а затем В. В. Ломинадзе.[^]В начале июля из Китая был отозван М. М. Бородин, и некоторое время представителем ИККИ там оставался один В. К. Блюхер.

С марта 1929 г. в составе нового представительства Коминтерна в Китае работали И. А. Рыльский (руководитель) и Г. Эйслер, [] Дж. Харди, Ц[б8]в

1927-1928 гг. представителем Коминтерна работал Д. Пеппер, в 1927-1930 гг. представитель Профинтерна в Китае и секретарь Тихоокеанского секретариата профсоюзов (ТОС) и А. Масси.[170]В целом, за некоторым исключением, эта группа представителей составляла Дальневосточное бюро ИККИ, занимавшаяся также вопросами работы компартий Кореи, Японии, Индокитая и Филиппин.[^]7!

Свой пункт связи в период с V до VI конгресса Коминтерна, как уже говорилось, ОМС имел в Шанхае. Через него была налажена связь с компартиями других стран Дальнего Востока и ЮВА. Отдел продолжал заниматься распространением политической, в том числе коминтерновской литературы, переправкой людей по суше и по морю, изготовлением поддельных документов,

передачей денег представителям компартий. ОМС конспирировал не только свою работу, но и себя — как за границей, так и в России. 31 марта 1924 г. секретарь ИККИ И. А. Пятницкий писал начальнику иностранного отдела ГПУ М. Трилиссеру: «В целях сокрытия при получении (валюты) из Госбанка названия нашего учреждения, нам необходимо, чтобы получатель валюты Эклунд А. А. — предъявитель сего — был бы снабжен фиктивным удостоверением. Поэтому просим Вас выдать ему удостоверение в том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются».

Возникали определенные сложности с получением валюты для зарубежных компартий на местах. Ее получение по ежеквартальным запросам с мест по телеграфу могло привлечь внимание местных спецслужб. Поэтому, к примеру, агент ОМСа в Шанхае Альбрехт в своем письме Пятницкому предлагал «принять меры, чтобы бюджеты (компартий. — В. У.) посылались нам не телеграфно, по запросу, а простыми банковским переводами и регулярно без запроса, причем не от одного лица, а из разных стран от разных людей».[172]

В другом документе — письме заведующего ОМСом П. Вомпе начальнику специального отдела ГПУ Г. И. Бокию от 7 июня 1924 г. — говорилось: «Нам необходимы невыполненные (так в тексте, видимо, незаполненные, чистые. — В. У^бланки, снабженные лишь печатями и подписями на немецком языке, разных советских крупных хозяйственных учреждений и смешанных обществ, имеющих связи с границей,

особенно с Германией и другими странами Средней Европы». По таким подложным документам прибывали в Москву и многие делегаты конгрессов Коминтерна. В свою очередь, ИНО ГПУ неоднократно обращался в ОМС ИККИ с просьбой об изготовлении паспортов для своих работников, так как ГПУ «не в состоянии снабдить (своих людей) такими паспортами».

Эта просьба не была случайной. В 20-е годы Коминтерн за рубежом организовал важный технический отдел по подделке паспортов. В Берлине, в штаб-квартире Западного бюро Коминтерна был создан «Н-Аппарат». Он состоял из нескольких бюро. Паспортное бюро располагалось на втором этаже жилого дома с окном во двор. Оно действовало с 1923 г. под видом технического бюро, без вывески и уведомления полиции. Были еще бюро по связи и бюро по заготовлению материала для работы, мастерская по изготовлению печатей, штампов с несколькими складами материалов и штемпелей, служба по изготовлению цинкографических клише. Специальный человек занимался изготовлением оригиналов для клише и приобретением типографских шрифтов в берлинских типографиях. Однако из-за плохой конспирации, по доносу жильцов дома, полиция однажды нагрянула на квартиру, где располагалось паспортное бюро. Все это следует из отчета сотрудника нелегального паспортного бюро ЦК КПГ Франца о провале бюро от 4 ноября 1924 г. В связи с данным отчетом, полученным нелегальной комиссией ИККИ, Исполком подготовил в

конце 1924 г. проект циркулярного письма к компариям, в котором требовал неукоснительного соблюдения правил конспирации. С 1926 г. помощник начальника ОМС Яков Миронов-Абрамов становится руководителем «Н-Аппарата». Лео Флиг, ветеран по руководству молодежью и тайный советник КПГ, организует практическое изготовление паспортов с помощью подпольного центра в Берлине (Пасс-Аппарат). Ему помогают два специалиста: Рихард Грокопф (Тургель) и Карл Вин (Шиллинг). В начале 30-х некий Риат становится директором Бюро паспортов Коминтерна, с приходом к власти нацистов Пасс-Аппарат переезжает в Копенгаген под руководство датского коммуниста Рихарда Енсене. В 20-е и в начале 30-х годов Пасс-Аппарат в среднем изготовлял около сотни паспортов в год.

Более точная иллюстрация методов, используемых Коминтерном, может быть найдена в деле Ноуленса, которого раскрыли в Шанхае в 1931 г. Руководители Дальневосточного Бюро Коминтерна, месье и мадам Ноуленсы были арестованы в Шанхае. И у них было обнаружено множество паспортов/1751

Отдел международной связи добился, чтобы люди и грузы, направлявшиеся по его линии, как правило, освобождались на территории СССР от таможенного и паспортного контроля (в паспорте имелся условный знак). В тех случаях, когда уполномоченные ОМСа сопровождали груз морем, они зачислялись в состав

команды советского судна, транспортировавшего данный груз.

Расширились различные контакты и связи ОМСа с ГПУ-ОГПУ. Это касалось не только переправки людей и грузов и обеспечения подложными документами, о чем уже писалось.

ОМС получал из Наркоминдела тексты бесед сотрудников полномочных представительств СССР с руководителями компартий, материалы о положении в зарубежных коммунистических и социал-демократических партиях.

Из документа «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ» от сентября 1927 г. наглядно видно, как непросто складывались взаимоотношения между уполномоченными ОМСа и ИККИ. Речь шла об отделении ОМСа в Китае. В нем, в частности, говорилось, что это отделение «имеет целью установить связь между ИККИ и Китаем» и оно «не подчинено уполномоченным ИККИ в Китае, а ответственно за свою работу перед ОМС ИККИ». Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМСа должны были производиться «исключительно через заведующего ОМСом или его заместителей», финансовые операции — «лишь по указанию ОМС ИККИ», то же касалось заказов паспортов, прохождения всей переписки с границей. Наконец, «все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением разрешаются ОМСом».

Увеличение количества провалов у военных разведчиков к лету 1925 г. вынудило Москву провести 14 августа совещание представителей Разведупра, ИНО

ОГПУ, НКВД и Коминтерна. Оно было создано по предложению советского полпреда в Чехословакии Антонова-Овсеевко (одновременно являвшимся представителем Коминтерна под псевдонимом Ковач). В письме он указывал, что Разведупр, ИНО и Коминтерн не согласовывают своей деятельности, подкапывают друг под друга и т. д. Совещание, в котором приняли участие И. А. Пятницкий, Я. Берзин, А. Логинов, приняло решение вынести работу разведок из посольств, сократить работу спецслужб через местные компартии и прибегать к ней только с согласия местных ЦК или руководства Коминтерна. Было решено, что в случае, если члены компартии переходят на работу в разведку, то они обязаны предварительно выйти из рядов своей компартии. Было принято также решение, что список таких людей будет составляться в единственном экземпляре и храниться у И. А. Пятницкого/17 "Характерно, однако, что данное совещание решило не прерывать полностью сотрудничество компартий с разведкой, так как «товарищ Берзин указывал, что невозможно обойтись без квартир и адресов местных товарищей»/^

В связи с обострившейся международной обстановкой, ухудшением дипломатических отношений с рядом стран и раскрытием некоторых советских резидентов, по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) был принят ряд мер, которые усложнили условия работы уполномоченных ИККИ. Им было запрещено использовать в качестве «крыши» советские официальные

представительства за рубежом. «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими организациями за границу по линии НКВД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств, — говорилось в Постановлении Политбюро ЦК от 5 мая 1927 г. — Вместе с тем обязать НКВД обеспечить соответствующие условия для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышестоящих организаций».

«Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа... Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна... Привести в порядок финансовые операции Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации», — говорилось в Постановлении Политбюро ЦК от 28 мая 1927 г.[179

Как правило, по данным советского дипломата Г. Беседовского, распределение должностей в посольствах СССР за рубежом происходило по такой схеме: представитель ЧК — ОГПУ обычно получал должность второго секретаря, представитель военной разведки — военного атташе, а представитель Коминтерна — референта бюро печати/ 1 Хотя бывали и исключения из этого правила.

28 апреля 1928 г. по докладу И. Сталина «О Коминтерне и Советской власти» было принято решение, где говорилось, что «для того, чтобы не дать врагам лишнего повода утверждать о переплетении Сов[етской] власти с Коминтерном, снять доклад т. Рыкова об СССР на VI конгрессе... тт. Бухарину и Пятницкому разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна не

из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), обязательно через иностранных товарищей»/1811

За время с 1928 по 1935 г. в работе ОМС произошли значительные изменения. В конце 1929 г. был создан секретно-инструкторский подотдел. Он находился в подчинении заведующего ОМСом, непосредственное руководство им было возложено на заместителя заведующего отделом С. А. Сиротинского.

Шире развернул работу пункт связи ОМСа в Шанхае — крупнейший в Азии, стремившийся наладить контакты с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. Шанхайский пункт занимался получением и отправкой почты, зашифровкой и расшифровкой шифротелеграмм (в связи с усложнением работы после налетов на наши представительства в 1927 г. представитель ОМСа в Шанхае предлагал Пятницкому усилить конспирацию, «чтобы каждая телеграмма имела собственный ключ, так как в наших условиях неудобно хранить телеграммы»^{1^2 1}), распространением коммунистической литературы, финансовыми

181 РЦХИДНИ.Ф.167.Оп.162.Д.6.Л.70.Цит. по: Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.134.

182

операциями, в том числе передачей денег из Москвы руководителям компартий, приемом и отправкой работников ИККИ и обеспечением их квартирами, включая явочные, отправкой китайских студентов в Международную ленинскую школу, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и другие специальные учебные заведения СССР. Связь с представителем ОМСа в Шанхае предлагалось осуществлять следующим образом: приезжий должен был сначала остановиться в отеле «Палас», «Плаца» или «Барлингтон Отеле», затем по телефону 188-24 в течение дня позвонить и справиться о каком-нибудь товаре, но только у Хабера (А. Е. Альбрехта. — В. У.) и, между прочим, должен сказать, что он от Мишеля из Парижа или что-либо вроде этого. Запрещалось приезжим прямо идти на квартиру агента ОМСа или на его «предприятие»/]

Пункт связи ОМСа в Шанхае действовал через подставные экспортно-импортные фирмы. Так, в 1928 г. это была «Метрополитен Трейдинг К». «У нас здесь имеется довольно солидное предприятие, — писал агент ОМСа Альбрехт Пятницкому, имея в виду данную фирму, — которое мы используем для получения средств и некоторых материалов».[184]

Основной костяк работников азиатских пунктов связи составляли европейцы, за которыми полиция устанавливала слежку (к примеру, в Китае работали американцы Юджин Деннис/[^]Эрл Браудер (Джордж

Морис), Гаррисон Джордж, Филипп Аронберг, Джим Долсон, Стив Нелсон, супруги Маргарет Унжюс и Чарльз Крумбей, Паскаль Косгрейв, Марион Эмерсон и др.). [^]Предпочтение отдавалось западным европейцам. «Присылайте сюда (в Шанхай. — В. У.) только людей, которые могут сойти за европейцев (немцев, французов, англичан и т. д.), — просил агент ОМСа в Шанхае, — но ни в коем случае «чехов, болгар, югославян» и т. д.».[187]Причем предлагалось их соответствующим образом проинструктировать, чтобы они держались «подальше от наших «соседей», [188]под которыми имелись в виду сотрудники ИНО ОГПУ и IV управления Штаба РККА.

Нередко это были недостаточно подготовленные в профессиональном отношении люди, плохо знакомые с особенностями местных условий жизни, обычаями и традициями данного народа, что послужило причиной ряда крупных провалов и арестов работников пунктов связи ОМСа в Шанхае, Харбине, Ханькоу, Сингапуре. [[^]

Между Коминтерном и Наркоминделом часто возникали противоречия и вспыхивали стычки из-за вмешательства во внешнеполитические дела сотрудников Коминтерна. В документах от своих сотрудников глава Наркоминдела Г. В. Чичерин часто видел доказательства

(1904-1961) В 1931-1934 г. член Дальбюро ИККИ. С 1935 г. на партийной работе в США.

186 Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.227.

187 ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

188 ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

189 Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.160.

«отрыва коминтерновской политики от общей линии внешней политики» :1 0]Советской России. В одном из писем Чичерин 6 августа 1921 г. писал, что «Отдел внешних сношений жалуется на деятельность Туркбюро Коминтерна, которое безответственным образом вмешивалось во внешнюю политику и рассылало агентов в соседние страны, причиняя вред их деятельностью нашим международным отношениям». 11

УТК — КУТК — кузница кадров

для Китая

В СССР концепция осуществления мировой революции посредством свержения правящих режимов силой революционных народов при прямой поддержке извне (т. е. из Советской России) предусматривала подготовку руководящих кадров для этих народов на территории Советской России.

В первую очередь попытались организовать китайцев и корейцев, находящихся на территории Советской России. С финансовой помощью Наркоминдела была создана китайская рабочая организация, ей выделили три помещения в Петрограде и часть особняка в Москве по Богословскому переулку, дом № 6. Для китайцев были созданы агитационные курсы, им помогли созвать Всероссийский съезд китайских рабочих (на последнее мероприятие было выделено 10 тыс. рублей), данной организации ежемесячно выделялось до 20 тыс.

рублей. После определенной подготовки китайские и корейские агитаторы стали посылаться на Дальний Восток с целью «установления связи с пролетарскими демократическими организациями» того региона. Стоимость каждого агитатора с премией при возвращении обратно определялась, судя по письму Л. Карахана В. Ленину о пропаганде на Востоке от 20 февраля 1919 г., в Северный Китай и Корею 10 тыс. рублей, а в Южный Китай — 20 тыс.³¹

Учебные заведения, которые стали создаваться для трудящихся Востока, также могли рассматриваться как школа подготовки определенного числа будущих потенциальных разведчиков (после дальнейшего обучения в спецшколах) из китайцев, корейцев, японцев и т. д. Для этих целей было решено создать специальные учебные заведения для народов Востока под контролем Коминтерна. По постановлению ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1921 г. в том же году в Москве был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), в 1923 г. получивший имя И.В.Сталина, просуществовавший до 1938 г. Уже в 1921 г. в нем училось 36 китайских революционеров, через год — 42, в 1924 г. уже около 90 человек. В 1925 г. в связи с большим наплывом китайских студентов в атмосфере роста национально-освободительного движения и начала национальной антиимпериалистической революции в Китае созрела идея создания в Советской России специального высшего учебного заведения для трудящихся Китая. С этой целью в Москве был открыт

Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), просуществовавший до 1930 г. После поражения КПК в антиимпериалистической революции и установления в Китае жесточайшего «белого террора» УТК был переименован 17 сентября 1928 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). В конце 1925 г. при участии М. Бородина Гоминьдан и компартия отобрали 310 учащихся для направления их в УТК. Первая группа из 118 человек прибыла в Москву в ноябре. По данным Дэн Сяопина, как минимум 103 из них были членами партии и комсомола/ 5]Уже в феврале 1926 г. число китайских студентов в нем было около 340 человек (причем члены КПК и комсомола вначале составляли две трети, а затем — в период единого фронта и Северного похода — более трех четвертых от всего состава), а к концу года их насчитывалось уже более 500. По некоторым оценкам (точных данных в нашем распоряжении нет), в конце 1927 — начале 1928 г. в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК), образованным путем слияния бывшего УТК и китайской группы, ранее находившейся в составе КУТВ (30-40 человек), обучалось уже около 800 человек. 196]Весной 1927 г. вместе с М. Н. Роем и членом Политбюро ЦК КПК, членом ЦИК и Политсовета ЦИК Гоминьдана Тань Пиншанем в Китай выехала первая группа численностью около 40 человек из числа лучших слушателей — членов КПК и комсомола/197]К концу

1927 г. двухгодичный курс подготовки закончили несколько первых групп общей численностью около 300 человек. Часть выпускников была оставлена для работы в КУТК в качестве переводчиков, инструкторов, для исследовательской работы по Китаю, значительная часть была направлена в различные военные школы, училища и военно-политические академии СССР. А с 1925 по 1930 г. прослушали различные курсы в КУТК около 1200 китайских студентов/1981

Помимо этих учебных заведений существовали и другие: летом 1922 г. было открыто отделение КУТВ в Иркутске, где также учились китайцы. Во Владивостоке с середины 20-х годов функционировала Китайская ленинская школа, а также совпартшкола для молодых китайских рабочих. Помимо китайцев в этих учебных заведениях учились и представители «национальных меньшинств» Китая, хотя их количество было значительно меньше, всего несколько десятков человек. Среди них был довольно большой процент уйгуров.[199]Только на территории Среднеазиатских республик в 20-х годах проживало около 500 тыс. уйгуров, причем около половины из их числа формально являлись китайскими подданными/2001

198 г.В.Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая — Проблемы Дальнего Востока. 1966, № 2. С. 172; А.В.Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20 -40-х годов. М.,1985. С. 48, 50; Хуан Цзилян. Московские Университет трудящихся Востока и Университет им.

Сунь Ятсена. — Хэйлунцзян шэхуй кэсюэ. 1997, № 5. С.66.

199 В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1918-1931 гг. — Проблемы Дальнего Востока.1999. № 4. С. 117.

По просьбе руководства КПК (в частности, Чжоу Эньлая) Советский Союз организовал военную подготовку китайских революционеров, приехавших в Москву по коминтерновской и другим линиям, на специальных военных курсах. Организация военно-учебного процесса была возложена на Генштаб. В связи с этим он во второй половине 1927 г. внес специальное предложение обсудить на правительственной межведомственной китайской комиссии в Москве следующие вопросы:

«1.

- 1) О китайских учениках в ВУЗах.
- 2) Что делать с политически неблагонадежными.

3) Как быть с фыновцами (представители 1-й национальной армии Фэн Юйсяна. — В. У), оканчивающими в этом году.

II.

О целевой установке для китайских групп в ВУЗах (КУТК, Университет им. Сунь Ятсена) — необходимо ли преподавание тактики партизанской борьбы, техники подполья, усиление идейного и политического воспитания»/2011

201 Архив МОД920. ОП.68.Д.4.Л.275. Цит. по: Р.А.Мировицкая. Советско-китайские отношения: проблемы военной помощи Компартии Китая в 1927-1929 гг. — И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. М., 1993. С.309.

Для китайских групп был открыт прием в Военную академию им. М. В. Фрунзе, Военно-политическую академию им. В. И. Ленина, высшую артиллерийскую школу, военные учебные заведения в Киеве и др. Обучение китайских командиров осуществлялось также на курсах «Выстрел». Только в 1927 г. китайские группы проходили обучение: в военных школах и академиях (142 человека: из них 29 коммунистов, 51 комсомолец, 29 членов Гоминьдана, 33 фыновца), в школах ВВС (33 человека: 13 коммунистов, 7 комсомольцев, 9 беспартийных, 4 фыновца). Конкретно в Военной академии им. Фрунзе обучались 6 человек, в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева — 14 (там учился и сын Чан Кайши — Цзян Цинго[2° 2]), на курсах «Выстрел» — 31, в Московской артиллерийской школе — 63, в Тверской кавалерийской школе — 5, в Московской пехотной школе — 13, в Военно-инженерной школе — 15, в Летной военно-теоретической школе — 6, в Летной школе — 3, в Школе воздушного боя — 7, в Военно-технической школе и в Военной школе спецслужб — по 9 человек.[2°3] На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 27 октября 1927 г. было принято решение принять в военные вузы еще 30 командиров-коммунистов из бывших армий Хэ Луна и Е Тина, в связи с этим «увеличить смету Военвезда на 45 000 руб. по параграфу сметы об отпуске средств на обучение иностранцев в вузах».[2°4]

2°2 А.В.Панцов. тайная история советско-китайских отношений. М., 2001. С.265.

2°3 Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С. 309-310.

Студенты КУТВ и УТК проходили военную подготовку также в летних лагерях. Об этом говорит Постановление закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июня 1927 г., где в пункте д) предлагается «КУТВ принять 79 студентов, окончивших Университет Сунь Ятсена, в лагерь на летний период для прохождения военного обучения наравне со студентами КУТВ».

В связи с событиями 1927 г. в Китае, связанными с «переворотом Чан Кайши» и налетом на Генеральное консульство СССР в Гуанчжоу, где пять его сотрудников были зверски расстреляны, было решено «неблагонадежных студентов» и «правых гоминьдановцев» высылать через Владивосток-Шанхай на родину. Так в пункте г) постановления закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось о необходимости «отправить в Китай вместе с 36 правыми гоминьдановцами выпускного курса 32 правых гоминьдановца первого курса Университета им. Сунь Ятсена».[206] Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1927 г. в Китай также отправлялись пять слушателей Академии — правых гоминьдановцев. Решением Политбюро от 29 декабря 1927 г. была поддержана позиция руководства Университета им. Сунь Ятсена по очистке его от «правых гоминьдановцев». [2°8]

Вследствие еще большего обострения ситуации в Китае и ухудшения отношений с Гоминьданом в следующем году на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 марта 1928 г. было предложено «ввиду наличия большого количества чуждых нам элементов среди киткурсантов в военных школах, поручить Киткомиссии провести немедленно чистку с целью удаления всех гоминьдановцев, беспартийных фэновцев и сомнительных либо нежелательных комсомольцев». Всех удаляемых из военных заведений направлять в Китай. «Из числа оканчивающих в этом (1928 г. — В. У.) году

военно-учебные заведения оставить в СССР тех киткомандиров, которые при соответствующей политической обработке могут быть использованы в дальнейшем Киткомпартией для военной работы в Китае», — говорилось в документе/2101

Администрация и партийное руководство УТК после этого приняли решение исключить из университета детей Фэн Юйсяна: сына Фэн Хунго и дочь Фэн Фунэн (жену Цзян Цинго, псевдоним — Нежданова) (как детей маршала Фэн Юйсяна, совершившего антикоммунистический переворот в Китае) и ряд других студентов. Однако руководитель УТК Миф предлагал их не высылать в Китае, а рассматривать в «качестве заложников». Но наверху были против этого, и вынужденный смириться с поступившими указаниями, 25 мая 1928 г. дети Фэн Юйсяна, включая еще одну дочь Фэн Фуфа (которая также училась в УТК, псевдоним Собинова), выехали в Китай.

В связи с событиями в Южном Китае, арестом и убийством наших сотрудников в Гуанчжоу Политбюро ЦК ВКП(б) 23 декабря 1927 г. приняло решение «китайских контрреволюционеров (студентов и других), выступающих в пользу гоминьдановских генералов, арестовать и держать в заключении впредь до освобождения всех советских] граждан на территории Юж[ного] Китая, после чего выслать их». Этот факт ареста группы детей гоминьдановских высших чиновников и военных, а затем их высылки из СССР подтверждается данными личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ, [П2]который в то время учился в

Советском Союзе. Здесь же давалось указание НКВД «арест китайских контрреволюционеров сопроводить соответствующим заявлением». Специальным пунктом в документе предлагалось Московскому комитету ВКП(б) «организовать протест студенчества КУТВ и Университета имени Сунь Ятсена против зверств в Южном Китае». [2и]В тот же день от имени ИККИ была разослана телеграмма Центральным Комитетам всех компартий, в которой предлагалось «провести самую энергичную кампанию против контрреволюции, белого террора в Китае, убийства представителей СССР в Гуандуне». Компартиям предлагали организовать митинги и демонстрации перед английскими, японскими и американскими консульствами под лозунгами «Защиты китайской революции и СССР». ^51

Большинство слушателей в военные учебные заведения принимались из КУТКа и Университета им. Сунь Ятсена (127 человек в 1928 г.). ^61

По неоднократной и настойчивой просьбе китайской стороны снять с университета название «имени Сунь Ятсена» «в связи с той борьбой, которую компартия ведет против Гоминьдана и против суньятсеновской идеологии», по ходатайству ректора университета П. Мифа и в связи с изменившейся ситуацией в Китае, 17

сентября 1928 г. было принято следующее постановление оргбюро ЦК ВКП(б): «Ввиду слияния китсектора КУТВ с Университетом имени Сунь Ятсена принять предложение объединенного университета о присвоении названия «Коммунистический университет трудящихся Китая». [217]

Решающее слово при комплектовании китайских групп в военных училищах и академиях принадлежало китайской делегации при ИККИ. Стал делаться упор на прием в военные учебные заведения только китайских коммунистов. В протоколе № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 марта 1928 г. подчеркивалась необходимость в текущем учебном году «произвести прием в военшколы не менее 200 киткоммунистов, обратив особое внимание на увеличение контингента курсантов специальных военно-учебных заведений (авиационных, артиллерийских, инженерных и т. д.)». Здесь же отмечалось, что «в связи с изменяющимся составом курсантов поставить вопрос об уточнении целевой установки китгрупп в военшколах в сторону специализации по особым предметам (тактика вооруженного восстания, партизанская борьба, диверсионная работа и пр.)». ^

Так, 17 сентября 1928 г. Генштаб сообщил руководству Военной академии им. Фрунзе: «Согласно решению инстанций, в Военную академию в предстоящем году посланы 10 китайцев. Отбор кандидатов произведен китайской делегацией, которой в этом отношении

принадлежит решающее слово». Кто же конкретно решал, кого и куда распределить? Судя по имеющемуся протоколу совещания по распределению курсантов Высшей пехотной школы от 7 августа 1928 г., в данном случае решали Мифли Чжоу Эньлай (Москвин). Тогда по их решению 110 китайцев «передавались в Военное ведомство для распределения по различным школам» и «41 человек передавался в Университет трудящихся Китая».

Перед советскими военными академиями была поставлена задача подготовить китайских кадровых работников высшей военной квалификации. В июле 1928 г. Генштаб направил руководству академий следующий документ: «Академии должны подготовить из китайцев военных и военно-политических руководителей крупными войсковыми частями в Китае (от полка и выше)». [222]В соответствии с этой директивой академии РККА разработали трехлетний план академической подготовки особой (китайской) группы. В него включался как самостоятельный курс «тактика вооруженного восстания», который следовало читать по 60 учебных часов в год в течение 3 лет, на 2-м и 3-м годах должны были проводиться «военно-политические игры на

восстание». В цикл тактики вооруженного восстания входили вопросы подготовки восстания в городах, деревнях, техника подполья, комплектование партизанских отрядов, их подготовка и вооружение.

Изучение опыта партизанской борьбы, помимо изучения общей тактики и получения инструкторских навыков по военным дисциплинам, по решению Оргбюро ВКП(б), ставилось в программы Высших партийных курсов при КУТВ.[223]Для занятий с китайскими группами приглашали опытных советских командиров, в том числе и бывших военных советников в Китае — В. Блюхера, Н. Лапина, И. Мамаева.[224]

Перед военными учебными заведениями ставилась задача подготовки китайских специалистов «для нелегальной военной работы в китайских условиях».

В письме Я. Берзина и Ф. Судакова начальнику Военно-политической академии РКК А. Л. Шифресу (1898-1938) предлагалось больший упор сделать «на воспитание руководящих работников подполья, военных отделов парткомов и т. д. Все большее место в учебной программе должны занимать такие предметы, как теория и тактика вооруженного восстания, крестьянской партизанской войны и техника подполья». В документе

сообщалось, что «в Москве уже проведены односторонние игры на вооруженное восстание».

К началу 1928 г. в СССР прибыла новая большая группа — около 500 работников КПК и КСМК, участников вооруженных выступлений в различных районах Китая. В их числе находились военные и политические партийные работники, политработники частей Фэн Юйсяна, руководители и преподаватели военной школы в Сиани, большие группы членом КПК и комсомола — работники партийных органов, профсоюзов, активисты молодежного движения из районов Северного, Северо-Восточного и Центрального Китая, из Шанхая, Нанкина и Уханя, молодые командиры и политработники — участники Наньчанского восстания (с 31 на 1 августа 1927 г. военные части Хэ Луна, Е Тина и Чжу Дэ подняли восстание в Нанчане, повстанцы объявили о создании революционного комитета Гоминьдана, большинство членов которого составляли коммунисты, 1 августа 1927 г поэтому в КНР считается днем основания народной армии), восстаний в Гуандуне и других местах.

Китайские коммунисты, приезжавшие в Советский Союз на VI съезд КПК, конгрессы Коминтерна и по другим поводам, также обучались на специальных краткосрочных военных курсах. Так, по просьбе Чжоу Эньлая курсы были созданы летом 1928 г. для участников VI съезда КПК,

проходившего по конспиративным причинам в окрестностях Москвы (поселок Первомайский Нарофоминского района Московской области). Как следует из имеющейся в архивах справки, составленной соответствующим отделом Генштаба, 50 делегатов VI съезда КПК были обучены владению оружием, подрывному делу, тактике уличного боя. 10 членов ЦК КПК обучались тактике партизанского движения, технике

подполья, владению оружием. Подобные курсы продолжали функционировать и в последующие годы.

Хотя справедливости ради следует сказать, что не всегда программы обучения соответствовали желаниям китайцев, находящихся в СССР. Так, 16 декабря 1927 г. у здания ИККИ прошла демонстрация, на которую вышли около 100 курсантов военно-политических курсов при КУТВ с требованиями улучшения учебного процесса и военной подготовки. (За ней последовало предложение ректора университета Б. З. Шумяцкого об исключении 14 курсантов из университета).[22?] Китайские студенты направили специальное письмо представителям КПК в ИККИ с аналогичными жалобами, выдвигались предложения улучшить учебную программу, материалы на китайском языке, число и качество переводчиков, разбивку на группы, условия жизни. 28 января 1928 г. по этому вопросу в Политсекретариат ИККИ поступило письмо от Сян Чжунфа, представлявшего КПК в Коминтерне. Он писал, что «причины недовольства и волнения китайских курсантов в КУТВ нельзя искать в «анархизме» и «ликвидаторском настроении», которые, по мнению некоторых русских товарищей, якобы существуют у китайских товарищей в КУТВ». Автор заявлял, что «нельзя в данном случае этими обвинениями («анархизм», «ликвидаторство») прикрывать недостатки работы в китайской части КУТВ». Сян Чжунфа предлагал «улучшить» «общее и партийное руководство университета», «радикальным образом пойти на реорганизацию военно-политических курсов,

потому что от тех курсов, которые существуют сейчас, которые подобраны при огромной затрате средств, которые при отправке в Москву подвергались большому риску, от этих курсов сроком в несколько месяцев или один год пользы совсем мало», как показывает опыт, они себя не оправдали. «Для того чтобы эти курсы себя оправдали, чтобы мы во время вооруженного восстания при помощи этих курсантов могли использовать те или иные отобранные у врагов технические вооружения (пулеметы, оружие, аэропланы, инженерные имущества и т. д.), — писал Сян Чжунфа, — а не только стрелять из винтовки, для этого необходимо выделить часть более развитых и имеющих небольшой военный опыт курсантов из нынешнего состава и направить их в строевые школы на различную военно-техническую подготовку, а остальных политически более развитых — на общие политические курсы». 1

После этого 20 января 1928 г. была сформирована комиссия по урегулированию конфликта в КУТВ во главе с заместителем заведующего АПО ЦК ВКП(б) Я. Э. Стэнном (1924-1937), которая после определенной работы вынесла 27 февраля 1928 г. свои предложения на заседание оргбюро ЦК ВКП(б). Было признано, «что конфликт на китсекторе КУТВ и ВПК возник не только по причинам, связанным с составом слушателей, но и вследствие существенных недостатков, допущенных руководящими работниками КУТВ по линии партийной и учебной работы среди китайских товарищей».

Констатировались следующие недостатки: в университете «неудовлетворительный подбор партактива в отношении его квалификации», чрезмерная текучесть состава сотрудников КУТВ, «недостаточная связь администрации со студентами на почве их хозяйственно-бытовых нужд, излишняя административная опека над студентами вне учебного времени», неудовлетворительное состояние общежитий/2301

Было признано «согласиться со снятием с работы в парткомиссии спецгруппы секретаря парткомиссии т. Вельтнера, одновременно подтвердив необходимость снятия из университета тт. Андреева, Преснева, Обухова и Игнатьева (псевдонимы, читай: У Хуцзин, Хуан Шицзя, Чжу

Тинчжан и Цзун Сицзюнь. — В. У). Приняли также решение откомандировать из университета «активных участников дезорганизаторских выступлений на китсекторе КУТВ и ВПК — Люлина, Ломоносова, Грибоедова, Петухова, Осина (читай: Лу И, Ли Сягуна, Чжу Дайцзе, Ма Юаньшэна и Хэ Шэньяна. — В. У.) и Ван Го и трех аспирантов КУТВ: Меликсетова, Ким Сан Тачи и Удорятина».[231]

Однако проблемы с университетом продолжали существовать. В марте 1929 г. в ИККИ поступило письмо делегации КПК, в котором вновь подвергли критике плохую работу в КУТК. В нем указывалось, что за последние годы университет израсходовал на свои нужды 5 млн. рублей. «А полученные достижения выражаются лишь в том, что среди 250 приехавших

студентов только очень незначительное число можно использовать для работы, — говорилось в письме. — Их учеба так не соответствует действительности и их теоретический уровень так беден». В документе сообщалось, что около 30 приехавших в Китай студентов выдали себя Нанкинскому правительству. «Они опубликовали в печати список студентов, учащихся в Москве. Некоторые из них даже использованы и организованы Нанкинским правительством для шпионства среди студентов, вернувшихся из Москвы в Китай, в Шанхае, Дайрене (Дальнем. — В. У.) и других портах», — утверждалось в письме.[233] Считая, что «КУТК есть партийная школа ККП», китайская делегация требовала отчета о работе от ответственных товарищей университета, она требовала «усиления военной учебы, введения в курс учебы особого предмета «вооруженное восстание», улучшения работы библиотеки, максимального сокращения штата университета, состоящего из 396 работников. В заключение было заявлено, что «нынешнее состояние КУТК не удовлетворяет» китайскую сторону и что при определении курса университета «нужно исходить из спроса Китая».[234]

6 ноября 1929 г. по решению Секретариата ЦК ВКП(б) вновь была создана комиссия по обследованию КУТКа во главе с К. И. Кирсановой. Комиссия указала, что «директива ЦК о необходимости мероприятий, ликвидирующих неудовлетворительность социального

состава студенчества КУТК, не выполнена, производственная и партийная практика для студентов не организована, КУТК, не обеспечен кадрами научных работников, преподавателей, руководителей кафедр. Среди политических, практических и бытовых извращений в жизни ячейки КУТК были названы следующие: гоминьдановщина, ликвидаторство, упадничество, правоуклонистские взгляды в вопросах положения в Китае и задачах КПК, борьба против линии партии, призывы к борьбе против политики партии, примиренчество, троцкизм, национализм, нарушение партийной и учебной дисциплины, мелкобуржуазные требования абсолютной демократизации и справедливости, разрыв между массой и руководством, отсутствие минимального доверия к руководящим парторганам и, наконец, беспринципная групповая борьба, личные склоки и драки.[235] После обсуждения комиссия разделилась поровну: одна часть за ликвидацию КУТК (Кирсанова, Петерс, Пшеницын), вторая — против ликвидации, за коренную реорганизацию (Булат, Гопнер и Таль). В конце концов победила первая группа (Кирсанова, Петерс, Пшеницын) и КУТК был закрыт.

Таким образом, несмотря на сложную и противоречивую обстановку второй половины 20-х годов, советская сторона не жалея сил и финансовых средств организовала довольно эффективную подготовку военачальников для Китая и КПК. Известно, что в Военно-политической академии им. Толмачева учился в

1928 г. сын Чан Кайши Цзян Цинго. Учился долгое время и работал в СССР (всего около 15 лет) член КПК и будущий переводчик Мао Цзэдуна Ши Чжэ.[237]

Первые группы подготовленных военных специалистов отправились в Китай в период развертывания строительства Красной Армии и расширения масштабов партизанской войны уже весной — летом 1929 г., а основная часть группами и поодиночке в конце 1929 — начале 1930 г.

По имеющимся далеко не полным данным и оценкам зарубежных авторов, значительная часть командного и политического состава частей Красной Армии, начиная от командиров и комиссаров полков и выше, прошли подготовку в различных военных учебных заведениях СССР, что явилось одним из условий быстрого развертывания вооруженных сил КПК. Среди них были политкомиссары и начальники политотделов, начальники штабов крупнейших военных соединений, организаторы военной разведки, а также особых отделов руководящих органов КПК и Красной Армии.

Многие из слушателей советских военных учебных заведений внесли заметный вклад в дело победы китайской революции. Хорошо известно, что такие китайские военачальники, ветераны китайской революции, как Чжу Дэ, Линь Бяо, Хэ Лун, Е Тин, Не Жунчжэнь, Сюй Сяньцянь, Е Цзяньин, Дэн Сяопин и многие другие прошли обучение в советских военных учебных заведениях либо изучили советский военный

опыт, взаимодействуя с военными советниками России в Китае.

Были и серьезные проблемы со здоровьем у многих китайцев, приезжающих на учебу в СССР, а это отражалось на учебе, особенно если из них готовили военных специалистов. Так, после одного из медицинских обследований было выявлено, что из 100-120 учащихся-китайцев КУТКа в 1929 г. 70 % больны нервными болезнями и туберкулезом. Те, кто занимались подбором абитуриентов в Китае для учебы в СССР, жаловались, что «очень многие из китайских рабочих (на которых делался упор. — В.У.) больны: глазными болезнями, туберкулезом и сифилисом», что затрудняло работу по подбору/2381

Как следует из архивных документов, во второй половине 20-х годов подготовка и переподготовка командиров китайской армии осуществлялась и в Китае, к примеру, в военной школе Вампу, затем на территории «опорных баз». Только из одного проекта месячной сметы по военной работе в Китае, составленной Чжоу Эньлаем 12 мая 1928 г., видно, какие средства (по 5 тыс. мексиканских долларов) СССР выделял на военную подготовку и организацию школ младшего комсостава на о-ве Хайнань, в Хайлуфуне, пров. Хунань; в каждой школе обучалось по 400 курсантов.™

Судя по приводившимся документам, требовалось все большее и большее количество китайцев, прошедших обучение в СССР. Так, в пункте № 7 Протоколов № 63 и

238 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.3. С. 690, 691.

239

64 (Особый № 47) заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 и 21 октября 1926 г. говорилось: «Направить в распоряжение ЦК Гоминьдана и Политуправления кантонских армий известное количество китайских товарищей из КУТВ и Университета имени Сунь Ятсена в Москве». В Протоколе № 103 (особый № 81) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 мая 1927 г. пункт «д» предлагалось «послать 10 коммунистов-китайцев из оканчивающих КУТВ и Университет им. Сунь Ятсена для работы в частях Юй Южэня, а в пункте «е» поручалось Ф. Раскольникову снестись с Ханькоу по вопросу о включении известного количества кандидатов Юй Южэня в общую разверстку китмолодежи, направляемой в советские вузы. А через неделю 26 мая в пункте «д» Протокола № 105 (особый № 83) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось: «Отправить окончивших Университет им. Сунь Ятсена 64 чел. в распоряжение Нацпра (Национального правительства. — В. У); в первую очередь — коммунистов и комсомольцев, во вторую — гоминьдановцев».

Студенты, обучающиеся в СССР, использовались также как пропагандисты и агитаторы точки зрения Москвы на обстановку в Китае и в КПК. Об этом говорит пункт 1-й Предложений Ф. Раскольникова об организационных мерах в отношении Компартии Китая: «Направить в Китай, в частности в Ханькоу и Шанхай, из КУТВа и Суньятсеновского университета группу студентов,

способных объяснить нашу точку зрения и бороться с оппортунизмом руководителей Китком па рти и ». [242]

Обучение китайцев в военных учебных заведениях СССР продолжалось и в 30-е годы. Об этом наглядно говорит «Письмо представителей ЦК компартии Китая при ИККИ Ван Мина и Кан Шэна И. А. Пятницкому о зачислении китайских коммунистов в военные школы, академии, школы ОГПУ» от 31 июля 1933 г.

«По поручению ЦК нашей партии, — говорилось в нем, — обращаемся к вам с просьбой, чтобы вы поставили перед ЦК ВКП(б) вопрос о том, чтобы ЦК ВКП(б) разрешил ЦК КПК откомандировать 100 китайских товарищей в разные военные школы и академии в СССР. Из них примерно: 20 в авиационную школу, 20 в артиллерийскую, 15 в военно-химическую, 15 [в] военную, 10 в пехотную, 10 в кавалерийскую и 10 [в] специальную для работы по линии штаба. Кроме того, просим командировать 20 кит[айских] товарищей на учебу по линии работу ГПУ. Все эти военные специалисты очень нужны нашей партии и РККА Китая». Интересно, что над текстом письма слева была помета рукой неизвестного: «Поговорить спешно с т. Берзиным». [244]

Советская разведка в Китае

Непосредственно после захвата власти в октябре 1917 г. большевики практически не имели сколько-нибудь достоверной информации о том, что в это время происходило в Китае и каков был там расклад политических сил. Соответственно, было не очень ясно, какую позицию по отношению к двум существовавшим

тогда в этой стране правительствам — Пекинскому республиканскому правительству во главе с Дуань Цижунем и Военному правительству Южного Китая в Гуанчжоу во главе с Сунь Ятсеном — следовало занять. Было известно, что Пекинское правительство признано великими державами, но его политический курс был не вполне ясен. Как должна была вести себя по отношению к нему Советская Россия? Как к пособнику империалистов или как к правительству, по-прежнему находящемуся в неравноправном положении на международной арене и потому представлявшему собой потенциального союзника России? Необходимо было как можно скорее дать аргументированный ответ на данный вопрос, чтобы в дальнейшем правильно строить свою конкретную политику в отношении восточного соседа. В первую очередь ответы на этот вопрос должны были быть получены из Китая от дипломатических сотрудников и от разведки.

Первоначальные взгляды российского дипломатического ведомства на Восток в целом и на Китай в частности хорошо видны из заявлений советской стороны во время обмена визитами 19 и 20 января 1918 г. заведующего Восточным отделом НКВД А. Вознесенского с китайским секретарем Ли Шичжуаном, которые прошли в «дружеской обстановке». Так, участвовавший в обмене визитами ответственный сотрудник Наркоминдела Е. Поливанов заявил китайскому чиновнику: «В Китае и в России революция произошла почти одновременно. Если оставаться на почве исторических фактов, следует признать, что революционная ситуация в России созрела раньше, чем в Китае. Но путь ее был извилист, и никто не мог предположить, что Китай станет страной, опередившей в

данном отношении Россию. Я уверен, что китайцы не могут не приветствовать установление власти народа в нашей стране. Ведь народы Китая и России — братья, которые должны рука об руку идти к общей цели». 45

Далее речь зашла о перспективах революции в Китае и Японии. Ли Шичжуан упомянул о том, что не будь нынешней мировой войны, в России ни при каких условиях не могла бы быть установлена власть народа. Поливанов приветствовал это мнение своего коллеги: «Несмотря на то, что мировая война принесла людям неисчислимые бедствия, она в то же время способствовала освобождению народов. Я уверен, что противоречия между Англией, Японией и Америкой уже совершившийся факт. В недалеком будущем между этими странами вспыхнет война. Ее

результатом станет революция в Японии. Мы должны воспользоваться этим и начать действовать. Сейчас мы способствуем тому, чтобы Индия вышла из-под гнета Англии. Мы помогаем ей обрести независимость. Одним словом, общая ситуация в 20 столетии определяется тем, что дни империалистических правительств сочтены!».

Однако вскоре позиция советских руководителей резко изменилась. Этому способствовало два момента: первое — то, что китайский посланник принял участие в демарше дипломатического корпуса, явившись вместе со своими коллегами к Ленину и заставив его отдать приказ

об освобождении арестованного румынского посла; вскоре он вслед за персоналом других посольств покинул Петроград и направился в Вологду, отказавшись переехать в Москву. Второе — то, что уже в декабре 1917 г. в результате сговора держав Антанты с Пекином китайские войска, нарушив действовавшие в то время международные соглашения, заняли зону КВЖД, силой оружия разогнали Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов и передали контроль над важнейшей железнодорожной магистралью белогвардейцам и представителям Антанты.

Уже 22 февраля 1918 г. Наркоминдел направил международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал им:

«В отношении китайцев надлежит помнить, что нынешнее Пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшимся восстание против реакционного севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику».

Однако в дальнейшем Наркоминдел не отказывался от общения с реакционным Пекинским правительством, но уже не считал необходимым обсуждать с ним проблемы мировой революции. Данная тема должна была стать центральным пунктом в общении Советского правительства с революционным Югом во главе с Сунь Ятсеном.

Борьба за признание

Советская Россия желала, чтобы Китай ее признал и установил с ней официальные дипломатические отношения. Однако переговоры по этому вопросу затягивались на неопределенное время. Здесь сказывалась враждебная позиция империалистических государств, которые, начиная с Вашингтонской конференции, оказывали сильный нажим на Пекин, стремясь не допустить заключения российско-китайского соглашения об установлении дипломатических отношений. Попытки установить дипломатические отношения между Китаем и созданной в апреле 1920 г. Дальневосточной республикой (направившей в конце августа в Пекин своих дипломатических представителей во главе с А. Ф. Агаревым, а затем с И. Л. Юриным) также ни к чему не привели. Хотя они и создали условия

248 Вашингтонская конференция (12 ноября 1921- 6 февраля 1922 г.), в которой участвовали США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия,

Нидерланды, Бельгия и Португалия, зафиксировала новое создавшееся после Первой мировой войны соотношение империалистических сил в Китае и бассейне Тихого океана, благоприятное для США. Советская Россия, крупнейшая тихоокеанская держава, не получила приглашение на конференцию. Делегации Дальневосточной Республики, которая прибыла на конференцию, власти США не разрешили в ней участвовать.

249 Игнатий Людвигович-Маринович Дзевялтовский-Гинтовт (поляк, известный в России как Игнатий Львович. Юрин был одним из первых советских комендантов Зимнего Дворца. В царской армии он командовал ротой. В Красной Армии — главный комиссар военно-учебных заведений, военный комиссар Всероссийского главного штаба, член РВС 12-й армии, затем секретарь Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), военный министр, впоследствии министр иностранных дел ДВР. Фамилия Юрина долгое время замалчивалась в советской исторической литературе в связи

с тем, что он в середине 30-х годов якобы бежал в Польшу и стал «изменником, польским националистом». (Е.А.Ягодинский. Первые советские коменданты Зимнего дворца. — Вопросы истории. 1990. № 4. С. 163. Цит. по. Ф.Б.Белелюбский. «Нет рецепта писать мемуары» (Обзор архива М.И.

Казанина). — И не распалась связь времен...С.77).

для направления в Китай первой официальной дипломатической миссии РСФСР во главе с А. К. Прайкесом (конец 1921 — первая половина 1922 г.), а затем с А. А. Иоффе (август 1922 — январь 1923 г.). Она стала возможной только после того, как в сентябре 1920 г. Пекинское правительство наконец отказалось признавать бывшего царского посла и консулов и объявило аннулированным право экстерриториальности русских на китайской территории/2501

Как известно, Советское правительство еще в 1917 г. лишило все царские дипломатические представительства за границей их полномочий. Однако они продолжали именовать себя по-прежнему и, более того, пользовались признанием как правительств, при которых они в свое время были аккредитованы и которые надеялись как на реставрацию в России старых порядков, так и дипломатического корпуса. Такое же положение было и в Китае.

Русским посланником в Китае все еще считался князь Н. А. Кудашев. После Октябрьского переворота 1 декабря 1917 г. Кудашев получил от первого народного комиссара по иностранным делам в первом правительстве Советской России Л. Д. Троцкого телеграмму, посланную 30 ноября, где миссии в Пекине было предложено сотрудничать с Советским правительством. Здесь же излагалась суть внешней политики.[251]Через неделю 7 декабря Кудашевым была получена вторая телеграмма от 5 декабря следующего

250 в.Аварин. Империализм в Маньчжурии. Т.1.М. — Л. 1934. С.199.

251 ГАРФ (бывший ЦГАОР). Ф.200. Д. 462.Л.4. Цит. по: Е.А.Белов. Россия и Монголия. М. 1999. С. 150.

содержания: «Совет Народных Комиссаров предлагает всем служащим Посольства немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая преуказана Съездом Советов Солдатских и Рабочих Депутатов и Съездом Крестьянских Депутатов и которая нашла себе выражение в мероприятиях, направленных к скорейшему заключению мира. Все не желающие проводить эту политику должны немедленно устраниваться от работы, сдав дела низшим служащим, независимо от занимавшегося им (так в тексте — В. У.) ранее поста, раз они не согласны подчиняться советской власти. Попытки чиновников, враждебных советской власти, продолжать свою политику в прежнем направлении будут приравнены к тягчайшему государственному преступлению. Содержание настоящей телеграммы сообщите всем консулам. Требую немедленного и категоричного ответа». Однако ответа не последовало. Дело в том, что Н. А. Кудашев 19 ноября 1917 г. получил телеграмму от российского поверенного в делах в Лондоне К. Д. Набокова, в которой сообщалось, что весь личный состав МИД России отказался сотрудничать с правительством Ленина.[253]Это сообщение Кудашев передал 21 ноября циркулярной телеграммой всем российским консулам в Китае. На следующий день он также циркулярной телеграммой приказал консулам не подчиняться Троцкому и оставлять его телеграммы без ответа. Почти все российские консулы в Китае единодушно последовали этому приказу Кудашева и выразили готовность руководствоваться в своей деятельности только указаниями миссии в Пекине.

5 декабря миссия сделала заявление китайскому правительству о том, что она отказалась подчиняться правительству большевиков и будет по-прежнему «продолжать свои обязанности до сформирования законного Правительства в России»/2541

Китайское правительство не признало Советскую власть. Оно даже просило Кудашева предписать российским консулам в Китае «оказывать содействие китайским властям в мерах противодействия появлению в Китае большевистских агентов». В то же время, по словам Кудашева, Пекин снабдил инструкциями китайские пограничные власти «относиться доброжелательно к большевикам».¹

Однако Троцкий не успокаивается и 6 января 1918 г. шлет очередную телеграмму в российскую миссию в Пекине, где просит указать фамилии сотрудников, готовых служить Советскому правительству, и обещает им повышенные оклады.² Но и эта телеграмма остается без ответа. Тогда в марте Москва пытается заменить Кудашева и консулов своими дипломатическими и консульскими представителями. Оно уведомляет правительство Китая о том, что дипломатическим представителем Советского правительства в Пекине назначается бывший российский вице-консул в Шанхае А. Н. Вознесенский, который был отстранен от работы на посту вице-консула за свои демократические убеждения еще при царском правительстве. Генеральным консулом

254 Там же. Л.33; С.151.

255 Там же. Л. 39; С.151.

256 Там же. Л.6; С.151.

в Урге назначается типографский рабочий из Кяхты А. Н. Васильев, консулом в Кульдже — ставший на сторону Советской власти секретарь Консульства А. П. Зинькевич, консулом в Хайларе — солдат Домбровский, консулом в Куаньчэнцзы (Чанчунь)— рабочий-железнодорожник Дронов.^{[2} Однако Пекинское правительство не признало эти назначения и не пустило названных лиц на территорию Китая.

А Кудашев и его штат продолжали занимать обширные здания миссии в посольском квартале и называть себя представителями Временного правительства и русского народа. Самым умным из членов царской миссии считался, по мнению секретаря миссии ДВР М. И. Казанина, первый секретарь царской миссии В. В. Граве, красивый и стройный, с маленькой острой бородкой, безупречно одетый, всегда ходивший с моноклем. Хорошее впечатление производил второй секретарь миссии Игорь Митрофанов, молодой, чисто выбритый блондин, хорошо знавший Пекин и его историю. Хорошо известными среди ориенталистов были драгоманы Бруннет и Гагельстром. Старший драгоман Колесов, по словам китайского учителя Казанина, был «мерзавцем и ничтожеством».⁵⁸¹

И вот наконец 22 сентября 1920 г. китайские газеты опубликовали декрет президента о том, что «Китай... перестает ныне признавать Российских Посланников и Консулов», так как «они давно утратили свой представительный характер и поистине не имеют

257 Там же. Л.9; С.151.

258

основании продолжать исполнять лежащие на них ответственные обязанности».

Вслед за этим последовали распоряжения провинциальных властей о закрытии царских консульств. Однако царские дипломаты, опираясь на поддержку дипкорпуса, оказывали сопротивление исполнению президентского декрета.

По приказу Чжан Цзолина 30 сентября 1920 г. было закрыто консульство в Цзилине, затем в Хэйхэ, в Шэньяне и Чанчуне. В Шанхае бывший генеральный консул фон Гроссе пытался удержаться на своем посту, но успеха не имел, его заместителем вице-консулом был К. Э. Мецлер, ²⁶⁰ в царском консульстве также был консульский судья Н. А. Иванов.^[261] в декабре закрылось консульство в Гуанчжоу, а в других городах значительно позже.^[262]

После длительных переговоров старого консульского корпуса с китайскими властями было достигнуто соглашение, по которому все функции

русского консульства, за исключением судебных, были переданы в ведение Бюро по русским делам. Бюро продолжало оставаться в шанхайском помещении консульства в том же составе, но комиссаром по русским делам был назначен китайский чиновник МИДа, в В. Ф. Гроссе стал его заместителем/2631

Известно, что сотрудники царских консульств, разбросанные по разным городам Китая, так же как и сотрудники миссии в Пекине, вели разностороннюю антисоветскую деятельность. Они собирали белогвардейских офицеров, а затем переправляли их через границу в армии Колчака, Семенова, Врангеля. Известна роль князя Кудашева, возглавлявшего царскую миссию в Пекине, который укрывал бандита и убийцу Калмыкова, бежавшего в феврале 1920 г. из Харбина на китайскую территорию. Арестованный 8 марта китайскими властями, Калмыков содержался в цзилиньской тюрьме. Однако по указанию Кудашева царский консул в Цзилине (Гирине) Братцев помог Калмыкову 16 июля бежать из заключения, а затем укрывал его в своем консульстве до конца августа.⁴¹

Пекинское правительство безусловно было осведомлено об истинном характере «дипломатической» работы царского посланника. Для иллюстрации уместно рассказать о беседе между Кудашевым и министром иностранных дел Ян Хойцином, состоявшейся, очевидно, в середине сентября 1920 г. Встреча произошла по просьбе Кудашева, пришедшего заявить протест против того, что Вайцзяобу (Министерство иностранных дел)

263 П. Балакшин. Финал в Китае. С.328.

лишило бывшую царскую миссию права шифрованной переписки. Ян Хойцин, отклоняя протест, объяснил решение министерства тем, что «шифровки посольства несомненно связаны с политическими действиями», которые «могут создать затруднения для местных китайских властей». И чтобы не было сомнений, о каких действиях идет речь, министр сослался на пример цзилиньского консула, который, выполняя распоряжение Кудашева, очевидно, тоже переданное шифром, укрывал у себя политического преступника Калмыкова/2651

Финансирование сотрудников консульств и их деятельности шло через Русско-Азиатский банк, в который Китай исправно вносил каждые два месяца 250 тыс. таэлей в счет погашения «боксерской» контрибуции.[266]эти деньги шли в распоряжение Кудашева. Неоднократные протесты Советского правительства, отказавшегося от получения контрибуции, но требовавшего «не выдавать эти вознаграждения бывшим русским консулам... или русским организациям, на это незаконно претендующим», систематически игнорировались.⁷¹

265 Газета "Шанхайская жизнь" от 24 сентября 1920 г. Цит. по: М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М.,1962. С. 119-120.

266 7 сентября 1901 г. пекинское правительство подписало с послами восьми держав, включая Россию, так называемый «заключительный протокол». Он налагал на Китай огромную контрибуцию за материальный ущерб, нанесенный иностранным державам повстанцами, в размере 450 млн. таэлей, которая должна быть выплачена в течение 39 лет. Вместе с процентами сумма контрибуции составляла 147 млн. фунтов стерлингов, то есть почти полтора миллиарда русских рублей.

7 августа, вскоре после того как пограничным властям было дано указание пропустить делегацию ДВР в Китай, пекинское правительство официально уведомило Кудашева и правление Русско-Азиатского банка о прекращении взносов «боксерских» денег и о том, что очередной взнос оно положит в китайский государственный банк.

Как только царская миссия была лишена признания китайцев и Кудашев по известным причинам перестал выплачивать содержание консулам, часть из них обратилась к представителям ДВР с предложением своих услуг. Однако некоторые из них, по данным М. Казанина, просто занимались вымогательством и попрошайничеством. Несколько чиновников бывшего консульского аппарата были взяты на работу в аппарат миссии ДВР. Среди них очень хорошее впечатление производил Тужилин — бывший вице-консул в Цицикаре. Он был образованным китаеведом, скромным и одиноким.[269]

Поэтому закрытие всех царских консульств и отказ пекинского кабинета финансировать деятельность бывшей царской миссии являлись большим успехом советской дипломатии и выбивали финансовые рычаги у организаторов антисоветской деятельности, а также способствовали созданию минимально необходимых условий для ведения переговоров с миссией ДВР, а позднее и с РСФСР, являясь первым шагом к

нормализации советско-китайских отношений и признания Советской России.

После признания Советского Союза китайским правительством весной 1924 г. Бюроо по русским делам в Шанхае было закрыто, а здание российского консульства передано советским консульским представителям.

Совесткая разведка в Китае внимательно следила за дальнейшими действиями царских консульских работников и организациями, создаваемыми при их участии.

По инициативе доктора Д. И. Казакова, председателя Русского православного братства, состоялось совещание русских эмигрантских организаций в Шанхае по вопросу о правовом положении эмигрантов из России. Избранная комиссия под председательством В. Ф. Гроссе выработала временное положение о Комитете защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае. Председателем комитета был избран В. Ф. Гроссе, а вице-председателем Н. А. Иванов. Новая эмигрантская организация стала называться Белым консульством.

Комитет был организован не на основе выборов, а по принципу личного подбора его состава. На первых порах своей деятельности комитету пришлось потратить много времени и труда по делу генерала Н. С. Анисимова, который с группой лиц в 450 человек вышел из подчинения генералу Ф. Л. Глебову (имя

270 Ф.Л.Глебов — генерал, начал Первую мировую войну в чине вахмистра. За боевые заслуги был награжден всеми Георгиевскими орденами и крестами. 14 сентября 1923 г. на пароходе «Охотск» прибыл из Владивостока в Шанхай. По прибытии в Шанхай он продал «Охотск» и другой российский пароход одной китайской фирме. Глебов был фигурой неоднозначной и многих неустраивающий. Верные семеновцы не могли ему простить перехода на сторону правительства

Фалдей генерал сменил на Федор, считая его плебейским), захватил один из кораблей — Монгугай — и ушел на нем во Владивосток. Это был первый случай массового возвращения русских эмигрантов в Советский Союз, оставшийся незамеченным за пределами Шанхая/2711

С момента возникновения Комитета защиты прав у него возникли недоразумения с некоторыми эмигрантскими группами и их деятелями. В этих недоразумениях прежде всего сказалось столкновение гражданской и военной власти, т. е. В. Ф. Гроссе, бывшего российского генерального консула, и

бартьев Меркуловых, когда он заменил атамана Семенова на посту командующего остатками семеновских войск в Гродеково. Участники похода белоповстанческих войск из Владивостока в Корею обвинили Глебова в создании в лагерях беженцев атмосферы концлагерей. По его приказу во Владивосток высылались лица, которых он подозревал в приверженности к большевизму. Люди его отряда, прибывшие в Шанхай, ставили ему в вину полное безразличие к условиям, в которых

они находились в трюмах кораблей, страдая от желудочно-кишечных заболеваний, куриной слепоты, недостатка питания и медицинской помощи, в то же время как он, их начальник, прокручивал деньги в Шанхае. О Глебовах говорили, что он однажды заплатил танцовщице в дансинге 500 долларов за порванное платье. Глебова обвиняли в самовольном и безконтрольном распоряжении деньгами, полученными им от продажи кораблей, на которых его отряд прибыл в Шанхай. В 1925 г. по распоряжению атамана Семенова была назначена комиссия по расследованию деятельности Глебова. Комиссия собрала «обширный материал, но обстановка не дала возможности завершить дело до конца». Прояпонские элементы русской эмиграции ставили Глебову в вину, что во время японо-китайского конфликта он способствовал набору русских специалистов, артиллеристов, пулеметчиков и т. д. для гоминьдановских войск. Люди, стоявшие близко к российским консульским кругам, обвиняли Глебова в недопустимом отношении и грубой травле последнего царского генерального консула в Китае В.Ф.Гроссе. Как считает П.Балакшин, генерал Глебов был платным секретным агентом Гоминьдана (П.Балакшин. Ук. Соч., с. 344). Генерал Глебов не остался в долгу перед своими многочисленными обвинителями. В 1936 г. он представил обстоятельный рапорт Главному центру Гоминьдана в Нанкине, но мишенью для своих обвинений избрал только К.Э.Мецлера и его группу. (П. Балакшин. Финал в Китае. С. 229-240.)

Ф. Л. Глебова, главы большой военной группы, прибывшей из Приморья. Эти разногласия усугубились еще и тем, что в стенах российского консульства до передачи его советским властям функционировал комитет по репатриации русских/2721

В 1925 г. Комитет по защите прав был реорганизован, и в его состав вошли председатели всех русских общественных организаций. Он стал объединенным представителем русской колонии Шанхая, признаным властями Великого Шанхая, Сеттльмента и Французской концессии.

Углублявшиеся разногласия вылились наконец в полный разрыв в 1926 году, когда на заседании Русского благотворительного общества под председательством К. Э. Мецлера было выражено недоверие большинству правления Комитета. В ответ на это В. Ф. Гроссе вышел из Комитета защиты прав и организовал Русский эмигрантский комитет и благотворительное общество под названием «помощь». В Шанхае таким образом образовалось сразу две правовых организации, претендовавших на представительство колонии, и две благотворительных организации. Председателем Комитета защиты прав был избран Н. А. Иванов, а В. Ф. Гроссе возглавил Русский эмигрантский комитет.

В 1929 г. Комитет защиты прав вновь был реорганизован, пополнен новыми людьми и придан существовавшей Русской национальной общине, во главе которой стоял «старшина Общины», капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин. В октябре 1931 г. В. Ф. Гроссе умер и

председательство Русского эмигрантского комитета перешло к К. Э. Мецлеру. 71J

Поскольку в первой половине 1921 г. ДВР вышла на маньчжурскую границу с Китаем, министерство иностранных дел республики назначило Э. К. Озарнина своим генеральным консулом в Харбине. Своего резидента ДВР готовила для Северо-восточного Китая в г. Маньчжурия, где находилась крупная станция КВЖД. Восстановление нормального железнодорожного сообщения между Китаем и ДРВ имело крайне важное значение. Этим вопросом занимался лично В. И. Ленин. Ф. Дзержинский предложил поручить переговоры с китайскими властями слушателю Академии генерального штаба П. Ф. Жуйкову-Александровскому. Перед его отъездом из Москвы Ф. Дзержинский, П. Жуйков-Александровский и Л. Карахан были приняты В. Лениным. Последний, подчеркнув, что советский дипломат встретится с огромными трудностями, сказал: «Задача ваша состоит в том, чтобы в кратчайший срок заключить с правительством Северного Китая договор об открытии границы с ДВР и установлении сообщения по Читинской и Китайско-Восточной железным дорогам».

Уже в декабре 1920 г. П. Ф. Жуйков-Александровский выехал из Москвы в Читу. «В мандате, выданном мне МИДом ДВР, — вспоминал он, — значилось, что я являюсь представителем Генерального штаба. По мнению руководящих товарищей, это должно было мне помочь быстрее

наладить дипломатическую работу, установить необходимые контакты с китайским военным командованием и гражданскими, особенно дипломатическими, чиновниками». В первой декаде 1921 г. он уже начал вести переговоры с китайской стороной о подписании соглашения и открытии железнодорожного сообщения между Читой и Маньчжурией. Вечером 6 марта договор был подписан, а 7 марта 1921 г. граница была открыта и первый поезд отправился из г. Маньчжурия в Читу. В конце 1921 г. Жуйков заболел и в декабре выехал в Москву, где после отдыха и лечения вновь поступил в Академию генерального штаба.[276]

Здесь следует отметить, что представители ДВР в Китае иногда действовали от Центра и Кремля более свободно (чем это представлялось раньше в нашей литературе) в проведении каких-то конкретных действий, сообразуясь с действительной обстановкой. В качестве примера можно привести действия председателя дипломатической миссии ДВР в Китае И. Юрина при встречах летом — осенью 1921 г. с Чжан Цзолинем для обсуждения проблем КВЖД. В ходе этих переговоров Юрин отказался передавать Чжан Цзолиню требование Чичерина о дислокации 20-тысячного советского военного контингента вдоль КВЖД в случае ее передачи Китаю. По его мнению, такое предложение было бы все равно неприемлемо для китайцев и только испортило бы атмосферу на переговорах. Другой пример. Юрин

отказался выполнять директивы правительства ДВР о торговом договоре с пекинским правительством, проект которого, по его словам, был «чрезмерно нахальным по содержанию», заявив китайской стороне, что проект договора им еще не получен из Читы.[277]

В связи с распространяемыми с начала 1922 г. повсюду слухами, что якобы официальные представители ДВР и коммунисты завезли в Харбин и тайно хранят огромное количество оружия, 27 февраля 1922 г. полиция Чжан Цзолиня и офицеры главного штаба китайских войск произвели сорок обысков в различных официальных учреждениях ДВР, даже в канцелярии и на квартире особоуполномоченного читинского правительства Озарнина, а также в помещениях профсоюзов, в рабочем клубе и домах многих русских граждан.[278] «консулы иностранных держав в Харбине весьма живо интересовались происходившими событиями и с нетерпением наводили справки в ходе обысков (очевидно многие догадывались, что ДВР была создана как «база для нелегальной интенсивной пропаганды идей III Интернационала в Восточной Азии, особенно в Китае и Корее», как об этом говорилось в Тезисах 1920 г. о текущих вопросах дальневосточной политики уполномоченного Сибревкома и будущего председателя правительства ДВР А. И. Краснощекова, которому были даны широкие полномочия по формированию структур «буферного государства»). Но, к их большому

огорчению, никакого оружия не было обнаружено. Министерство иностранных дел ДВР направило ноту протеста министру иностранных дел Китая Ян Хойцину. В ноте указывалось, что китайское правительство, покровительствуя белогвардейцам, фактически проводит враждебную по отношению к ДВР политику и препятствует горячему стремлению народов двух соседних стран жить в мире и тесной дружбе/ ^Официальные представители Пекина в Маньчжурии вынуждены были заявить о своей абсолютной непричастности к обыскам. Что же касается китайского правительства, то оно долго молчало, и лишь после второй ноты, направленной ему 19 апреля 1922 г. пекинской миссией ДВР, заявило 1 мая 1922 г. о своем глубоком сожалении по поводу обыска, произведенного у Озарнина, и сообщило, что приказало маньчжурским властям впредь относиться к представителю ДВР в Харбине с особым вниманием и дать ему охрану.^11

В таких условиях разведывательная работа в Китае имела огромное значение для обеспечения российских интересов на Дальнем Востоке. Из Китая добывались сведения о Японии, рядом была Корея, много корейцев жили на территории Северо-восточного Китая и имели нужную

информацию о положении в стране и политике Японии. Гонконг, Макао, Индокитай также были в пределах досягаемости советской разведки в Китае. Известно, что одной из главных задач закордонной разведки ИНО ОГПУ в 20-е годы являлась борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией,

подготавливавшей военное вторжение в СССР. В связи с этим особое внимание ИНО ОГПУ уделялось центру русской эмиграции Харбину, особенно организациям белоэмигрантов. Вообще Китай стал особым районом эмигрантского рассеивания. Сюда устремились остатки войск адмирала Колчака, отрядов генералов Дитерихса, Каппеля, атамана Семенова. В Маньчжурии в 20-х годах жили от 150 до 300 тыс. выходцев из России. Пребывание на территории Китая частей белой армии создавало серьезную проблему в советско-китайских отношениях. В эмигрантских кругах русских не переставали строиться планы антикоммунистической борьбы, от засылки на советскую территорию одиночек или групп партизан до фантастических замыслов закладки динамита в железнодорожных туннелях Забайкалья и Заамурья. Генерал А. И. Андогский проектировал создать несколько десятков летучих партизанских отрядов по 25 человек, хорошо вооруженных и знающих местность, для работы среди населения Приморья, Забайкалья и Заамурья.[282]

Первыми партизанами, оперирующими в Маньчжурии в приграничной советской полосе были одиночки. Одним из них был некто Емлин, крестьянин из Южного Приморья. Емлин еще во время Октябрьской революции собрал на Урале партизанский отряд из нескольких сот человек и довольно успешно боролся против красных частей. Когда на Урале появились регулярные белые части, Емлин со своим отрядом примкнул к ним. Благодаря своей отваге и организаторским способностям он быстро выдвинулся и

за годы белого движения дослужился до чина подполковника.

В Харбине Емлин задержался недолго. Он вскоре перебрался на станцию Пограничная, откуда несколько раз переходил на советскую сторону, пробираясь насколько можно в глубь России, поднимая население против комиссаров и чекистов и беспощадно расправляясь с ними. В период советско-китайского конфликта Емлин оказался на станции Ханьдоухецзы, где находились хунхузы. Он набрал отряд из местных жителей и очистил станцию и поселок от хунхузских банд, пока туда не подошли регулярные китайские части.

Другим партизаном-одиночкой был некий капитан Петров, носивший фамилию Овечкина. Петров оперировал главным образом в районах станций Пограничной, Никольска-Уссурийского, Владивостока и Сучана.[284]

На западной линии КВЖД начало белого партизанского движения положил атаман забайкальского войска генерал Шильников, служивший одно время у атамана Семенова до ссоры с ним и перехода на службу к адмиралу Колчаку. В пограничной зоне Забайкалья по реке Аргунь он основал казачьи посты, из которых позже образовались небольшие партизанские отряды. Из командиров этих отрядов особенно выделялись казаки Гордеевы, Мыльников, погибшие в Забайкалье, и

полковник Г. Почекунин, умерший на Тубабао, на Филиппинах/2851

Партизанские группы обычно состояли из людей, хорошо знавших местность и население. Они выбирали малозаметные и труднопроходимые места и пробирались в глубь советской территории. Обычными местами партизанских операций был угольный район Сучана, Иман, на среднем течении Уссури, левый берег Амура от Хабаровска до Благовещенска, Хинганские горы, левый берег Аргуни, где партизаны доходили до Нерчинска и даже до Борзи.

Белое партизанское движение заинтересовало Зарубежье. Высший Монархический Совет в Париже послал в Харбин особую группу во главе с капитаном первого ранга К. К. Шубертом, в

которой также были капитан второго ранга Б. П. Аперелев, полковники Ю. П. Апрельев, Н. В. Фролов и другие. В распоряжение Шуберта было передано 40 тыс. иен для ведения партизанских операций. Глава Братства Русской Правды генерал П. Н. Краснов был также заинтересован в развитии партизанского движения и считал, что для успеха его в Маньчжурии имелись все возможности. Из средств Братства было выделено две тысячи американских долларов, но неизвестно, куда делись эти деньги. Незадолго до советско-китайского конфликта в Харбин из Америки прибыл представитель великого князя Николая Николаевича генерал Н. П. Сахаров с задачей активного формирования партизанских отрядов.

В течение довольно продолжительного времени Дальневосточный корпус русских добровольцев содержал три регулярно действовавших партизанских отряда, каждый численностью от 15 до 30 человек. Один из них — отряд П. А. Вершинина действовал в Забайкалье, второй оперировал в Приморье под командованием С. Н. Марилова, отряд старообрядца Н. Худякова действовал в Амурской области. Оружие они получали из Харбина и других мест Маньчжурии, регулярная связь поддерживалась с одним из партизанских деятелей в Харбине Н. А. Мартыновым, который не раз сам переходил советскую границу и пробирался внутрь Приморья.[287]

Такая деятельность белых партизан, их неожиданные и дерзкие вылазки на советскую территорию ставили перед советскими разведывательными органами задачу их скорейшего выявления и уничтожения.

В соответствии с ранее достигнутой договоренностью китайские власти должны были уволить с гражданской и военной службы всех белогвардейцев. Однако, как выяснялось, в военных действиях на стороне Чжан Цзолиня принимал участие отряд белых под командованием бывшего царского офицера Нечаева.

Мысль о создании белоповстанческих войск, которые служили бы китайским генералам, зародилась

еще в 1919 г. Тогда атаман Семенов предложил маршалу Чжан Цзолиню сформировать для него конницу из монголов под командованием казаков. Однако нерешительность старого маршала тогда не дала возможности осуществиться плану атамана Семенова. Но мысль об использовании формирования белых для враждовавших китайских губернаторов продолжала жить в умах предприимчивых эмигрантских вождей, и время от времени даже осуществлялась на деле.

В 1923 г., в разгар вражды с «христианским» генералом Фэн Юйсяном, маршал Чжан Цзолинь вспомнил о предложении атамана Семенова и решил создать иностарнный легион из бывших военнослужащих эмигрантов, хорошо знакомых с военным делом. Формирование отряда было поручено М. М. Плешкову, командовавшему в Первую мировую войну первым Сибирским стрелковым корпусом. Отряд должен был состоять из трех батальонов и собственной хозяйственной части. На приглашение Плешакова откликнулись свыше 300 добровольцев из эмигрантов, работавших в исключительно тяжелых условиях на лесных концессиях. Поступавший в отряд подписывал шестимесячный контракт с правом возобновления его на более продолжительный срок. Контракт гарантировал добровольцу выплату жалованья, единовременную денежную помощь семье в случае его смерти, и выдачу полного жалованья в случае прекращения службы не по его вине до истечения срока.[289]

Когда добровольцы прибыли в Мукден, то между Чжан Цзолинем и Фэн Юйсяном было подписано мирное соглашение, и наемные войска ему были уже не нужны. Добровольцы с трудом добились выплаты жалованья только за один месяц.

Создание нового отряда наемных войск позднее было предложено шаньдунскому губернатору маршалу Чжан Цзучану, одному из близких людей маршала Чжан Цзолиня. Чжан Цзучан, как и его

маньчжурский покровитель, начал свою авантюристическую деятельность в качестве хунхуза.[29°Затем он перебрался во Владивосток, где работал подрядчиком и снабжал

лесом спичечную фабрику братьев Меркуловых. Во время интервенции в Сибири он командовал китайской дивизией, расквартированной на станции Пограничная.

Начало формирования было поручено полконику В. А. Чехову. А командование русским шаньдунским отрядом было предложено генералу К. П. Нечаеву, которого дальневосточная эмиграция знала как талантливую и доблестную полковника.

До начала формирования шаньдунского отряда при маршале Чжан Цзучане уже находился в качестве советника бывший правитель Приморья Н. Д. Меркулов. Кроме самого отряда в Цинанфу, столице провинции Шаньдун, было основано пехотное и артиллерийское военное училище с двухгодичным курсом обучения, укомплектованное молодыми эмигрантами. Осенью 1924 г. генерал Нечаев принял командование русским шаньдунским отрядом.

Нечаев командовал бригадой, состоящей из 4 тыс. белогвардейцев.[292]При отряде была сформирована дивизия броневых поездов, начальником которой был назначен произведенный в генералы китайской службы уже упоминавшийся Чехов. Нечаевские бронепоезда, среди которых были поезда под названием «Пекин», «Шаньдун» и другие, были построены из простых вагонных платформ, вместо стен у них были мешки с песком. За два года дивизия бронепоездов значительно выросла. И ко времени Северного гоминьдановского

похода она насчитывала 17 (а не четыре, как утверждает Вишнякова-Акимова) бронепоездов.

Три тысячи белогвардейцев служили у Чжан Цзолиня под командованием братьев Меньшиковых.

Следует заметить, что в Китае даже возникла своего рода конкуренция в деле формирования русских отрядов, предназначенных для службы у китайских милитаристов (к примеру, между Меркуловым и Семеновым).

Итак, соответствующее представление китайцам было сделано в ноте советского посольства от 25 февраля 1925 г. Пекин же, несмотря на протест, не пожелал распустить отряд Нечаева, [6]рассчитывая,

вероятно, использовать его в борьбе против революционных сил. Сообщая об этом М. А. Трилиссеру 16 января 1925 г., Чичерин констатировал, что «этот отряд белых кондотьеров безнаказанно разгуливает по всему Китаю и, пользуясь своей высокой военной квалификацией, одерживает победы... Со своей стороны, — отмечал нарком иностранных дел, — мы даем т. Карахану указания на необходимость дипломатического воздействия на предмет ликвидации этого отряда, но кроме этого необходимо принятие мер по Вашей линии к разложению и ликвидации этого отряда...» -96]В пункте 9 специального решения Киткомиссии Политбюро ЦК РКП(б) от 17 апреля 1925 г. говорилось о необходимости «запросить тов. Карахана относительно возможности и целесообразности и методах разложения отряда Нечаева»/2971

Разведкой в Китае занималось полномочное представительство ИНО ОГПУ на Дальнем Востоке, находившееся в Чите. Именно оно засылало нелегальную агентуру в Маньчжурию и Китай. Как уже говорилось, большое значение в те годы придавалось Харбину. Через этот город шла разведывательная документация из центрального и южного Китая, из Шанхая и Кантона, он служил как перевалочный центр при нелегальной переброске людей из Китая в СССР и обратно.

Советская резидентура в Китае была сосредоточена в таких местах, как Пекин, Шанхай, Кантон, Тяньцзинь, Мукден, Харбин, Чанчунь и др.

Резидентура в Пекине

После создания ИНО главой резидентуры в Пекин направляется Аристарх Рыльский.

В 1919-1922 г. в Пекине работал, возглавляя отделение РОСТА, А. Е. Ходоров. Когда в Китае появились первые советские представители, он активно сотрудничал с ними, ездил по их поручению на Юг, к Сунь Ятсену.

В 1922 г. в Пекине появляется Я. Давтян. Через пару недель после приезда он писал своему преемнику на посту начальника ИНО ВЧК М.Трилиссеру: «Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно много сделать»/3013

Давтян работал по двум направлениям: по линии советника НКВД и резидента внешней разведки ИНО ВЧК. Причем по второй линии он практически выполнял роль главного руководителя не менее десяти региональных резидентур нашей разведки в Китае.

В 1923 г. практически были созданы резидентуры в Пекине и Харбине, которые напрямую подчинялись ИНО ОГПУ.

Через полгода работы он пишет М. Трилиссеру: «Работа здесь весьма интересная, захватывающая, огромная, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда мне не стоило это таких нервов». Давтян считал, что именно «здесь узел мировой политики и ахиллесова пята не только мирового империализма, но и наша». По его мнению, исключительно от России «зависит здесь завоевание прочных позиций на Дальнем Востоке». [304]Через год работы в Пекине Давтян докладывал в Центр:

«Она (работа. — В. У.) идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить почти весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно». ^0 5]И действительно, мукденская резидентура через своих агентов в японских спецслужбах получила уникальный архив документов белой

контрразведки всего Дальнего Востока. Это был несомненный и очень ценный для Центра успех. Давтян специальным курьером направил в Москву полученные документы и сопроводительное письмо в адрес руководства ИНО ВЧК. «Дорогой Михаил Абрамович, — писал он, — с сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не замариновался и был использован...» [

11 февраля 1923 г. он сообщает в Центр:

«Работу я сильно развернул... Уже теперь приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку...Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать у нас, связаны с японцами и русской белогвардейщиной. Ожидаю много интересного»/3071

Однако не все шло так гладко, как хотелось бы. Возникали внутренние конфликты среди российских работников в Китае. Разные характеры, взгляды, темперамент, задачи, разные ведомства, которые они представляли, — все это накладывало свой отпечаток на взаимоотношения. Особенно непростые отношения сложились у Я. Давтяна с А. Рыльским. Его письма в Центр красноречиво говорят об этом. «О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также, — пишет резидент 9 декабря 1923 г. — Он сильно

подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что он будет полезен. Посмотрим...» 1 Ю8]

Однако вскоре Давтян пишет совершенно иное письмо, требуя заменить Рыльского, так как тот не справляется со своими обязанностями, ленив и вял.¹)ч]

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичным, чем я ожидал, — пишет он через месяц 9 января 1923 г. Трилиссеру. — У него есть некоторая вялость в работе, но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Но в следующем послании начальнику ИНО вновь звучат негативные нотки о Рыльском.

Я. Давтяну приходилось много работать и по линии НКВД, и не всегда положительно оценивалась в Москве эта работа, хотя его материалы направлялись В. Ленину. Так, в протоколе № 57 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 23 марта 1923 г., подписанного И. Сталиным, говорилось следующее: «Указать НКВД на необходимость принять все меры к расторжению заключенного т. Давтяном соглашения о КВЖД (документ в архиве не обнаружен), поставив т. Давтяну на вид нарушение директив ЦК. Предложить НКВД впредь ответственных поручений не давать т. Давтяну».[312]

Не очень хорошо Я. Давтян сработался с коллегами из НКВД. В одном письме резидент возмущался отношением некоторых из них к работникам службы внешней разведки в пекинской миссии, в другом, что ему постоянно задерживают денежное содержание по линии НКВД.

«Думаю, что Пекин будет моей последней работой в этом милом учреждении, — пишет он в третьем письме. — Хочу работать в Москве или в крайнем случае на Западе. Предпочел бы с НКВД вообще порвать, ибо все-таки не могу ужиться с ними».[^]

Справедливости ради следует отметить, что он был часто недоволен и работой своего Центра. «Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если вы с этим не согласны, — сообщал он Трилиссеру 6 сентября 1923 г., — то тогда прошу освободить меня от работы совершенно». В другой раз, в связи с неприятием методов, предлагаемых из Москвы, он заявляет в Центр, что хочет отказаться от работы в ИНО. Из этих материалов перед нами встает человек большого темперамента, требовательности, работоспособности и в то же время неуживчивости.[^]]

Видимо, вместе с Давтяном в 1920-1923 гг. в советском полпредстве по линии Коминтерна и НКВД работал К. А. Михельсон-Арвис.

22 июля 1921 г. правительство РСФСР официально назначило А. Иоффе Чрезвычайным полномочным представителем РСФСР в Китае. Возглавляемая им миссия формировалась по типу полпредства и состояла из 14 человек, включая военного эксперта А. И. Геккера.[31?]Когда в начале 1923 г. А. Иоффе через Шанхай направился для лечения в Японию, его заместителем был оставлен Я. Давтян^{Р18}]

В середине 20-х годов в Пекине под «крышей» врача советской миссии работал Евгений Алексеевич Фортунатов.[319]

Официальным послом России в Китае после подписания 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» и ноты Л. М. Карахана от 13 июня 1924 г. с предложением возвести дипломатические представительства обеих стран в ранг посольств стал Л. М. Карахан. В Пекине он проработал до августа 1926 г., с небольшим перерывом с ноября по октябрь 1925 г.

По заданиям Коминтерна неоднократно бывал в Китае, в том числе и в Пекине, Г. Н. Войтинский: в начале 1920 г. во главе миссии Дальневосточного секретариата ИККИ, в 1924 и 1925 гг. — уполномоченным ИККИ, в 1926-1927 гг. — как представитель Дальневосточного бюро ИККИ. Он оказывал большую помощь в создании первых коммунистических кружков в Китае и организации

коммунистической партийной печати: участвовал в работе IV и V съездов КПК и наиболее крупных Пленумов ЦК КПК. Очевидцы вспоминали, что, когда однажды Войтинский подъезжал поездом к Харбину, в вагон ворвалась уведомленная провокатором китайская полиция, чтобы захватить «русского агента» с шифрами и бумагами. Но, увидев в

окно полицейских, Войтинский заперся в купе и, так как жечь документы не было ни места, ни времени, проглотил их все. Полиция его увезла, определенное время продержала в тюрьме, но улик не было, ей пришлось его выпустить³²³.

Для улучшения всей военной работы в Китае Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б) 17 апреля 1925 г. приняла решение «создать в Пекине центр в составе Председателя — полномочного представителя СССР тов. Карахана, членов — военного руководителя тов. Геккера (военный атташе при Постпредстве СССР в Китае — В. У.) и руководителя военно-политической работой тов. Воронина (Птицин)». В составе комиссии

участвовали Уншлихт, Чичерин, Войтинский, Петров, Лонгва, Мельников, Бортновский и Верзин. Таким образом, с весны 1925 г. в Пекине был создан «центр» по координации и руководству всей работой в Китае, видимо, включая и разведывательную работу. Китайской комиссией было также принято решение о «посылке некоторого количества оружия в распоряжение тов. Карахана для безвозмездной помощи генералам». Уншлихт сообщил, что оружие уже послано в количестве 2 тыс. японских и 2 тыс. германских винтовок и соответствующее количество патронов³²⁴]. Стоимость подготовленного к отправке оружия оценивалась в 7 710 000 руб.^[325]

Разведывательная работа в Китае во второй половине 20-х годов часто вызывала неудовлетворение Центра. На нее тратились большие деньги (по данным Г. Агабекова резидент на месте получал около 250 долларов в месяц, живя на всем готовом).^[326] Часто военные разведчики и сотрудники ГПУ в Китае работали параллельно, не информируя друг друга, скрывая добытые данные, разведывательные данные приходили в центр с большим опозданием. Посылаемые в Москву материалы часто базировались на отрывочных, случайных, непроверенных данных. Имели место провалы на местах.

В этом отношении интересна часть письма Фрунзе от 20 мая 1925 г. Карахану, посвященная работе советского военно-политического аппарата в Китае. Он обращал внимание на необходимость улучшения там работы аппарата и необходимость покончить со стремлением к его раздуванию. «Никакого Штаба в Пекине создавать не будем: допустимо лишь некоторое увеличение его разведывательной части и числа переводчиков в группах». Он ставил одной из ближайших задач работы аппарата в Китае и особенно его руководящей тройки постановку «на должную высоту информации о событиях, действующих силах и создающемся положении, а также оценки этих сил и группировок», «мы до сих пор, например, не знаем, что на самом деле происходит на Юге. Необходимо знать не голые отрывочные факты, а обстановку с фактами» — требовал Фрунзе.

Нередко возникали трения между сотрудниками различных разведывательных ведомств в Китае. Наверх поступали кляузы друг на друга.

Осложнялись условия работы советских военных советников в Кантоне из-за непростых отношений, складывающихся между генералитетом НРА и руководителем южнокитайской группы военных советников Н. В. Куйбышевым, не сумевшим адекватно оценить состояние НРА. Москву также беспокоило, что советским военным советникам не удалось наладить должным образом работу в национальных армиях на северо-западе Китая.

На II съезде Гоминьдана (январь 1926 г.) Чан Кайши в своем докладе по военному вопросу сформулировал главную цель военной политики своей партии — подготовка к Северному походу. Из Кантона в Москву поступали по разным каналам сведения, что Чан Кайши и его ближайшее

окружение форсируют подготовку к походу. Мнения же советских работников в Китае о возможностях его успешного проведения были весьма противоречивы.

Все это заставило руководство ВКП(б) более серьезно заняться осмыслением как советской внешней политики в Китае в целом с учетом новых явлений, так и вопросом о целесообразности Северного похода НРА. Политбюро ЦК ВКП(б) почти одновременно создает две комиссии: одну во главе с Л. Д. Троцким, которая работала в Москве, другую во главе с А. С. Бубновым, работавшую в Китае, известна как Комиссия Ивановского (по псевдониму А. С. Бубнова).

В результате всего этого в начале 1926 г. была создана специальная «Комиссия по вопросу о разведывательной и информационной работе в Китае». После проверки дел на месте она подготовила 22 апреля 1926 г. свои предложения и направила их в Москву. В них, в частности, говорилось:

«1. Разведка и освещение обстановки в Китае (особенно в интересах нашей активной политики в собственном Китае) признается явно неудовлетворительной. Объясняется недостатком средств и организационными недочетами.

328 Картунова А.Н. Москва и Северный поход национально-революционной армии Китая. — Восток. 1998, № 3. С.36.

2. Комиссия признает совершенно необходимым усилить изучение обстановки в Китае, для этого надо:

- а) усилить военную и политико-экономическую разведку.
- б) Организовать при Полпредстве исследовательское бюро с задачей всестороннего изучения политико-экономической обстановки в Китае. Бюро подчиняется Полпреду, ответственному за общее руководство им. Заинтересованные органы и лица свои задания передают в Бюро через Полпреда.
- в) Возложить на резидента Разведупра исполнение с одной стороны заданий Москвы, а с другой В. А. (Военного Атташе. — В. Х).[329]

К этому времени пришли к выводу, что необходимо развязать руки и дать больше свободы военному атташе.

Для улучшения организации и ведения военной разведки еще летом 1920 г. РВСР принял решение об учреждении специального института военных атташе при полномочных представителях Республики в странах, с которыми Советское государство заключило мирные договоры и установило дипломатические отношения. А 3 июня 1920 г. РВСР утвердил инструкцию военным представителям РСФСР за границей. В параграфе 4 инструкции был определен круг деятельности военных атташе по сбору сведений и материалов об иностранном государстве. Указывалось, какими методами и путями военные атташе должны были собирать необходимые сведения:

- а) путем изучения иностранной литературы;
- б) изучения нужных данных из периодической печати;
- в) непосредственным наблюдением;
- г) агентурой/3301

В том случае, когда военным атташе назначался беспартийный работник (что в те годы отнюдь не являлось исключением), его работа сводилась к представительству, консультациям по военным вопросам и изучению вооруженных сил страны пребывания по доступным ему открытым источникам. Агентурой ведал специально выделенный партийный работник, занимавший

должность помощника военного атташе. И так, военные атташе или их помощники становились руководителями агентуры. Однако к 1926 г. уже требовалось внести некоторые уточнения и разъяснения в старые инструкции.

В специальном Решении Политбюро ЦК ВКП(б), принятом 15 апреля 1926 г., «Военно-политическая работа в Китае и необходимая реорганизация ее на ближайший период» в пункте одиннадцатом говорилось: «Учитывая опыт прошлого, необходимо дать военному атташе как руководителю всей военной работы возможность самостоятельного определения как методов военной работы, так и подходов к выполнению поставленных задач в зависимости от обстановки в данной армии в пределах общей политической линии, намечаемой Центром и Полпредом.

Военный атташе, отвечая за результаты в своей области, должен иметь возможность определять для

ззо А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Книга 1. М. 2000. С. 99.

военных работников их взаимоотношения в военной области с местным командованием и намечать план и линию их работы». [331]

Ком иссия И вановского (А. С. Бубнова), [32] работавшая в Китае, «также высказалась за возложение на Военного Атташе и обязанностей резидента Разведупра». «Такое решение вопроса всецело гарантирует как исполнение заданий Москвы по разведке в Китае, — говорилось в одном из сообщений И. С. Уншлихту от июня 1926 г., — так и обслуживание наших инструкторских групп. Гарантирует нас от мешающих работе недоразумений, как это было на днях в Кантонской группе, где резидент Р. У. доказывал Галину (Блюхеру. — В. У.) свою самостоятельность. В группе имеются специальные лица, ведущие разведывательную работу, имеющие возможность отчасти вести эту работу через кит. органы, — а тут приезжает резидент Р. У. и требует передачи разведки себе, заявляя о своей независимости от начгруппы. Получается нелепость». [33]

Таким образом, судя по этой инструкции, военный атташе сам обычно являлся резидентом Разведуправления. Кто же были военными атташе в Китае в те годы?

Первым советским военным атташе в Пекине (1922-1925) был Анатолий Ильич Геккер, 1 34] который вместе с А. Иоффе вел переговоры с Сунь Ятсеном в Шанхае еще в 1923 г. [335]

Следующим военным атташе стал бывший член Реввоенсовета Туркестанского фронта Н. М. Воронин/зз^ военный атташе руководил работой военных советников через начальников групп — крупных и авторитетных военачальников Красной Армии, таких,

334 Анатолий Ильич Геккер (1888—1937) родился в Тифлисе в семье военного врача Кавказской армии, учился в тифлисской гимназии, затем во Владимирском военном училище в Петербурге, в 1916 г. учился на курсах при Академии Генерального штаба, по их окончании был назначен в штаб 33—го корпуса, входившего в войска румынского фронта. Штабс—капитан Геккер, известный своими революционными настроениями, стал членом корпусного комитета, а в сентябре 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1920 г. А.И. Геккер стал начальником штаба войск внутренней охраны республики, руководил операциями войск ВЧК против контрреволюции. В феврале 1921 г. «за отвагу, мужество и распорядительность» был награжден орденом Красного Знамени. В январе — августе 1922 г. помощник начальника, начальник Военной академии РККА. С июня 1922 г. по 1924 г. — первый военный атташе полпредства СССР в Китае. В 1925-1929 гг. — член правления КВЖД и один из руководителей советской разведки в Китае. В 1929-1933 гг. военный атташе в Турции. В 1934 гг. — начальник Главного управления РККА. В 1934 — 1935 гг. — начальник 4—го отдела Разведывательного управления Наркомата обороны. В 1935-1936 гг. — начальник 6—го отдела Разведывательного управления. В 1936-1937 гг. — начальник 11—го (внешних сношений) отдела Наркома обороны. Комкор (1935). Награжден тремя орденами

Красного Знамени. Арестован 31 мая 1937—го, расстрелян 1 июля, реабилитирован посмертно в 1956 г.

335 С. Martin Wilbur, Julie Lien—ying How. *Missionaries of Revolution*. P.428.

336 Н.М.Воронин (Птицин), по профессии медик, участник гражданской войны в Туркестане, был членом Военного совета армии. Награжден двумя орденами Красного Знамени. (А.В.Благодатов. Ук. соч. С.288.)

как В. К. Путьна, В. К. Блюхер, Н. В. Куйбышев, В. М. Примаков/3371

С октября 1925 по февраль 1926 г. военным атташе в Пекин был назначен генерал А. И. Егоров, известный полководец Красной Армии, в марте 1926 г. был отозван в СССР.37381

В 1926 г. — и.о. военного атташе в Китае был латыш по национальности генерал Альберт Янович Лапин/з^

777 А.В.Благодатов. Ук. соч. С.45.

778 А.И.Егоров родился в октябре 1883 г. в Бузулуке. Военное образование получил в Казанском военном училище, которое окончил в 1905 г. В Первой мировой войне участвовал в качестве командира роты и батальона. После 1917 г. А.И. Егоров был избран депутатом П Всероссийского съезда Советов и членом ВЦИК.

После окончания гражданской войны, в которой он активно участвовал, А.И. Егоров занимал ряд крупных постов в Красной Армии: командующего войсками отдельных округов, начальника штаба, а затем начальника Генерального штаба РККА. В 1935 г. стал маршалом СССР. С 1937 г. — первый заместитель обороны. Незаконно репрессирован, скончался 22 февраля 1939 г., реабилитирован посмертно. (А.В.Благодатов. Ук.соч. С.289.)

779 Лапинь (Альберт Янович Лапин, Сейфуллин, 1899-1937). Альберт Лапин родился в семье латышского рабочего в Риге. В 1907 г. его семья переехала в Москву. Он работал на фабрике «Богатырь» и с 1915 г. состоял в большевистской организации. В Москве он окончил школу и коммерческое училище. В 1917 г. участвовал в революции, был членом Московского комитета партии. В декабре 1917 г. Лапин вошел в состав Главного штаба Красной Армии. В июне 1918 г. он выехал на фронт в Казань для подавления мятежа белочехов, там его назначили комиссаром разведывательного отдела штаба 5-й армии, затем комиссаром штаба армии и заместителем Реввоенсовета армии. Он совершенствовал свое мастерство под руководством командующего 5-й армии С.Н.Тухачевского. 23 июня 1919 г. под Челябинском Лапин был тяжело ранен в позвоночник и несколько месяцев пролежал в госпитале. Врачебная комиссия признала его к военной службе негодным. Однако по просьбе Лапина Тухачевский принял его в свой штаб начальником оперативного отдела. Но как только А.Лапин поправился настолько, что мог передвигаться без костылей, он стал проситься на фронт. Революционный военный совет 5-й армии направил его командиром 30-й стрелковой дивизии, сформированной В.К.Блюхером. Он принимал активное участие в борьбе с белополяками. Именно под его командованием 80-я бригада 27-й Омской стрелковой дивизии, преследуя противника, с ходу форсировала р. Западный Буг,

В эти годы при военном атташе в Пекине работал П. Ю. Боровой.[340]

С сентября 1926 по апрель 1927 г. последним военным атташе в Китае был Р. В. Лонгва.[В 1926-1927 гг. первым секретарем полпредства СССР в Китае работал Г. И. Сафаров (189—1942).

В упоминавшихся уже предложениях «Комиссии по вопросу о разведывательной и информационной работе в Китае» в пункте «г» говорилось следующее:

«Сеть резидентуры на местах для ведения агентразведки должна быть общей. Задания даются совместно резидентом Разведупра и Уполномоченным ИНО». Кстати, вопрос о подчинении всей разведывательной работы в Китае военному атташе стоял и раньше и был решен положительно. Телеграммой от 17 сентября 1925 г. Берзин сообщал военному атташе в Пекине, что он согласен подчинить ему разведывательные группы в Китае. [3^]

Пункт «г» в предложениях комиссии присутствовал не случайно. К этому времени на местах выявились противоречия и нежелание сотрудничества между резидентами ИНО и представителями военной разведки Красной Армии, которые не всегда представляли добытую информацию другой стороне. Об этом красноречиво говорит «Рапорт» полномочному представителю СССР в Китае Карахану от И. Я. Разгона (Ольгина) от 5 февраля 1926 г. Он должен был по заданию Карахана составить документ об инструкторской работе в Китае с выявлением причин и недостатков, мешающих работе. Разгон сообщает, что он не смог выполнить работу на хорошем уровне, так как

«препятствием явился ряд объективных причин», в первую очередь ему не показали всех нужных материалов. «Первый отдел» получил, в той или иной форме, наказ ограничить всякое «проникновение посторонних» и не давать никаких материалов, — говорилось в рапорте. — Сбор материала путем бесед и обмена мнений с нашими инструкторами рассматривался там же как какая-то тайная работа, имеющая предательскую цель. Создавался ряд самых неудобных положений, грозящих «служебным воздействием» моим собеседникам, вызывающих изыскивание всяких формальных зацепок. Дошло даже до приказа мне выехать в суточный срок из Пекина». 3441

Из-за нехватки средств и специалистов, а также сигналов, которые поступали из Центра, о недовольстве работой на местах, различные разведывательные органы попытались согласовать и сблизить свои позиции, четче определить финансовую сторону дела: кто и кому платит деньги, сократить свой аппарат.

Об этом красноречиво говорит документ «Дополнение к «Соображениям о разведке», посланный из Пекина 19 мая 1926 г. и хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В нем говорилось, что «на периферии мы должны иметь объединенный разведывательный и контрразведывательный орган». Это поможет избежать «распылению сумм, ассигнованных на разведку различными разведорганами», уменьшению затрат «на гласный (обслуживающий) аппарат, дабы максимум сумм бросить на секретный (агентурный) аппарат», лучше и

дешевле иметь один технически-обслуживающий персонал: фотограф, машинистка, дешевле обойдется информация из объединенного органа в Пекин» и обратная (ориентировки и задания на периферию). «Мы слишком бедны людьми и деньгами, чтобы позволить себе иметь двойное число резидентур на периферии, — говорилось в документе. — При разрешении этого вопроса в положительном смысле необходимо: 1) Персональная договоренность между военным и ОГПУ разведорганами в Пекине о назначении резидентов и помощников. 2) Удачная организация резидентуры: при резиденте военном товарище помощник должен быть чекист и обратно. 3) Оперативная подчиненность по отрасли работы (Пекинскому развед. Центру). 4) Административное и финансовое подчинение по принадлежности к соответствующему ведомству (резидент или помощник военный остается на учете, оплачивается и принадлежит воен. разведке, тоже в отношении чекиста). 5) Оператив. и техн. расходы также распределяются между военной и чекистской разведкой. Опер. расходы, оплата агентов определяется отраслю (так в тексте. — В. У.) разведки; технические расходы приблизительно пополам».[345]

В этой же связи характерно одно замечание М. И. Казанина в своих воспоминаниях о китайской революции 1925-1927 гг., когда он работал в штабе Блюхера переводчиком. Как ему разъяснил его

друг Мазурин, «хотя Бородин и Блюхер видятся друг с другом и служат одному делу, обе миссии — политическая

Бородина и военная Блюхера — работают отдельно и взаимной ответственности не несут».[346]

Нередко возникали серьезные разногласия среди советских работников, посланных в Китай, которые прослеживаются по документам, хранящимся в наших архивах. Они существовали между послом Л. М. Караханом (Караханяном) и военным атташе

А. И. Егоровым и его заместителем В. А. Трифоновым (1888-1938 г.) на Севере. «Если бы советское полпредство (в Пекине. — В. У.) хотя бы небольшую часть тех денег, которые сейчас тратятся на поддержку военных авантюристов, истратило на помощь Компартии, на подготовку опытных и знающих партийно-политических работников, на помощь китаеведам, на литературу, то польза для революционного движения Китая была бы неизмеримо большая, а Советская Россия сберегла бы свои миллионы, — писал в своих записках

В. А. Трифонов. — Надо ведь помнить, что мы сейчас ведем работу в Китае, совершенно не зная Китая, не владея языком, располагая всего 3-4 знающими язык переводчиками. Уже одно это обстоятельство должно

было внушить нашему полпредству большую осторожность, большую продуманность в его чрезвычайно ответственной работе»/ 1 Он считал, в отличие от Карахана, что «влияние наших советников и вообще советское влияние на народные армии совершенно ничтожно» при том огромном финансовом бремени, которое несет наша страна.[349]

Разногласия существовали между политическим советником Гоминьдана М. М. Бородиным и главным военным советником Н. В. Куйбышевым. «Считаю, что Бородин со своими застывшими приемами работы становится все вреднее и вреднее, — писал Н. В. Куйбышев А. И. Егорову. — Не отрицая, а наоборот, подчеркивая большие заслуги Бородина по нашим достижениям в Китае в прошлом, считаю, что он свое сделал и на большее не способен. Необходима присылка в Кантон нового сильного работника и обязательно партийца в лучшем смысле этого слова... За последнее время мы с тов. Бородиным мало ссорились, т. к. он, сильно сдав под моим напором, своим вмешательством мне больше почти не мешает работать... И если я считаю (необходимой) замену Бородина, то на основании своих взаимоотношений, я считаю, что в его прямой работе он сделал все от себя зависящее, и вперед за событиями и обстановкой он не поспевает».[350]

Это тревожило Москву. Было решено срочно послать в Китай комиссию для выяснения ситуации на месте.

Постановление из протокола № 3 (особый № 2) заседания Политбюро ЦК ВКП(б), подписанного И. Сталиным, гласило: «Считать необходимым срочный отъезд в Китай комиссии в составе тт. Бубнова (председатель), Кубяка и Лепсе, включив в комиссию т. Карахана». Комиссии давалось следующее задание: «1) выяснить положение в Китае и информировать политбюро, 2) принять на месте, совместно с т. Караханом, все необходимые меры, поскольку они не нуждаются в санкции политбюро, 3) упорядочить работу посланных в Китай военных работников и 4) проверить, насколько обеспечен правильный подбор посылаемых в Китай работников и как они инструкторируются»/3511

После тщательного обследования положения дел в Китае комиссия А. С. Бубнова 17 мая 1926 г. представила «Общие выводы и практические предложения» по улучшению работы. В разделе «Информационно-разведывательной работы» говорилось: «Постановку информационной работы вообще, и разведывательной (Разведупр, ИНО ГПУ) в частности, надо признать явно неудовлетворительной. Разведывательные органы, освещая удовлетворительно Маньчжурию и Монголию, крайне неудовлетворительно освещают остальную Китай и борющиеся там группировки.

Политика полпредства и наша военно-политическая работа базируется зачастую на отрывочных, случайных, непроверенных сведениях.

Кроме того, сама обработка материалов, изучение страны в Пекине организованы неудовлетворительно.

Разведупр тратит массу энергии на изучение общей экономики, ИНО не обрабатывает вообще материалов, а полпредовская информация освещает текущие события с опозданием на 1,5-2 месяца (полпредские бюллетени).

Кроме того, необходимо констатировать, что в работе Разведупра и ИНО имеется много параллелизма, приводящего к лишней трате валюты».

Для улучшения работы предлагалось:

«а) Разведработу (Разведупр, ИНО ГПУ) построить таким образом, чтобы Северный Китай (Маньчжурия, Монголия) освещались под углом интересов обороны СССР, а весь собственный Китай — с точки зрения потребностей нашей активной политики в Китае и изучения борющихся в нем сил.

б) При полпредстве создать специальное бюро, которое изучало бы и освещало политико-экономическую жизнь Китая.

в) Военведу и ГПУ предложить договориться о большей согласованности работы и устранении параллелизма»¹

Комиссией Бубнова предлагался более строгий подбор и обучение военных инструкторов для Китая. «Все отправляемые работники должны быть предварительно проинструктированы и пройти хотя бы краткий курс ознакомления с обстановкой в Китае в Восточном отделе Военной академии (выделено мною. — В. У.)», — говорилось в предложениях

комиссии/35. Учитывая, что инструкторы в большинстве случаев направлялись без знания китайского языка, а это мешало «интенсивности и полезности работы», предлагалось Радеку «обратить особое внимание на подготовку» надежных и достаточно квалифицированных переводчиков в Университете Сунь Ятсена. Комиссия считала необходимым пересмотреть весь личный состав военных инструкторов в Китае и «наметить как его освежение, так и пополнение». Причем при этом подбор новых инструкторов должен быть строго персональным с учетом как их квалификации, так и состояния здоровья и семейного положения.⁵⁴¹

30 декабря 1926 г. С. И. Аралов был назначен представителем советского правительства при национальном правительстве Китая, однако там он пробыл очень короткое время и уже в 1927 г. был заведующим иностранным отделом ВСНХ СССР/355]

В Китай для разведработы засылались не только граждане СССР, но и других стран. Так, с февраля 1926 г. по начало 1929 г. в Пекине и в Шанхае от ГРУ (четвертое управление) помощником нелегального резидента работал болгарский разведчик Иван Ц. В и н а р о в [з5б J(1 8 9 6- 1 9 6 9) вместе со своей

шифровальщицей — русской женой Галиной Лебедевой. Они вместе с Х. И. Салныным по линии военной разведки помогали китайской армии, где работали совесткие военные советники. После переворота Чан Кайши группа Салныния перешла на нелегальное положение и обосновалась в Пекине и Шанхае в качестве бизнесменов. Они в больших количествах перевозили в Китай оружие из Европы и с дальнего Востока для нужд военных структур КПК. Это оружие закупалось Салныным и Винаровым в Европе, после сбыта там экзотических китайских товаров, пользовавшихся большой

популярностью на Западе, и отбиралось на складах в Хабаровске и Владивостоке. В 1929 г. Салнын и его группа отбыли в СССР.

В 1969 г. в Софии Винаров выпустил книгу «Бойцы тихого фронта. Воспоминания разведчика». Когда они прибыли в Китай и встретились в В. К. Блюхером, ему была поставлена задача «в оказании помощи в создании военной разведки в китайской национальной революционной армии». ^591

Как представительница Разведупра в Китае в конце 20-х годов работала Р. С. Беннет/з601

В ночь на 6 апреля 1927 г. банда чжанцзольских и неких солдат и полицейских при содействии полицейской охраны посольских кварталов и с ведома послов США, Британии, Японии, Франции, Голландии, Испании и Португалии ^1 1 учинила погром в советском посольстве в Пекине. Незадолго до этого помощник советского военного атташе, по данным П. Балакшина, попался при попытке проникнуть в британское посольство. ^Видимо у китайской полиции была информация, что в советском

посольстве скрываются некоторые китайские коммунисты, замешанные в восстаниях против национального правительства и маршала Чжан Цзолиня. Во время налета на посольство было захвачено 463 отдельных папок с делами, общим числом в три с лишним тысячи документов, которые не успели сжечь посольские сотрудники. Полицейские арестовали одного из основателей КПК, профессора Пекинского университета Ли Дачжао и 20 китайцев, проживавших на территории посольства, а также советских граждан — сотрудников аппарата военного атташе — И. Д. Тонких и Лященко. Тонких, их забайкальских казаков, бывший генерал царской армии, участник Первой мировой войны и гражданской войны в России, был военным советником бюро военного атташе в Пекине. После ареста был посажен в тюрьму, где содержался на особо строгом режиме больше года. [364]

Советское правительство немедленно выступило с самым громким и решительным протестом, признав налет «неслыханным нарушением элементарных международных норм», а захваченные документы — ловкой подделкой чжанцзолиневской полиции. В ответ на такие заявления Чжан Цзолинь дал приказ в прессе опубликовать некоторые фотографии захваченных документов. [365]

В 1927-1928 гг. и.о. консула СССР в Пекине работал И. И. Спильванек.

В те же годы в Китае работал окончивший в 1925 г. Военную академию резидент Наум Исаакович Эйтингон. [367]

С 1925 по 1927 г. главным резидентом под крышей сотрудника дипломатического представительства в Пекине, а затем генерального консульства в Ханькоу под фамилией Ведерников работал С. Г. Вележев. ^8]

Резидентура в Харбине

После Октября 1917 г. и крушения белого движения в России Маньчжурия выдвинулась как плацдарм для создания новой возможности борьбы против советской власти в России. Полоса отчуждения, как назывался коридор вдоль Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), была своеобразным государством в государстве, в котором существовали российские законы, суд, администрация, полиция, железнодорожная охрана, огромный штат русских служащих, начиная с управляющего дорогой генерала Д. Л. Хорвата, и кончая последним стрелочником.

Начатая в 1898 г. постройка КВЖД была закончена в 1903 г. Концессия с китайским правительством на право экстерриториальности Полосы отчуждения была заключена формально от имени Русско-Азиатского банка для Общества КВЖД, акционерного предприятия, пакет которого в одну тысячу акций находился в руках российского правительства. Имущество КВЖД в 1903 г. оценивалось в 375 млн золотых рублей. Кроме дороги общество владело 20 пароходами,

пристанями и другим речным имуществом; ее тихоокеанская флотилия оценивалась в 11,5 млн рублей. У КВЖД были свой телеграф, угольные и лесные концессии, школы, больницы, библиотеки, железнодорожные собрания. После строительства железной дороги улучшилось и ускорилось сообщение между двумя странами. «С постройкой Великой Сибирской железной дороги и Маньчжурской ветки, — писал в предисловии к книге Лян Цичао о Ли Хунчжане известный китайский писатель Чжан Чжигун, — Россия приблизилась к нам больше чем вдвое, сравнительно с остальными западными

державами, и надо твердо надеяться, что с этих пор взаимные отношения двух великих народов станут еще лучше.

Россия — наш старый сосед. В истории можно найти немало доказательств взаимной дружбы; официальных же доказательств вражды не нашлось».

Однако позднее, уже в 60-80 годы XX века, характеризуя причины строительства в Маньчжурии русской железной дороги и ее эксплуатацию в дореволюционный период, некоторые китайские историки делали однозначный вывод об агрессивных целях царизма в Маньчжурии, его стремлении с помощью КВЖД создать базу своей империалистической политики в Китае. Это обстоятельство, по их мнению, представляло угрозу национальным интересам Китая, что предопределило борьбу китайского народа за восстановление своего суверенитета в зоне КВЖД.

Уже в 1903 г. одним из самых авторитетных в стране «железнодорожников» С.Ю. Витте (в 1905-1906 гг. — председатель совета министров Российской империи) генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват был назначен управляющим КВЖД.

В 1917 г. Временное российское правительство, продублировав старое решение, вновь назначило генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата комиссаром Полосы отчуждения КВЖД.

Харбин, находящийся на территории КВЖД, был торгово-экономическим и политическим центром тогдашней Маньчжурии, ее столицей и одновременно

«центром контрабандистской и шпионской деятельности» на Дальнем Востоке. Северная Маньчжурия, район КВЖД являлись после 1917 г. ближайшей к России базой белогвардейщины всех мастей. Здесь формировались вооруженные отряды, отсюда шло их снабжение после вступления на русскую территорию, сюда они спасались после разгромов их Красной Армией.

«Харбин был черным рынком, где открыто торговали валютой, наркотиками, оружием, людьми, — вспоминал маршал Советского Союза В. И. Чуйков, которому в 1926 г. удалось побывать в Харбине в качестве дипкурьера. — Здесь все считалось товаром. Нет в наличии — доставят из любого уголка земного шара».[370]

Контрабандная торговля, включая провоз опиума, золота, различных драгоценностей, имела широкое хождение на КВЖД. Опиум в Китай шел из Приморья, где корейцы и китайцы заседали маком огромные пространства, очищенные в Уссурийской тайге. В контрабандной торговле опиумом участвовали пограничные чиновники, железнодорожный обслуживающий персонал, полиция. Операциями по перевозке опиума ведали особые кампании, возглавляемые дельцами, среди которых были корейцы, еврейские предприниматели и старожилы-железнодорожники. Одними из самых крупных предпринимателей были кореец Пак и некто Вульфович. Опиум доставлялся со станции Пограничная в Харбин в паровозах, в вагонах с электрическими генераторами, в вагонах-ресторанах и в пассажирских, в

которых за разборными стенками прятался контрабандный товар. Опиум доставлялся пачками по несколько фунтов, обернутых в свинцовую бумагу и в резиновую ткань, чтобы скрыть специфический запах. За доставку опиума платили от двух до пяти китайских долларов. Лица, ведавшие доставкой, заранее договаривались с чиновниками таможни и полицией, платя им

вперед за пропуск «товара». Доставленный на место, опиум оценивался во много раз больше своей первоначальной стоимости, принося, таким образом, огромные барыши всем участникам контрабандных сделок/3711

Другим типом контрабанды были драгоценности, конфискованные советским правительством и направляемые через Маньчжурию на иностранные рынки. Провозом золота, драгоценностей, мехов, предметов искусства ведали люди, иногда тесно связанные с советскими агентами, часто служившие паровозной и вагонной прислужгой. Арендаторами вагонов-ресторанов, как и большинство буфетчиков на КВЖД, были преимущественно лица кавказской национальности. Первые были обязаны иметь советские паспорта, так как они служили на сквозных международных поездах Китайской Восточной и Уссурийской дорог; почти все они, зачастую против своего желания, были связаны с различными советскими организациями, включая Далькрайком, Северо-Маньчжурский Коммунистический комитет, ГПУ, НКВД и т. п.

В середине 20-х годов XX века население Харбина составляло около полумиллиона человек, из них русских было около 150 тысяч, маньчжур и китайцев — 395 тыс., японцев — 27 тыс., корейцев — 34 тыс. человек/3721

Известно также, что Харбин стал центром КВЖД. А борьба за обладание КВЖД между Советской Россией, Китаем, Японией, западными державами шла практически на протяжении всей первой половины 20-х годов. И, понятное дело, в ней участвовали различные советские спецслужбы.

Революция в России и попытка Харбинского Совета в декабре 1917 г., по личному указанию В. И. Ленина о передаче всей полноты власти в зоне КВЖД в его руки, установить советскую власть в Полосе отчуждения дороги не увенчалась успехом. На радостях после телеграммы В. Ленина Харбинский Совет принял решение о смещении Хорвата и взятии управления в свои руки. В свою очередь, Хорват отреагировал на это принятием срочных крутых мер по немедленному устранению этого Совета. В связи с этим же Хорват оперативно создал в своем городе Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания. Сам Хорват по взглядам был ярким монархистом и тяжело переживал гибель царской семьи в России. На КВЖД была введена железная дисциплина и строгая, тщательная проверка сотрудников на политическую лояльность. По указанию Д. Хорвата всех подозреваемых в сочувствии эсерам и особенно большевикам с работы изгоняли немедленно. Здесь уместно привести содержание циркуляра, полученного

Управлением КВЖД от Департамента милиции Отдела государственной охраны г. Омска от 29 июля 1919 г. за № 1907:

«Секретно. Циркулярно. Всем управляющим губерниями и областями.

Арестованный одно время в Уфе активный большевистский деятель некто Яковлев впоследствии был освобожден и, будучи обязан подпиской о невыезде из г. Омска, скрылся. Особый отдел, по приказанию Директора Департамента Милиции, просит сделать распоряжение о принятии самых энергичных мер к розыску названного Яковлева, приметы коего: выше среднего роста, плотный, цвет волос темно-русый, борода бритая, держится с большим достоинством, интеллигентное продолговатое лицо, лет 36-38, прекрасно одет, и, в случае обнаружения его, обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника Контр-Разведывательного отдела и военного Контроля Управления Генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего»/3731

Ознакомившись с циркуляром, Хорват немедленно навел справки в своих «глазах и ушах» — органах тайной полиции — о результатах поисков Яковлева по рескрипционным спискам Н. Соколова и получил ответ, что на вверенной ему территории КВЖД большевика Яковлева не значится. ^4!

373 П. Жильяр. Император Николай П и его семья. М.1991.С.281 — 282.

374 А.Н. Авдонин. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В.Яковлеве. Екатеринбург. 1995. С.68.

Остатки организации социал-демократов после разгона их в декабре 1917 г. были тщательно законспирированы в железнодорожных мастерских. И так, хотя вначале большевикам и удалось создать на дороге советы рабочих комитетов, но управление по-прежнему находилось в руках Хорвата, опиравшегося на торгово-промышленные круги, консульский дипломатический корпус и часть местного населения. Отход советской стороны от прежних российско-китайских договоров о КВЖД вынудил китайские власти взять ее под свой контроль. В правомерности своих действий Китай убедился на советско-китайских переговорах в Петрограде в начале 1918 г. Не выразив протеста действиям китайских властей, правительство Советской России согласилось с эвакуацией своих войск из Полосы отчуждения КВЖД и фактом их замены китайскими войсками.

Весной 1918 г. генерал Хорват участвовал в совещании, созванном в Пекине послом царской России Кудашевым, на котором присутствовали и адмирал Колчак и представители союзников.[375]Положение генерала Хорвата само по себе выдвигало его на пост главы движения за поддержку Временного правительства на Дальнем Востоке. Некоторое время он возглавлял «Сибирское правительство», противопоставив его правительству в Омске и пытаясь объединить вокруг себя все белые силы Сибири и Дальнего Востока. На его обращение за помощью к союзникам откликнулась только Япония, но она предложила неприемлемые, как считал Хорват и его окружение, условия: уничтожение Владивостокской крепости и превращение города в

свободный порт; исключительное право горных и лесных разработок в Сибири передать японцам; свободная навигация японских судов по Амуру и т. п. Генерал Хорват прекратил переговоры с Японией и этим «приобрел репутацию человека, не идущего на сдачу российских прав и имущества иностранцам». После всеобщего признания Верховного Правителя А. В. Колчака, выдвинувшегося при его активном участии, Д. Л. Хорват принял его покровительство с одновременным назначением «верховным уполномоченным Колчака в Маньчжурии». Вот тогда Д. Хорватом были заказаны и изготовлены в США бумажные денежные знаки для КВЖД достоинством от 50 копеек до 100 рублей. В народе территорию КВЖД в 1918-1919 гг. называли «Хорватией».[^]

Однако в годы гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири железная дорога перешла в марте 1919 г. под совместный контроль союзников, учредивших Междусоюзный железнодорожный комитет, во главе которого находился американец Джон И. Стивенс.[378]Хотя перед Китаем и стояла задача сохранения КВЖД от полного захвата ее Японией, белогвардейцами и союзными державами, и пекинское правительство как могло в той ситуации отстаивало слишком откровенные посягательства иностранных держав на КВЖД, однако, в тех условиях пекинское руководство фактически было лишено возможности контролировать работу дороги и вынуждено было следовать указаниям союзников,

действия которых были направлены на ограничение его прав в ее управлении. КВЖД находилась в тяжелом финансово-экономическом положении. Япония делала попытки завладеть дорогой после падения Омского правительства, но не решилась испортить отношения с одним из союзников, так как Русско-Азиатский банк считался французским учреждением, кроме того, Стивенс, как глава комитета и управляющий дорогой, тщательно оберегал ее интересы

В начале 1920 г. сложившаяся в Маньчжурии ситуация изменилась в результате разгрома Красной Армией Колчака. Это позволило китайским властям по собственному почину в марте 1920 г. установить свой контроль над КВЖД. Белогвардейские части в Полосе отчуждения дороги были расформированы, была распущена русская железнодорожная охрана, закрыта русская почта, а полиция подчинена китайской администрации. Управляющий КВЖД генерал Хорват уволен со

своей должности. Известно, что белогвардейские отряды пользовались поддержкой Японии, были многочисленны по своему составу. Полоса отчуждения была выделена в Особый район Трех Восточных провинций, главнокомандующему которого были даны широкие полномочия, вплоть до права назначать по своему выбору управляющего дорогой. Первым управляющим КВЖД при китайских властях был назначен инженер Б. В. Остроумов.

Итак, поддержка пекинским правительством антисоветской интервенции создавала условия и для закрепления своих собственных позиций на КВЖД. Под флагом борьбы с большевизмом китайские власти

получили, как мы видим, возможность проводить линию на дальнейшее ослабление позиций России на КВЖД.

Вопрос о КВЖД в начале 20-х годов был предметом ожесточенной борьбы империалистических держав. Сталкиваясь друг с другом в стремлении овладеть дорогой, отмечали некоторые советские историки, они весьма единодушно обвиняли Советскую Россию и ДВР в агрессивности, в намерении захватить КВЖД и пытались доказать, что Советская Россия сначала в обращении от 25 июля 1919 г. обещала безвозмездно передать КВЖД Китаю, а затем пошла на попятную, - 79]и доказывали, что такого не было. В стремлении доказать это положение обычно две противоположные стороны ссылались и до сих пор ссылаются на два разных текста советского обращения к народу и правительствам Южного и Северного Китая, в одном из которых якобы содержалось обещание «вернуть китайскому народу без всякого вознаграждения Восточно-Китайскую железную дорогу», построенную Россией в начале XX века на территории северной части Маньчжурии, а в другом — такие слова отсутствовали.

Попробуем разобраться в разных текстах этого документа.

В конце 1919 г. решения версальской конференции вызвали возмущение китайской общественности (согласно мирному договору с Германией, ее бывшие концессии в Китае не были возвращены этой стране, а переданы японцам). И именно в тот момент Наркоминдел Советской России обратился «к китайскому народу и

379 К примеру, см. М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М. 1962. С. 160-162.

правительствам Южного и Северного Китая» с нотой, в которой рабоче-крестьянское правительство торжественно отказывалось от всех привилегий царской России в Китае. Текст документа был получен в Китае лишь весной 1920 г. Сначала он был передан в китайский МИД телеграфом из Иркутска; затем его послали в Пекин с возвращающимся туда дипломатом; наконец, вскоре после этого другой экземпляр обращения был лично вручен представителем Советской России китайскому чиновнику в Харбине и там действительно были слова с обещанием «вернуть китайскому народу без всякого вознаграждения Восточно-Китайскую железную дорогу».

Однако когда некоторое время спустя дело дошло до прямых переговоров РСФСР с пекинским правительством, китайцам был предъявлен несколько иной текст декларации, в котором абзац о безвозмездной передаче КВЖД Китаю был опущен. Начались длительные споры, в которых Карахан и А. А. Иоффе доказывали, что данного пункта в первоначальном тексте ноты не было. Так, представитель РСФСР в Китае А. Иоффе 14 ноября 1922 г. в послании китайскому министру иностранных дел Гу Вэйцзюню писал, что «в декларациях 1919-1920 гг. нет цитируемых в меморандуме министерства иностранных дел Китайской Республики слов: «Рабоче-крестьянское Правительство намерено все права и интересы, имеющие отношение к КВЖД, безоговорочно вернуть Китаю без всякого вознаграждения».[380]

С разъяснением ситуации в «Известиях» 12 июня 1924 г. выступил и герой взятия Зимнего, сотрудник

Наркоминдела Антонов-Овсеенко. «Любопытно отметить недоразумение с этим документом: обсужденный при своем зарождении на собрании китайских рабочих в Москв — писал Антонов — Овсеенко, — он в пункте, касающемся КВЖД, был произвольно перередактирован... В таком виде документ стал известен широко в Китае».

Как совершенно правильно считает российский историк М. Крюков, это объяснение выглядело не очень убедительным. Во-первых, хотя бы потому, что декларация, о которой идет речь, обсуждалась на собрании китайских иммигрантов не «при своем зарождении», а через месяц после того, как она была подписана Караханом. Во-вторых, в Китае документ стал известен не в китайском, а во французском переводе, надо полагать, с русского оригинала. Совершенно иное объяснение позднее пытался дать исследователь советско-китайских отношений В. Саввин. По его словам, текст ноты, полученный пекинским правительством весной 1920 г. был умышленно искажен белогвардейскими агентами, добавившими в него первоначально отсутствовавший абзац. Как справедливо считает М. Крюков, эта версия также мало что объясняла, так как оставалось неясным, каким образом враги советской власти могли получить доступ к тексту, переданному из Иркутска в Кяхту, а оттуда — в Пекин (в Кяхте в то время никаких белогвардейцев не было). Кроме того, были ведь и другие экземпляры, переданные из рук в руки.

Следующая, уже третья по счету, попытка прояснить ситуацию была предпринята в конце 50-х годов М. С. Капицей, виновником недоразумения был теперь объявлен Виленский-Сибиряков.

Согласно этой версии, в процессе подготовки ноты действительно был один рабочий вариант, включавший спорный абзац, но на утверждение правительства якобы он не выносился. Виленский, принимавший участие в подготовке обращения НКВД, опубликовал этот черновой вариант в 1919 г. в своей брошюре «Китай и Советская Россия. [Из вопросов нашей дальневосточной политики]», изданной в Москве объемом чуть более 30 страниц. ^Именно этот первоначальный вариант весной 1920 г. и попал в Китай.[382]Примерно такой же точки зрения придерживался в своей книге и М. А. Персиц^и многие другие советские историки. Однако здесь также концы не сходятся с концами, так как «подлинность посланного в Китай обращения, числившегося под исходящим номером 324, удостоверил вовсе не Виленский, как отмечает М. Крюков, а уполномоченный Наркоминдела в Сибири и на Дальнем Востоке Я. Янсон».[384 ->И, наконец, еще одна точка зрения историка А. Хэйфеца, объясняющая случившееся объединением первой и третьей версий.^51

Споры о содержании «Первой декларации Карахана» могли бы продолжаться и дальше, как они продолжались на протяжении более 70 лет, если бы недавно в архиве секретариата Ленина не был найден ответ на вопрос о том, каков был исходный вариант ноты НКВД от 25 июля 1919 г. «В ее тексте, представленном Виленским Ленину 10 августа того же года (за две недели до упоминавшегося собрания китайских рабочих), — приходит к выводу М. Крюков, анализируя архивный текст — есть пассаж о безвозмездной передаче Китаю КВЖД, позднее из декларации изъятый. Но этот абзац оказался лишним, когда во внешнеполитическом курсе Советской России постепенно возобладали собственно государственные интересы, а идея вселенской щедрости во имя грядущей мировой революции оказалась похороненной»/3861

Это подтверждается и признанием Чичерина: «Заявление о безвозмездном возвращении Востокитжелдороги Китаю было в самой торжественной форме сделано в 1920 г.».[387 Однако когда возобладали более реалистические взгляды на КВЖД, Карахан, стремясь урезонить ретивого А. Иоффе, по-прежнему настаивавшем на «декларировании передачи прав собственности без всякого вознаграждения китайскому народу», напоминал ему: «Наша политика сегодняшнего дня имеет меньше декларативный характер, а больше деловой... Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, что каждая пятая Советской земли и каждый рубль должны быть предметом нашего особенного внимания»/3883

«Виленский (так же, как Иоффе), — делает вывод М. Крюков, — принадлежал к числу тех бойцов советского внешнеполитического фронта, которые, говоря словами Троцкого, прежде всего, были революционерами, а потом уже дипломатами. Подход Карахана, напротив, в гораздо большей степени характеризовался «деловитостью». Расхождения во взглядах между Виленским и Караханом имели, таким образом, более глубокие корни, чем могло показаться на первый взгляд». ⁹ Расхождения во взглядах советских функционеров разного ранга мы будем и дальше замечать в их деятельности в описываемое нами время.

Китайское правительство было напугано также текстом Декларации об образовании ДВР, объявленной конференцией образованного Дальневосточного правительства и Амурской, Читинской и Владивостокской делегациями (особенно шестым пунктом) 6 апреля 1920 г., в которой оно видело попытки захватить КВЖД и всю Северную Маньчжурию. 3 октября газета «Шанхайская жизнь» писала, что 29 или 30 сентября в Пекине был получен и опубликован текст декларации, где пункт шестой был сформулирован так: «Вся территория ДВР от озера Байкал до Великого океана, включая Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, Сахалин, Камчатку и территорию вдоль Китайско-Восточной железной дороги, объявляется независимой единой страной и никакие территориальные

концессии не будут предоставляться иностранным государствам». [390]

Такое необдуманное заявление, сделанное ДВР сразу же было замечено в Китае. Вскоре в Москву полетела шифровка от одного из агентов следующего содержания: «В марте 1921 г. на заседании Межсоюзного железнодорожного комитета белогвардейский представитель Шитиков во время перерыва беседовал с делегатом Китая, которого просил обратить внимание пекинского правительства на внешнеполитическую декларацию Учредительного собрания ДВР. Шитиков уверял, будто в этом документе сказано, «что правительство ДВР все равно отнимет КВЖД от китайцев и что, по имеющимся у него сведениям, красные войска уже готовятся к захвату дороги и вообще Северной Маньчжурии». И

Правительству ДВР пришлось объясняться по этому поводу. Оно подчеркивало, что речь идет об ошибочной формулировке, а не об ошибочной политике. Составители декларации в эту формулу вкладывали лишь мысль о том, что русские граждане Полосы отчуждения являются гражданами ДВР, и ничего другого не имелось в виду. Наркоминдел РСФСР уже 16 апреля 1920 г. указал правительству ДВР на ошибочность отмеченной формулировки и потребовал от него выдвинуть перед китайским правительством предложение о совместном

установлении способа существования в Полосе отчуждения.

Вскоре в официальном заявлении миссии ДВР в Пекине с иронией отмечалось, что «заинтересованные в делах дороги могут воспользоваться декларацией, опубликованной в печати, о том, что территория КВЖД включена в территорию ДВР... Но господа из Русско-Азиатского банка будут разочарованы. Декларация стремится объединить население Дальнего Востока, включая жителей вдоль железнодорожной линии, и недоразумение возникло вследствие исковеркания материала при опубликовании его в печати». [393] Вскоре миссии ДВР в Пекине был прислан из Верхнеудинска новый текст декларации, где были сделаны соответствующие изменения, который она опубликовала в китайской печати. «Шестой пункт декларации, объявленной конференцией Дальневосточного правительства и делегацией Амурской, Читинской и Владивостокской, в оригинальном документе читается так: «Вся дальневосточная территория, простирающаяся от озера Байкал до Тихого океана, объявляется независимым объединенным государством. Никакие территориальные концессии не будут даны какой-либо иностранной державе», — сообщалось в китайской прессе.

В период с апреля 1920 по декабрь 1922 г. РСФСР и ДВР совместно вели переговоры с китайской стороной

(центрального правительства и Чжан Цзолинем) по вопросу о КВЖД. Китайская сторона твердо стояла на позиции, изложенной советским правительством в декларации от 25 июля 1919 г., — передачи Китаю КВЖД безвозмездно или за выкуп. Накануне созыва Вашингтонской конференции, когда окончательно обнаружилось, что державы, и в особенности США, планируют решить на этой конференции вопрос о КВЖД не только в ущерб интересам Советской России, но и в ущерб интересам Китая, поняв, очевидно, что отказ от переговоров с Россией ослабляет прежде всего позиции Китая, пекинский кабинет решил продемонстрировать свою готовность договориться с Москвой и Читой. «По мере приближения Вашингтонской конференции, — сообщал в Центр представитель ДВР в Китае Юрин, — поведение китайских чиновников стало улучшаться: они чувствовали необходимость договориться о КВЖД раньше, чем этот вопрос будет поставлен на обсуждение в Вашингтоне»/3951

Твердая позиция Советского правительства и ДВР позволила китайским делегатам (напомним, что российских там не было) протестовать на Вашингтонской конференции против различных предлагавшихся там решений, означавших фактический захват КВЖД державами. Все это в сочетании с острыми противоречиями держав привело к срыву попытки империалистических держав решить судьбу дороги в ущерб интересам Советской России и Китая. Даже глава американской делегации — государственный секретарь США Юз вынужден был заявить, что его правительство «не имеет намерений приобрести контроль над

395 ЦПА ИМЯ, Ф.372, Оп.1, Д.61, Л.185. Цит. по: М.Персиц. Ук. соч. С.168

КВЖД». [396] Конкретный план РСФСР в отношении КВЖД был разработан лишь летом — осенью 1921 г. после ввода советских войск в Монголию и их выхода к границам Китая. Он предусматривал совместное управление РСФСР, ДВР и Китаем КВЖД при признании за Китаем права собственности на КВЖД и предоставлении Советской России военных и экономических гарантий.

Осенью 1921 г. китайская сторона выступила с инициативой скорейшего проведения советско-китайской конференции по всему комплексу проблем двусторонних отношений, в том числе по проблемам КВЖД, чтобы решить ее до начала Вашингтонской конференции. Однако из-за ввода советской Красной Армии в Монголию двухсторонняя конференция не состоялась. Она была сорвана правителем Маньчжурии Чжан Цзолинем, возмущенным этим актом, нежеланием советской стороны провести специальную конференцию по данному вопросу.

Советский представитель в Китае А. К. Пайкес, отвергая идею НКВД о совместном управлении и военных гарантиях России со стороны Китая, предложил идею создания трехсторонней контрольной комиссии с решающим голосом РСФСР, которая могла бы контролировать работу КВЖД в ее интересах. По его мнению, идея предоставления Китаем России военных гарантий являлась неосуществимой, поскольку Китай никогда бы не согласился на ввод в Маньчжурию советских войск.

Несмотря на уроки Вашингтонской конференции, пекинское правительство вскоре опять уступило давлению США, Франции и других империалистических держав, фактически отказавшись от ведения переговоров о КВЖД с советским представителем А. К. Пайкесом, прибывшим в Пекин 12 декабря 1921 г., и главой миссии ДВР А. Ф. Агаревым.

Борьба за КВЖД велась между СССР, Чжан Цзолинем и японцами.

Еще задолго до перехода правления КВЖД в руки советского управляющего развернулась ожесточенная кампания критики прежнего правления во главе с Б. В. Остроумовым со стороны газеты «Новости дня». Старое правление дороги обвинялось в бесхозяйственности и даже в умышленном вредительстве. Харбинский представитель ДВР Озорин (он же Кистер) через Комитет железнодорожных служащих (ДОРКОМ) пытался подрывать нормальную деятельность дороги, провоцировал служащих КВЖД на стачки.

Одним из первых шагов для перехода дороги в руки советского управляющего было проведение на пост председателя Ревизионной комиссии КВЖД генерала Ян Чжо. Еще мальчиком он был увезен в Россию известной Агреновой-Славянской после турне ее хора по Дальнему Востоку. В России Ян Чжо получил хорошее образование, в совершенстве овладел русским языком и после революции стал сотрудничать с разведывательными органами. Затем советской разведкой был завербован начальник штаба маршала Чжан Цзолиня генерал Ян Утин. Ему отводилась роль человека, который поднимет восстание в Мукдене, захватит власть, арестует

правительство и подчинить себе армию. Ян Чжо планировалось сделать главой Маньчжурской Народной Республики. Однако эти планы были раскрыты лицами Чжан Цзолиня, а двух заговорщиков: Ян Чжо и Ян Утина казнили.

В результате различных манипуляций и давления, оказываемого Москвой, первым советским управляющим КВЖД стал А.Н.Иванов. По одной версии он раньше был телеграфистом на Пермской железной дороге, по другой — владивостокским портовым грузчиком и сотрудником Отдела водного транспорта ОГПУ. [398]Иванов в Харбине появился еще в 1922 г. с целью подготовки к занятию поста управляющего. В то время начальником Экономического отдела дороги был Дикий, в прошлом крупный деятель Союза Сибирских маслодельных артелей, эксперт по экономике Маньчжурии и железнодорожному транспорту. «Дикий был завербован советским правительством для подготовки Иванова к посту управляющего», — пишет П. Балакшин.™

Позднее КВЖД стала рассматриваться в Москве, по выражению Н. И. Бухарина, в качестве «революционного пальца», запущенного в Китай. Москва ставила следующую задачу в вопросе о КВЖД: используя противоречия между пекинским правительством и Чжан Цзолинем, укрепить позиции СССР в Маньчжурии, разрешив вопрос о дороге в интересах Москвы. В апреле 1925 г. — январе 1926 г. с подачи Карахана

управляющий КВЖД А. Н. Иванов стал провоцировать конфронтационные ситуации с местными китайскими властями, которые могли поставить Советскую Россию на грань войны с Китаем.

Вступив на должность управляющего КВЖД, Иванов (на этом посту был с 1924 по 1926 г.) издал приказ об увольнении с дороги лиц, не имеющих советского или китайского подданства. Эмигрантам, желавшим сохранить свои места, было предложено хлопотать о переходе в советское подданство. Советские власти на дороге повели усиленную кампанию среди железнодорожников, старожилов и эмигрантов, чтобы принудить их взять подданство СССР. Со своей стороны китайские власти на дороге предлагали эмигрантам перейти в китайское подданство и этим сохранить за собой место службы на КВЖД.

Под давлением советской стороны и, главным образом, из-за экономических соображений, 19 тысяч железнодорожников начали ходатайство о переходе в советское подданство. Наотрез отказались брать советское подданство 2 тысяч эмигрантов. Из них около половины взяли китайское подданство, остальные же предпочли быть уволенными с КВЖД, чем принять то или иное подданство/4001

Политика провоцирования конфликтных ситуаций с местными властями НКВД вызвала резкое неприятие со стороны Харбинского губбюро РКП, обвинявшего Карахана и Иванова в «революционном шапкозакидательстве». Советская Россия рассматривала возможность вооруженного захвата КВЖД силами

Красной Армии. Для этого в 1924 г. была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б) под председательством начальника Политуправления РСФСР В.А. Антонова-Овсеенко. Она пришла к заключению о невозможности практического осуществления подобной акции. «В результате переговоров с т. Кубяком, Альповым (ПП ГПУ. — В. У.) и Уборевичем комиссии стало совершенно ясно, — говорилось в Решении, — что фактическое положение вещей на Дальнем

Востоке (политическое настроение крестьянства, малочисленность наших войск, предстоящая мобилизация) ни в коем случае не допускает агрессивной политики в отношении Китая».

14 июля 1920 г. японский военный министр Танака инструктировал японского командующего во Владивостоке о посылке шпионов и диверсантов в такие города, как Харбин, Хайлар и Маньчжурия, для захвата телеграфных станций. 19 июля японскому командованию в Полосе отчуждения был отдан приказ о тщательном наблюдении за передвижениями китайских войск вдоль КВЖД и ежедневном информировании военного министерства о полученных данных.^[4]

Японское командование установило довольно тесный контакт с отрядами хунхузов, снабжая их оружием, обмундированием и деньгами и тайно руководя их действиями. Пред хунхузами была поставлена задача взрывать железнодорожные мосты, разрушать полотно, привокзальные постройки, нападать на мирных граждан. Ссылаясь на такие действия, японцы намеревались продемонстрировать неспособность китайских властей установить порядок на КВЖД и доказать таким образом, что дело охраны дороги должно быть передано в японские руки. Так агентство Дальта 22 июня 1920 г. сообщало: китайский директор КВЖД уведомил свое правительство о том, что «шесть главарей хунхузских банд подписали с японскими властями секретные договоры, в силу которых хунхузы должны прерывать железнодорожные сообщения по линии. Тогда японцы примут на себя охрану станций под предлогом, что китайские войска и полиция оказались не в состоянии охранять дорогу».^[405] Предполагалось также, что для более успешной организации охраны КВЖД японские представители будут допущены в состав правления дороги.

Некоторые руководители белой эмиграции в Китае также были не прочь взять в свои руки контроль за КВЖД. Так, для руководства их действиями на КВЖД был учрежден специальный военный штаб в Харбине. Его главная задача состояла в создании и рассредоточении по всей дороге вооруженных белогвардейских отрядов, способных в нужный момент установить полный контроль над КВЖД. По предписанию штаба 24 семеновских генерала и около 50 офицеров были отправлены на

разные станции для организации под видом железнодорожной охраны военных отрядов. Например, на товарной станции Харбин все 60 сторожей, охранявших грузы, были уволены, а на их место зачислены офицеры из остатков армии Семенова и атамана КалмыковаTM

В конце января или начале февраля 1921 г. в Харбине собрались бывшие министры Колчака и другие деятели белой эмиграции: Гондатти, Гинс-Михайлов, Бодянский, князь Кропоткин и Ухтомский, бывший посол в Японии Крупенский, генерал Дитерикс, есаул Орлов для решения вопроса — на кого возложить военно-политическое руководство новым походом.TM

«...В некоторых кругах эмиграции, привыкших за последние годы к различным дворцовым и не дворцовым переворотам, зародилась мысль о захвате власти вначале в Харбине, а затем во всей Маньчжурии, — писал П. Балакшин в своей книге о белой эмиграции на Дальнем Востоке «Финал в Китае». — Несмотря на всю безрассудность плана в той ситуации, он серьезно обсуждался, распределялись роли заговорщиков, захват зданий, складов оружия, телеграфа. В основе заговора лежал советский замысел по отчуждению Маньчжурии и превращению ее в советскую республику. Автором заговора был некто Берсенев, редактор журнала «Вестник Маньчжурии», официального органа Экономического Бюро КВЖД, которому стало известно о переговорах А. Смирнова, секретаря Северо-Маньчжурского Коммунистического Комитета, с

некоторыми лицами, близко стоявшими при маршале Чжан Цзолине. Однако дальше обсуждения деталей переворота не пошло».

Поэтому понятно, почему Маньчжурии и Харбину придавалось особое значение со стороны различных советских разведок. Одновременно Харбин и Маньчжурия использовались как «перевалочные пункты» для транспортировки различных грузов и как «коридор» для перехода

советско-китайской границы, с одной стороны, китайских коммунистов, направлявшихся в СССР на учебу, на работу в органы Коминтерна, на съезд партии (как это было в 1928 г., когда этот «коридор» использовался для нелегального перехода делегатов VI съезда КПК, проходившего под Москвой) и обратно в Китай, с другой стороны, советских граждан для нелегальной работы в Китае.

С приходом советских властей на КВЖД в Маньчжурии был учрежден ряд советских учреждений коммерческого характера.

В Харбине в начале 1922 г. была учреждена первая советская торговая организация в Северо-Восточном Китае «Сибдальвнешторг», вскоре также создана транспортная контора «Доброфлота», 1 409]как филиал «Совторгфлота» (Советского Торгового флота) и отделение Транспортной конторы Амурского Государственного пароходства.

Отделением «Совторгфлота» управлял вначале Л. Г. Быстрицкий, затем — Т. А. Кисельгоф, отделением

Амурского пароходства — П. Е. Терентьев и П. С. Бурлан, которые, по данным П. Балакшина, также были агентами Коминтерна/4101

В Харбине было открыто отделение «Дальбанка», главная контора которого находилась в Хабаровске. Управляющим его вначале были Н. Н. Ромм, а затем С. М. Шапиро. Дальбанк участвовал в финансировании деятельности Коминтерна в Маньчжурии и Китае, скупал золото в слитках для отправки в Москву, сбывал за иностранную валюту реквизируемые в России драгоценности, держал текущие счета для коминтерновских агентов/41!

Был открыт «Дальгосторг» (Дальневосточная государственная торговля СССР), главная контора которого находилась в Хабаровске. Управляющим харбинского отделения стал В. А. Игнатенко, сотрудник харбинского О ГПУ .[412]При Дальгосторге было представительство Сучанских угольных копей, возглавляемое М. Т. Мироновым, который работал среди бклых эмигрантов с целью выяснения руководителей и участников партизанских белых отрядов, нередко появлявшихся в районе Сучана.^31

Было открыто также отделение «Центросоюза» (Центральный союз торговых предприятий СССР). Управляющим харбинским отделением был

В. З. Немчинов, его помощниками — А. И. Левин, М. Я. Линдберг, П. Т. Лизачев и М. П. Смородин. Последний являлся главноуполномоченным в Китае резидентом ГПУ.

С 1918 по 1921 г. под «крышей» помощника бухгалтера Харбинской конторы Центросоюза работал связной Коминтерна С. Л. Вильде (1892-1967), затем он выезжает в Россию и с марта по сентябрь 1921 г. уже работает управляющим делами Дальневосточного секретариата Коминтерна?'151

Был открыт в Харбине также «Сибкрайсоюз» (Сибирский краевой союз Кооперативов СССР), который официально занимался сбытом советских продуктов и закупкой сырья и злаков для СССР. Во главе союза стоял уполномоченный по дальнему Востоку резидент ГПУ А. Ф. Попов.[416]

Было открыто и отделелние «Нефтесиндиката» (Всесоюзный нефтяной синдикат), которое проводило операции с советскоц нефтью. Во главе его стоял М. К. Щербинский.[417

В Харбине также работало несколько общественных международных организаций. Это отделение Управления районного уполномоченного Российского Красного Креста и находившегося в его ведении Агентства Дальневосточного Курортного управления СССР. Они

входили в состав Своета профессиональных союзов СССР и возглавлялись одним и тем же лицом — К. А. Филипповичем. Как считает П. Балакшин, они «были лишь ширмами, за которыми развивалась подпольная и разведывательная деятельность». 9

Имелся также филиал Хабаровского благотворительного общества (ХБО), входивший в состав МОПР (Международное Общество помощи революционерам), оно собирало средства для ведения определенной работы в Маньчжурии и Китае. Во главе его стоял Магон, совмещавший эту службу с работой в Ревизионном комитете КВЖД.

Помимо этих двух общественных организаций было также Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), которое состояло из нескольких секций: торгово-промышленной, естественно-исторической, историко-этнографической, геологической, искусств, медицинской, экскурсионной, социологической и редакционной. Оно вело исследовательско-изыскательскую работу, в то же время нелегально «снабжая Коминтерн всеми необходимыми сведениями о Маньчжурии». 9]Для прикрытия этой нелегальной деятельности во главе общества были поставлены китайские граждане: председатель — доктор Ван Цзинчунь, его заместитель — Ли Юангэн. Вторым заместителем председателя был А. С. Мещерский, ветеринарный врач КВЖД. Членами комитета были

совесткие служащие, коммерсанты и иные лица, имеющие совесткие паспорта.

В 1920-1921 гг. уполномоченным Разведупра штаба РККА в Северной Маньчжурии был Яков Григорьевич Минский.[421]

В 1919 г. в Харбине появился вместе с женой некий В. В. Яковлев (настоящая фамилия К. А. Мячин, он же Минер, Минор и К. А. Стоянович), 1 422]ему было 32 года. Сначала он устроился работать на мельницу электриком

1922-1924 г. — под «крышей» консула в Персии. С декабря 1925- по конец 1926 г. работал под прикрытием вице-консула в Шанхае, с декабря 1926 по 1929 г. работал под «крышей» атташе полпредства в Турции. В 1929 г. был отозван в СССР и работал в центральном аппарате внешней разведки. С 1933 г. начальник отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ. Умер в Москве.

422 К.А.Мячин (В.В.Яковлев, К.А. Стоянович, 1886-1938). Константин Алексеевич Мячин родился в крестьянской семье в Оренбургской губернии. С 13 лет жил у отчима в Уфе и там, в 1903 г. произошло его первое знакомство с

революционерами. В 1904 г. он вступил в РСДРП. Вскоре он стал активным участником подпольной организации уфимского партийного комитета — «Боевого отряда народного вооружения» Он становится боевиком, отвечавшим за охрану митингов, собраний, участвует в налетах по захвату станков для изготовления бомб, шрифтов в типографиях, оружия, динамита со складов, осуществления экспроприации, дававших средства для нужд партийных организаций. Вскоре он стал руководителем и организатором боевых дружин на Урале. В 1908 г. по паспорту Яковлева (с этого времени он стал В.В.Яковлевым) он ездил в Женеву на совещание боевиков. Яковлев за время своей революционной деятельности участвовал в двадцати «партизанских действиях» и экспроприациях. Такое (умышленно завышенное) количество акций он укажет в письмах руководителям страны и ОГПУ, написанных позднее из Соловецкого лагеря, надеясь на снисхождение. После Февральской революции весной 1917 г. В.Яковлев, который до этого с 1910 г. учился в Болонской школе («Школе социальных наук»), входил в совет школы вместе с А.Луначарским, вернулся в Россию. После

кратковременного пребывания в Петрограде он возвращается в родные места на Урал, избирается председателем Симского Совета депутатов (Сим — рабочий городок в Челябинской области), а осенью вновь отправляется в Петроград на П съезд Советов. Там он попадает в атмосферу активной деятельности по подготовке и осуществлению Октябрьского переворота. В связи со

знакомством с Я.Свердловым еще с 1906 г., последний поручает ему ответственную задачу — доставку оружия с Сестрорецкого завода, которую Яковлев очень быстро выполняет, — оружие доставлено в Петроград. Весной 1918 г. В.Яковлев доставил из Уфы железнодорожный состав из сорока вагонов с хлебом в Петроград, а взамен получил оружие, деньги для борьбы с Дутовым. В апреле его вызывает Свердлов в Москву и поручает секретнейшую операцию — перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Затем в 1918 г. он становится командующим Восточно-Уральским фронтом. И вдруг добровольно переходит на сторону Уфимской директории — Временного Всероссийского правительства. После возвращения в СССР был репрессирован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован посмертно (А.Н.Авдонин. Ук. соч. С. 7-44).

на окраине Харбина. Но работа здесь его не устраивала. Он мечтает перейти в главные механические мастерские КВЖД. Мастерские В. Яковлеву нравились высоким техническим уровнем оснащения и механизацией производства работ. Здесь работали в основном русские, частично китайцы, совсем немного европейцев и японцев. Последних В. Яковлев, как и все харбинцы, относил к разряду вредителей и шпионов. Через год после того как он завел полезные знакомства в Харбине, ему это удастся. Используя свой европейский аттестат — свидетельство о квалификации Всемирной Компании Электричества, он устраивается в мастерские КВЖД электриком. О работе в этих мастерских В. Яковлев напишет позднее следующее: «В Харбине под своей фамилией Мячина я поступил на работу в главные мастерские. Я не мог оставаться бездеятельным и начал заниматься со своими товарищами рабочими, читая с ними политическую экономию, разъясняя некоторые политические вопросы, вел собеседования и т. д. В Харбине надвигались события, готовилась забастовка против белых, за изгнание Хорвата. Главная рабочая сила была в мастерских, где я пользовался большой популярностью, и поэтому, как только вспыхнула забастовка, я открыто выдвинулся во главе рабочих. Первоначально я был только представителем в стачечном комитете от мастерских (забастовка была объявлена по всей дороге и во всем всеобщая), затем председателем, когда обстановка потребовала революционных мер, был организован военно-революционный подпольный комитет, председателем которого выбрали меня.

Большевистская организация (внутри русской диаспоры на КВЖД. — В. У.) несколько раз ставила вопрос о моем вступлении в организацию, но я, не имея возможности объяснить причины, все время отказывался, заявляя, что я больше анархист, чем коммунист, ибо сказать истину я не мог».22

КВЖД постоянно сотрясали массированные забастовки, организуемые партийной организацией КВЖД, в том числе харбинской, к которой принадлежал В.Яковлев. Он активно участвует в создании боевой дружины, благо у него имеется большой опыт, добывает оружие и деньги. В. Яковлев следит за ситуацией в России, которая влияет на положение дел в Харбине. Поражение армии адмирала А. В. Колчака, ее отступление, а после расстрела в Иркутске 7 февраля 1920 г. самого Верховного Правителя — паническое бегство в Харбин многочисленных военных и беженцев — наводняет город русскими. В марте он внимательно следит за формированием военного состава под французским флагом, который однажды с харбинского вокзала направился в сторону южных морских портов. В этом составе вместе с генералом Жаненом [,24]навсегда покинул Россию человек, старательно разыскивавший, но так и не нашедший Яковлева, — Н. А. Соколов, который увозил из страны большое следственное дело, документы и вещественные доказательства убийства царской семьи, расстрелянной в Екатеринбурге.

Несмотря на строгую секретность миссии Н. Соколова, просочились сведения, что он увозит останки царской семьи. В.Яковлев в это поверил. Он знал, что некоторое время назад из Алапаевска в Пекин были вывезены останки убитых там членов Дома Романовых, в том числе сестры императрицы Александры Федоровны — Великой княгини Елизаветы. Вспоминая провокационные действия Уралсовета при перевозке Романовых из Тобольска в Екатеринбург, В. Яковлев не сомневался, что злодейская акция уральских большевиков будет разоблачена. Но,

увидев переносимые упаковки, их размеры, В. Яковлев определил, что в них останков быть не может, стало быть, Н. А. Соколов останков убитых не нашел. Он понимал, что отсутствие останков у покидающего Россию Соколова оставляет его дело незаконченным навсегда. Среди людей, переносивших материалы Соколова, был человек, знавший Яковлева по Тобольску. Это был воспитатель наследника Алексея Пьер Жильяр. «В марте 1920 г. я снова встретился с генералом М. К. Дитерихсом и Н. Соколовым в Харбине, — писал позднее П. Жильяр, — куда они, как и я, попали после крушения правительства адмирала Колчака. Они сильно волновались, так как положение в Маньчжурии становилось все более шатким, и можно было с минуты на минуту ожидать, что Восточно-Китайская железная дорога попадет в руки красных.... Генерал Дитерихс, два его офицера ординарца, Н. А. Соколов и я нагрузили себе на плечи заранее приготовленные тяжелые чемоданы и направились к поезду генерала Жанева, стоявшему неподалеку от вокзала. Мы приближались, в нескольких шагах друг от друга, к платформе, когда последние из нас заметили появившихся неожиданно из темноты нескольких человек, которые подошли к нам с криками: «Куда вы идете? Что вы несете в чемоданах?» Ввиду

того, что мы, не отвечая, ускорили шаг, они собирались нас задержать и приказали нам открыть чемоданы. К счастью, расстояние, которое нам оставалось пройти, было уже не очень велико: мы пустились бегом и, минутой спустя, были у вагона генерала, часовые которого двинулись нам навстречу. Наконец все следственное производство было в верном месте. И пора было, ибо, как мы в этом убедились, за нами было установлено наблюдение. Час спустя мы один за другим осторожно вышли из поезда и незаметно проскользнули между вагонами соседних эшелонов... Это происходило 19 марта 1920 года».[425]

В Харбине В. Яковлев встретился и близко сошелся с молодым человеком, сыгравшим особую роль в китайском периоде его жизни. Это был Э.М.Абрамсон (в записях В. Яковлева — «Абрам») (1898-1941) (псевдоним Мазурин, Ма Сун). На двенадцать лет моложе В. Яковлева, Э. Абрамсон вырос в Харбине, по некоторым сведениям был студентом, но учебу бросил, полностью отдавшись коминтерновской деятельности. Его родители были коренными харбинцами — одними из основателей этого города. Он хорошо знал китайский язык, местное общество, политическую обстановку в городе и стране. Он ввел В. Яковлева в партийную среду, так как состоял в русской городской партийной организации, подробно представил ему город Харбин, со всеми присущими ему особенностями, познакомил с Маньчжурией. Абрамсон был источником информации для Мячина. Позднее Абрамсон установил связь с Сиббюро ЦК РКП(б) в Иркутске и стал там заведующим китайского отдела секции восточных народов (секция восточных народов

при Сиббюро ЦК РКП(б) была создана в Иркутске в августе 1920 г. В январе 1921 г. на ее основе был создан Дальневосточный секретариат ИККИ, функционировавший в Иркутске до февраля 1922 г.[426]/427]

В апреле 1920 г. в Харбине появляется Я. Г. Минцкер, [428]способный журналист и редактор Владивостокской газеты «Красное знамя», направленный нелегально на работу в Харбин на КВЖД, который сразу же установил связь с В. Яковлевым и Э. Абрамсоном. Минцкер, уполномоченный Приморского комитета ВКП(б), вскоре был избран секретарем харбинской партийной организации, а В. Яковлев — председателем стачечного комитета и Военно-революционного совета. В июле 1920 г. рабочие КВЖД под руководством партийной организации объявили всеобщую забастовку на КВЖД, начав решительное наступление на администрацию дороги. Забастовка оказалась неожиданной для руководства и привела к срыву военных перевозок. Немедленно были приняты карательные меры против забастовщиков, но последние оказали вооруженный

426 ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1.1920-1925. М.1994. С.34.

427 А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.70.

428 Я.Г.Минцкер вступил в партию эсеров в 1911 г. двадцатилетним молодым человеком. За активную деятельность в ней в 1912 г. был выслан на вечное поселение в Сибирь. Освобожденный революцией, он в декабре 1917 г. участвует в подавлении восстания юнкеров во Владивостоке. За это он был изгнан из партии эсеров, но принят в партию большевиков. Минцкер оказался способным журналистом и работал редактором владивостокской газеты «Красное знамя», откуда и был направлен на работу в Харбин на КВЖД.(А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.75.)

отпор, большая часть их требований была удовлетворена.

Управление КВЖД стал осуществлять Международный комитет по железнодорожным перевозкам совместно с правлением Русско-Азиатского банка. Волнения на дороге продолжались до 1924 г., когда было создано совместное советско-китайское управление дорогой. Успехи забастовки через некоторое время обернулись репрессиями против ее участников. Многие были уволены с работы и даже посажены в тюрьмы. Китайские власти начали преследовать Мячина, и ему пришлось скрыться. Организация выдала ему паспорт на имя Стояновича и отправила в Тяньцзинь для установления связей с другими организациями. В «Перечне эпизодов», составленном Стояновичем позднее, где он излагал свою деятельность, имеется следующая запись: «Командирование парторганизацией под фамилией Стоянович в центр Китая: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай для организации коммунистической партии и создания парторганизаций. Прибытие в Тяньцзинь. Встреча с проф. Полевым, Войтинским, Ходоровым, Огаревым. Распределение работы с тов. Войтинским».[430]В «Докладе Исполкому Коминтерна об организации и деятельности секций восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б)» от 21 декабря 1920 г. читаем: «Одновременно из Харбина был послан в Тяньцзинь коммунист-рабочий, владеющий французским языком, тов. Стоянович (Минер). ...Подобные (Шанхайскому. — В. У.) же Ревбюро создаются (теперь

уже созданы) во всех крупных индустриальных городах Китая: в Пекине, Тяньцзине, Кантоне. Пекинским ревбюро руководят тт. Полевой и Стоянович».[431]Здесь же мы находим и знакомую нам фамилию Абрамсона. «Оставшаяся во Владивостоке часть Инотдела в составе тт. Абрамсона, Эрделевского и Мамаева занялась организацией и объединением корейцев-коммунистов. Во Владивостоке был создан Дальневосточный комитет Корейской коммунистической партии. Вскоре же тт. Абрамсон и Мамаев выехали в Харбин для организации Харбинского отделения, где предполагалось оборудовать японские типографии и печатание брошюр, предназначенных для японских оккупационных войск, находившихся в приморской области. ...По возвращении во Владивосток, в начале июля т. Абрамсон выехал через Китай для установления связи с Иркутском»/ 32]

17 августа 1920 г. Г. Н. Войтинский из Шанхая пишет письмо в секцию восточных народов при Сиббиро ЦК ВКП(б), где сообщает, что помимо Шанхайского бюро «имеется еще одно бюро в Пекине, работающее по моим указаниям совместно с т. Минором (К. А. Стояновичем.— В. У.) и профессором Полевым. Теперь я посылаю т. Минора из Тяньцзиня в Кантон, где он должен организовать Ревбюро»/*3]

Таким образом, за короткий период времени Стоянович находился то в Тяньцзине, то в Пекине, то в Шанхае, то в Кантоне. В Шанхае он встретился с

руководителем Дальневосточного телеграфного агентства («Далта») Ходоровым, который оформил его на работу корреспондентом, а позднее и заведующим агентством РОСТА. В его письме от 29 сентября 1920 г. неустановленному адресату с информацией из Кантона, сохранившемся в архивах Коминтерна, он уже дает свой адрес для телеграмм как сотрудник телеграфного агентства.

«Командировка в Южный Китай, — читаем мы в его «Перечне эпизодов». — Поездка под видом продавца соли. Связь с кантонскими рабочими организациями, студентами. 1922 г.».

Существовавшее в Харбине полномочное представительство СССР было переименовано в советское генеральное консульство. Первым генеральным консулом был назначен резидент ГПУ Д. Д. Киселев, одновременно занимавший пост члена правления КВЖД. Первым вице-консулом и заместителем был назначен А. Я. Дяткович, член ревизионного комитета КВЖД, вторым вице-консулом — А. Н. Битиев, видный сотрудник ГПУ, в руках которого был сосредоточен аппарат маньчжурского ИНО ОГПУ, заведующим паспортным отделом был назначен К. Э. Зейте, занимавший также пост начальника контразведывательного отдела ГПУ.TM

Советские консульства также были открыты на станциях Маньчжурия, Цицикар и Пограничная, с приданными им, как утверждает П. Балакшин, отделами

ИНО ОГПУ, главами которых обычно были секретари консульств/4361

В 1924 г. в Харбин в качестве секретарей советского консульства прибыли Пичугин, Кузнецов, Сошников, совмещавших консульскую службу, по данным П. Балакшина, с работой в ОГПУ. Они часто бывали в харбинском кафе-шантане Бомонд и в загородном ресторане Яр, где часто собиралась богатая знать Харбина. В этих двух местах у российских консульских работников были даже «свои кабинеты» для встреч с нужными людьми. А управляющий Бомонда, беженец из Германии, хорошо говоривший по-русски, был связан со всеми находившимися в те годы в Харбине разведками, начиная от советской резидентуры, до японцев, англичан, американцев, включая и третий отдел Бюро по делам российских эмигрантов.^{^7!}

Одним из наиболее активных и ответственных предпринимателей в контрабандных операциях, по данным П. Балакшина, был некто Микеладзе, тесно связанный с секретарем Северо-маньчжурского Коммунистического Комитета А. Смирновым и с заведующим гостиницей Гранд Отель бывшим морским офицером В. Н. Лабузо. Гранд Отель принадлежал известному на Дальнем Востоке содержателю ломбардов И. В. Кулаеву, который сдал его советским властям на КВЖД, устроившими в нем штаб информации и разведывательной службы. Якобы Лабузо, работавший в

436 Там же.

437 П. Балакшин. Финал в Китае. С. 106.

должности управляющего Гранд Отелем, был связан с советскими агентами и Микеладзе.

Деятельностью Лабузо, занимавшегося не только сотрудничеством с Микеладзе и другими по провозу конфискованных российских драгоценностей, интересовались иностранные разведки. Лабузо видели несколько раз с главой английской разведки капитаном Вильсоном, что дало основание одному из резидентов советской разведки, Павловскому или Фальдшеру, заподозрить его в двойной игре. Вскоре после этого Лабузо покончил с собой при загадочных обстоятельствах. Позже выяснилось, что он был ликвидирован советскими разведывательными органами. Вслед за Лабузо бесследно исчез после одной из очередных поездок во Владивосток и Микеладзе. [438]

В 1924 г. в Харбине появился некто Гетовт, назвавший себя латвийским эмигрантом, прибывшим из Европы как представитель европейских торговых и технических фирм. Представительный, всегда хорошо одетый и с деньгами, Гетовт быстро завел знакомства среди видных кругов эмиграции.

В то время в Приморье успешно действовал партизанский отряд И. Г. Ширяева, помощника атамана Уссурийского края Калмыкова. Деятельность Ширяева, хорошо знавшего местность и имевшего определенную поддержку местного населения, тревожила советские власти, которые решили во что бы то ни стало ликвидировать этот партизанский отряд. Было известно, что после налетов на советскую территорию Ширяев перебирался со своим отрядом на китайский берег Уссури

и там отсиживался. Оружие и остальное снаряжение он получал из Харбина.

Именно для выяснения харбинских связей Ширяева и был послан советской разведкой Гетовт. Среди его новых знакомых оказались генерал Никитин и его жена, расположенная к Гетовту. Никитин поддерживал связь с Ширяевым и переписывался с ним. Одно из его писем жена Никитина передала Гетовту; по нему было установлено местопребывание ширяевского отряда и его связи среди населения в районе Имана. Агентам ГПУ затем удалось обнаружить эти связи и уговорить связника на выдачу Ширяева. После поимки Ширяева Гетовт спешно покинул Харбин/4391

В 1924-1927 гг. резидентом в Харбине был Федор Яковлевич Капин (1896-1938). В органах ВЧК он работал с 1919 г. Заместителем резидента с середины 20-х годов в Китае был Василий Михайлович Зарубин.⁴⁰¹

В 1923-1924 гг. сотрудником управления уполномоченного НКВД СССР в Харбине, с 1928 по 1931 гг. генеральным консулом, одновременно являясь

439 Там же. С. 125-126

440 Василий Михайлович Зарубин (1894—1972), родился в Москве в рабочей семье, окончил 2-х классное училище, работал в торговой фирме, был рабочим, конторщиком, одновременно учился. С 1914 по 1917 г. служил в русской армии рядовым, во время Февральской революции был ранен, с 1918 по 1920 г. служил в Красной Армии, в 1921 г. был принят на службу в органы ВЧК. Начальник Экономического отдела ОГПУ во Владивостоке. Первая поездка в ранге разведчика за границу была осуществлена в Китай в 1924 г. по линии контрразведывательных органов в период его работы во Владивостоке. С 1925 г. — сотрудник ИНО и в дальнейшем работал за рубежом по этой линии, в двух станах возглавлял «легальные» резидентуры и в трех странах работал нелегальным резидентом. Резидент в Финляндии, Дании, Франции, Германии, США. За время службы в разведке награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

членом правления КВЖД, работал советский разведчик и дипломат Б. Н. Мельников.[441]Вместе с ним, являясь разведками, работали ответственный инспектор торгпредства И. И. Кауффельд и начальник паспортного отдела Службы общих дел КВЖД А. И. Париллов.[442]После конфликта вместо отозванного в СССР Мельникова вступил в должность новый генеральный консул М. М. Славущий-Аршавский. Члена ревизионного комитета КВЖД Магона сменил начальник Службы общих дел КВЖД Василевский, главу Торгпредства Эмзина сменил бывший начальник секретно-оперативного отдела ОГПУ в Благовещенске А. М. Плоткин-Пилов, позже занимавший должность директора хабаровского отделения Дальбанка.⁴³¹

Основное ядро советского разведывательного аппарата находилось в здании генерального консульства СССР в Харбине. Ряд резидентур был создан по линии КВЖД и в городах Маньчжурии и северного Китая. По данным П. Балакшина, аппарат ГПУ в учреждениях Маньчжурии и Северного Китая, а также во всех отделах КВЖД во второй половине 20-х годов насчитывал свыше 500 человек/4441

Резидентура Харбина имела связи с корейскими организациями на территории Китая. Так, в архиве имеются документы о переговорах с представителями корейской группы Чо-Дон-гио (Небесный путь). Эта организация просила снабдить их «револьверами и подрывным имуществом» для осуществления волны террора на территории Кореи с тем, чтобы «пробудить общественное мнение страны» и к 1929 г. провести там вооруженное восстание. Нашей разведке предлагалось: 1) «поручить кому-нибудь в Харбине произвести тщательное обследование этой вооруженной организации»; 2) «связать их с хунхузской организацией, хотя бы Гиринаского района»; 3) «выдачу имущества поставить в зависимость от результатов обследования». [445]

В 1924 г. с помощью резидентуры ИНО ОГПУ в Харбине была раскрыта подпольная белогвардейская организация. Чекисты заменили поручика Ковалева,

нелегально выезжавшего во Владивосток для руководства бандой, своим человеком.

В 1925 г. во Владивостоке состоялся открытый судебный процесс по делу Ковалева и других членов его белогвардейской организации, отзвуки которого можно было найти в местной и центральной прессе.

Одним из наиболее активных помощников резидентуры был Иван Трофимович Иванов-Перекрест, который имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. «Перекрест является групповодом, занимается вербовкой агентыры, — писал разведчик Зарубин. — Добывал очень ценные материалы о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии». 1 446]

Резидентура находилась на третьем этаже здания советского Консульства. У резидентуры возникали большие трудности, связанные с обработкой (вскрытием, фотографированием, просмотром, заделкой) всей той почты, которая добывалась через агентыру. Недоставало оперативной техники, многие из работников не знали хорошо ни японского, ни китайского языка. Наиболее важные документы, имевшие свыше 10 страниц, приходилось снимать на стеклянные негативы весьма допотопным фотоаппаратом. В Москву шли постоянные просьбы об улучшении оргтехники. По настоятельным просьбам из Харбина наконец из Москвы прибыли два крупных советских япониста, поступила новейшая немецкая пленочная фототехника.

Крупнейшим достижением в работе харбинской резидентуры, как считают авторы «Очерков истории российской внешней разведки», было получение меморандума Танаки («Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии», представленный летом 1927 г. императору Японии премьер-министром и министром иностранных дел генералом Танаки (1863-1929). Однако существует и другое мнение: «Меморандум Танаки» был явной фальсификацией, что явствует из самого языка «меморандума» и печатного органа, его опубликовавшего).

Помятуя об интервенции Японии на Дальнем Востоке в первые после октября 1917 годы, руководство советской внешней разведки ставило перед своим закордонным аппаратом в Японии и ряде сопредельных стран, в том числе в Китае, задачи по раскрытию военных планов токийских правящих кругов, направленных против Советской России и Монгольской Народной Республики, получению сведений о внутривнутриполитическом и экономическом положении Японии, об экспансионистских планах японского правительства вообще и его акциях против Китая в частности. Придавалось большое значение выявлению секретных связей японских спецслужб с российскими эмигрантскими организациями за рубежом и планов их использования в шпионской, диверсионной и террористической деятельности против СССР.

Здесь уместно сказать о позиции США. Хотя официальные дипломатические отношения между Советской Россией и Америкой были установлены только в 1933 г., уже в начале 20-х годов беспокойство Америки по поводу растущего влияния Японии в Азии

предопределило «прорусскую позицию» американских военных кругов. Эти «симпатии» проявлялись в неформальном сотрудничестве американских разведывательных служб с большевиками. Такое сотрудничество было зафиксировано во Владивостоке, американцы предоставляли службам ДРВ информацию разведывательного характера о планах Японии в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, в конце лета 1920 г. российской стороне американцами было сообщено об отходе Японии от политики прямого военного вмешательства и ее попытках сохранить свое влияние в регионе, поддерживая белогвардейские силы. L

В октябре 1921 г., после провала первой фазы российско-японских переговоров в Дайрене, когда Япония выдвинула ДВР и Советской России целый ряд унижительных требований, американские

источники вновь проинформировали нашу сторону о дипломатическом давлении на Японию, предпринятом правительством США, и готовности последней пойти на значительные уступки в ходе следующего этапа переговоров.[448]

Несмотря на то что японские спецслужбы вели работу в основном на высоком профессиональном уровне, были у них и слабые места. Япония, чувствуя себя хозяином в Маньчжурии, недостаточно внимания уделяла особенностям местной оперативной обстановки и недооценивала возможностей иностранных разведок. В частности, японцы довольно легкомысленно относились к пересылке своей служебной и дипломатической документации. Эти слабые места были использованы советской разведкой. Резидентура тщательно изучила важнейшие японские объекты в Маньчжурии, их распорядок работы, почтовые каналы. На главных пунктах, через которые следовала японская секретная почта, была приобретена или внедрена агентура.

Меморандум Танаки был добыт через Перекреста. Получение его было «звездным часом» харбинской резидентуры.

В 1929 г., в разгар антисоветской кампании в Китае, в китайском журнале «Чайна критик» «Меморандум Танаки» с помощью российских спецслужб был опубликован. Его публикация вызвала широчайший резонанс в дипломатических кругах и оказала большое воздействие на развитие международных отношений в тот период и на многие годы вперед как в Азии, так и в других регионах мира. В нем впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. «...Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом».44у]

Итак, обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией». «Японо-советская война, — писал Танака, — принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений Японии... Япония для достижения своих целей должна применить политику «крови и железа». Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР».[450]

Предание гласности экспансионистских устремлений Японии усилило недоверие к ее внешней политике не только в СССР и Китае, но и в Великобритании, владевшей тогда наряду с Индией многими другими колониями в Азии, а также во Франции,

господствовавшей во французском Индокитае и многих территориях в Тихоокеанском регионе, в Голландии — владелице Нидерландской Индии, в Португалии — с ее колониальными территориями и, конечно же, не в последнюю очередь — в США. Оказавшись под мощным

дипломатическим прессингом со всех сторон, Япония вынуждена была заявить, что «на самом деле никакого такого меморандума не было и якобы быть не могло...»

Интересно, что дело с меморандумом Танаки получило свое продолжение в Корее, имел место уникальный случай в практике разведслужб, когда один и тот же документ почти одновременно был добыт нашими разведками в разных странах. «Меморандум Танаки» в Сеуле в 1927 г. был добыт молодым сотрудником Иностранного отдела ОГПУ, являвшимся в 1927 г. генеральным консулом СССР в Сеуле Иваном Андреевичем Чичаевым (1896-1984).[4 51]Он сумел

завербовать сотрудника японской полиции и наладить через него поступление секретной документальной информации о политическом и экономическом положении в Китае, Корее, работе японских спецслужб против СССР, в том числе об агентуре японцев из числа белоэмигрантов, китайцев и корейцев, засылаемых на территорию советского Дальнего Востока с целью шпионажа и проведения диверсионных акций.

Это как раз отвечало тем задачам, которые ставились перед разведчиками, работавшими в Корее. «В дальнейшей работе особенное внимание обращайте на выявление всяких фактов подготовки агрессии против СССР вообще и советских интересов в Северной Маньчжурии, в Монголии и на Дальнем Востоке в частности», — говорилось в указании, полученном резидентурой в Сеуле из Центра/53]

Причем Центр довольно положительно оценивал деятельность разведчиков в Корее. «Среди присланных Вами материалов, — говорилось в письме из Москвы, — были очень интересные документы... доклад 2-го отдела Генштаба по маньчжуро-монгольскому вопросу, перевод

которого Вы прислали. Такие документы весьма важны и их обязательно надо фотографировать».

В эти годы упор в работе разведки был сделан на получении подлинных секретных документов и вскрытии иностранных шифров с целью выяснения планов японских милитаристов.

В 1924-1927 гг. резидентом в Харбине под «крышей» сотрудника генконсульства СССР был Федор Яковлевич Карин.[455]

Вместе с Кариным работала сотрудница резидентуры в Харбине Юна Сосновская и немец Эрик Такке.

В 1924 г. консулом, в 1925-1926 гг. генеральным консулом СССР в Харбине был А. Я. Зейбот (Грант), резидент ГРУ.[457]

В конце 1925 г. в генеральном консульстве появился резидент Василий Петрович Роцин (Яков Федорович Тищенко). Ему был поручен отдел дипкурьерской связи и диппочты, с конца ноября 1926 г. он был переведен на другой участок работы — в сектор по борьбе с белогвардейцами. В его задачу входило выявление деятельности эмигрантских группировок, из которых формировались отряды для вывода их на территорию СССР с диверсионно-разведывательными целями. А так как основную роль в создании таких отрядов в те годы играла японская разведка, то борьба с ее агентурой стала повседневной работой В. П. Роцина. Его заслуге принадлежит выявление имен эмигрантов-офицеров, которые были выбраны японцами на роль руководителей отрядов, и использовать эти сведения для внедрения в формирующиеся банды своей агентуры. Агентура подбиралась также из числа бывших офицеров царской армии, которые были близко знакомы по прошлой службе с руководителями отрядов и пользовались их доверием. Такими людьми были, в частности, бывший полковник царской армии А. А. Ключанов и В. Е. Сотников, в прошлом служивший в армиях Колчака и генерала Дитерихса и разочаровавшийся в «белом движении». Им удалось внедриться в первые два из сформировавшихся отрядов, выявить маршруты движения, место и время перехода советской границы. Помогал им в этом и «Браун» — бывший офицер-капеллевец, полковник китайской

армии, награжденный высшим китайским военным орденом, который стал сотрудничать с советской разведкой в Харбине с 1927 г. Наша резидентура характеризовала его как образованного, решительного, смелого человека, ставившего на первое место в жизни работу, пользующегося доверием в китайских и белоэмигрантских кругах. Он активно работал в таких белых организациях, как «Братство русской правды», «Дружина русских соколов», «Российский общевойсковой союз», пользовался уважением в руководстве амурского казачества и у семеновцев. От него поступала информация о деятельности этих организаций, попытках японцев через Семенова сформировать вооруженные казачьи части для будущей войны против МНР и СССР, о подготовке диверсионных и разведывательных отрядов и их выходах на советскую территорию, о засылке в СССР отдельных агентов японской разведки.14591

В результате этих операций бандформирования были наголову разбиты, что привело в итоге к расформированию остальных отрядов, замысел японской разведки провалился.[460]В Харбине «Браун» проработал до ноября 1930 г., затем был переведен на работу в центральный аппарат разведки в Москву.

Затем с 1927 по 1928 г. генеральным консулом в Харбине был Владимир Яковлевич Аболтин (1899-1978)Т"г

4 59 Очерки истории российской внешней разведки. Т.3.1933-1941. М. 1997. С.230.

460 Там же. С.254

461 Владимир Яковлевич Аболтин (Аварии) (1899—1978). Участник подпольной борьбы в Латвии и гражданской войны. В 1925 г. окончил восточный факультет военной академии им. М.Ф.Фрунзе. Аварии попал на Дальний Восток сначала как председатель комиссии ЦИК по принятию от Японии (в 1925 г.) Северного

Харбин считался отличным центром по разведывательной деятельности в отношении Японии. «Резидентура ИНО ОГПУ в северной Маньчжурии с центром в Харбине, — докладывал начальнику ИНО ОГПУ М. А. Трилиссеру из Харбина резидент в 1926 г., — ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии: в Квантунской области (Порт-Артур), Корею (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки ».

К апрелю 1926 г. в Москве созрела идея подписания тройственного соглашения между СССР, Японией и Китаем с целью, ценой определенных уступок, оторвать Японию от Англии, для чего следовало подготовить политическую и дипломатическую почву. Для этого следовало более точно ознакомиться с позицией японской стороны, ее мнением о международной ситуации в целом, ее отношении к позиции великих держав, проанализировать существующую опасность столкновения СССР с Японией в будущем.

В августе 1926 г. по поручению совесткого правительства временный поверенный в делах СССР в Японии Г. З. Беседовский обратился к заместителю

Министра иностранных дел Японии Дэбути с предложением заключить пакт о ненападении, аналогичный совестко-германскому, подписанному в Берлине 24 апреля 1926 г. 2 сентября Политбюро поручило НКВД «разработать и представить в Политбюро конкретные дипломатические меры по вопросу об улучшении наших взаимоотношений с Японией».

30 сентября Дэбути заявил представителю НКВД, что Япония не может сейчас пойти на заключение пакта о ненападении, так как стороны еще не исчерпали обязательств, взятых по подписанной 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР

и Японией. По его словам, следовало бы заключить рыболовную конвенцию и торговый договор, решить проблемы предоставления Японии концессий, а затем думать о новых обязательствах.

В июне 1927 г., выполняя поручение Политбюро, советский полпред В. С. Довгалецкий в беседе с премьер-министром Танакой вновь подчеркнул желание СССР заключить пакт о ненападении. Танака отметил «несвоевременность» заключения политического договора, которому должно предшествовать подписание торгового договора. Таким образом, поручение Политбюро в 1926-1927 гг. не было исполнено из-за нежелания японской стороны.

Вот такой был политический фон японо-советских отношений с 1 марта по 1 сентября 1926 г., когда в поездке по Маньчжурии находился видный востоковед Д. М. Позднеев, официальной целью которого был

священника. Семья была большая (16 детей, но выжили только три сына и четыре дочери), с крепкими патриархальными устоями. Правда, во второй половине века эти устои начинали колебаться: старший брат, Алексей (1851-1920), отказался после семинарии от проторенного прошлыми поколениями семьи Позднеевых пути в духовную академию, поступил в Петербургский университет, стал одним из крупнейших монголоведов своего времени, он был наиболее талантливым и трудолюбивым учеником монголоведа К.Ф. Голстунского, позднее Алексей стал первым руководителем Восточного института во Владивостоке.

В тринадцатилетнем возрасте произошел очень неприятный случай с братом Алексея Димой, вызвавший шок у всех домочадцев. В руках у Димы неожиданно взорвалась бутылка с сельтерской водой, осколки которой попали в левый глаз, и он на всю жизнь остался без глаза. Уже взрослым, будучи в Японии на стажировке, он сделал себе серо-голубой фарфоровый глаз, который выглядел как настоящий.

Дмитрий в 1889 г. окончил историческое отделение Киевской духовной академии, в 1893 г. поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду, где сразу же выделяется своими исключительными способностями. Все три его курсовые работы отмечаются золотыми медалями («Историко-географический очерк юго-восточной Монголии по Мэн-гу-ю-му-цзи», «История восточного Туркестана в ХУШ веке», «Исторический очерк уйгуров»). В 1894 г. становится приват-доцентом университета, лектором по истории Китая. По окончании университета он едет в годичную командировку, где совершенствует знания в библиотеках Лондона, Парижа, Берлина (1893-1894). Затем в 1898-1904 гг. он в командировке в Китае. Во время восстания ихэтуаней Позднеев с женой и годовалой дочерью находился в осажденном посольском квартале в Пекине. Он принимал участие в обороне, рыл окопы, нес караул. В Пекине он вел дневник, который потом был обработан и издан в Орле с приложением перевода императорских указов, печатавшихся в Пекине во время восстания. Работая в министерстве финансов у С.Ю. Витте, последний обращает внимание на редкие деловые качества и работоспособность Д. Позднеева и делает его опорой в форсировании торгово-экономических связей России с Китаем. 15 марта 1903 г. Д. Позднеев от имени России подписывает один из первых договоров с Китаем — соглашение о новом дополнительном тарифе для русского морского ввоза. С. Витте подключает своего молодого и способного сотрудника к делам КВЖД: назначает его управляющим отделением Русско-китайского банка, созданного в конце 1895 г., и заведующим Пекинским отделением правления КВЖД). (Член Правления Русско-китайского банка, статский советник Давыдов, с которым он, видимо, активно общался, являлся русским разведчиком в Пекине, там же работал служащий этого банка Фридберг, помогавший Давыдову.) Одновременно его назначают заведующим Пекинским отделением правления «Общества КВЖД». За плодотворную деятельность китайский император Гуансюй пожаловал ему орден Двойного Дракона 3-й степени. За четыре года службы в министерстве финансов (пока не ушел со своего поста С.Ю. Витте) Д. Позднеев многократно ездил по Китаю, Маньчжурии и Монголии, изучал природные условия, экономику,

сбор материалов для нового издания книги по Маньчжурии. Параллельно с этим он выполнял просьбу советских разведывательных органов оценить ситуации в Китае и в Маньчжурии, и «прощупать» позиции Японии, ее отношение к Англии. Человек со знанием китайского, японского и английского языков, обладающий аналитическим умом, издавший множество статей и книг по Японии и Китаю, имеющий большой вес в научном мире и лично знакомый со многими зарубежными ориенталистами, несмотря на его возраст, понятное дело, мог оказать большую помощь разведывательным органам

обычаи народов. До 1903 г. им опубликована серия статей по практическим вопросам торговли (порты Маньчжурии, пошлины). В 1904 г. он возвращается в Россию.

В 1906 г. Позднеев уже находится в Японии, где служит в отделении телеграфного агентства и изучает японский язык. Преподаватель Петербургского университета (1896-1898), Восточного института (Владивосток, 190-^-1905). Когда встал вопрос о новом руководителе Восточного института в связи с нервным переутомлением и желанием старшего брата вернуться в Орел, где овдовели его сестры, то была предложена в 1903 г. кандидатура Дмитрия. Когда о нем спросили Г.А.Платова, заведующего дипломатической канцелярией заместителя на Дальнем Востоке, тот ответил, что «Дмитрий Позднеев (Пекинский) лучше брата» и что «едва ли можно иметь препятствие к его назначению». Он с энергией приступает к реорганизации учебного процесса в институте. Однако требовательность и дотошность нового директора не вызвали особого восторга у профессоров. Возникли трения и конфликты. В России надвигались события 1905 г. Дмитрия Позднеева возмущало лицемерие части профессоров, поддакивающих студентам на сходках, а на ученых заседаниях требующих немедленно пресечь беспорядки. Сам директор, в принципе, не одобрял участие студенчества в политической борьбе: «Студенты не имеют права тратить молодые силы ни на что другое, кроме усвоения науки», считал он. В 1912 г. Дмитрий Матвеевич создает свой печатный орган «Бюро русских журналистов», выходивший вплоть до 1917 г., в каждый из номеров которого он писал статьи. Д. Позднеев был директором Практической восточной академии и преподавал там японский язык (1910—1917). В это время он написал свой капитальный труд в трех книгах «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России». После 1917 г. он работает штатным профессором Петроградского университета, читая курсы по экономике и истории Японии и Китая. В 1923 г. он начинает работу в Москве, преподает в Военной академии РККА.

в Москве, находящимся в тот период в сложном положении.

Проезжая по всей Маньчжурии и встречаясь со многими русскими, китайцами и японцами, Д. Позднеев внимательно присматривался к ситуации в Китае, к переменам, которые произошли там за последние годы. По приезде в Пекин он отправляет несколько отчетов и записей бесед, а также материалы по Маньчжурии в качестве приложения к отчетам.

По результатам своей четырехмесячной поездки Д. Позднеев 14 июля 1926 г. послал донесение помощнику начальника Разведывательного управления штаба РККА А. М. Никонову. В нем он делал основные и очень важные выводы, интересовавшие Москву: 1) «Япония несомненно готовится к войне и готовит свой маньчжурский тыл к этому событию». 2) «Война эта, вероятнее всего, будет с СССР». 3) «Как показывают сроки программ военной подготовки Японии, она задается целью окончить последнюю к 1930 г., после чего можно ожидать начала военных действий». 4) «Для обеспечения продовольствием Япония ведет усиленную подготовку политики колонизации Маньчжурии корейцами и через них расширения запашек рисовых полей». 5) «Усиленное внимание обращается на изучение района Северо-западной Маньчжурии и прилегающих к ней округов Монголии с центром Сан-бэйсэ». 6) «Расселение корейцев и сооружение Ху-хайской железной дороги с ее продолжением до Благовещенска показывает намерение отрезать всю полосу территории от устья Тумэнь-ула до Благовещенска, от СССР».

В своих «Заметках по Маньчжурии», прилагаемых к отчету о поездке, Д. Позднеев обращал внимание Центра на ряд недочетов и недоработок, увиденных им в Маньчжурии. Одним из существенных недостатков разведработы в Китае он считал плохое изучение местной прессы и отсутствие людей, знающих японский язык. «Самый основной недостаток постановки дела в отношении изучения местной жизни заключается в недостаточном использовании туземных источников, — писал Д. Позднеев. — В частности, в Маньчжурии обращают гораздо больше внимания на китайский язык, нежели на японский. И тот и другой, конечно, важны. И китайцы, и японцы сейчас по существу ведут одинаково агрессивную политику в отношении СССР. Разница между ними только в том, что китайцы агрессивны открыто, а японцы скрытно. Но тем больше оснований нам стараться проникнуть именно в замыслы последних и быть, возможно, больше осведомленными именно в отношении их. В отношении изучения Китая и китайцев в Маньчжурии необходимо сказать, что чтение газет ведется более или менее во всех учреждениях, но до толстых смысленных журналов и до китайских книг мы не дошли. Заведующий экономической частью КВЖД Г. Н. Дикий сказал мне, что они выписывали некоторое время много китайских журналов, но потом оставили, так как практика показала, что существующие силы в состоянии только читать газеты, да и из них только те статьи, которые относятся непосредственно к ж.д. вопросам, остальные же статьи (так в тексте. — В. У.) переводятся, поскольку только возможно, а лучше сказать не переводятся совершенно.

В отношении японского языка дело поставлено еще слабее. На всю КВЖД имеется один работник Незнайко,

который в постоянном разгоне и теперь давно уже отсутствует из переводческой комнаты, так как связан все время с Мукденскими конференциями. Кроме того, имеется его заместитель Перетолчин, но более слабый в языке, нежели Незнайко.

Кроме этих двух лиц, в Харбине имеется еще служащий в консульстве Мацокин, хорошо, говорят, знающий язык и много пишущий по японским источникам, и вот все наши силы.

Работают в большинстве случаев туземцы, т. е. китайцы и кое-где корейцы, но на них полагаться в известных случаях нельзя, и поэтому дело обстоит в этом отношении очень слабо. Нам необходимо обратить самое усиленное внимание на командировки окончивших курсы востоковедных институтов в Китай, Маньчжурию и Японию, для того чтобы иметь как можно больше переводчиков к 1930 г. Три года еле-еле достаточный срок, чтобы студент, оканчивающий курс наших институтов, был с состоянием освоиться с языком на месте». [46б]

Помимо специалистов с китайским и японским языком он считал необходимым иметь людей, знающих монгольский язык. Он приводил пример с неким Зайцевым, с помощью которого можно многое сделать для разведки.

«Кроме того, нам необходимо думать и об монгольском языке, — писал Д. Позднеев в Центр. — Конечно, у нас есть известный контингент образованных бурят, но я никак не могу забыть, что даже такие из них, как Жамцарано, Ринчино и др., ныне

играющие большую роль в независимой Монголии, в 1919-1920 гг. играли видную роль на съезде в Чите, который признал необходимость создания Великой Монголии под главенством и протекторатом Японии, что они были сторонниками Семенова, которого хотели поставить монгольским Ханом. Вся эта история подробно описана в оставленной у вас мной рукописи Монголии.

В этом отношении случай помог мне наткнуться также на одного человека, который, по моему убеждению, также мог бы быть нам очень полезен. В русском переводческом отделе ЮМЖД служит некто Ник. Ник. Зайцев, уроженец Монголии, знающий монгольский язык как свой родной. Он состоит чертежником в данном отделе и чертит японцам карты. Он передавал мне, что хорошо знал моего брата Алексея во время его

путешествия по Монголии, что брат останавливался у его отца, бывшего торговца в Монголии, и об этом можно прочитать в 1-м томе «Монголия и монголы». Я не помню этих страниц, но вы, конечно, можете отыскать. Н. Н. Зайцев служит у японцев из куска хлеба, получает у них 100 иен в месяц, и мне кажется, что его непременно нужно было бы перекупить. Сделать это очень легко. Стоит только Коммерческой части КВЖД пригласить его на службу с окладом, скажем, в 200 рублей в месяц, и он с удовольствием пойдет. Если бы его назначить на ст. Маньчжурия или Хайлар, то со своим знанием монгольского языка он представился бы человеком весьма ценным и, конечно, стоящим этих денег.

Этот Зайцев передал мне, что у японцев сейчас необычайно сильный интерес к Монголии. Они сыпят туда деньги, покупают монголов и всяким образом стараются упрочиться не только в Восточной Монголии и Барге, но и в независимой Халхэ. Главным агентом их в последней является некто Сато, офицер японского генерального штаба, который уже 10 лет проживает в Урге в виде ламы в одном из ургинских монастырей. Говорит по-монгольски великолепно. Он пригласил один раз Зайцева на прием монгольских князей, приезжающих из Восточной Монголии в Дайрэн, и знание им монгольского языка поразило Зайцева. К сожалению, Зайцев, как не знающий японского языка, не мог мне сказать имени этого японца, а знать только фамилию Сато без имени, это то же, что знать в России Иванова. Я, однако, приложу все старания к тому, чтобы при обратном проезде через Маньчжурию узнать об этом японце Сато поподробнее. Теперь времени не было, так как я узнал об его существовании в день отъезда из Дайрэна.

Если приглашение Зайцева на службу КВЖД состоится во время моего здесь пребывания, то я очень просил бы поставить меня об этом как-нибудь в известность. У него множество сведений, но он сам не знает их цены и не умеет их облечь в должную форму. Увидев его, скажем, в Харбине или Хайларе, я мог бы использовать его в смысле получения данных очень плодотворно.

При помощи этого Зайцева мне удалось выкрасть из русского переводческого отдела ЮМЖД прилагаемую при сем японскую карту Монголии (Приложение 4-е), которая представляет, по моему, большую ценность. Зайцев увеличивал ее в 10 раз и наносил все знаки, а потом она у него была взята для писания иероглифов, мпшканы, что делали японцы. Красные линии обозначают те варианты железных дорог, по которым произведены изыскания и которые японцы планируют к постройке в Монголии. Эта карта является фактически подтверждением того, что замыслы Японии в Монголии действительно огромны, и нам необходимо это принять к самому серьезному вниманию.

Я думал о том, чтобы утилизировать Зайцева на том месте, где он находится, но, полагаю, что он неподходящ. Он очень недалек, сдался мне малоразвитым и производит впечатление забитого и трусливого человека. Японцев он боится страшно. Поэтому его лучше забрать совсем, использовав его может быть данные в Монголии как чертежника и топографа, который при знании языка и Монголии может дать необычайно много. При его помощи легко можно будет следить за всеми проживающими в Монголии японцами, о которых он легко может узнать у монголов. Политических убеждений у него, по-видимому, никаких

нет. Просто забросила судьба. Впрочем, с этой стороны я его не знаю. Японцев не любит очень и служить у «этих косоглазых», по ему (так в тексте. — В. У.) словам ему противно. Да и платят плохо. Я спрашивал его о переходе на КВЖД, он сказал, что пойдет, если дадут больше.» [468]

Д. Позднее обращал внимание руководства на развернутую японцами в Маньчжурии работу по изучению СССР, чем еще раз доказывал агрессивные планы Японии по подготовке войны с СССР.

«В составе ЮМЖД имеется исследовательский отдел с русским отделением (Мангэцу Циоса Росиа га Кари), в который привлекаются все японцы, знающие более или менее русский язык, — сообщал он. — Из русских служит в нем Гумелюк Ив. Герас., окончивший курс СПб Университета по китайскому разряду, названный Зайцев и какая-то переписчица. Гумелюк состоит для

объяснения трудных русских фраз и выражений переводчикам-японцам. Работа ведется огромная, народу работает человек 20-30, под ближайшим руководством Миядзаки, бывшего переводчика на одной из московских конференций. Книги получаются как непосредственно из России, так и из Лондона, Берлина и Америки. Для издания этих книг ЮМЖД заключила договор с издательством Осака Маиници в Осака, которое публикует книги. Список изданных книг при сем прилагается. (Приложение № 5) дает характеристику выбора японцами изданий к переводу. Я просил дать мне программу изданий в будущем, но мне Миядзаки ответил, что таковой нет, но это ложь, так как от служащих и

переводчиков мне удалось слышать, что задумана огромная спешная работа по изучению экономического положения СССР в 180 томах, план которого уже разработан профессорами-экономистами в Токио. Кроме того, конечно, ведется еще здесь же секретно переводческая работа, о которой мне пришлось слышать мельком, что «имеются книги, которые Правление ж.д. не может выдать».[469]

Советскую разведку как и руководство в Москве интересовала позиция Японии того времени, поэтому Д.Позднеев идет на встречу с японскими корреспондентами и послом в Китае для более детального выяснения позиции Японии. Об этом говорит его отчет о встрече в 12 часов дня 12 апреля 1926 г. с японским послом Танакой следующего содержания:

«12 апреля в воскресенье ко мне явился Сэнума и сказал, что Уоко (так в тексте. — Я Х^Арассказал Танаке о посещении Умэурой меня в Ленинграде, и Танака сказал, что он был бы очень рад меня видеть. Из скорости появления Оэнумы и потом из сообщения по телефону в 9 ч. утра о том, что Танака с удовольствием примет меня в 11 ч. утра того же дня, я понял, что моего визита ждут с интересом. Я поехал в Селект и с Уоко и Сэнума отправились к Танаке. Он был один в кабинете и, видимо, нас ждал. Принял немедленно.

Танака выразил удовольствие видеть меня, сказал, что много обо мне слышал и еще сказал несколько подобных любезностей. Я ответил тоже комплиментами и затем перешел к своей поездке для собирания материалов по пересмотру моей книги о Маньчжурии и

возобновления данных о стране и о Китае. После этого Танака держал (по-английски) целую речь такого содержания:

— В своих исследованиях Маньчжурии, Вы, конечно, немедленно увидите, что в ней произошли колоссальные перемены, и что эти перемены в массе обязаны своим проведением в практику Японии. Маньчжурия для Японии имеет самое жизненное значение и важность (vital importance). И это не с точки зрения территориального приобретения, а с точки зрения совместной экономической работы с Китаем. Я признаю совершенно определенно, что мы наделали много промахов в Маньчжурии в прошлом, и если бы этих промахов не было, то наше экономическое влияние в Маньчжурии было бы гораздо сильнее. Во-первых, мы недооценивали значения китайского народа. Мы работали с отдельными лицами и с китайской буржуазией. Но жизнь показала, что это ошибочно, и что нужно заботиться об объединении интересов китайской народной массы и особенно с крестьянством. Во-вторых, китайцы во многих отношениях оказались сильнее нас. Напр., наш Цесэн-гинко (Корейский банк) был совершенным глупцом (quite foolish), назвав свои финансовые операции по введению банкнот в золоте в Маньчжурии. Он не сообразил, что китайцы искони веков имели дело с серебром и только с серебром, что они в серебряном деле большие специалисты и что конкурировать с ними на этом поприще необычайно трудно. И что же вышло? Китайцы искусственно поддерживали курс на банкноты в различных местах различный. Они скупили их там, где они были дешевы, и продавали банку там, где они дороги. В результате Цесэн-гинко понес огромные потери. Я не умею точно

сказать, какие суммы, я думаю, что Вы узнаете о них в Маньчжурии, но знаю, что огромные. Я знаю, что Вы близко знакомы с практикою банковского дела, и потому уверен, что по достоинству

оцените подобную «банковскую глупость» (banking foolishness). И знаете ли, кто больше всего нажился на этой нелепости Корейского банка? Цесакурги (то есть Чжан Цзолинь). Он чрезвычайно силен в арбитраже и биржевой игре и, организовав целую кампанию против банкнот Цесэн-гинко, нажился на их купле-продаже страшно.

Вторая подобная же операция Цесэн-гинко оказалась с постройками в Хотэне (Мукдене). Банк вложил очень крупные суммы в постройку домов на японском участке, рассчитывая тем усилить японскую эмиграцию в Маньчжурию и сдать все помещения японцам. Самая абсурдность этой затеи Вам, как банкиру, понятна. Цесэн-гинко — банк эмиссионный, а не ипотечный. И вдруг он вздумал помещать свои капиталы в такую долгосрочную операцию! В результате еще оказалось, что японских эмигрантов подходящих не нашлось, и, во избежание дальнейших потерь, банк оказался вынужденным сдавать свои дома не японцам, а китайцам. И вот на японском участке мы имеем теперь в домах Цесэн-гинко очень много китайских магазинов, предприятий, складов. Скажите, в наших ли интересах было затрачивать такие капиталы для китайских выгод?

Эти и другие уроки убеждают японцев, что совместная работа с китайской администрацией и буржуазией очень невыгодна. В объединенных товариществах (joint stock Co) китайцы также применяют свой старый преступный обычай вымогательства (coverlet

custom of squeezing), что делает совместную работу почти невозможной.

Тем не менее, японцы работают и работают очень упорно (are working very narrowly). Я думаю, что нами вложено до сего времени не меньше 1 Уг миллиарда иен, и если Вы увидите Южную Маньчжурию совершенно измененною за 15 лет, когда Вы там не были, то это, конечно, результат именно этих капиталов, и энергии моих соотечественников.

Но в умах Японии за последнее время произошла большая перемена в отношении Маньчжурии. Вам известно, что в результате мировой войны Япония разбогатела. Нам нужно применение наших капиталов, и вполне естественно, что мы ищем их применения в Маньчжурии. Однако, если раньше японцы думали, что они могут быть «господами Маньчжурии» (masters of Manchuria), то теперь эта идея совершенно оставлена. Мы во многом слабее китайцев, нам приходится у них учиться, и потому мы решили работать с ними совместно (to co-operate with them), и главным образом с китайскою массою, а не с администрацией, часто совершенно случайно, и с буржуазиею, вымогающей все в свою пользу.

Существуют и другие трудности для японской работы в Маньчжурии. Возьмем, например, Аньшаньчжаньские железные копи и при них железодельный завод. Мы возлагаем на него большие надежды. Теперь там работают две домны, но предположено построить шесть. Однако ввоз железных болванок в Японию должен облагаться одинаковою пошлиною с английским и американским железом на основе права наиболее благоприятствуемой нации (1a

clunse de la nation la plus favorisee). В отношении же к иностранному ввозу железа у нас покровительственная пошлина. Поэтому, если мы понизим пошлину на Аньшаньчжаньское железо, то будем вынуждены понизить ее на английское и американское, что для нас невозможно.

Нужно, следовательно, сделать Аньшаньчжаньское производство таким дешевым, чтобы оно выдерживало конкуренцию с американским и английским при одинаковой ввозной в Японию пошлине. На это и направлено сейчас внимание ЮМЖД, хотя это нелегко. Ныне в Аньшаньчжане вырабатывается до 200 тыс. тонн болванок.

— А как же в таком случае обстоит дело с ввозом полуфабрикатов с Ханьпинских заводов из Китая? — спросил я.

Танака несколько задумался, потом сказал: «Там несколько иные нормы. Там вложен государственный капитал, и продукция идет на казенный сталелитейный завод Явота, а здесь —

частное предприятие. (Меня, конечно, такое объяснение не удовлетворило, но я не считал возможным требовать дальнейших объяснений.)

В дальнейшем на вопрос о маршруте я отвечал, что при современном положении дел в Китае определить заранее нельзя, что я хотел бы быть в Пекине и Шанхае, но не знаю, будет ли это возможно. Он предложил мне дать рекомендательные письма к Квантунскому губернатору, Председателю ЮМЖД и властям в Мукдене и облегчить мне установление отношений между Университетом и Просветительными учреждениями и обществами Японии в Маньчжурии, а в письме к Иосидзава в Пекин будет просить об оказании такого же

содействия в Китае. В заключение он советовал мне расширить маршрут и проехать в Корею и Японию, но я сказал, что это едва ли возможно в этом году, хотя подумаю.

На этом прием окончился при выражении глубокой благодарности с моей стороны от себя и от имени Университета. Танака дал понять, что все сказанное должно служить для моей ориентации, а не для печати, как официальное интервью».

Затем через три месяца, проехав по Маньчжурии, Д. Позднеев 25 июля 1926 г. встречается с заведующим отделением японской газетой «Осака Майници» в Пекине Фусэ Цисоку и имеет с ним беседу о международном положении в Китае. Отчет беседы он также посылает в Москву, понимая, что эта беседа имеет важное значение не только для разведывательных ведомств, но и для Наркоминдела, куда немедленно попадают два его документа с пометкой «Карахану, совершенно секретно». Во второй записи беседы говорилось:

«Фусэ сказал:

Строго говоря, основным вопросом в области международного положения в Китае в данный момент признается борьба между Англией и Советской Россией. Англия 19 июля предъявила официальной нотой Пекинскому правительству требование о принятии мер против Кантона. Мы узнали об этом под большим секретом и названного числа телеграфировали в Осаку. До сего времени пока об этой ноте в газетах, насколько мне известно, сообщений не появилось. Англия заявила, что положение дела в Кантоне наносит серьезный вред

ее интересам, и потребовала от Пекинского правительства принятия мер. Если же они не в состоянии принять мер, то Англия окажется вынужденной считать себя свободной в вопросе о принятии тех мер, которые она сочтет нужными.

На это я заметил, что сегодня только читал в газетах о подобной ноте Англии в отношении положения дел в районе Ханькоу, но Фусэ сообщил, что подобная нота была 19 июля в Кантоне.

Далее имеется вопрос у Англии с займом для У Пэйфу. У них уже решен вопрос о выдаче ему из Гонконга займа в 2 мл. ф.ст., но под условием одержания хотя бы частичной победы над «большевиками». Если например У Пэйфу возмет Хуайлай, то ему выдадут заем. У Пэйфу же сообщает, что он не может воевать, не имея денег. На этом дело стоит, но, по-видимому, у англичан уже созрело решение о вмешательстве в дела Китая. В ноте Англии, между прочим, было сказано, что меры ее, если таковые будут приняты, отнюдь не имеют в виду всего Китая, а только отдельные пункты, где наносится ущерб английским интересам.

Престиж Англии в Китае вообще падает. Ей наносят ущерб с одной стороны японцы усилением своего экспорта в Китай, с другой Америка, которая... не поддерживает Англии. Особенно сильно это сказалось на таможенной конференции, [172]которую Англия сорвала

*71 У Пэйфу (1878 1939). Генерал, глава проанглийской чилийской клики милитаристов, господствовавшей в долине Янцзы и отчасти в Северном Китае. Войска У Пэйфу в июне — октябре 1926 г. были разбиты НРА, после чего он сошел с политической сцены.

472 Таможенная конференция была открыта в Пекине в августе 1925 г.

Обсуждение вопроса державами о таможенной автономии было предусмотрено еще на Вашингтонской конференции, однако этот вопрос долгое время

именно потому, что никакие изменения в таможенном деле Китая для нее невыгодны. Вам, вероятно, известно, что по соглашению с Китаем Главный Инспектор Китайских Морских Таможен должен быть англичанин до тех пор, пока торговля Англии преобладает. На конференции японцы заявили о своих правах на занятие большего числа мест среди служащих К. М. Таможен. В настоящее время из 1200 служащих только 2000 японцев, а англичан 800, это совершенно не соответствует соотношению торговых оборотов обеих стран. Англия признала невозможным предоставление японцам большего числа мест, хотя по существу дела представляется еще вопросом, должен ли быть теперь Главным Инспектором англичанин или японец. — А известно ли Вам, спросил я Фусэ, что этот вопрос был затронут еще мною при пересмотре таможенного тарифа в 1902-1903 гг., и что у меня имеется целая книга под заглавием: «Система регистрации ввозных иностранных товаров в Китайской Морской Таможне (Вопрос о

откладывался. Таможенная конференция еще в начале своих заседаний (19.11. 1925 г.) приняла «в принципе» предложение Китая о признании его таможенной автономии с 1929 г. Однако конференция ничего не сделала для осуществления этой автономии, поскольку отказалась принять решение о немедленном введении надбавок к существующему низкому таможенному тарифу ("China Year Book 1926", Shanghai 1926, p. 1111-1136). Делегация пекинского правительства требовала немедленного введения надбавки на существующие таможенные пошлины (на 5 % от стоимости товара на большинство товаров и более высокую надбавку на предметы роскоши). Японские представители (Хироки и Иосидзава) настаивали на заключении Китаем и торговых договоров с каждой державой отдельно, в расчете на то, что Японии удастся выговорить для себя лучшие условия; они настаивали на том, чтобы добавочная пошлина (надбавка) до установления таможенной автономии не превышала 2,5 % от стоимости товара, ибо, по их заявлению, более высокая пошлина отразилась бы на торговле в промышленности Японии; они, наконец, выставили требование, к которому склонялись и другие члены конференции, но против которого возражала Англия, что добавочная пошлина должна обеспечить оплату негарантированных займов (по китайским данным, из всех негарантированных займов в 407 млн. кит. долл. на долю японских займов приходилось 255 млн., то есть 62,6%

флагах)». Издание Восточного института. Владивосток. 1904 г., в которой я выяснил, каким образом англичане воруют чужие товары, благодаря тому, что они перевозят их каботажом из Гонконга на своих судах в Китай. М.Таможня регистрирует все пришедшие под английским флагом товары как английские, независимо от места их первоначального происхождения.

— Нет, неизвестно. Я буду завтра же телеграфировать во Владивосток, чтобы мне выслали пять экземпляров Вашей книги. Но нам не дают не только места Главного Инспектора, а даже и большего числа менее важных служащих. Кроме того, Англия стала Японии поперек дороги на таможенной конференции в вопросе об урегулировании наших «займов Нисихара».

— Это что такое? — спросил я, хотя и знал сущность дела.

— Во времена первого владычества Дуань Цижуня[4 ! Аньфу Нисихара, будучи финансовым представителем Японии, выдал почти на 200 мил. иен различным властям Китая и Центральному правительству займов, не обеспеченных ни таможенными, ни соляными доходами. Япония согласилась на повышение пошлины, имея в виду покрытие этих своих займов. Англия же, во-первых, не соглашалась на повышение пошлины, а во-вторых, заявила, что в первую очередь должны быть урегулированы торгово-промышленные займы для возможности обеспечения дальнейших заказов на

фабрикаты, а потом уже можно будет говорить о займах «политических», к которым относятся займы Нисихара. Словом, по всем пунктам Англия шла против нас.

— А как вы думаете, Англия одна идет против Советской России в Китае или с кем-либо рука об руку?

— Одна, а с кем же она может идти? Прежде всего, вопрос о деньгах. Япония до урегулирования вопроса о займах Нисихара Китаю больше денег не дает. Америка ни на какие политические займы не пойдет. Только для Англии необходимо решить вопрос о том, чтобы сломить в Китае Советскую Росс

— А Франция?

— Франция сейчас — активной политики здесь не ведет. Она продавала Чжан Цзолиню оружие, но это вопрос скорее частных коммерческих фирм, нежели п ра вител ьствен н ы й.

— Скажите, а это Ваше было сообщение сегодня в «Норе-Чайна Геральд» из «Осака Майници», что теперь Фэн ЮйсянС475]замышляет основать республику из Чахарии, Суйюаня, Алтая и Ганьсу, что Сунь Чуаньфан[476]может соединиться с Кантоном и

Гоминьцзюнем против У Пэйфу и Чжан Цзолиня, и что это будет страшный союз для двух маршалов?

— Нет, что Вы. — Это была написана в «Осака Майници» передовица, которая и передана в Китае агентством «Ашкэтик Ньюс Сервис». Газета села в страшную галошу с такой передовицей. Все мои телеграммы все время доказывали противное, что теперь и подтверждается. Я думаю, что здесь виноват шанхайский корреспондент. Скандал огромный, и «Осака Майници» здорово себя дискредитировала такой передовицей.

Впрочем, мне кажется, добавил он, подумавши, что если англичане не будут долго торговаться из-за займа У Пэйфу и не дадут ему вовремя денег, то, чего доброго, он не будет в состоянии бороться с Фэн Юйсяном, и тогда, разумеется, шансы Цзян Кайши поднимутся очень быстро. Фусэ сообщил, что он намерен в августе приехать в Циндао, Цзинань, Дайрэн и Муқден и возвратиться назад к сентябрю, когда можно ожидать возобновления работ конференций». ^81

Д. М. Позднеев в последние дни этой поездки (в августе 1926 г.) при возвращении домой был арестован

русскими белогвардейцами-нечаевцами, в Цзинаньфу. Они его выволокли из гостиницы, заковали в цепи и бросили в тюрьму, отобрав одежду и вещи/]«Новая шанхайская газета», касаясь данного инцидента, 17 сентября 1926 г. писала: «...25 августа, ввиду продолжавшегося нездоровья профессора Позднеева, его преклонные годы (ему тогда был 61 год. — В. У), тюремщики сняли с него кандалы».[481]Этот инцидент широко освещали советские газеты. Вместе с ним был арестован другой советский китаевед — А. В. Маракуев.[482]

За отсутствием улик и шума, поднятого в советской прессе об аресте видного советского востоковеда и ученого, их вынуждены были с большой неохотой выпустить и они вернулись в Москву.

Однако в Маньчжурии продолжали оставаться и работать, выполняя свои задания, другие разведчики.

С августа 1927 по февраль 1930 г. в Маньчжурии по линии военной разведки работал Вильгельм Цайссер.[483]

С 1930 по февраль 1932 г. в Харбине заведующей секретно-шифровального отдела советского нефтяного синдиката работала разведчица Зоя Воскресенская. [

Советская разведка в Харбине в это время тесно сотрудничала с китайскими коммунистами. Их организации насчитывали около 150 человек. В самом

Харбине было 63 коммуниста, по линии КВЖД — 87 человек, которые состояли в 23 коммунистических ячейках (11 в Харбине и 12 на КВЖД). Коммунисты работали в довольно трудных условиях. Так, к сентябрю 1927 г., судя по письму уполномоченного по китайской работе Северо-маньчжурского комитета ВКП(б) С. Кунова заместителю заведующего Восточным секретариатом ИККИ В. И. Соловьеву (В. Райт), были арестованы на КВЖД 23 члена партии, «среди них три члена комитета и секретарь одной из наиболее важных ячеек (район главных механических мастерских)», арестованные были посажены в тюрьму. В Дайрене (Дальнем) были арестованы 52 человека. Кунов просил из Центра прислать работника (северянина) для укрепления организации в Дайрене (Дальний. — В. У.).

В 1928 г. группа разведчиков в составе латыша Х. Салныня, болгарина И. Винарова, перебравшихся из Пекина в Харбин, и присланного из Москвы нового разведчика Леонида Етингона (Наумова) 1 Сработали под «крышей» промышленного предприятия — фабрики консервов, которой владел Леонид Вегедека. Жена Винарова Галина Лебедева из Пекина перешла работать в Харбинский Дальневосточный банк, оставаясь шифровальщицей группы. В 1929 г. эта группа разведчиков покинула Китай.⁴л

В 1928 г. резиденции в Харбине из Центра пришло особое задание — переправку китайских делегатов на VI конгресс Коминтерна, открывавшийся в июле 1928 г. Вот как об этом событии в своих воспоминаниях рассказывал сотрудник ИПО ОГПУ В. И. Роцин, который после Шанхая работал в Харбине. «Летом 1928 года нашей резидентуре в Харбине из Центра поступило задание обеспечить нелегальную переправу через советско-китайскую границу делегатов Китайской компартии на VI конгресс Коминтерна, который открывался в Москве 17 июля (закрылся 1 сентября 1928 г.— В. У.), — писал он. — Делегация КПК насчитывала несколько десятков человек... Переправа через границу возлагалась на меня. С этой целью я находился две недели в городе Маньчжурия.

С каждым пассажирским поездом на станцию Маньчжурия прибывало по два-три делегата. На привокзальную площадь к поезду выезжал специально подобранный извозчик, приметы которого и пароль были заранее известны делегатам. Извозчик после обмена паролем предлагал китайцам занять места в экипаже и направлялся к границе, проходившей в двух километрах от города. На границе как с китайской, так и с советской стороны был обеспечен беспрепятственный проезд. Переправа длилась две недели и прошла без единого инцидента»/4881

В. И. Роцин рассказывал, как они переправляли китайских делегатов на конгресс Коминтерна, но ни одним словом не обмолвился, как переправлялись китайские делегаты на VI съезд КПК, проходивший под

Москвой почти в то же время (с 18 июня по 11 июля 1928 г.), на котором присутствовали 84 официальных делегата и 34 кандидата в делегаты/ "Можно предположить, что информация о VI съезде КПК видимо была настолько секретной, что ее не считали нужной сообщать резидентам. (Всего в Конгрессе принимали участие 532 делегата от 57 партий и 9 зарубежных организаций).[49 "Известно, что часть делегатов на VI съезд КПК (29 человек) была включена в состав делегации КПК на VI конгресс Коминтерна, в том числе Чжоу Эньлай, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Ли Лисань и другие.[491]

Рассказ В. И. Роцина дополняют воспоминания единственного еще живого 99-летнего делегата VI съезда КПК Тан Юньчао. По его данным, делегаты на съезд могли добраться двумя путями: первый — на пароходе из Шанхая во Владивосток (таких было меньшинство), второй — на пароходе из Шанхая до г. Дальнего, затем до Харбина, а оттуда через границу у станции Маньчжурия или Суйфэнхэ (таких было большинство). Сложность заключалась в том, что

делегаты из южных провинций Китая говорили только на своем диалекте, а им надо было целые сутки ехать из Харбина до станции Маньчжурия на поезде и не выдавать своего южного акцента. Как вспоминал Тан Юньчао, ему и его группе из пяти человек — делегатов съезда от Маньчжурии, было

поручено Чжан Готоа сопровождать до советской границы группы делегатов из южных провинций. Лично он переправил делегации из Гуандуна, Юньнани, Гуйчжоу и Цзянси. Он должен был купить для каждой группы отдельно билет на поезд, вместе с ней доехать до Маньчжурии и затем вернуться за следующей группой. Перед тем как сесть в поезд, каждому делегату давалась специальная бирочка с номером. Когда он сходил с поезда в Маньчжурии, на станции уже стояли извозчики с лошадьми. Каждый делегат должен был найти свой номер, который соответствовал номеру лошади извозчика, вывешенному под фонарем на телеге, и отдать свою бирку вознице, который был русским, затем уже делегата перевозили на советскую сторону/4921

Если в 1926 г. в Китае было пять «легальных» резидентур ИНО ОГПУ, то в 1929 г. их число выросло до 13, из них пять было в Маньчжурии. Если в начале 20-х годов главной резидентурой ИНО была пекинская, то, в связи с изменившейся ситуацией, в конце 20-х годов стала харбинская.

В первой половине 20-х годов в Мукдене генеральным консулом работал некий Кузнецов/4 931 Он принимал участие в переговорах с японцами в Чанчуне и Дайрене, работал в качестве первого секретаря нашего посольства в Пекине, подписывал с Чжан Цзолинем

соглашение о КВЖД (Мукденский протокол 1924 г.). По слухам, Чжан Цзолинь был буквально влюблен в Кузнецова и предлагал ему оставить советскую службу и перейти на службу мукденского правительства. В начале июня 1929 г. мукденский генеральный консул Кузнецов был арестован с двумя консульскими служащими на пограничной станции Хайлар на пути в Москву. Задержанные были вскоре освобождены, так как осмотр багажа не показал ничего обличающего. Но пока маньчжурская полиция обыскивала Кузнецова и его спутников, другой советский консульский служащий пересек маньчжурско-советскую границу на автомобиле с большим количеством багажа, в котором находилось, вероятно, то, что искали китайские власти. Позднее Кузнецов работал первым секретарем посольства в Японии.[495]

С ноября 1924 по май 1926 г. от Коминтерна в Тиране (Албания), а затем в Мукдене под дипломатической «крышей» работал П. В. Стучевский.[496] Этот человек попеременно работал

то в Коминтерне, то в военной разведке (а может быть, и одновременно в обоих ведомствах сразу)/4971

В 1925-1926 гг. генеральным консулом в Мукдене работал А. Н. Васильев (1880-1941), большевик с 1904 г., в 1923-1925 гг. — полпред и торгпред СССР в Монголии, с 1926 г. — в аппарате Восточного отдела ИККИ и на дипломатической работе/4981

Резидентура в Шанхае

После обращения в марте 1919 г. 1 конгресса Коминтерна, руководимого В.И. Лениным, к угнетенным народам Востока с призывом совместно бороться против мирового империализма, аппарат Коминтерна стал обдумывать планы более тесных связей с Китаем. В апреле 1920 г. Дальневосточный секретариат ИККИ направил в Китай группу работников во главе с Г.Н.Войтинским; в нее вошли также его жена М.Ф. Кузнецова, И.К.Мамаев (в 1924-1927 гг. — военный советник в Китае) и его жена, Ян Минчжай (переводчик). Целью их визита были знакомство с обстановкой в Китае, налаживание контактов с передовыми кругами китайского общества и изучение возможности создания в Шанхае Восточного секретариата Коминтерна. Они первую остановку сделали в Пекине. Здесь через профессора С.Н.Полевого, преподававшего в Пекинском университете и имевшего обширные связи с прогрессивной китайской интеллигенцией,

был установлен контакт с пионером марксизма в Китае Ли Дачжао и группировавшейся вокруг него радикально 497 Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.223.

настроенной революционной молодежью. Однако казенный, чиновничий Пекин, центр милитаристской реакции, лишенный промышленности и, следовательно, крупных отрядов рабочего класса, не представлялся тогда для коминтерновской группы достаточно перспективным для развертывания коммунистического движения.

Другим политическим центром Китая был в те годы Гуанчжоу. Но там тоже не было развитой промышленности. Вот почему опорным пунктом работы Коминтерна в Китае и на всем Дальнем Востоке в конце концов был избран Шанхай — крупнейший промышленный и пролетарский центр страны и одновременно средоточие революционной интеллигенции. "Шанхай является центральной базой китайских социалистов, где можно вести открыто пропаганду. Там существует масса организаций социалистического характера, — говорилось в докладе в Амурский областной комитет РКП(б) от 5 октября 1920 г. представителя Китайской коммунистической партии Федора (Лю Цяня) о результатах его поездки в Шанхай. — Выходят более 300 номеров изданий, все социалистического направления. Там устраиваются иногда митинги. Литература, газеты, журналы, издаваемые с портретами советских деятелей, в особенности Ленина, Троцкого, покупают нарасхват»/4"1

Шанхай был также узлом межимпериалистических противоречий и базой империалистического господства в Китае, выступавшего здесь в самой неприкрытой и циничной форме. В мире Шанхай называли и

Жемчужиной Востока, и Парижем Азии, и Голкондой Китая, и, наконец, Городом Желтого Дьявола. «Шанхай — огромный город, мощный асфальтом, с громадными зданиями, пышными многоэтажными отелями, широкими улицами, по которым движутся десятки тысяч пестрой людской массы, большим количеством мчащихся и ревущих автомобилей, длинными кварталами проституции, биржевыми «брокерами» — комиссионерами, играющими на разнице между «золотом и серебром», делающих «прибыль» на спекуляции, посредниками всякого типа и сорта, мчащимися в экипажах в погоне за прибылью из банка в банк, — довольно метко писал об этом городе А.Е.Ходоров в своей книге «Мировой империализм и Китай» в 1922 г. — Шанхай — город монотонного ритмического «пения» китайских полуголых рабочих, впряженных в телеги, переносящих тяжести или разгружающих иностранные корабли.

Шанхай — клоака мира с неисчислимым множеством «баров», распивочных мест, где пропивают, покупают и продают опий, душу и женское тело. Шанхай — город с отборными смуглыми индусами в чалмах — в роли верных и «преданных» охранителей полицейского порядка, и важными гордыми англичанами в роли высших «блюстителей» порядка. Шанхай — город спекулянтов, сыщиков, снобов и проходимцев, город жадной эксплуатации, город чахоточного труда рабочих и бешеных доходов «завоевателей».

Действительно, Шанхай обладал всеми особенностями, присущими английскому представлению

500 А.Е.Ходоров. Мировой империализм и Китай (Опыт политико-экономического исследования). Шанхай. 1922. С.115.

об идеальном колониальном городе. В нем царствовала кастовая система и правил западный принцип «разделяй и властвуй». Город состоял из просторной и благоустроенной территории Международного сэттльмента и Французской концессии и тесного, скученного до предела китайского города. Вдоль улиц и авеню иностранной части Шанхая, утопавших в зелени высоких деревьев, простирались тщательно подстриженные газоны, яркие цветники, сады. За ними поднимались полудворцы и виллы шанхайской знати. На улицах Международного сэттльмента рослые индусы в красных чалмах, с заплетенными бородами руководили транспортным движением и следили за порядком. Полицейскую службу на улицах Французского города несли

анамиты из Индокитая (позднее полицейские силы пополнили русские). Полиция сэттльмента состояла не только из индусов, но в нее входили и китайцы, и англичане. Позже были включены и русские эмигранты. Однако даже по экипировке полицейского можно было определить отношение англичан в той или иной нации. Полисмены-китайцы были вооружены самым старым оружием; полисмены-индусы лучше оплачивались и были вооружены более современным оружием. На недосыгаемой высоте для них стояли английские полицейские. В трамваях сэттльмента кондукторами и вагоновожатыми служили китайцы, а инспекторами и контролерами билетов были корейцы. Взаимная вражда между ними не допускала никаких сговоров и комбинаций. Так было и во всех других частных и муниципальных предприятиях города.

Самым надменным и высокомерным населением иностранного Шанхая, по мнению русских, было английское, состоящее за редким исключением из

разночинцев и авантюристов. Большинство английской знати Шанхая у себя на родине в социальном положении не поднялось бы выше мелкого торговца на Истсайде в Лондоне. В колонии же эти разночинцы обрели то, что не могли найти у себя на родине; здесь они стали белой костью, людьми голубой крови, чопорной, надменной колониальной аристократией. В привольных условиях колониального быта и особенностей английского владычества они создали для себя исключительные права и положение, способствовавшие их быстрому обогащению.

Другие иностранные колонии не хотели отсать от англичан. Мелкие французские коммивояжеры, грошовые продавцы вразнос резиновых изделий, с трудом добывавшие на своей родине скудное пропитание, становились в колонии богатыми рантье, членами фешенебельных клубов, владельцами роскошных резиденций и вилл на Французской концессии.

«Иностранное население Шанхая начала двадцатых годов не превышало 15-20 тыс., - пишет П. Балакшин. — Самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы, итальянцы, скандинавы. Замкнутой и тесно сплоченной колонией жили японцы в районе Хонкью. В кастовой изоляции находилась большая колония «полукровых» «завкастов», называвших себя португальцами, лиц португальского происхождения. В зависимости от преобладания той или иной крови в свою очередь они подразделялись на ряд каст.

Трехмиллионный китайский город, Великий Шанхай, как его называли китайские власти, делился не столько на касты и классы по признаку рождения, сколько на

классы власть имущих и бесправных, на богачей и бедняков, на компралоров и кули».

На самой низшей ступени сложной кастовой системы Шанхая оказались прибывшие сюда русские эмигранты.

Такой Шанхай был очень удобен и для связей с внешним миром. Представитель Иностранного отдела Дальбюро ЦК РКП(б) в те годы Г.Н. Войтинский выехал в Шанхай и пробыл там лето и осень 1920 г. Он оказал содействие созданию в Шанхае в мае 1920 г. первого в Китае коммунистического кружка из пяти человек во главе с Чэнь Дусю. При его участии в августе в Шанхае был организован также Союз социалистической молодежи и начат выпуск еженедельного журнала «Чжунго гунжэнь» («Китайский рабочий»). Одновременно Г. Войтинский помогал группе Ли Дачжао в работе по организации коммунистических кружков в Северном Китае.[502]В докладе, сделанном в Москве В.Д. Виленским-Сибиряковым ИККИ о зарубежной работе среди народов Восточной Азии (с сентября 1919 г. по август 1920 г.) от 1 сентября 1920 г. сообщалось, что «в мае месяце с[его] г[ода] был организован временный коллективный центр для руководства расширенной работой», который был «приурочен местопребыванием в Шанхае и получил название «Востоочноазиатского секретариата Ш Коминтерна». Подчеркивалось, что Шанхай является «главным центром коммунистического издательства в Китае» (помощь Коминтерна

коммунистическим партиям Востока, согласно установке его IV конгресса, как раз и должна была выражаться прежде всего в содействии в деле постановки печати, периодических изданий и органов на местных языках». «Здесь секретариат располагает рядом газет и журналов, — говорилось в докладе. — Приобретены нами: «Шанхайская жизнь», из китайских газет — «Чжоубао», «Гуй жибао». Из журналов: «Синь циннянь» («Новая молодежь») — ежемесячный журнал, издаваемый доктором Чэнь Дусю, профессором Пекинского университета], «Синь Чжунго» («Новый Китай») (последний перенесен сейчас в Пекин). Виленским отмечалось, что в Шанхае организовано бюро печати.

Через Шанхай были сделаны попытки НКВД установить связь с Сунь Ятсеном. Первую осуществил посланный в Шанхай весной 1920 г. полковник старой русской армии М.Г. Попов, который в качестве профессионала должен был оценить военный («Северо-Западный») план Сунь Ятсена. Попов счел этот план неосуществимым, дав при этом весьма негативную оценку его автору, как «старомодному милитаристу, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного». ^51

Вторую — примерно в то же время — осуществил эмиссар Москвы генерал А.Потапов. События 1917 г.

застали его на Дальнем Востоке; в какой-то момент он счел за благо вернуться в Россию, но опасался, не будет ли препятствием этому его отнюдь не революционное прошлое (летом 1917 г. он поддерживал Корнилова). Поэтому Потапов решил возвратиться не с пустыми руками. «Д-р Сунь Ятсен, с которым я имел тесную связь в Шанхае, является яррым англофобом и врагом пекинского и кантонского (ныне распавшегося) правительства,» — писал он в докладной записке на имя Г.Чичерина... Мы условились с ним о связи по имеющемуся у меня китайскому и английскому шифрам. Кроме его фотографии, я никаких от него документов не имею. В разных беседах он неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России». 1-5061

Любопытна характеристика, данная этим двум «эмиссарам» Москвы, американским разведчиком в Шанхае Джорджем Сокольским в своем донесении генеральному консулу США в Шанхае Эдвину Каннингаму, которое последний направил

конфиденциально государственному секретарю США в Вашингтон 30 марта 1920 г.

«Большевистская пропаганда в Шанхае незначительна и никак не связана с Москвой. Три основных фактора заслуживают упоминания в этой связи: генерал Потапов, полковник М.Г.Попов и Русское Бюро Труда.

Генерал Потапов выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции. На самом деле во время столкновения между Керенским и Корниловым в Петрограде он был на стороне Корнилова и действовал против революционных войск. В этом — одно из объяснений его появления на Дальнем Востоке. Будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-либо существенное. Он — неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным самомнением о важности собственной персоны. Он высказывался в том смысле, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать Владивостокское Земство: он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно. Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом. Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде в Шанхае. Он был в близких отношениях с генералом Ван Итаном и секретарем последнего, м-ром Цао. Он также обсуждал

свои планы с генералом Гао Шипином, бывшим начальником штаба дунцзюня Гиринской провинции. Однако Гао Шипин не обладает ни властью, ни влиянием; он восстал против себя даже тех, кому первоначально импонировал его разгульный образ жизни.

Генерал Потапов — близкий друг м-ра Лю, корейца, который недавно встречался в Токио с м-ром Хара и которого считают японским агентом. М-р Лю называет себя демократом, но есть серьезные основания полагать, что он просто друг (так в оригинале, видимо, следует читать дурак. —В.У.). Остается неясным, почему он и генерал Потапов так близки между собой.

Потапова не следует принимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках.

Полковник Попов — человек совершенно иного сорта.

Он прибыл с мандатом, выданным ему командующим большевистскими войсками в Амурской области. Я видел его мандат, который оказался подлинным. Его миссия носит секретный характер, и он никому не открывает ее цели. Он не вовлечен в пропаганду.

Тем не менее, он посетил м-ра Тан Шаои, который передал ему копии китайско-японского оборонительного пакта, заключенного в мае 1919 года.

Полковник Попов читает, пишет и говорит по-китайски и по-японски, он переводил на русский язык японскую поэзию. Он служил в армии при старом режиме и был пять или шесть раз ранен. В 1918 году он был

послан Троцким для принятия всей собственности, принадлежащей России на Дальнем Востоке, но был взят в плен чехами и попал в тюрьму.

Во время своего нынешнего визита он встречался с д-ром Сунь Ятсеном, который обсуждал с ним возможности сотрудничества.

Полковник Попов пришел к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы. Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира. Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного. ...По его поведению я делаю вывод, что полковник Попов был послан для ознакомления с ситуацией и перспективами на будущее, а также для того, чтобы выяснить состояние дел здешнего российского консульства. ...В настоящее время полковник Попов уже вернулся во Владивосток». [508]

Поступившая информация из Китая в Москву изменила отношение советских руководителей к Сунь Ятсену. В октябре 1920 г. с Сунь Ятсеном в Шанхае встречается Г. Войтинский. Позже Г. Войтинский опубликовал статью: «Мои встречи с Сунь Ятсеном»?⁴

Весной 1921 г. в Китай прибыл голландский коммунист Г. Маринг (Х. Снефлит) в качестве представителя Коминтерна. Осенью 1921 г. он также встретился с Сунь Ятсеном, который в то время сконцентрировал свои войска в Гуйлине (Гуанси).

Маринга в качестве переводчика сопровождал Чжан Тайлэй. В ставке Сунь Ятсена они пробыли девять дней и имели с Сунем три продолжительные беседы.

В июне 1921 г. в Шанхай из России выехал представитель Профинтерна и одновременно Дальневосточного секретариата Коминтерна и разведотдела НРА ДВР некто Никольский. По данным российского историка К.В.Шевелева, его псевдоним еще до конца 70-х годов не был раскрыт.[5п]]Российский историк, доктор исторических наук А.Н.Картунова вместе со старшим научным сотрудником ЦПА ИМЯ Р.И. Парадизовой в 1987 г. пришли к заключению, что Никольский — это по всей видимости Нейман-Никольский Владимир Абрамович, он же Берг Виктор Александрович (1898-1943 гг.), член РКП(б) с 1921 г., окончил три класса Читинского

коммерческого училища. В 1919-1920 гг. проходил службу в частях Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. Имеются данные, что по крайней мере в 1921 г. Берг являлся сотрудником административной секции Коминтерна. С 1921 по 1925 г. Нейман-Никольский работал в Маньчжурии. Летом 1926 г. прибыл в Читу из Хабаровска. В 1938 г. был арестован и осужден по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции, погиб в 1943 г. Посмертно реабилитирован/5113

510 К.В.Шевелев. Из истории образования Коммунистической партии Китая. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. № 79. М. 1976.С.118.

511 А.И.Картунова. Забытый участник 1 съезда КПК. — Проблемы Дальнего Востока. 1989..№ 2. С. 154-157.

А.Колпакиди и Д. Прохоров в своей книге «Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки», вышедшей недавно, также утверждают, что это был Нейман Владимир Абрамович (Берг Виктор Александрович)/5121

Никольскому надлежало вместе с прибывшим 3 июня 1921 г. в Шанхай представителем ИККИ для стран Дальнего Востока Марингом 513]принять участие в подготовке 1 съезда Компартии Китая. Уже 9 июля последний отправил в Москву сообщение, в котором отмечал: «Надеюсь, что конференция, которую мы собираем в конце июля, принесет большую пользу нашей работе. Небольшие группы товарищей будут сплочены. После этого можно будет начать централизованную работу».С5141Никольский привез денежные средства для определенных советских работников, находившихся в то время в Китае.

С 23 июля по 5 августа 1921 г. учредительный съезд КПК был проведен в Шанхае и Цзясине. В работе съезда

512 Владимир Абрамович Нейман (Никольский, Василий, Васильев, Берг Виктор Александрович) (1898-1938). Член РКП(б) с 1921 г. Окончил 3 класса Читинского коммерческого училища. Работал в частных фирмах во Владивостоке. В 1919 г мобилизован в колчаковскую армию. Поднял восстание в караульной роте и увел ее к партизанам. В 1919-1920 гг. служил в частях Народно-революционной армии ДВР. В 1921 г. — сотрудник административной секции Коминтерна. До декабря 1921 г. работал в Шанхае, затем до 1925 г. в Маньчжурии. Летом 1926 г. прибыл в Читу из Хабаровска. В 1926-1928 гг. — уполномоченный КРО Читинского, в 1929-1930 гг. — Владивостокского окружных отделов ОГПУ. В начале 30-х годов вновь в Китае (Сахалин). Затем начальник отделения ИНО полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю. В 1933-1935 гг. — в Шанхае. Переведен в Москву и направлен в заграничную командировку. В 1938 г. арестован и расстрелян.

513 К.В.Шевелев. Ук. соч. С. 118.

514 М.А.Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — Народы Азии и Африки. 1971.; 4.С.51; К.В.Шевелев. Ук. соч. С.118.

приняли участие 12 делегатов, представлявших 53 человека, именовавших себя коммунистами. Никольский и Маринг приняли участие в работе съезда как представители Коминтерна. Никольский, выступив перед делегатами, рассказал о положении в Советской России и информировал китайских делегатов об учреждении в Иркутске Дальневосточного Секретариата ИККИ.

Таким образом, была создана одна из первых коммунистических партий Дальнего Востока, которая затем принимается в Коминтерн и становится как бы его одной из секций.

В ЦПА ИМЯ был обнаружен единственный документ за подписью Никольского — это удостоверение, выданное им участнику 1 съезда КПК Чжан Готао при отъезде последнего в

Советскую Россию на 1 съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока. В своих воспоминаниях в связи с этим событием много лет спустя Чжан Готао писал: «Он (Никольский — Чжан Готао за давностью лет называет его Николаевским. —В.У.) описал район (станции) Маньчжурия и китайско-советской границы. Затем спросил, достаточно ли тепло я одет. Когда я сказал ему, что я в полной готовности и могу ехать немедленно, он взял деловой бланк какого-то торгового дома из выдвижного ящика своего письменного стола. Этот бланк выглядел ординарно. Показав его мне, он сказал: «Эта карточка является Вашим паспортом. На ней все выдвинуто булавкой. Это секретный знак». Он рассказал мне подробно, как тайно передать эту карточку владельцу определенной парикмахерской (на станции)

Маньчжурия. Этот человек переправит меня через границу»/51б]

С этим удостоверением Чжан Готао прибыл в Иркутск, а затем в Москву на указанный съезд.

Осенью 1921 г. в Шанхае появился атаман Семенов. Вначале он обосновался в Международном селтльменте, но под давлением властей вынужден был переехать на Французскую концессию. Там некто Нахабов покушался на его жизнь, был арестован, но освобожден на том основании, что «факт покушения не был доказан». [51?] Не желая допускать политической борьбы на территории Шанхая, консульский корпус предложил атаману Семенову покинуть город. Он выехал в Тяньцзинь и одно время скрывался от преследований китайских властей в итальянской семье, куда его устроил бывший командир итальянского батальона, знавший Семенова еще во время контрреволюции в Сибири.

В 1922 г., получив разрешение на въезд во Францию, Семенов выехал из Китая в Ванкувер, по пути в Вашингтон, Нью-Йорк и оттуда в Европу.

В 1922 г. между Сунь Ятсеном и российскими дипломатами завязалась оживленная переписка и были установлены личные контакты. Он охотно встречался с советскими людьми, посещавшими Гуанчжоу, в частности с представителем Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) С.А. Далиным (в 1921 г. был членом Дальневосточного секретариата Коминтерна, затем

работал в Восточном отделе ИК КИМ, позже до конца 1927 г. преподавал в Университете им. Сунь Ятсена).

Далин ехал в Кантон для проведения 1-го съезда Союза социалистической молодежи, который должен был открыться 5 мая 1922 г. Он проездом через Пекин в первых числах апреля 1922 г. встречался в В.Д. Виленским-Сибиряковым. «По приезде в Пекин я сразу же отправился в советскую миссию. Она помещалась в здании царского посольства, из которого незадолго до приезда чрезвычайного уполномоченного РСФСР и главы миссии А.К. Пайкеса пекинское правительство выдворило царских чиновников, претендовавших на представительство России после Октябрьской революции, — вспоминал Далин. — Я пришел к А.К. Пайкесу и у него в кабинете встретился с В.Д. Виленским-Сибиряковым, который был советником миссии... А.К. Пайкес знал, что в ближайшие дни я должен отправиться в Кантон, который стал территориальной базой правительства Сунь Ятсена. Поручение, которое было возложено на меня миссией А.К. Пайкеса, сводилось к установлению непосредственного контакта с Сунь Ятсеном, выяснению его внутренней и внешней политики, отношения к Советской России, его планов на ближайшее время, роли Гоминьдана как действенного фактора в политике кантонского правительства. Мне были даны официальные полномочия для ведения соответствующих переговоров с Сунь Ятсеном». ^
ч|Далину было дано взаймы 6 тыс.

мексиканских долларов, с которыми он в сопровождении Чжан Тайлэя и Цюй Цюбо отправился на юг.

Как явствует из писем и телеграмм нашего полпреда в Пекине А.Иоффе советскому руководству, а также его переписки с Сунь Ятсеном и протокола переговоров с последним военного атташе при

советском полпреде А.И.Геккера, советская дипломатия в 1922 г. стала делать ставку в Китае на У Пэйфу как на «прогрессивного» и сильного военно-политического деятеля, лидера чжилийской группировки, одержавшей победу в войне с фэньтяньской группировкой в апреле — мае 1922 г. Кроме того, предпринимались попытки добиться сотрудничества Сунь Ятсена с У Пэйфу с надеждой, что это могло в перспективе привести к созданию нового коалиционного правительства в Пекине, дружественного Советской России. Об этом красноречиво говорит содержание беседы А.И.Геккера с Сунь Ятсеном (в записи Г.Маринга) в Шанхае 26 сентября 1922 г., когда одна из главных задач Геккера состояла в том, чтобы побудить Сунь Ятсена «выйти на связь с У Пэйфу». Геккер «намеревается убедить У Пэйфу в необходимости сотрудничества с Сунь Ятсеном».[5 Однако оба китайских политических деятеля не пошли на союз друг с другом.

Видимо, одним из первых резидентов в Шанхае был Л.В. Кацов (псевдонимы Леонидов, Шмидт Иоганн) (1895-1937?), сотрудник ВЧК, ОГПУ 191^-1924 гг.[522] Там

же под именем Христофора Фогеля в 1920-1921 гг. находился разведчик латыш Христофор Интович Салнынъ («Гришка»).

С сентября 1921 г. по март 1924 г. в Шанхае работает главным бухгалтером конторы Центросоюза (контора находилась на Kiukiang Road (Цзюцзян) 14, 5-й этаж) С.Л. Вильде (1892-1967), который был «представителем связи» [524] и главным «банкиром» всех советских служб, работавших в Китае. Обычно деньги из России переводились на Дальбанк, советскую кампанию, основанную в 1922 г. в Харбине, далее они поступали в Шанхай. Работа бухгалтером была его «крышей». Это подтверждается из «Доклада Лидина (уполномоченного от ИККИ для работы в Китае. —В.У.) в отдел Дальнего Востока ИККИ о работе в Китае» от 20 мая 1922 г. В разделе о «шанхайском пункте связи» он пишет, что «фактически связь с Россией осуществлялась через тов. Вильде». «Мне точно известно, например, — сообщает Лидин, — что товарищ, ехавший в Шанхай возглавлять шанхайский пункт связи, имел директивы как можно реже видеть уполномоченного (Коминтерна. —В.У.), а тов. Вильде, который был командирован в шанхайскую контору Центросоюза, было просто запрещено встречаться с уполномоченным»/ J

Интересна информация Вильде Г.Н. Войтинскому из Шанхая от 11 марта 1923 г., где он сообщает, что письма от последнего получил и немедленно передал по

назначению. Далее он излагает вопросы связи с сотрудниками Коминтерна. «Самым удобным считаю использование пароходов Доброфлота (русская пароходная транспортная компания — Добровольный флот, ее филиал был открыт в Харбине в начале 1922 г. —В.У.). Агент их в Шанхае тов. Элледер, хотя и не коммунист, но вполне лояльный и заслуживающий доверия человек. Контора Доброфлота помещается в одной из комнат квартиры Центросоюза. Связь через Пекин неудобна, ввиду того, что корреспонденция подолгу задерживается, видимо, в канцелярии тов. Погодина»/ -Далее он сообщает, что курьерская связь Шанхай — Пекин налажена хорошо, «с Совмиссией в Пекине (. — В.У.) имеет шифр и как бы считается неофициальным их представителем в Шанхае», также имеет шифр с Иоффе в Японии и служит его передаточным пунктом для Москвы и Пекина.[527] Таким образом, судя по имеющимся материалам, С.Л. Вильде являлся связным и финансистом, он распределял деньги, присланные из России. «Вчера получил от Дальбанка 9600 — не знаю от кого и для кого и для какой цели. Жду информацию, — пишет он из Шанхая 22 мая 1923 г. — ...Получил также из Москвы для Киткомпартии 278 англ. фунтов стерлингов и 3500 ам. долл. с подробной инструкцией распределения сумм».™

26 июля 1923 г. в письме Г.Н.Войтинскому он сообщает, что «в конце мая получил из Москвы, через Пекин, 3500 ам. долл. и 278 англ. фунт, стерлингов, из них

на работу Профинтерна — 278 фунтов, помощь китрабочим, пострадавшим от жел. дор. забастовки, — 1000 ам. долл., Киткомпарии по смете за апрель, май и июнь — 1500 ам. долл., на

созыв съезда — 1000 ам. долл.». [5 «Полученные от Вас для Японкомпартии 9626-20 иен, мною своевременно переданы по назначению», — сообщает он Г. Войтинскому в том же письме.

Затем с 1924 по 1927 гг. Вильде становится вице-консулом генконсульства в Шанхае, а в 1927-1928 гг. — сотрудником дипломатического представительства СССР в Ханькоу.

Советское генеральное консульство размещалось сразу же за мостом при впадении реки Сучжоу-крик в Вампу в четырехэтажном здании внушительной архитектуры, выстроенном еще царским правительством в 1914 г. и стоявшем рядом с японским консульством и напротив отеля «Астрорхауз». (В царском российском генеральном консульстве в Шанхае до сентября 1920 г. работали консул В.Ф.Гроссе, вице-консул К.Э.Мецлер, консульский судья Н.А.Иванов и еще два русских чиновника.[530] Весной 1924 г. китайское правительство, признав Советский Союз, здание российского консульства передало консульским представителям СССР.) Окна первого этажа были забраны массивными железными решетками. В нем размещалось не только консульство, на 1-м этаже находилась контора «Совторгфлота», а несколько комнат занимало шанхайское отделение торгпредства СССР в Китае. На этом же этаже

размещалась канцелярия консульства. Кабинет генконсула располагался на 2-м этаже, там же была его квартира, комната и небольшой зал для дипломатических приемов, в которых проводились также различные собрания. Зал этот одновременно служил и столовой (завтраки и обеды) для сотрудников. На 3-м этаже находились кабинеты вице-консулов, квартиры и служебные комнаты других консульских работников. Четвертый этаж был также занят квартирами, там же была большая комната для приезжих/5311

Под прикрытием вице-консула в Шанхае в 1925-1926 гг. работал сотрудник с 1925 г ИНО ОГПУ Я.Г.Минский (Минскер). До этого с 1922 по 1924 гг. он был консулом в Персии, после Китая в 1926-1929 гг. работал атташе полпредства в Турции. ^зз^секретарем консульства работал Кузнецов/534

30 июня 1925 г. английскими властями в Гонконге был арестован З.Н.Доссер — уполномоченный Нефтесиндиката СССР. Там он находился по «торговым делам» и был препровожден в Шанхай для придания суду международного сэттльмента. Советское правительство обратилось к правительству Китая с просьбой вмешаться, пояснив, что оно не признает за Англией и другими государствами право осуществлять судебные преследования на китайской территории. 24

531 М.И.Сладковский. Шанхай, год 1926. — Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 165-166.

532 М.И.Сладковский его называет Я.Г.Майский. Там же. С.168.

533 Георгий Агабеков. Ук. соч. 1996. С.419.

534 М.И.Сладковский. Ук. соч. С. 166.

сентября 1925 г. МИД Китая уведомил НКВД СССР о том, что китайские власти проверили предъявленные З.Н.Доссеру обвинения и считают их необоснованными и что в связи с этим «дело о г-не Доссере было прекращено». Во избежание новых арестов З.Н.Доссер вынужден был отсиживаться в Шанхае на территории Французской концессии, считавшейся более либеральной, чем Английская.

Генеральным консулом в Шанхае был Линде, после отъезда 10 сентября 1926 г. Карахана из Китая, который был здесь полпредом с 1923 г., Линде был назначен поверенным в делах СССР в Пекине.^]

Летом 1927 г. в Шанхае работал представитель военной разведки Г.И.Семенов (Андрей).

РККА арестовала скрывавшегося Семенова за принадлежность к военной организации ПСР. Как позднее оказалось, задержание было во многом случайным, поскольку явных улик в отношении Семенова тогда еще не было. Сам же Семенов считал совсем иначе. Поэтому по пути в караульное помещение задержанный предпринял дерзкую попытку бегства, ранив при этом двоих красноармейцев. Кровавая схватка для него закончилась неудачно. В тюрьме он содержался 9 месяцев, до весны 1919 г. Три года спустя, на процессе эсеров 1922 г., Семенов утверждал, что именно в тюрьме в конце 1918 г. у него в результате

напряженного размышления произошел перелом во взглядах на Советскую власть. Как считает историк С.В. Журавлев, основываясь на архивных документах, процесс «переоценки ценностей» проходил не без «помощи» и «участия» сотрудников военной контрразведки и ВЧК, пытавшихся склонить Семенова к сотрудничеству в обмен на жизнь и свободу. Уже с апреля 1919 г. только что выпущенный из заключения Г.И.Семенов начинает негласно сотрудничать с Разведывательным управлением Штаба РККА. Однако, в справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 г., составленной на основании архивов разведки, по данным С.Журавлева, утверждается, что их сотрудник Г.И.Семенов в 1919-1921 гг. в основном «работал по линии ОГПУ». С 1922 г. Семенов стал штатным сотрудником Разведывательного управления Штаба РККА и членом ВКП(б) (партийные рекомендации Енукидзе, Серебрякова, Крестинского). Из архивных документов Семенов предстает перед нами не как рядовой исполнитель заданий руководства, а как ценный сотрудник, которому были предоставлены широкие возможности для самостоятельной деятельности; как неординарный актер и конспиратор, человек, явно склонный к риску и авантюре. Осенью 1923 г. ему дается секретное задание от штаба Разведупра РККА в области

экономического шпионажа — получению и переправке из Германии информации о технологии вольфрамового производства. Революционные события 1923 г. в Германии поставили под серьезную угрозу шпионскую операцию по вольфраму в Германии. Только к лету 1924 г. Семенову удалось, наконец, восстановить получение информации по фольфраму в необходимом объеме. 31 июля 1924 г. он был возвращен в СССР.

В 1927 г. опыт Семенова — боевика и военного организатора — вновь был в полной мере востребован советской военной разведкой. «В 1927 г. при активной поддержке Бухарина я был назначен советником Военной комиссии при ЦК Китайской компартии», — рассказывал Семенов. Итак, на сей раз его посылают в Китай, где после разрыва Гоминьдана с Коминтерном предпринимал решительные попытки осуществить национальную революцию по советскому варианту. Наиболее рельефно это проявилось в Гуанчжоуском восстании декабря 1927 г. («Кантонская коммуна»), в подготовке и осуществлении которого непосредственное участие принимал и Семенов. 8 октября 1937 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха приговорила Семенова к расстрелу по «делу бухаринского центра». Приговор был приведен в исполнение немедленно. Из имеющихся в архиве документов следует, что он находился в Китае с апреля 1927 по январь 1928 г. Позже работал в Маньчжурии. (Независимая газета от 31 марта 2000 г.)

Вот одно из его писем из Шанхая от 25 июня 1927 г. в Центр, где он просит прислать ему помощников. «Если у Вас в Москве есть хорошие работники, — понятно, китайцы, — то пошлите мне 8 человек. Это значительно усилит мою работу, — писал он. — Налаживаю в районах (Шанхая. —В.У.) информацию и связь (квартиры, места встреч) и технику. Есть уже помещения для лаборатории. До сих пор не получил от Вас обещанных материалов... В прошлом письме я указывал на необходимость для закрепления организационных связей прислать сюда двух девиц — Алексееву Женю и Шиф (работает в немецкой секции Коминтерна). Возможно, что они откажутся или их нельзя будет послать, то, во всяком случае, нужно послать других, но приблизительно такого типа. Необходимо знание французского и английского языка. Прошу также немедленно направить в мое распоряжение семью Бейтель — они все мне здесь пригодятся, для

организации бара и для техники. При сем докладе прилагаю доклад французского товарища о состоянии и условиях жизни французских военных сил».[538]

В 1925-1927 гг. в Шанхае военным советником при Военном отделе (Военной комиссии) ЦК КПК работал советский разведчик, латыш А.П. Хмелев (А.П.Аппен).[В Шанхай он приехал 23 ноября 1925 г.

По решению, принятому в Москве, А.Хмелев непосредственно не подчинялся главному военному советнику Национального правительства и главного командования НРА В. Блюхеру, поскольку он являлся официальным советским работником в Китае. Хмелеву предписывалось консультироваться с Блюхером и согласовывать с ним свои планы.

Военно-партийная работа КПК началась с осени 1925 г. по инициативе Москвы и в соответствии с проектом директивы о военной работе КПК, подготовленной в августе 1925 г. Восточным отделом ИККИ. В ней выдвигалось предложение о необходимости партии вести работу по организации вооруженных сил китайской революции и подготовке масс к боям «с иностранными империалистами и реакционными китайскими милитаристами». В проекте указывалось, что ЦК КПК и крупнейшие местные партийные организации «должны организовать специальные военные отделы во главе с наиболее авторитетными членами бюро этих комитетов». Им предлагалось вести работу в двух важнейших направлениях: работа по накоплению и

организации собственных сил и разложению и использованию сил противника. Военные отделы КПК должны были вести работу, соблюдая конспирацию с тем, чтобы избежать лишних трений с Гоминьданом. Работа началась с организации и военной подготовки рабочих дружин в Шанхае и в Гуанчжоу. Этой работе было решено придать планомерный характер и широкий размах. Уже на 10 февраля 1926 г. военные комиссии функционировали в Шанхае, Кантоне, Пекине и Хэнани. Где было возможно, стали формировать крестьянские партизанские отряды и вести работу среди вооруженных организаций «Красных пик». На эту работу выделялись приличные средства, к примеру, только на расходы Военного отдела на декабрь 1925 г. испрашивалось от центра 37 тыс. 600 кит. долларов.[542]Судя по целям и задачам, видимо, Хмелева курировали и помогали ему советские разведорганы. Это видно из его докладной записки Я.К.Берзину «О работе военного отдела ЦК КПК». В данной записке он указывал на недостатки в военной работе как со стороны ЦК КПК, так и со стороны представителей Коминтерна. Для ее усиления он предлагал «создать кадр военных работников — китайцев, коих основательно подготовить в Москве и при их помощи расширить и углубить уже начатую работу», «поставить вопрос о подготовке для Нацармии комсостава из коммунистов путем их подготовки в советских школах»."

К маю 1928 г. Восточный секретариат ИККИ выработал специальную секретную инструкцию о военной работе КПК, в которой разъяснялась схема организации Военного отдела, состоящего из трех подразделов: 1) по работе в армиях противника, 2) рабоче-крестьянского и 3) организационно-технического. Первый ведает а) работой в армиях милитаристов, б) в экспедиционных войсках, в) по сбору и обработке информации. По информационной линии ставились следующие задачи: а) обязать первичные группы и одиночек солдат информировать о состоянии своей части в боевом, моральном и пр. отношениях, б) В штабах, начиная со штаба полка и выше, Военному отделу иметь своих постоянных осведомителей с целью знать, что предпринимает противник, в) Местным комиссиям надлежит стремиться собирать наиболее полные сведения о части, расположенной в их районе. Военному отделу вменялось в обязанность «хорошо знать все части милитаристских интервенционных армий, их численность, вооружение, дислокацию, политическое и моральное состояние, планы командования и т. д.» Для этих целей Военному совету рекомендовалось «организовать специальный технический аппарат, который будет весть сбором информационных материалов, их обработкой, информацией тех лиц, коих надлежит информировать, перепиской с информаторами», предлагалось «иметь своих информаторов в полиции, в аппаратах крупнейших политических партий (Гоминьдан и др.), в крестьянских организациях и т. д.»[545]Специальный пункт инструкции

был посвящен диверсиям, в котором говорилось о необходимости иметь «несколько наиболее надежных товарищей для проведения диверсионной работы». !

Просьбы о специальной подготовке китайцев на территории СССР шли и от других советников, находящихся в Китае. Так, весной 1926 г. в Центр была послана докладная записка т. Ивановскому «Об организации на территории СССР объединенной военной школы», 16 апреля 1926 г. такой же документ под грифом «совершенно секретно» поступил от военного атташе в Китае Сейфуллина (А.Я.Лапина) «О необходимости создания школы [для обучения китайцев] на территории СССР».

77

В канун событий в марте — апреле 1927 г. в Шанхае работали также двое специалистов из Разведупра, имеющих дипломатическую неприкосновенность, Чусов и Евгений Кожевников.⁴⁸

С апреля 1927 г. появился уполномоченный ОМСа Г.М.Хейфец, !549]до этого выполнявший специальные

организации РСДРП(м) и «Бунда». В 1917 г. окончил Богородицкое реальное училище.

С 1918 г. в Москве: секретарь Внешкольного отдела Народного дома Наркомпроса; в 1919 г. помощник начальника Дома народов им. П. Алексеева и отдела образования Моссовета.

Участник гражданской войны, член РКП(б) с 1919 г. В июне 1919 г. по направлению ЦК «Бунда» вступил в РККА. С июля 1919 г. инструктор-организатор ПО 16-й армии Западного фронта. Участвовал в боях с белополяками в составе 8-й дивизии в Слуцком районе, а в сентябре 1919 с войсками 17-й дивизии Западного фронта на Борисовском направлении.

С марта 1920 г. помощник военкома Московского окружного военно-санитарного управления. В 1920 г. учился в Московском коммерческом училище и на ФОН МГУ. С января 1921 г. политком Кисловодских курортов Кавминвод. Принимал участие в ликвидации бандформирований в Кисловодском районе. Был ранен в руку.

С марта 1921 г. политконсультант оргчасти ПУ РККФ. С июля МОУВУЗа. Работал секретарем Н.К.Крупской, затем в аппарате ИККИ. С 1922 г. сотрудник ОМС Коминтерна. В апреле 1922 г. переведен в организацию прикрытия — НКВД СССР; секретарь отдела дипкурьеров, а затем помощник заведующего Правовой части ЭКО. В 1924-1927 гг. на закордонной разведывательной работе под дипломатическим прикрытием. После Китая работал в Берлине. С февраля 1929 г. секретарь правления и заведующий издательством «Огонек», затем ответственный редактор журнала «Изобретатель».

С июня 1931 г. сотрудник особого резерва ИНО ОГПУ: на закордонной работе во Франции и США. По возвращении в СССР с октября 1935 г. помощник начальника отделения ИНО\ 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В июле 1938 г. без объявления причин снят с работы в 5-м отделе ГУГБ и направлен в распоряжение ГУЛАГ НКВД, где получил предложение отправиться на работу в Воркуту. В связи с острой болезнью почек от предложения отказался. В итоге в сентябре 1938 г. из органов по болезни уволен и назначен заведующим отделом и заместителем Председателя ВОКС. В октябре 1939 г. восстановлен на учете чекистского запаса.

В октябре 1941 г. восстановлен на службе в 1-м Управлении НКВД СССР и в ноябре 1941 направлен в качестве легального резидента в Сан-Франциско («Харон») под прикрытием вице-консула генконсульства СССР. Принимал активное участие в разведывательном обеспечении советского ядерного проекта. В июле 1944 г. завершил работу в Сан-Франциско и сдал дела своему преемнику Г.Каспарову. В ноябре 1944 г. отозван в Москву. Подполковник.

21 апреля 1947 г. уволен из МГБ по сокращению штатов. В 1947 г. утвержден заместителем ответственного секретаря и членом Президиума Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В ноябре 1951 г. арестован по делу ЕАК, в августе 1952 г. осужден к 25 годам лишения свободы. 28 декабря 1953 г. освобожден за отсутствием состава преступления, реабилитирован и

кратковременные задания ОМС в Китае, Германии, Австрии, Франции и других странах под фамилией Гримериль.

Генеральным консулом во второй половине 1927 г. в Шанхае был Б.И. Козловский. Заведующим бюро информации генконсульства работал Л.И. Мадьяр (1891-1937), который до этого с 1926 г. работал в консульстве в Ханькоу.15511

В январе 1927 г. во время гоминьдановского похода на Север, когда в Шанхае ожидалось повторение беспорядков, имевших место в Нанкине, шанхайские власти обратились к генералу Глебову с предложением

сформировать русский отряд. Генерал Глебов откликнулся с готовностью на предложение шанхайских властей и в два дня сформировал Отдельный русский полк, составленный из двух рот и пулеметной команды, общей численностью в 300 человек. Во главе полка встал генерал Глебов, но оставил его, как только политическое положение в Шанхае стабилизировалось. Командиром полка был назначен его заместитель полковник Г.Г.Тиме. Несколько позже Шанхайский муниципальный совет предложил руководителям Русского полка создать из него регулярную часть, входившую в состав Шанхайского Волонтерского Корпуса. После перехода Русского полка на регулярную службу для него были выработаны особые условия, все чины переведены на жалованье, и в некоторой степени приравнены к положению муниципальных служащих.[552]Понятное дело, что этот Русский полк привлекал внимание советской разведки в Китае.

В Шанхае, так же, как и в других местах, где находились советские специалисты, нередко возникали между ними различного рода трения. Сложность работы в Китае требовала их слаженной работы. Однако часто этого не получалось. Так, напряженные отношения сложились между главным политическим советником Гоминьдана М. Бородиным и военным советником В.Блюхером (Галиным). Первый пытался «подмять под себя» всех советников, включая и Блюхера. Из Китая приходили различные сигналы по данному вопросу. Об этом красноречиво говорит письмо, направленное в первой половине января 1927 г. К. Ворошиловым в НКВД СССР Карахану и в Коминтерн Ф.Раскольникову, в

котором говорилось, что «телеграмма Тов. Лонгва спец. № 5 от 14.1. (1927 г.) подтверждает наши опасения относительно неурегулированности взаимоотношений между тов. Бородиным и работниками нашей Военной группы. Так, тов. Бородин ... сместил заместителя начальника Военной группы тов. Ефремова (псев. — Абнольд) и назначил не его место тов. Скалова-Синани. Судя по т[елеграм]ме тов. Синани директива эта не была подтверждена Начальником военной группы тов. Галиным». Далее Ворошилов, ссылаясь на последнюю телеграмму Лонгвы, сообщал, что Бородин произвел указанные перемещения «помимо Галина» и что Бородин «стремится подчинить себе непосредственно, т. е. минуя т. Галина, военную работу в Гуандуне и Гуанси». Кроме того, Лонгва «обращает внимание на то, что вообще взаимоотношения между тов. Бородиным и Галиным неровны и ненормальны, вплоть до того, что в столь ответственный момент тов. Галин ставит вопрос о своем уходе».[553]Ворошилов считал, что этого допустить нельзя, что необходимо «считаться с личностью тов. Галина, за которым большие военные заслуги на Юге Китая и авторитет которого у китайцев исключительно велик». Ворошилов предлагал направить телеграмму Политбюро, «регулирующую их взаимоотношения». К указанному письму был приложен проект телеграммы на имя Бородина и Лонгвы, где первому указывалось: «Мы считаем абсолютно необходимым при создавшейся обстановке в Китае добиться дружной работы Вашей и

т. Галина... Галин должен в пределах своей компетенции иметь самостоятельность, т. е. назначать и перемещать военных работников, вести переговоры, сноситься с

военными властями и т. д. Исходя из вышеизложенного, Вам совместно с тов. Галиным надлежит выработать положение, регулирующее Ваши взаимоотношения, и переслать в Москву на утверждение». Карахан 17 января 1927 г. направил Ворошилову свои замечания по предложенному проекту, внося поправку к пункту 1 проекта телеграммы, гласившего: «Галин получает от Вас (Бородин) общую ориентировку и политические директивы и, исходя из этих директив, он и подчиненные ему военные советники ведут самостоятельную работу». И добавляет: «Но это не лишает Вас права давать конкретные распоряжения и по чисто военному вопросу через т. Галина, если он приобретет политическое значение».

Политбюро вынуждено было 27 января 1927 г. специально рассмотреть этот вопрос. Оно приняло постановление послать Бородину и Блюхеру следующую телеграмму: «До нас дошли сведения, что между Галиным и Вами происходят недоразумения и трения. Цека считает Вашу совместную работу абсолютно необходимой и надеется, что Вы сговоритесь и сработаетесь, считаясь с лежащей на Вас ответственностью. Сообщите оба немедленно, какую норму взаимоотношений Вы считаете обеспечивающей нормальную совместную работу. В случае разногласий сообщите точно существо разногласий и формулу, которую каждый из Вас считает необходимой»/5551

Критические оценки деятельности М.Бородин в письмах различных работников из Китая в Москве

накапливались уже с 1926 г. Так, Наркоминдел СССР Г. Чичерин в письме Карахану от 4 июля 1926 г. сообщал: «Против тов. Бородин имеются нападки. Даже тов. Войтинский отзывался о нем довольно резко. Ряд указаний на то, что т. Бородин держался слишком посатраповски, содействовал этому отрицательному отношению. Все, однако, согласны, что его отозвание есть шаг весьма серьезный. Поэтому в данный момент еще не говорят об отозвании, а только о вызове для доклада, без предвосхищения дальнейших решений, причем самая его поездка для доклада возможна только тогда, когда будет найдено крупное лицо для его замещения в Кантоне». Такому стилю работы Бородин не изменил и в Уханьский период работы. Так, в телеграмме на имя Сталина от 27 мая 1927 г. из Ханькоу сотрудник Коминтерна Рой констатировал, что Бородин действует «автократически», «не консультируется со многими ответственными работниками и игнорирует их мнение». «Его власть, — по мнению Роя, — основана не на политическом влиянии, а на монополии отношений с Москвой... Он говорит, будто Москва не знает обстановки и не может давать директив полуколонии. Там должна быть железная диктатура на месте и (он) осуществляет эту диктатуру». ^-1 Известно, что телеграммы Политбюро с запросами мнения Блюхера по ряду вопросов не доводились до его сведения Бородиным.[558]Бородин часто действовал диктаторскими методами, не советуясь

ни с кем из ответственных работников, как и с представителями КПК и Коминтерна. О разногласиях Бородин и Блюхера по ряду вопросов их работы в Китае знали китайцы, это подрывало в целом высокий авторитет корпуса советских военных советников. Причем указания от Бородин иногда шли вразрез действий Блюхера. Так, во время Чжэцзян — Нанкинской операции, когда Блюхер, планировавший эту операцию, находился в госпитале, из Ханькоу направлялись директивы военным советникам на срыв военных операций войск Чан Кайши. В архиве имеется любопытный документ — доклад Радкевича Ворошилову, сделанный в первой половине июля 1927 г. Из него следует, что военный советник Коми (Панюков), отправляясь с Бай Чунси в поход, «кажется, в начале января 1927 г. получил задание способствовать победе и взять Ханчжоу. После этого, разрывая с Чан Кайши, наше руководство давало ему телеграммы способствовать поражению Чан Кайши, т. к. это было выгодно Уханю. Телеграмм этих Коми не получал, китайцы их задержали, прекрасно осведомленные об этих директивах. И когда был взят Ханчжоу, Бай (Чунси) на банкете, в присутствии генералитета и советника Коми заявил, что вот мол, несмотря на все директивы Бородин, мы все же победили». На вопрос Ворошилова, «кто давал директивы», Радкевич ответил: «Бородин и заместитель Галина — Теруни».

Имевшиеся разногласия хорошо просматриваются и по письму представителя ОМС ИККИ в Китае А.Е. Альбрехта (он же Абрамович, Арно) И.А. Пятницкому из Шанхая от 25 февраля 1927 г. «Кстати о Григории

(Войтинском. —В.У.). Он уехал отсюда накануне самых событий в Ханькоу. Накануне отъезда он мне лично говорил, что события назревают, и на мое замечание, что, пожалуй, лучше было бы, если бы он остался, он заявил, что он должен ехать и что, возможно, он вернется обратно. Но в то же время он предлагал всем уехать отсюда, — говорилось в письме. — Я считаю, что в этом отношении им был сделан большой промах. Вкратце вообще о его работе. Мне очень неприятно об этом писать, но считаю своим долгом сказать, что стыдно, чтобы ИККИ не выделил в такой ответственный момент человека, соответствующего серьезности момента. Вся его работа — это какое-то комбинаторство, какое-то сглаживание углов и примиренчество. Вместо того чтобы дать партии ясную директиву, он их запутывает самым пошлым дипломатичанием. Авторитет русских товарищей, по заявлению членов ЦК партии, весьма пал. Так как, во-первых, представитель ИККИ интригует, а в Китае это худшее, что можно сделать; 2) у представителя ИККИ нет линии, и он вполне разделяет вину за ту неясность резолюций и работы ЦК до сих пор; 3) он работает под впечатлением и дезорганизует работу ЦК партии.

Мое мнение, что если уже нет более сильного представителя, то лучше совсем его здесь не иметь.

Наша работа здесь весьма неплодотворна, т. к. ЦК избегает по мере возможности вообще встречаться с нами. Я и те товарищи, которые здесь остались, т. е. Черняк и Чарли (Т.Г.Мандалян и Н.М.Насонов. —Я.У.^стараемся быть полезными

партии, но это очень трудно, т. к. перед своим отъездом Григорий всей своей линией и методами работы нас дискредитировал. Я снова повторяю, что мне неприятно писать об этом, но что это моя обязанность, и тов. Михаил (Пятницкий. —В.У.) знает, что я не интриган»/5611

В тот же день А.Альбрехт пишет второе «личное» письмо И.А. Пятницкому. В нем он после описания тяжелейших условий, в которых трудится шанхайский пролетариат, вновь обращается к фамилиям Г. Войтинского и Бородина, заявляя, что он возмущается, что «такому великому делу уделяют так мало внимания и что руководить им дают таким недостойным людям, как Григорий и Бородин. «Первый, не имея ничего за душой, вытравливает все живое в этом деле. Мечется, как белка в колесе, интригует и фанфаронствует. Другой еще хуже делает. Он потворствует самому худшему виду оппортунизма, сеет неверие и способствует лишь победе Чан Кайши», — жалуется Альбрехт. [562]

Аналогичная ситуация происходит весной 1928 г. Сотрудник ОМСа Альбрехт 1 мая 1928 г. в письме Пятницкому в резких тонах жалуется на Ольгу Миткевич (Александрович. 1889-1943)/563]которая в 1927-1928 гг. была представителем Профинтерна в Китае. «Она (Ольга. — В.У.) всеми правдами и неправдами вымогала

сотрудник IV (разведывательного) управления Штаба РККА.

561 ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С. 626-627.

562 Там же. С. 628-629.

563 Александрович, (А.Миткевич, 1889-1943) в 1927-1928 гг. представитель Профинтерна в Китае. В 1927-1930 гг. на партийной работе на Северном Кавказе. В 1930-1931 гг. ответственный инструктор ЦК партии. В 1931—1936 гг. парторг, затем директор авиационного завода. Незаконно репрессирована.

и сейчас продолжает вымогать деньги, где только может (так, например, деньги от берзинских соседей (имеются в виду представители IV управления Штаба РККА. —В.У.) она получила и никому об этом не говорила). Благодаря ее вмешательству в денежные дела, мы никак не можем

рассчитаться с к и та и ц а м и , — сообщал Альбрехт.-...Абсолютная неконспиративность, таскание китайцев повсюду, провал всех наших помещений, связь со всеми соседями как берзинскими, так и другими, выхватывание денег, путчизм безграничный и, наконец, поддержка терроризма в его самой анархической форме... Она самым категоричным образом заявляет, что с постановкой в очередь дня вопроса о терроре считает обязательным, то же и [о] так называемой работе ГПУ».[564]

В 1927 г. в Шанхае осел некий мистер «Евгений Пик», который ранее работал в аппарате Бородина. Он был одной из наиболее ярких авантюристических фигур с десятком вымышленных имен: Кожевников-Хованский, Хованс, Пик, Клюге, Петров. Вот как он оказался в Шанхае. Сын астраханского купца, Е.М.Кожевников участвовал добровольцем в Первой мировой войне, был взят в плен. Вернувшись в Россию в 1918 г., он поступил в Красную Армию, примкнул к коммунистической партии и был назначен в школу ГПУ в Москве для прохождения офицерского курса. Одновременно он поступил учеником в одну из московских театральных школ и принял имя Хованского.

После окончания школы ГПУ Кожевников был послан вначале в Туркестан, затем на Украину в район

польско-румынской границы. Одно время был прикомандирован к особой советской миссии в Турции и Афганистане. В 1925-1926 гг. Кожевников-Хованский состоял сотрудником ГПУ при советской военно-политической миссии Бородина и Блюхера в Китае.[565]Еще будучи на службе в советской миссии он установил связь с французской разведкой. Втершись в доверие части работников аппарата советников, он некоторое время подвизался в Ханькоу. Однажды он выкрал у Бородина его дневник и некоторые секретные бумаги и продал их французскому консулу. Позднее переход на работу к противнику он объяснял тем, что его семья пострадала от большевиков, отец был арестован и сидел в тюрьме, а брат его был расстрелян. Когда в советской миссии возникли подозрения в его предательстве, было решено его немедленно убрать. Его пригласили в один из иностранных домов Ханькоу, используемых секретно для нелегальных встреч резидентов. Там он был встречен двумя вооруженными китайцами. Чувствуя, что он попал в западню, Кожевников бросился бежать в сад, но был ранен китайским мечом в голову. В саду ему удалось добраться до каменной стены и через силу перелезть через нее на улицу. На его вопли и крики о помощи отозвались проезжавшие мимо иностранцы, которые и отвезли его в госпиталь.

Затем он с помощью англичан сбежал из Ханькоу в Шанхай, где стал открыто сотрудничать с английской контрразведкой. Он опубликовал серию статей в английской газете «Норд Чайна Дэйли Ньюз» о работе советских разведывательных органов в Китае. Статьи он

подписывал псевдонимом Евгений Пик. Эти статьи были перепечатаны некоторыми китайскими газетами. Почти одновременно с публикацией его статей полиция Шанхая получила пространное письмо, подписанное буквами Н.Н., в котором сообщались имена 62 русских агентов, якобы прибывших и работающих в Шанхае. Полиция установила, что это было написано Кожевниковым. В августе 1927 г. вышла его брошюра на английском языке «Китай в когтях красных».⁷¹

Его статьи, письмо в полицию и брошюра создали ему репутацию человека, хорошо осведомленного в советских интригах в Китае и хорошего осведомителя о советских резидентах. Его услугами пользовались как французские, так и английские власти в городе. Кожевников-Хованский создал себе репутацию незаурядного актера и режиссера. Его фигура с головой, прикрытой татарской тубетейкой, чтобы скрыть шрам, полученный при бегстве, и лицо с лисьим выражением в глазах, стали хорошо знакомы русским театрам.TM

Вот что об этом «артисте» вспоминал генерал-лейтенант, военный советник в Китае в 1925-1927 гг. А.В.Благодатов в своих «Записках»: «В Шанхай мы приехали днем (июль 1927 г. -В.У.). Империалисты уже успели оправиться от потрясений, вызванных подъемом революционной

волны, и стремились вернуть отторгнутое и наверстать упущенное. В это время в Шанхае муниципальная полиция и

белоземляки ворвались в помещение Дальневосточного банка. В течение шести — семи часов обыскивали они помещения, обшаривали сейфы. Одновременно на территории французской концессии несколько советских учреждений подверглись нападению и обыску... Как только мы ступили на землю Шанхая, меня остановил, по-видимому, английский чиновник полиции в сопровождении переводчика-белоземляка. Им был, как оказалось впоследствии, пресловутый Пик, точнее, шпик. Белокрылый, худосочный, с бегающими по сторонам глазками на бледном лице, этот молодой человек одно время работал в аппарате М.М. Бородин на технической работе. Пик был заподозрен как провокатор и английский шпион, но успел вовремя избежать возмездия и скрылся в Шанхае. Теперь Пик стал докладывать агенту английской полиции, как моя фамилия, какую я занимал должность и т. д.» [569] Несмотря на то, что какое-то время Пик и работал у Бородина, однако он, по замечанию Вишняковой-Акимовой, умудрился бывшего советника, а в дальнейшем и о. военного атташе в Пекине Виктора Петровича Рогачева и однофамильца-китаиста, работавшего бухгалтером Бородина, считать за одно и то же лицо.⁵ О деятельности двойного агента — «капитана» Пика в Шанхае также рассказывают в своей книге «Китайские секретные службы» Р.Фалиго и Р.Кюффер.

Мошенническое нутро Кожевникова вскоре раскрылось уже на китайской «почве». В 1928 г. он совместно с Морисом Левитским и Городиным нашел богатого китайца, который собирался открыть игорный притон. Кожевников выдал себя за начальника уголовного отдела Шанхайской муниципальной полиции (пригодилось театральное образование), а Левитского — за служащего американского генерального консульства. Кожевников получил от китайского предпринимателя задаток в 15 тыс. долларов, из которых выделил своим сообщникам по небольшой сумме, сказав им, что получил гораздо меньше, чем ожидал, и уехал в Мукден. Через год он вернулся в Шанхай, был арестован и приговорен к нескольким месяцам тюремного заключения. Однако на этом его злоключения не кончились. Выйдя из тюрьмы, он восстановил связь с иностранными разведками и связался с МИД Китая в качестве агента разведки и вербовщика русскими эмигрантами на службу для китайской армии. С тем же напарником Левитским он провел еще одну аферу. Они выдали себя за офицеров немецкой армии, назвав себя — первый капитаном К.Клюге, а второй — майором Левиц, и стали вести переговоры о приобретении контрабандного оружия для китайского националистического правительства на сумму около двух миллионов долларов. В эту аферу было также втянуто несколько других лиц. Одним из них оказался английский делец Р.К.Рафаэль, другим — богатый китайский коммерсант, который должен был финансировать сделку и у которого Кожевников выманил 70 тыс. американских долларов. Однако и эта афера вскоре вскрылась, и он был вновь арестован. На суде он отрицал свою вину, сваливая все на Рафаэля, как на человека, давно подозреваемого в контрабандной продаже оружия

китайским коммунистам. Кожевников и его сообщники были приговорены к тюремному заключению. Однако и на этом он не остановился. Следующим громким делом Кожевникова-Пика было вымогательство и шантаж. Теперь он связался с неким Адольфом Бомонтом, выдававшим себя за бельгийца румынского происхождения, настоящее имя которого было Израелевич. Дело касалось американки Кенеди, содержательницы публичного дома, и ее девицы Ани Залевской. Последняя вчинила первой иск на 18 тыс. долларов, которые она по получению должна была поделить с Бомонтом. На каком-то основании Кожевников потребовал часть этих еще не полученных денег с Залевской и Бомонта. На отказ Бомонта отдать деньги Кожевников ответил тем, что собрал против него компромат и передал прокурору американского консульского суда, но тот отказался принять его на том основании, что Бомонт не американский гражданин.

По слухам, в руки Кожевникова попал материал, порочивший члена американского консульского суда как гомосексуалиста. Шантаж Кожевникова привел последнего к самоубийству.

Следующий шаг Пика, показавший его неумную фантазию, — публикация в газете «Новости дня» под видом скрытого советского агента статьи, в которой описывается смерть немецкого полковника, военного советника при генералиссимусе Чан Кайши. По данным Кожевникова-Пика, английская разведка предложила немецкому полковнику работать для нее, но немец отказался. За отказ английская разведка якобы подложила к лицу полковника полотенце, насыщенное микробами оспы. Немецкий полковник был отослан в изоляционный госпиталь в Шанхае, где и умер. Так это

было на самом деле или нет — неизвестно, но один немецкий офицер, советник чанкайшистской армии Китая, действительно умер в изоляционном госпитале от оспы.

В 1926-1927 гг. на нелегальной работе в Китае по заданию ИККИ находился Р. Штальман.

От ИК КИМа здесь в 1927 г. находился также Р.М.Хитаров,[5/ ^участвовавший в работе по проверке китайского комсомола. Отсылая отчет о работе комсомола в Центр, Хитаров к нему приписал следующий абзац, который наглядно показывает, что китайский комсомол создавался на советские деньги, и те финансовые трудности, которые испытывали сами советские представители в Китае в 1927 г. «Почему вы мне ни разу не послали жалованья? — спрашивал он у Центра. — Одним воздухом жить трудно, приходится побираться подаяниями, займешь то у одного, то у другого. Вообще с деньгами вышел невероятный кавардак: только вчера и позавчера мы получили часть наших денег — впервые за четыре месяца с лишним. Можете сами себе представить, как отзывалось это безденежье на союзной работе. Перебивались со дня на день, занимали и тащили, где только можно было. А провинции за все это время не получили почти ни копейки, и некоторые комитеты просто разбежались, наверно, от голода. Поблагодарите за это от меня ОМС и его начальника»/5751

В 1927-1928 гг. представителем ОМСа в Шанхае был Ф.Фейергерд.

В 1928-1929 г. от ОМСа в Шанхае работал Абрамович вместе со своей женой Эльвирой (она раньше работала секретарем ОМСа в Шанхае под именем Вэртин).[577

С 1928 до своего ареста в 1931 г. от ОМСа работал Я.М.Рудник (Анри, Ноулэнс, считается, что он пользовался 12 псевдонимами). Как выяснили после его ареста и продолжительных международных запросов и поисков шанхайские власти, он был руководителем организации Коминтерна в Шанхае в те годы, имея под своим началом штат из девяти европейцев. В его обязанности входили передача денег Компартии Китая и поддержание связи с ее центральным комитетом, поиск безопасных адресов для важных встреч между посланцами Коминтерна и китайскими руководителями, организация курьерской и радиосвязи с Москвой и передача «секретных материалов между Москвой и Китаем». Эта группа отвечала также за безопасность организации и ее охрану. Он имел в своем распоряжении около 15 помещений для жилья, офисов и явочных квартир. Рудник арендовал в Шанхае почтовый ящик № 1062, на который он получал всю необходимую почту. В его подчинении был Грехард Эйслер, главной задачей которого было снабжение КПК директивами Коминтерна, он как бы являлся каналом обмена информацией между партией и Москвой. Г. Эйслер должен был в цЦнтр

«представлять отчеты, касающиеся всех общественных проблем, включая и проблемы рабочего движения в Китае». Жил Эйслер, по протоколам шанхайской полиции, в Международном сэттльменте на Вонгшоу-гардэнз дом № 23 в квартире мистера Александра фон Дунина, которого полиция подозревала в том, что он советский агент.[578]На допросах Р. Зорге, после его ареста в Японии, утверждал, что «Ноулэнс выдавал себя за швейцарца, однако его истинной национальности я не знаю, полагаю, что он балт».^]

В 1926 г. на территории Шанхая, помимо генерального консульства, находились следующие советские организации:

Отделение торгпредства, которое возглавлял Вигрант.

Контора Центросоюза, которую возглавлял Левин. Всесоюзное кооперативное общество «Центросоюз» вышло на международную арену в 1921 г., когда Советская Россия еще не имела правительственных торговых представительств и ее сторону представляло это кооперативное общество. Главная контора Центросоюза была учреждена в Лондоне, шанхайское отделение формально было ее филиалом. При Центросоюзе находилось представительство советского Чаеуправления, возглавляемое Зеленовым.

Контора Нефтесиндиката» возглавлялась уже упоминавшимся З.Н. Доссером.

Шанхайский Дальбанк был филиалом советского «Моснарбанка», учрежденного в Лондоне на основе английского законодательства. Во главе банка был Курс. Он был опытным банковским работником, позже был одним из руководителей Госбанка СССР. В Шанхае были также представители Совторгфлота, КВЖД, «Текстильторга.

В городе было агентство ТАСС, представителем его был Барский, который не имел специальной китаеведческой подготовки и для работы привлекал советских студентов-китаистов.TM

В 1927 г. в Шанхае был основан профсоюз «Пан Пасифик», который возглавлялся известными американскими коммунистами: Эрлом Браудером, Герхартом Айслером, Юджином Дэнисом (он же Пол Уолш). Средства на его содержание и разведывательную деятельность в размере, превышающем полмиллиона долларов в год, поступала из Далькрайбюро в Хабаровске.[581]

Шанхай был местом, где зарождалась разведка КПК, которая, по мере возможности, сотрудничала с советской разведкой.

После поражения революции 1925 — 1927 гг. в Китае наступила полоса белого террора. Тысячи китайских коммунистов, прогрессивных демократических деятелей были арестованы и брошены в тюрьмы, многие казнены. К ноябрю 1927 г. число членов КПК, по китайским данным, сократилось с 60 тыс. почти до

10 тыс. человек. В условиях гоминьдановского подполья принимается решение тщательнее соблюдать строжайшую конспирацию, усилить разведывательную и контрразведывательную деятельность. В связи с этим в мае[583](а по другим данным в ноябреⁱ) 1927 г. ЦК КПК решил учредить при центральном аппарате специальное подразделение. При Политбюро ЦК КПК на правах Особого отдела ЦК стал существовать «Отдел по специальной работе» (тэ у гунцзо чу), возглавлявшийся Чжоу Эньлаем, до этого возглавлявшим военный комитет при КПК. Затем «отдел» был реорганизован в «Комитет по особой работе, целью которого было обеспечение безопасности подпольных партийных организаций и сбор информации о деятельности полиции и секретных служб Гоминьдана и западных спецслужб как на китайской территории, так и на территории септльментов. В задачи Особого отдела входило установление связи с сочувствующими КПК из различных социальных слоев, борьба с провокаторами и предателями, контроль над явками, а также налаживание связи между различными партийными организациями в стране. Создание Особого отдела было одобрено на У1 съезде КПК, проходившем

под Москвой в 1928 г., на котором активную роль играл Чжоу Эньлай.

В начале мая 1928 г. Чжоу Эньлай, под видом торговца антиквариатом, через Дайрен (Дальний), Чанчунь, Гири и Харбин выехал в Москву для участия в работе У1 съезда. Прибыв в Москву 16 мая 1928 г., он окупился в подготовительную предсъездовскую работу. 7 июня он встретился с советскими военными деятелями, чтобы обсудить проблемы строительства китайской Красной Армии, ее организационную структуру, постановку политико-воспитательной работы, видимо тогда же были обсуждены и вопросы организации особого разведывательного отдела. 9 июня 1928 г. китайские руководители — Цюй Цюбо, Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай, Ли Лисань и другие были

приняты Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В.Сталиным, который в беседе с ними отметил, что самым важным результатом крестьянского движения и аграрной революции в Китае является создание Красной Армии.

По данным академика С.Л. Тихвинского на У1 съезде КПК было принято решение «об образовании комитета по контразведке, в состав которого вошли Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай и Гу Шуньчжан», [586] по типу советского ОГПУ. Все три — были членами Политбюро. Гу Шуньчжан был хорошо знаком с Чжоу Эньлаем и являлся его

протее, одно время работал личным охранником М.Бородина.

3 июля 1928 г. Чжоу Эньлай на У1 съезде партии выступил с докладом «О военной работе». «Наша главная ошибка, — весьма самокритично отмечал Чжоу Эньлай, — заключается в том, что мы не понимали основных задач нашей партии в армии и не понимали цели этой работы. В то время был период так называемого единого фронта, и мы не понимали тогда, что в этом едином фронте главной задачей является борьба за гегемонию в революции, что для осуществления этой задачи нельзя обойтись без захвата армии, без создания вооруженных сил пролетариата.»^{^]}

После выбора руководящих органов партии Чжоу Эньлай, вошедший в Исполком политбюро ЦК КПК, 20 июля 1928 г. был утвержден заведующим секретариатом Исполкома Политбюро и заведующим Орготделом ЦК КПК.[58° Одновременно У Хао (один из псевдонимов Чжоу Эньлая) было поручено возглавить Особый отдел. Еще до У1 съезда Чжоу Эньлай был в составе Оргбюро ЦК, а 10 января 1928 г. был назначен его главой. [59

Особый отдел состоял из четырех секторов. Первый сектор (главный штаб) осуществлял общее руководство и координировал деятельность остальных секторов, он был подчинен У Хао. Второй сектор занимался сбором

информации и разведывательной деятельностью внутри Гоминьдана, руководил его работой Чэнь Гэн. (Чэнь Гэн окончил военную академию Вампу в первом выпуске в 1924 г., тогда же вступил в КПК, участвовал в восточных походах 1925 г. и Северном походе 1926 — 1927 гг. По некоторым данным, он прошел специальную подготовку в СССР. После вооруженного восстания в Наньчане 1 августа 1927 г. во время похода на юг он был тяжело ранен, ему перебило кость левой ноги. После выздоровления Чэн Гэн получил от партии задание возглавить второй сектор особого отдела.[592]).[593]Подбор людей во второй сектор осуществляли трое: Ли Кэнун, Цянь Чжуанфэй и Ху Ди. Во втором секторе, кроме этих троих, также работали: Чэнь Шоучан, Чэнь Яньшань, Лю Дин, Кэ Линь, Хэ Чэн. Этот сектор сыграл большую роль, осуществив внедрение своих людей в гоминьдановские структуры.[594

Особые комитеты КПК были созданы в провинциях, так, секретарем особого комитета на юге провинции Хубэй в 1927 г., секретарем особого комитета КПК на севере Цзянси в 1928 г. был член военной комиссии КПК провинции Хунань У Дэфэн, [595]секретарем особого

комитета КПК в восточной части провинции Хунань в 1927-1928 гг., секретарем особого комитета КПК Советского района в 1928-1930 гг. был Тэн Дайюань.[596]

В конце 1927 г. среди детективов французского сэттльмента в Шанхае появился некий молодой человек по имени Ван Юнь, имевший хорошие рекомендации от высоких инстанций. Он был вхож в шанхайские учреждения секретной службы и полицейские участки французского сэттльмента, его почтительно именовали «господин Ван». Однажды театр, в котором проходило собрание с участием коммунистов, был окружен гоминьдановскими сыщиками и полицией французского сэттльмента. Ван Юнь тоже принимал участие в облаве. Он добился, чтобы ему поручили охранять один из выходов, и подал знак своим товарищам. Пользуясь возникшей суматохой, они благополучно выскользнули на улицу и скрылись в толпе. После этого, опасаясь разоблачения,

Ван Юнь перестал появляться среди детективов, он ушел в глубокое подполье. Вскоре враги узнали, что под именем Ван Юнь скрывался Чэнь Гэн.]

Третий сектор руководил действиями специального отряда по защите подпольных организаций и их кадров, а также наказанием сыщиков, провокаторов и предателей. Во главе его стоял Гу Шуньчжан. (он из провинции Цзянсу, работал сначала слесарем, затем

старшим рабочим на табачной фабрике. Будучи прекрасным фокусником, выступал в известном шанхайском луна-парке «Да Шицзе», он снайперски стрелял, владел техникой уш/. В 1927 г. Гу участвовал в трех шанхайских восстаниях, командовал вооруженными рабочими и пользовался их уважением, умело действовал в баррикадных боях. После контрреволюционного переворота 12 апреля 1927 г. Гу переехал в Ухань, где вел работу по борьбе с провокаторами и предателями. В августе 1927 г. он вернулся в Шанхай. Гу командовал бойцами «красного отряда», в своей среде его называли «китайским Камо», «легендарным смельчаком». Его курировали непосредственно У Хао и Чэнь Гэн. 25 апреля 1931 г. по доносу бывшего рабочего-текстильщика Ван Жуцяо он был арестован в Ханькоу гоминьдановской полицией. На первом же допросе он начал давать показания. Учитывая, что в его руках были явки и конспиративные квартиры центральных органов КПК в Шанхае и других городах, связь с советскими районами, радиосвязь — он был ценной добычей для гоминьдановской охраны. Он раскрыл явки ЦК, имена арестованных, но не опознанных руководителей КПК, в том числе Юнь Дайна. Именно из-за предательства Гу Шуньчжана 29 апреля 1931 г. был расстрелян Юнь Дайн).[598]Когда Чжоу Энлай узнал о предательстве Гу, то была предпринята акция по уничтожению его близких родственников. Было убито более 10 человек, трупы восьми из них были тайно ночью закопаны в саду французской концессии в Шанхае.^

Исходя из данных, основанных на публикациях архивов гоминьдановской охраны («отдел расследований»), лишь благодаря тому, что один из членов КПК, нелегально работавший в охране Гоминьдана на ответственной должности, задержал телеграмму из Уханя с информацией Гу Шуньчжана и успел сообщить об этом в ЦК КПК, не было арестовано руководство КПК в Шанхае.

Четвертый сектор занимался передачей информации (в том числе радиосвязью). Руководителем сектора был У Тэчжэн (он же У Дэфэн).[601](У Дэфэн родился в 1896 г. в провинции Хубэй. В 1914 — 1918 гг. учился в Хубэйском педагогическом училище в Ухане, активно участвовал в патриотическом «движении 4 мая» 1919 г. В 1924 г. по рекомендации Дун Би и Чэнь Тяньцю вступил в КПК. В сентябре 1924 г. на 1-й Уханьской районной конференции КПК был избран членом райкома партии и секретарем военной комиссии. В 1925 г. он вступил в Гоминьдан и на первой конференции Гоминьдана провинции Хубэй был избран членом провинциального исполкома. В разное время заведовал рабочим отделом и отделом торговых работников. Зимой 1926 г. по рекомендации генерала Дэн Яньда У занял должность начальника общественной безопасности г. Ухань. В период разрыва единого фронта он сделал многое для спасения организаций КПК и их руководства от разгрома,

а также по обеспечению безопасности рабочих активистов и прогрессивных общественных деятелей.)

У Тэчжэн наладил различные формы связи между ЦК КПК и Коминтерном.^ Члены КПК только с помощью работников четвертого сектора могли найти явки и установить связь с парторганизациями.

Особый отдел был создан на базе Особого сектора при Военной комиссии ЦК в Ухане. Руководителями сектора были У Хао, Ван Ифэй и Не Жунчжэнь. После переворота в Ухане работники сектора прибыли в Шанхай. Там Особый отдел стал расширяться за счет привлечения лучших представителей шанхайских вооруженных дружин, которые входили в состав рабочих-

пикетчиков во время всеобщей стачки в Шанхае в мае 1925 г. Они стали костяком революционной рабочей гвардии Шанхая и период трех вооруженных восстаний шанхайского пролетариата в 1927 г. По данным сотрудника Коминтерна китайца А.Г. Крымова, эти бойцы обладали большим опытом вооруженной борьбы. Из них формировались «красные отряды», которые в то время назывались «отрядами по истреблению псов». Их задачей была борьба с провокаторами, предателями, сыщиками, а также защита подпольных парторганизаций и партийных кадров.[^]

С середины марта до середины апреля 1928 г. Чжоу Эньлай по решению руководства КПК находился в Гонконге. Там он способствовал освобождению из

тюремного заключения видного партийного и профсоюзного лидера Дэн Чжунся.

24 августа 1929 г. во время заседания военной комиссии ЦК по доносу предателя в подпольную квартиру в западном районе Шанхая на ул. Синьчжалу ворвалась полиция. Были арестованы все присутствовавшие на заседании: член политбюро ЦК КПК, секретарь Крестьянского отдела ЦК КПК и заведующий Военным отделом КПК провинции Цзянсу Пэн Бай, кандидат в члены политбюро и заведующий Военным отделом ЦК КП Ян Инь, секретарь Военного отдела Бай Синь, ответственные работники Военного отдела парткома провинции Цзянсу Ян Чанъи и Син Шичжэнь. По чистой случайности У Хао в тот день на заседании отсутствовал. Операцией руководил Фан Чжэньбо, член шанхайского горкома Гоминьдана, тесно связанный с Чэнь Лифу, он же был контрольным инспектором отдела безопасности Шанхая. Попытка КПК организовать освобождение арестованных вооруженным путем сорвалась, и они после сугубо формального судебного разбирательства через несколько дней были казнены гоминдановцами.[™]

31 августа Чжоу Эньлай написал текст воззвания КПК по поводу казни Пэн Бая и его товарищей.[б°7]

У Чэнь Гэна был свой человек в гоминьдановской контрразведке — это Янь Дэнъин. Он уроженец Гуандуна, учился в Японии, был знаком с некоторыми коммунистами, придерживался прогрессивных взглядов. В период сотрудничества Гоминьдана и КПК Янь Дэнъин работал в спецотряде Гоминьдана в подразделении, которым командовал Чэнь Гэн. После разрыва сотрудничества Янь Дэнъин остался на прежней работе, пользовался доверием главарей контрразведки Гоминьдана Чэнь Лифу, Чжан Даофаня, Сюй Эньцзэна. В октябре 1928 г. Чэнь Лифу назначил Янь Дэнъина чрезвычайным уполномоченным по особым делам в Шанхае. Все разведывательные данные гоминьдановских спецслужб проходили через его руки. Он решал важнейшие вопросы, имел тесный контакт с Цянь Дацзюнем, возглавлявшим штаб жандармерии района Шанхай-Усун, был также в приятельских отношениях с начальником политотдела разведывательной службы Международного селтльмента англичанином Лэмптоном, пользовался его полным доверием. Через Янь Дэнъина Чэнь Гэну удалось внедрить некоторых своих людей на службу в гоминьдановскую тайную полицию Шанхая. Таким образом, он фактически положил начало созданию системы партийной контрразведки внутри гоминьдановской охраны в Шанхае. С помощью Янь Дэнъина удалось узнать, что явку выдал Бай Синь, который стал предателем. Выяснилось, что он был земляком Фан Чжэньбо, поддерживал с ним связь и помог организовать арест членов Военной комиссии ЦК. Бай Синь окончил академию Вампу (в составе первого выпуска), работал комиссаром учебного батальона 24-й

дивизии, которой командовал коммунист Е Тин. Участвовал он и в советском движении в Хайлуфэне, возглавлявшемся Пэн Баем. В 1929 г. Бай Синь был послан на работу в Военную комиссию ЦК в Шанхае. У него было много секретных материалов, он знал явки и адреса членов комиссии. Узнав о его измене, Особый отдел ЦК предупредил всех, кто мог стать жертвой его предательства. Бай Сянь по решению Особого отдела был приговорен к смерти. Приговор был приведен в исполнение 11 ноября 1929 г., как это происходило подробно описал в своих воспоминаниях Д.Г.Крымов. э Убит был и Фан Чжэньбо.

Коммунистами была создана подпольная радиостанция для связи с Коминтерном и с провинциальными комитетами КПК. В 1928 г. КПК было решено создать две подпольные радиостанции (одну в Шанхае, другую в Гонконге для связи с местными партийными организациями). Решили, что необходимо подготовить своих радистов. Обе радиостанции начали действовать с января 1930 г. Ю

Для более эффективной борьбы с коммунистами спецслужбы США поставили своего агента Руса на пост начальника политотдела полицейского управления Международного сэттльмента. Однако Особый отдел установил связь с его секретарем Гэ Бахуа и получал через него нужные сведения, оплачивая ежемесячно по 500 юаней за его услуги. Кроме того, у отдела было двое

своих агентов среди детективов французского сэттльмента, которые оказывали коммунистам неоценимые услуги.[611]

Во второй половине 1929 г., после ликвидации Бай Синя, «красный отряд», насчитывавший около 40 человек и непосредственно подчинявшийся третьему сектору, стал грозной силой для предателей и провокаторов, а также для гоминьдановской контрразведки. Отряд был неплохо вооружен: револьверы, гранаты со слезоточивым газом, были у него автоматы и даже пулеметы. В его распоряжении имелись легковые автомобили, мотоциклы и много велосипедов с фальшивыми номерами. Велосипеды служили самым удобным и маневренным средством передвижения в Шанхае, учитывая его маленькие улочки и скученность населения. В момент опасности велосипеды просто выбрасывались. «Красный отряд» работал в тесном взаимодействии с первым и вторым секторами отдела. К примеру, при созыве совещания или заседания сотрудники первого сектора подыскивали подходящее помещение, сотрудники второго — обеспечивали его безопасность и следили за действиями охраны, а бойцы из третьего сектора организовывали охрану: курсировали вокруг дома, переодетые лоточниками или разносчиками газет, следя за обстановкой вокруг. Проведение совещаний, пленумов, конференций в условиях жестокого террора — дело очень сложное и трудное, но куда сложнее было выявить провокаторов и предателей, прятавшихся в рядах КПК. Так, в апреле 1928 г. отдел не сумел предотвратить ареста члена политбюро ЦК КПК, одного из руководителей шанхайского рабочего

движения Ло Инуна. В то время Янь Дэньин еще не был назначен на ответственный пост в гоминьдановской охране в Шанхае. Тем не менее Особому отделу удалось узнать через агентов внутри полиции сэттльмента о том, что провокаторами, предавшими Ло Инуна, были Хо Цзясин и его жена Хэ Чжихуа. Они учились в КУТВ в 1926 г. Хо Цзясин приехал в Москву из Франции, Хэ Чжихуа — из Германии. После возвращения из Москвы в Шанхай Хо стал личным секретарем Ло Инуна, знал много явок и адресов ответственных работников ЦК. Он пошел на предательство и вступил в тайную связь с агентами западных секретных служб, вел переговоры с помощником начальника полицейского участка в Международном сэттльменте. За списки руководящих работников ЦК и их адреса он получил 20 тыс. долл. и заграничные паспорта для себя и жены. Первым он выдал Ло Инуна. 15 апреля 1928 г. в 10 час. утра последний был схвачен полицейскими, когда выходил из квартиры Хо Цзясина на ул. Гордона в Международном сэттльменте (там находилась явка организации). Особым отделом делались попытки вызволить Ло Инуна, однако это им не удалось, так как Ло Инун был без суда и следствия расстрелян досрочно 21 апреля 1928 г. в западном пригороде Шанхая. 31

Перед отделом встала неотложная задача — уничтожить предателя и его жену, после очередной проверки и нового доказательства предательства супругов, бойцы «красного отряда» под командованием Чэнь Гэна ранним утром ворвались в номер гостиницы, где жили супруги, и застрелили Хо Цзясина, а жену, которая спряталась под кровать, тяжело ранили, у нее был выбит один глаз. Для прикрытия операции около здания гостиницы группа подростков «забавлялась» взрывами мелких хлопушек и петард, чтобы заглушить звуки выстрелов/6141

В декабре 1927 г. было решено внедрить несколько преданных и смелых коммунистов в органы спецслужбы Гоминьдана и иностранных селтльментов. У Хао и Чэнь Гэн поручили Цянь Чжуанфэю, Ли Кэуну и Ху Ди проникнуть в высшие органы гоминьдановской контрразведки. Эту операцию удалось реализовать благодаря личной связи Цянь Чжуанфэя с Сюй Эньцзэном. Последний приходился двоюродным братом (по матери) Чэнь Лифу, был его самым доверенным лицом и занимался делами разведки и контрразведки. Сюй окончил Шанхайский институт путей сообщения, изучал в США электротехнику. В начале 1928 г. он работал в управлении радиосвязи при комитете строительства, возглавляемом Чэнь Лифу (который в прошлом был начальником управления телеграфом в провинции Чжэцзян). В то время Чэнь Лифу уже стал одним из лидеров Гоминьдана и безраздельно контролировал все дела спецслужб.

Летом 1928 г., когда Сюй Эньцзэн создал курсы по подготовке радистов, среди поступавших оказался и Цянь Чжуанфэй.

Чэнь Лифу занимал должность начальника сектора расследования орготдела ЦИК Гоминьдана, который был создан в феврале 1928 г. Сектор занимался сбором информации и расследованием дел, связанных с фракционной борьбой внутри Гоминьдана. С зимы 1929 г. в связи с усилением советского движения и укреплением влияния компартии Чан Кайши поручил Чэнь Лифу и его сектору прежде всего заниматься вопросами борьбы с «красной опасностью». С тех пор сектор стал центральным органом по сбору информации и ведению подрывной работы, подбору и засылке провокаторов в ряды КПК и руководству их действиями. Отдел также вел следственные дела на арестованных коммунистов.

После того как положение Цянь Чжуанфэя укрепилось, в органы контрразведки Гоминьдана решили заслать еще одного надежного и смелого члена КПК — Ли Кэуна. История его знакомств с Цянь Чжуанфэем такова. В 1928 г. Ли Кэунун, спасаясь от преследований, вместе с У Ху перебрался в Шанхай. В ноябре 1929 г., работая заведующим агитпропом центрального района Шанхая, он случайно на съемочной площадке шанхайской кинофабрики познакомился с Цянь

Чжуанфэем. Тот предложил устроить Ли Кэуна в управление радиотехники и радиосвязи в качестве редактора программы новостей, передаваемой по радио. Для этого необходимо было сдавать экзамен, Ли Кэунун, серьезно подготовившись, блестяще его сдал. В декабре 1929 г. он был принят на указанную должность.

В конце декабря 1929 г. Сюй Эньцзэн был повышен в должности, став начальником сектора общих дел орготдела ЦИК Гоминьдана и одновременно начальником сектора расследований. Он как-то сообщил Цянь Чжуанфэю о плане расширения системы спецслужб для усиления борьбы против коммунистов, который предусматривал подготовку и засылку провокаторов в ряды партии, переподготовку и использование предателей. По этим вопросам он хотел использовать Цянь Чжуанфэя. Тот дал согласие.

По приказу Чэнь Лифу Сюй приступил к созданию целой системы специальных карательных органов в долине Янцзы и по всей территории, входящей в сферу влияния Нанкинского правительства. В Нанкине были созданы оперативный штаб и секретная радиостанция для руководства разведывательной и подрывной работой не только против КПК, но и против всех имеющихся оппозиционных партий и группировок. Сюй Эньцзэн назначил Цянь Чжуанфэя на должность своего секретаря в этом высшем органе секретной службы. Первым делом Цянь приступил к созданию сети легальных информационных агентств для выполнения секретных осведомительных заданий. Так возникло агентство информации «Миньчжи» в Нанкине, начальником которого стал Ху Ди. Агентам КПК удалось достать

секретные шифры гоминьдановской разведки и передать их сотрудникам Коминтерна.

Порядок передачи нужной информации был таков: Цтянь Чжуанфэй из Нанкина передавал сообщения Ли Кэуну в Шанхай, а последний держал постоянную связь с Чэнь Гэном, который докладывал обо всем У Хао и ЦК.

Такие действия коммунистов вынудили гоминьдановские власти пойти на более тщательную организацию и усиление своих разведывательных органов. В конце декабря 1931 г. Чан Кайши принял решение создать новую разведывательную организацию во главе с Дай Ли, так называемую «Группу десяти»: Группа расследований и коммуникации при военном комитете Гоминьдана (Group of Investigation and Communication of the KMT Military Committee).[618]В 1934 г. Чан Кайши официально назначил директором «отдела расследований» (Дяоча Кэ) Дай Ли, который и стал возглавлять военную разведку и контрразведку Гоминьдана.[619]

С ноября 1928 г. в Шанхае осел японский корреспондент редакции «Осака асахи симбун» Одзакэ Ходзуми, [620]владеющий китайским и английским

языками, который через два года стал другом и соратником Рихарда Зорге.

Осенью 1929 г. в будущую группу Зорге приезжает Макс Клаузен, бывший радист германской службы связи в Первую мировую войну. Вначале он побывал в Харбине, где в отеле «Модерн» встречался с советскими резидентами в Харбине, затем приехал в Шанхай и сразу же связался с Константином Мишиным, 1 в мастерской которого он сконструировал мощную портативную радиостанцию. Позже с помощью клаузеновских радиотрансмиттеров передавали регулярно зашифрованную информацию от Зорге на станцию Висбаден (условное название мощной радиостанции в окрестностях Хабаровска).^]

Вскоре из квартиры Мишина в шанхае он перебрался в пансион, повстречался в вдовой Анной Валлениус, на которой и женился. Когда Зорге появился в Шанхае, Клаузен стал главой радиосвязи, а его жена

курьером по доставке микрофильмов из Токио в Гонконг/62 ^Дальнейшая судьба К.Мишина неизвестна.

Летом 1929 г. Чжоу Эньлаю удалось создать надежное конспиративное место для встреч руководства партии, использовав для этой цели больницу в Шанхае. Им нелегально были открыты в городе курсы подготовки военных и военно-политических кадров, выпускники которых уже в сентябре были направлены в советские районы для передачи опыта.[624]

В мае 1931 г. на руководящую работу в Особый отдел ЦК КПК был переведен двадцатилетний Пань Ханьнянь, до этого заведующий отделом пропаганды парткома провинции Цзянсу, где он проработал до 1933 г. Он стал исполнять обязанности заведующего вторым сектором сбора информации, полностью переключившись на подпольную деятельность. Его одной из наиболее часто употребляемых подпольных кличек была «Сяо Кай»/625]С ним работали такие деятели как Ли Имин, Ся Янь, Ян Ду, Яо Пэнцзы, Мэй Гунбинь.^несколько раз он был на грани провала, но умело выходил из трудных ситуаций. Однажды Пань Ханьнянь возвращался домой и когда уже подходил к входной двери, то заметил, что за ним идет «хвост». Менять направление было уже поздно. Тогда он большими шагами вбежал внутрь, громко крича имя

жены: «Сю Юйвэнь! Сю Юйвэнь! Я страшно голоден, быстрее готовь яшницу, я хочу есть». Он взлетел на третий этаж дом, вышел на балкон, нашел ранее приготовленный для конспирации большой иностранный зонт, с его помощью перепрыгнул на балкон соседа и исчез.

В другой раз он шел по улице и неожиданно обнаружил, что несколько довольно станных людей следуют за ним. Он немедленно вошел в ресторан, делая вид, что ищет свободное место. Двое за ним также вошли в ресторан. Тогда он в мгновение ока прешел внутрь на кухню, быстро снял свой

наглаженный пинжак, надел рабочую одежду повара, повязал на рот белую повязку от пыли, взял поудобнее в руки разносочный поднос и пройдя через залу вышел на улицу.[627]

С начала 30-х годов вновь усилились репрессии против китайских коммунистов и им сочувствующих.

21 июня 1931 г. на французской концессии в Шанхае был арестован генеральный секретарь ЦК КПК Сян Чжунфа, когда он, выйдя из дома, пытался взять такси. Причем его выследила французская полиция, потому что гоминьдановцам запрещалось заниматься такой деятельностью на территории концессии. Как только было получено сообщение об аресте Сян Чжунфа, в ЦК КПК решили, что Особый отдел должен предпринять все необходимые меры, чтобы спасти его. Было решено подкупить с помощью взятки французскую полицию, чтобы не дать ей передать Сян Чжунфа

местным китайским властям/ -'Однако эта операция не удалась, и вскоре он был расстрелян. Вместе с ним были арестованы несколько работников аппарата ЦК и провинциального комитета КПК Цзянсу. В июне 1931 г. были арестованы руководящие работники отдела пропаганды ЦК КПК Ло Циюань, Юань Баоань и около 20 коммунистов, ведавших распространением партийных документов, печати и типографиями; в августе — руководитель боевых дружин Особого отдела ЦК Ван Шидэ/630]В 1931 г. были арестованы также кандидаты в члены политбюро ЦК КПК Гуань Сянинь, члены КПК Лин Цзухань, У Юйчжан и Се Цзюэцзай. Хорошая взятка, переданная в руки французской полиции, спасла их от передачи в руки Гоминьдана. Они были освобождены и без шума уехали в советские районы/631Провалы и интенсивная слежка полиции за членами КПК создали труднейшие условия для подпольной работы и самого положения руководящих органов партии в Шанхае. Как руководство КПК, так и Москву беспокоили эти провалы и аресты. Встал вопрос о перестройке работы Особого отдела в новой ситуации, сложившейся в Китае.

Советники и резидентура в

Кантоне

Начиная с 1920 г. Коминтерн устанавливает непосредственные связи с Гоминьданом. В 1920-1921 гг.

посланцы Коминтерна Г.Н.Войтинский, Г.Маринг, К.Н.Соколов-Стахов встречались с Сунь Ятсеном и другими лидерами Гоминьдана. Судя по имеющимся отчетам, общее впечатление от встреч с гоминьдановскими представителями было благоприятным и выявило взаимную заинтересованность в постоянных связях и обмене информацией. Для этих целей в августе 1920 г. в Кантон под видом корреспондента Российских телеграфных агентств ДАЛЬТА (Дальневосточное телеграфное агентство) и РОСТА, которые официально открылись в 1921 г., был направлен К.А.Стоянович. Агентства знакомили советских людей с положением в Южном Китае и снабжали Сунь Ятсена и южно-китайскую печать информацией о России.

Вот как описывает свою встречу 22 апреля 1922 г. в Кантоне со Стояновичем представитель Коммунистического Интернационала Молодежи и Дальневосточного бюро Коминтерна С.А.Далин, кстати, он почти единственный из многих, посещавших в те годы Китай, кто оставил в своих воспоминаниях информацию о Стояновиче:

«Отправился сперва в Дуншань (район Кантона, где жили европейцы «второго сорта». —В.У.). Здесь жил корреспондент ДАЛЬТА» К.А. Стоянович... Стоянович, как представитель непризнанной державы, жил со своей семьей, конечно, в Дуншане. Высокого роста, бородатый, приветливый, всегда готовый прийти к вам на помощь, он оставлял очень хорошее впечатление... Его единственным сотрудником по ДАЛЬТА был рыжий вьетнамец из тогда французского Индокитая. Он говорил по-французски, знал китайский язык и политическую жизнь Южного Китая. От Стояновича я получил первую информацию о положении на юге, которой я был

огорошен. В довольно мрачных красках были изображены как сам Сунь Ятсен, так и его правительство. По словам Стояновича, оно проводило политику, враждебную рабочему классу. Сподвижников Сунь Ятсена он характеризовал как милитаристов американской ориентации. Симпатии Стояновича целиком склонялись на сторону Чэнь Цзюньмина (генерал, правитель части провинции Гуандун, ориентированный на Англию; в 1925 г. его армия была разбита войсками Гоминьдана. — В.У.), который якобы поддерживал рабочее движение и близко стоял к кантонской организации коммунистической партии.... Потом Стоянович изменил свою точку зрения и работал в контакте со мной... Его позиция являлась отражением чьих-то взглядов. Чьих именно, я еще не знал».

В середине 1922 г. Стоянович из Кантона уехал в Шанхай и устроился в советское консульство секретарем.[633]

При содействии РОСТА в Гуанчжоу была создана школа русского языка. ^Понятное дело, что РОСТА мог использоваться и использовался как «крыша» для советских разведок.

Довольно откровенно основная цель связей Коминтерна с кантонским правительством и партией Сунь Ятсена раскрывалась в сообщении Соколова-Страхова о кантонском правительстве от 21 апреля 1921 г.: «Главным образом кантонское правительство может быть

использовано нами как орудие для проведения национальной революции на Востоке, которая бы отбросила в результате Китай в стан врагов Антанты».[635] При этом в сообщении в Москву утверждалось, что партия Гоминьдан «имеет программу, несколько сходную с нашими эссерами», но в то же время отмечалась «неясность и противоречивость тактических положений Китайской социалистической партии Гоминьдан». ^]

К осени 1922 — началу 1923 гг. Москва, видимо, приходит к окончательному решению, что опираться в своей политике в национально-революционном движении в Китае следует на Сунь Ятсена и возглавляемую им партию Гоминьдан. В отчетах Г. Маринга в Коминтерн в сентябре и октябре 1922 г. проходит мысль о том, что для партии Гоминьдан необходимо не только новое партийное, но и военное строительство.[637] Пожалуй, Маринг являлся одним из первых, кто понял, что в условиях Китая Гоминьдану не обойтись без военного строительства на новой основе. В декабре 1922 г. Маринг вновь встречается с Сунь Ятсеном, который одобряет переданные ему Марингом в состоявшейся беседе два предложения Коминтерна: 1) организовать политическую партию, способную объединить различные слои народа и прежде всего рабочих и крестьян; 2) создать военное училище для подготовки революционных кадров. Однако в то время Сунь Ятсен не отозвался на предложение Маринга официально признать Советскую Россию и пойти на союз с ней. Видимо, это объяснялось не только его опасениями вызвать усиление империалистического вмешательства в дела Китая, но и его иллюзиями по отношению к империалистам и милитаристам. Вскоре же надежды Сунь Ятсена на возможность получить помощь от империалистических стран потерпели крах. Не получив запрашиваемых в США и Канаде военных инструкторов (некоторое число американских и канадских офицеров изъявляли желание отправиться в Кантон, однако их правительства запретили им служить у Сунь Ятсена), Сунь Ятсен обратился с аналогичной просьбой к Германии и Советской России. Из Германии ему удалось получить несколько добровольцев — авиаторов, но в оружии ему было отказано. Все надежды получить необходимую его правительству помощь советниками и оружием Сунь Ятсен теперь возлагал на Советскую Россию.

Сунь Ятсен тайно направляет Ляо Чжункай в Японию с особым поручением: детально обсудить вопрос о военной помощи РСФСР Гоминьдану с сопровождавшим Иоффе военным атташе. Преговоры имели место в Токио в сентябре-ноябре 1922 г. Ляо Чжункай обсудил с советским военным атташе вопросы об усилении военных связей с Россией.[639]

Линия по поддержке Гоминьдана в политике Москвы в Китае окончательно утвердилась к началу 1923 г. Так, 4 января 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило предложение НКВД на всемерную поддержку партии Гоминьдан и предложило Наркомату иностранных дел и делегатам РКП(б) в Коминтерне «усилить работу в этом направлении».

При встрече Сунь Ятсена с Д.Д.Иоффе в январе 1923 г. в Шанхае, первый заявил, что планирует в ближайшее время реформы в армии и Гоминьдане и собирается организовать поход против реакционной милитаристской клики в Пекине (Северный поход), замысливаемый с помощью Советской России. Один из вариантов плана похода замыслился с Южнокитайской революционной базы с вовлечением в военные действия Советской России со стороны Маньчжурии. Однако у него недостаточно средств (он желал бы получить от СССР 2 млн. мексиканских долларов[^]) и нет специалистов, способных организовать армию, которая могла бы выполнить сложные задачи. Сунь Ятсен желал бы получить финансовую и «советническую» помощь из СССР/642]

Судя по письму Л.Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) на имя Сталина от 7 марта 1923 г., в Москве высказывались отрицательно как по отношению к общим планам Сунь Ятсена, так и предложениям Иоффе. 21 марта 1923 г. Л. Карахан по поручению советского руководства направил А.Иоффе инструкцию с пояснениями, в которых говорилось: «При сем посылаю Вам копию инструкции по вопросам, возбужденным Вами в Вашем письме № 8. Как Вы увидите из инструкции о плане поддержки Сунь Ятсена полностью в том виде, как они были предложены Сунь Ятсеном и переданы нам с Вашими замечаниями, они не приняты; но частично они приемлемы, и инструкция формулирует характер и размер помощи, на которую мы готовы пойти в настоящий момент».[^]

22 апреля 1923 г. Л.Карахан посылает в Китай письмо Я.Давтяну следующего содержания: «Нам необходимо во что бы то ни стало иметь с Югом постоянную связь, чтобы быть в курсе всякого изменения соотношения сил там. Поскольку мы все более и более значения придаем Сунь Ятсену и идеям на очень далеко идущую помощь ему, нам тем более важно находиться с ним в постоянном контакте и знать о состоянии его военных дел в районе его господства не только с его личных слов и информации, получаемых через его агентов, но и путем непосредственного ознакомления с положением через наших агентов и представителей».^{^4!}

1 мая 1923 г. правительство Советского Союза направляет Сунь Ятсену телеграмму с выражением готовности СССР оказать Китаю необходимую поддержку и помощь. Важнейшей формой помощи была посылка в Китай добровольцев — военных, политических и других советников. Только с 1924 по 1927 г. советское руководство направило в Китай в общей сложности 135 советников, в том числе 40 из них были направлены в Национальные армии Фэн Юйсяна.

2 августа 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Сталина принимает постановление назначить М.М.Бородину политическим советником при Сунь Ятсене. В пункте 2 постановления указывалось: «поручить т. Бородину в своей работе с Сунь Ятсеном руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма в Китае». Видимо, здесь учитывалось содержание пункта 1 Коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе от 26 января 1923 г., который, начиная с первой публикации Коммюнике в газетах «Правда» и «Известия» в 1923 г. и вплоть до середины 70-х гг., принципиально замалчивался в советской литературе. Там говорилось: «Д-р Сунь Ятсен считает, что в настоящее время коммунистический строй, или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существуют те условия, которые необходимы для успешного

утверждения коммунизма или советизма. Эта точка зрения целиком разделяется полпредом РСФСР...».

2 сентября 1923 г. в Москву из Китая приехала военная делегация Гомиьндана, возглавляемая начальником Генерального штаба армии Южнокитайского правительства Чан Кайши, в ее составе генерал Шэнь Юанью, журналист Ван Дэнюнь и Чжан Тайлэй. Делегация в СССР находилась около трех месяцев и была принята М.И. Калининым, Г.В. Чичериным, секретарем ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутаком, заместителем председателя Реввоенсовета СССР Э.М. Склянским и главкомом С.С. Каменевым, наркомом просвещения А.В. Луначарским, председателем Реввоенсовета СССР Л.Д. Троцким.

9 сентября 1923 г. во время приема военной делегации Склянским и Каменевым Чан Кайши изложил главные цели прибытия делегации в Москву:

- 1) Делегация желает, чтобы Реввоенсовет послал на Юг Китая возможно большее количество людей для обучения китайской армии по образцу Красной.
- 2) Делегация желает, чтобы Реввоенсовет дал возможность ознакомиться представителям Сунь Ятсена с Красной Армией.
- 3) Делегация просит совместного обсуждения плана военных действий в Китае». [650]

Что касается первых двух вопросов, то из ответов Склянского следовало, что никаких затруднений в их реализации у советской стороны нет и что некоторое количество советских работников уже послано на Юг Китая. Однако в связи с тем, что Советский Союз не располагал большими кадрами людей, знающих Китай и его язык, не имеет возможности послать на Юг Китая значительное количество военных руководителей. Поэтому Склянский предложил организовать специальные военные школы для китайцев в Советском Союзе. Вопрос о количестве учащихся-китайцев в военных учебных заведениях будет зависеть от того, «какими средствами сможет располагать Реввоенсовет для указанных целей». При повторной встрече делегации с Склянским и Каменевым ей было сообщено, что Реввоенсовет «считает возможным посылку китайских товарищей в Россию для размещения в военных учебных заведениях». В частности, в Академию Генштаба 3-7 человек, в военные училища — от 30 до 50 человек. [652]

Рекомендуя М.М. Бородину Сунь Ятсену, Л.М. Карахан писал 23 сентября 1923 г.: «Тов. Бородин — один из старейших членов нашей партии, много лет участвовавший в революционном движении в России. Считайте, пожалуйста, т. Бородин не только представителем правительства, но и моим личным представителем, с которым Вы можете говорить так же дружественно, как со мной». [653] 39-летний Бородин

выехал в Китай в начале августа 1923 г. вместе с Караханом. 2 сентября они прибыли в Пекин. Бородин вначале поехал на Северо-Восток, беседовал с Чжан Цзолинем, затем выехал в Пекин и Шанхай. В Шанхае Бородин встретился в советском консульстве со Стояновичем. Узнав, что он долгое время жил в Кантоне, и, видимо, вспомнив из своих бесед с Войтинским и Далиным после его официального назначения советником к Сунь Ятсену эту фамилию, а также оценив его знание китайской обстановки, Бородин принял решение о включении Стояновича в свою группу советников. Это будет отмечено в «Перечне эпизодов» Стояновича. «Приезд в Шанхай миссии Бородина, Германа и Поляка. Мое прикомандирование в качестве нач. информбюро миссии т. Бородина. Возвращение в Кантон. Ведение политических переговоров с Сунь Ятсеном о приеме т. Бородина. Восстановление старых связей. Знакомство т. Бородина с лидерами рабочих организаций/6541

29 сентября из Шанхая Бородин на маленьком судне отбыл в Гуандун и 6 октября 1923 г. прибыл в Гуанчжоу. Группа советских политических и военных советников должна была принять участие в реорганизации Гомиьндана с целью превращения его в партию блока Гомиьндана и КПК, орган единого антиимпериалистического фронта. Понятное дело, что советники подбирались по нескольким каналам: ВЧК-ОГПУ, ГРУ, структуры Коминтерна. Это подтверждает в своих «Записках» А.И. Черепанов, когда их — четырех

слушателей военной академии А.И. Геккер повел в штаб РККА на «смотрины» к Я.К.Берзину и их участь была решена, они ехали в Китай. Советники являлись поставщиками различной информации и разведанных с места событий. Имелся специальный секретный документ, который обязывал их выполнять определенные разведывательные функции на месте. Он назывался «Инструкцией военным советникам в Китае касательно их отношений с Разведывательным управлением» и был найден при захвате советского посольства в Пекине. Из-за важности данного документа, который строго регламентировал деятельность военных советников в Китае, он приводится почти целиком:

«1. Обязанностью каждого инструктора является: а) делать все возможное для знакомства с военной организацией и силой армии, в которой он работает, а также и с армией противника; б) постоянно и систематически собирать точную и новую информацию относительно этих армий, в соответствии со специальной программой агентов-резидентов Разведывательного управления; в) передавать эту информацию лицам, которые будут ее отсылать в Разведывательное Управление; г) всегда оказывать любую помощь лицам, которые отсылают информацию в Разведывательное управление.

2. Как правило, согласившись с инструкцией, они не выполняют работы секретных агентов и не принимают участия в такого рода работе, но их обязанностью является указывать на тех, кто может быть использован как секретный агент «резидентуры» Разведывательного

управления и в каком-то отношении помочь их представителям в дальнейшем, строго соблюдая правила секретности.

3. Инструкторы должны доставать и передавать через своих старших «резидентов» Разведывательного управления все официальные уставы, инструкции и законы, бюджеты, книги, журналы военно-политического и военно-экономического характера, карты, технические характеристики артиллерии и т. д., как только они будут опубликованы, либо новые дополнения к уже имеющимся документам такого рода, указывая на изменения, которые были сделаны, и имеющиеся отличия между новым и предыдущим изданиями.

4. Инструкторы должны всеми возможным способами быть информированы обо всех новых военно-технических изобретениях и улучшениях (модификациях) в сфере военно-технического оборудования, вооружения и т. д., и они должны информировать своих высших руководителей об этом, давая детальное описание, фотографии, эскизы (наброски), а по возможности и образцы.

5. Созданная «резидентура на местах» контактирует со старшим инструктором местного отряда или региона и поддерживает тесные связи и обменивается информацией с ним.

6. Разведывательная работа инструктора выполняется следующим образом:

а) он должен вести подробный дневник всего, что он делает, всех людей, с кем он встречается, со всеми его беседами и впечатлениями;

б) он должен составлять короткое изложение (конспект) и доклад (не менее одного раза в месяц) относительно его собственных отрядов и их противника, так же как и общей ситуации относительно различных военных группировок, их взаимных отношений, и их отношений с иностранцами. Он должен также сообщать свое мнение по всем вопросам, в том числе как они могут влиять на усиление или ослабление военной силы;

в) он должен писать отчеты (даже не приведенные в должный порядок, сырые материалы) как только он получит и аккумулирует информацию (не реже чем один раз в три месяца) военно-статистического и географического характера, с детальным описанием региона (провинции), занятого армией и соседних провинций, уделяя специальное внимание коммуникациям (железнодорожным линиям, описанию дорог и обзору их);

г) он должен периодически делать короткий доклад (не реже одного раза в месяц) относительно революционного движения крестьян (бандитов и «красных пик», и т. д.) в этом регионе, относительно буржуазных организаций (секретных сил армий) и т. д.;

д) он должен готовить специальный доклад относительно шпионских организаций (руководящих органов, руководителей, сети, работы) и контрразведывательной работы в его армии и армии противника;

ж) он должен записывать в форме отчетов все свои официальные беседы с различными людьми — китайцами и иностранцами.

7. Все такого рода сообщения и уведомления посылаются инструкторами через своего начальника

группы (старший офицер местного отряда или региона), который передает это местному «резиденту» для обобщения, или, когда нет времени сделать это, то посылает их в Пекин военному атташе (центральная резиденция Разведывательного управления в Китае).

8. Расходы на покупку учебников, карт, образцов и т. д. делаются за счет Разведывательного управления. Инструктор должен, тем не менее, первоначально получить согласие «резидента». Он может послать свои образцы без заранее полученного разрешения только в случаях, когда они могут быть получены бесплатно.

6 сентября 1926 г.

Пекин» [

Подлинность этого документа подтвердила российский историк-китаевед, долгое время занимающаяся изучением биографии Блюхера, А.И.Картунова, КОТОРОЯ нашла проект данной инструкции в нашем архиве и готовится его опубликовать.

Летом 1923 г. в Южный Китай была направлена первая группа советских военных специалистов — слушателей Академии Генерального штаба РККА в составе пяти человек: Я.Г. Герман, [657]В.Я. Поляк,

А. И.Черепанов, Н.А.Терешатов, П.И. Смоленцев (последний в 1925-1928 гг. — на работе в Разведывательном управлении Штаба РККА).[658]

16 апреля 1924г. М.Бородин и Л.Карахан телеграфировали в Москву:

«1. Необходимо командировать в Кантон группу активных военных работников в количестве 50 человек. 2. Возглавить ее товарищем, имеющим большой боевой опыт и в то же время способным импортировать Сунь Ятсену».[659]

В начале октября 1924 г. туда прибыли во главе с Б.К. Блюхером (Галиным) (вместо погибшего П.А. Павлова) другие военные специалисты и политработники — Т.А. Бесчастнов (артиллерийский советник),

В. П.Рогачев (1892 г. рождения, окончил Военную академию РККА, в 1925-1926 гг. заместитель начальника Южнойкитайской группы военных советников в Кантоне, в 1926-1927 гг. помощник военного атташе посольства СССР в Китае, в дальнейшем на службе в РККА), Г.И. Гилев (военный советник Гуанчжоуской группы, преподавал в школе Вампу, участвовал в боевых операциях в Гуандуне в качестве советника по артиллерии), М.Я. Гмира (1900 г. рождения, выпускник Киевского военного училища, был слушателем

филологического факультета Ленинградского университета), И.Я.Зенек, [660]Ф.Г.Мацелик,[661] И.Н. Зильберт, [662]- я.Полло[663](1896 г.), А.И. Черепанов (1896 г.), П.И.Смирнов (Светловский,

советник по делам флота), Н.А.Шевалдин (Прибылев, пехотный советник, 1892 г.), Е.А. Яковлев (инженерный советник (1880-1951 гг.), Реми (Д.Угер), М.Чубпрева (Сахновская), М.Г.Снегов (Светов -1893 г.), М.Ф.Куманин (Зигон — 1897 г.), военный разведчик

В.Н.Панюков.[бб4]Заместителем начальника группы был М.Г.Ефремов.[бб5]При Бородине некоторое время работали Тарханов (Эрберг), [ббб]несколькими годами раньше

664 Владимир Николаевич Панюков (Коми, 1895-1938) сотрудник советской военной разведки. По национальности — коми, очевидно именно поэтому и получил такой псевдоним. Родился в селе Небедин (территория Усть-Кульского района КОМИ АССР). Окончил гимназию в Усть-Сысольске, учился в Варшавском политехникуме. Был мобилизован в армию, окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. В Первую мировую войну — адъютант полка. Член РКП(б) с 1918 г.

В РККА с 1918 г. Участвовал в борьбе с бандитизмом в Сибири. Комбат, комдив. Был начальником штабов ЧОН Туркестанского фронта и Ленинградского ВО (1922-1924). Окончил курсы востоковедения в Ташкенте. Прибыл в Китай в октябре 1924 г. Первоначально работал в школе Вампу в качестве переводчика, затем преподавателем. Участвовал в качестве советника в боевых операциях в Гуандуне. К началу Северного похода был назначен В.К.Блюхером советником при командире 26-го корпуса генерале Бай Чунси. В 1927-1932 гг. — командовал дивизией, состоял в резерве РККА, служил в военизированной охране. В Разведупре с 1932 г. После Китая был военным советником Генштаба Монгольской народной армии (1932-1936). Начальник 9-го отдела Разведупра РККА (1935-1937) Арестован 13 августа 1937 г., расстрелян 15 марта 1938 г., реабилитирован в 1956 г. (В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8.С.91; А.В.Благодатов. Ук. соч. С.293; А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 390-391).

665 М.Г.Ефремов (Абнольд, 1897-1942), родился в Тульской губернии, работал в Москве на заводе гравером-инструментальщиком и одновременно учился на Пречистенских вечерних курсах. В 1915 г. был призван в армию и принял участие в Первой мировой войне. В 1917 г. окончил школу прапорщиков на Кавказе. Принимал активное участие в революции 1917 г., занимал различные командные должности в Красной Армии — от командира роты до командира бригады. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1920 г. участвовал в боях за освобождение Баку. Награжден тремя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием. По возвращении из Китая занимал высокие командные должности. В 1930 г. окончил Военно-политическую академию (факультет единоначальников), а в 1933 г. — Военную академию им. Фрунзе. Погиб во время Великой Отечественной войны на фронте, ему присвоено звание Героя Советского Союза (А.В.Благодатов. Ук. соч. С.276).

работавший генеральным секретарем комсомола, с женой Милкой Зубиетовой, Е.С. Йолк/ покинувший Институт востоковедения в Ленинграде с женой-китаисткой Тамарой Владимировной, М. Волин (настоящая фамилия Беленький С.Н., 1896 г. рождения, сотрудник аппарата Бородина, корреспондент ТАСС в Кантоне, в 1927-1929 гг. директор НИИ по Китаю), которые одно время выпускали на русском языке журнал «Кантон», где печатались статьи, суммировавшие опыт работы советников в Китае. Всего в 1920-1927 гг. вышло десять номеров журнала, печатавшегося на ротаторе в нескольких десятках экземпляров.⁸¹

Главным военным советником вначале был назначен комкор П.А. Павлов.⁹ 18 июля 1924 г. он выехал из Гуанчжоу на юго-восток Гуандуна в Шилун для изучения

положения на фронте и при переходе с лодки на пароход на реке Дунцзян трагически погиб.

По распоряжению Сунь Ятсена в Кантоне были устроены торжественные похороны, на которые Сунь прибыл в сопровождении ЦИК Гоминьдана. Сунь Ятсен прочел надгробное слово Павлову. Похороны были очень торжественны. Этим Сунь Ятсен пытался дать понять ведущим капиталистическим странам, которые отказали ему в помощи, что он не боится империалистов и

что у его правительства с Советским Союзом складываются особые доверительные отношения. Сунь Ятсен отправил Советскому правительству телеграмму: «Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу...»

Правительство Сунь Ятсена обратилось с просьбой к СССР заменить безвременно погибшего П.Павлова другим видным военным деятелем. Уже 2 августа 1924 г. в Москве было принято решение направить в Кантон с ответственной миссией начальника Южнокитайской группы советских военных советников В.К.Блюхера (под псевдонимом Галин).⁴¹ Узнав о решении откомандировать Блюхера в Кантон М.Бородин, внимательно следивший за тем, кого ему планируют направлять из Москвы, выражая сомнение в правильности выбора, писал 20 августа 1924 г. полпреду СССР в Пекине Л.Карахану: «Окажется ли Блюхер на своем месте, несмотря на его колоссальный опыт, энергию и способности, — вопрос сильно меня занимает.

Нам необходимо помнить, что военная работа в Кантоне одна из главных. Человек на своем месте может очень много сделать. Посмотрим». Как показала практика, Блюхер оказался «на своем месте», а авторитет его в Китае был огромен.

В августе 1924 г. Стоянович вдруг заявил, что по состоянию здоровья ему надо покинуть миссию Бородина в Кантоне и перебраться в Шанхай. Хотя действительно здоровье Стояновича было неважным, он страдал болями желудка, но причиной его отъезда из Кантона скорее всего было другое. Как считает автор книги о Стояновиче А.Н.Авдонин, ему стало известно о приезде на место главного военного советника В.Блюхера, а он во время гражданской войны на Урале, будучи командующим П армией на Восточном фронте, по неизвестным для нас причинам, сместил В.Блюхера. Тогда В.Блюхер вместе с Кашириным⁴² объединив многочисленные партизанские вооруженные отряды, вынужден был совершить свой легендарный рейд по тылам белых армий и сейчас, в ореоле военной славы, прибывал оказать военную помощь Китаю. Ничего хорошего встреча с Блюхером для Стояновича не обещала, тем более что никто из окружающих не знал прошлого Стояновича — Яковлева, а Блюхер знал и мог нарушить конспирацию. Поэтому в

августе, за несколько дней до прибытия в Кантон В.Блюхера, Стоянович перебрался в Шанхай/6741

27 сентября 1924 г. Блюхер прибыл в Пекин, а через несколько дней он выехал в Кантон, куда прибыл в конце октября. Вместе с Блюхером была его жена Галина Кольчугина. Она выросла в Харбине, там получила среднее образование, училась вместе с Казаниным.⁴³

Первая, длившаяся несколько часов, беседа Блюхера с Сунь Ятсеном состоялась в начале ноября на борту советского учебного военного судна «Боровский». В заключение беседы Сунь Ятсен обратился к Блюхеру с просьбой: «Останьтесь здесь и помогите своим опытом нашему делу. Я верю Вам и уверен в Вас». Главные усилия Блюхера на первом этапе работы были направлены на укрепление обороны Кантона и строительство армии Южнокитайского правительства. Блюхеру «с самого начала удалось взять правильную линию поведения», по словам военного атташе А.Геккера, как по отношению к советским военным работникам, так и по отношению к китайским

военным.⁴⁴

По прибытии в Кантон Блюхер внимательно оценил обстановку, сложившуюся там, затем сделал вывод в телеграмме от 7 декабря 1924 г. на имя Карахана, что «опираясь лишь на рабоче-крестьянское движение и

прогрессивную часть купечества, удержать Кантон под нашим влиянием надежды мало. Продолжительный период основной, решающей судьбу Кантона силой будет военная». Он считал, что необходимо «срочное окончание формирования дивизии Чан Кайши и создание крепкого ядра кантонской армии, для чего в ближайшие месяцы нужна наша серьезная помощь». Причем здесь

он имел в виду «массированную военную помощь». В уже упомянутой телеграмме Блюхер представил перечень видов оружия и боеприпасов, а также другой военной техники и денежных средств, необходимых для создания дивизии Чан Кайши и крепкого ядра кантонской армии. В телеграмме были названы даже адреса, где находится просимое им оружие/6781

Л. Карахан, отреагировав на полученную телеграмму 20 декабря 1924 г., пишет Г.Чичерину: «Посылаю Вам телегр. Блюхера. Я целиком присоединяюсь к его просьбе и прошу ее поддержать в военведе. В Москве, я надеюсь, ни у кого нет сомнения, что мы здесь недаром бросаем нашу помощь и что результаты ее ощутимы уже сейчас. Мы должны продолжать [помощь] с той же энергией".^9!

Первая партия оружия численностью в 10 тыс. винтовок была доставлена в Кантон уже в октябре 1924 г. на пароходе "Боровский". Она предназначалась для школы Вампу и для формирования первой ударной дивизии правительственных войск. В дальнейшем поставки оружия продолжались. По данным военного советника А.Я.Калягина, только в октябре 1926 г. Москва

поставила 24 самолета, 157 полевых пушек, 48 горных пушек, 128 минометов, 295 станковых пулеметов, 73 993 винтовки, 110 тыс. ручных гранат, 124 млн винтовочных патронов, 50 тыс. снарядов артиллерийских, 500 пудов пороха. Причем, вооружение, предоставляемое СССР, по данным Калягина, соответствовало высшим стандартам того времени, обладало отличными техническими данными и во многом превосходило аналогичные образцы вооружения милитаристских армий. Так, армии китайских милитаристов в те годы самолетов вообще не имели, а станковый пулемет только начали осваивать. В Кантон также пароходами из Владивостока и Батуми доставлялись бензин, керосин, мазут, уголь, лес. Советское правительство отпустило Гуанчжоускому правительству кредит на сумму 10 млн юаней на создание Центрального банка.^

Когда Блюхер в октябре 1924 г. прибыл в Кантон, то вместе с Бородиным он находился там всего две недели, затем последний уехал на Север. Когда во второй половине мая 1925 г. Бородин вернулся в Кантон, отношения между ним и Блюхером обострились. Как повествует советник Г. Скалов, по возвращении Бородина, тот повел дело к тому, чтобы подчинить себе всю работу не только группы политических, но и военных советников. Трения между двумя главными советниками переросли в непримиримые противоречия, и Блюхер вынужден был уехать в Пекин, затем вернуться на Родину на лечение. Эти данные подтверждаются советником А. Хмелевым. «Во времена Галина, и в

особенности в то время, когда он возглавлял политическую и военную работу, все руководство было сосредоточено в одних его руках, — говорилось в его Докладе о поездке в Кантон в октябре месяце 1925 г.». — «С приездом Бородина была попытка разделить работу между Блюхером и Бородиным. Однако она не дала положительных результатов». Хмелев считал, что в Кантоне была создана «единоличная диктатура тов. Бородина». — «Когда я вел с ним (Бородиным. —В. У.) разговор на эту тему (о разделении политической и военной работы в Кантоне. —В. У.), — докладывал Хмелев, — то он определенно заявил, что в кантонских условиях он не считает возможным разделение власти на военную, непосредственно подчиненную пекинскому центру, и политическую. Он даже ставил вопрос так: если бы ему пришлось уйти из Кантона, то допускает возможность назначения такого лица, который смог бы объединить как политического, так и военного руководителя. Выделить же военную работу считает совершенно невозможным.... Военный отдел тов. Бородин прибрал к своим рукам как следует... Военные работники обезличены ...при создавшихся условиях даже лишены права непосредственной телеграфной переписки с Пекином. Вся переписка идет только от имени Бородина. Даже решение вопроса о том, какую почту следует послать в Пекин, Бородин оставляет это за собой... Положение явно ненормальное, — делает вывод Хмелев. — Если не в вопросах политического характера, то во всяком случае в вопросах строевого характера и чисто военного — самостоятельность военных работников должна быть сохранена»/6821

К июню 1924 г. в Гуанчжоу работали 25 советников из СССР, 1 683]однако этого количества, как считали на месте, явно было маловато. Так, в рапорте советскому военному аташе Егорову советник Кисанька докладывал: «Нам удалось захватить хорошие места в различных отделах национально-революционной (гоминьдановской. — В. У.) армии. Но пока невозможно проникнуть глубже для захвата полного контроля из-за недостатка советников и почти полного отсутствия переводчиков». 4^1 1926 г. их было уже 58 человек[686]— 27 специалистов и 21 человек выполняли техническую работу. 71 Как писал Карахан в письме от 29 мая 1925 г. Сталину, наших инструкторов мы должны «разбросать повсюду, где они могут влиять и работать». [688]всего же в период революции 1925-1927 гг. в Китае работали по нашим данным около 150 военных и военно-политических советников и

683 А.И.Картунова. Сунь Ятсен и советники из Советского Союза в 1923-1924 гг. (По документам и воспоминаниям). — Сунь Ятсен 1866-1986. К-120-летию со дня рождения. М., 1987. С.174-176.

684 Документы о коммунизме, национализме и советских консультантах в Китае. 1918-1927. Edited by Martin Wilbur and Julie Lienyiou How. N.Y. 1956. Документ № 16.

685 А.Я.Калягин. Указ. Соч. С.13

686 А.Г. Юркевич. Военная школа Хуанпу и китайская революция. — Проблемы Дальнего Востока. 1985, № 3. С. 113.

687 р.А.Мировицкая. Первое десятилетие. — Ленинская политика СССР в отношении Китая. С.30.

инструкторов. Был военный советник А. Благодатов приводит данные на 93-х советников и 8 военных переводчиков и китаеведов, участников тех событий, признавая, что этот список далеко не полный.

По данным А. Благодатова, значительная часть советников, работавших в те годы в Китае (около 50 %), состояли слушателями 4-го и 5-го выпусков Военной академии РККА. [691]Средняя зарплата советника в месяц составляла около 200 долларов. 6^1

Старшим советником школы Хуанпу (Вампу) был назначен В. Я. Поляк. После его ухода в июне 1924 г. в аппарат главного военного советника группу советников в школе Хуанпу возглавил А. И. Черепанов. Вместе с Н. И. Терешатовым он руководил организацией тактической, стрелковой и строевой подготовки, в октябре 1924 г. той же работой стал заниматься прибывший в школу Н. А. Шевалдин, в 1926-1927 гг. — В. М. Акимов. С 1924 г. по 1926 г. военным советником в Гуанчжоу и преподавателем в школе Хуанпу был Ф. Сахновский. Вместе с ним была его жена — Мира Сахновская. [694]

С октября 1924 г. тактику в школе преподавали. Г. Палло (1891—?), окончил курсы «Выстрел», участвовал в боевых операциях в Гуандуне в качестве советника дивизии, а затем в Северном походе, награжден по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. орденом Красного Знамени, в дальнейшем на службе в РККА. Незаконно репрессирован. [595 Средствами войсковой связи помогали овладеть курсантам Н. А. Кочубеев, а с 1925 г. — участник гражданской войны в России, военный советник М. И. Дратвин (1893). Лекции по артиллерии читал Т. А. Бессчастнов (1893-1947), старший артиллерийский советник Гуанчжоуской группы. В ноябре 1925 г. главным советником по политической работе в школе был назначен С. Н. Наумов (Калачев — 1890 г.). Постановкой обучения инженерному (саперному) делу в Хуанпу занимался Е. А. Яковлев. В 1926 г. до начала Северного похода старшим советником

в школе был М. Ф. Куманин. После него группой советников руководил старший советник при начальнике Главного штаба М. Г. Ефремов. К разработке программ подключались также в 1926 г.

И. Я. Разгон (Ольгин), помощник Н. В. Куйбышева по политической части, В. П. Рогачев, И. К. Мамаев (1894—?). По линии 4-го Управления с середины 1925 г. работал болгарин Христо Паков, который обучал молодых китайских курсантов из школы Хуанпу летному делу и строил аэродромы. До этого Христо Паков закончил авиационную школу в СССР.[699

С помощью наших советников школа Хуанпу к началу Северного похода подготовила и выпустила около 6 тыс. пехотных и артиллерийских командиров, саперов, связистов и политработников.[7°0]

Военным советником по военно-морскому флоту Гуанчжоуской группы был А. Н. Грей (1898 г.) Он участник Первой мировой войны и гражданской войны, ведал вопросами перевозки оружия морским путем.[7°1

В 1925-1926 гг. военным советником Гуанчжоуской группы был В. А. Степанов.^2]

У В. К. Блюхера в штабе, который одно время находился в Ханькоу650а, работали Браиловский, Н. Г. Васильев, переводчик Э. М. Абрамсон (1898-1941) (псевдоним Мазурин, Ма Сун), секретарь-адъютант Блюхера М. Я. Гмира (1900 г., по образованию военный инженер). Вместе с В. Блюхером также работали поляк Федор Майцейлик, Дроздов (псевдоним Кон), М. И. Казанин, [03]военный топограф бюро военного атташе С Протасов (1897 г.), А. И. Черепанов, Ф. И. Ольшевский (1890-1938) (псевдоним Войнич), М. Г. Снегов (Светов) (1983 г.) — военный советник штаба Гуанчжоуской группы, Г. Б. Скалов, ! °5]командир штаба Гуанчжоуской группы,

отношении к войне. Был оборонцем». В январе 1917 г. его артиллерийская бригада отправляется во Францию для помощи союзникам по Антанте. Однако воинский эшелон задерживают в Петрограде. Здесь 20-летний поручик попал в февральский водоворот, вынесший его почти на самый гребень революционной волны. Он избирается солдатами членом комитета и командиром бригады, членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, становится членом бюро и товарищем председателя солдатской секции данного органа. Скалов входил в руководство Совета вместе с эсерами Керенским, Авксентевым, Черновым, меньшевиками Мартовым, Даном, Чхеидзе, Гвоздевым, межрайонцем Троцким и большевиками Сталиным, Молотовым, Зиновьевым, Шляпниковым. После 1 съезда Советов стал членом первого (меньшевистско-эссеро́вского) ВЦИК от Петросовета и вошел в бюро военного отдела ВЦИК. «Хотя после Февральской революции мне был выдан Петроградской меньшевистской организацией членский билет со стажем «с 1916 года», — напишет он позднее, — в действительности сколько-нибудь сознательным с.-д. я стал только после Февральской революции». Эти моменты из его биографии ему припомнят позднее во время партийных чисток 1933-1937 гг. Затем Скалов рвет с прошлым, с борьбой в защиту идеалов Февраля, весной 1919 г. вступает в Красную Армию, а в ноябре 1919 г., находясь в Ташкенте, вступает в РКП(б). Он участвует в драматических событиях гражданской войны в Средней Азии. Ему доверяют важные миссии, он входит во Временное правительство Хорезмской Народной Советской Республики. В разное время он возглавляет Амударьинский отдел, Военный совет Семиречья, которому был подчинен облисполком, командует отрядом, направленным для разоружения восставшего гарнизона в г. Верном (Алма-Ата) (эти события были описаны Д.Фурмановым в романе «Мятеж»), работает уполномоченным Совета интернациональной пропаганды в Синьцзяне. После свержения эмира Бухары он назначается помощником Н.В.Куйбышева, полпреда РСФСР и представителя РКП(б) и Коминтерна в Бухаре. В конце 1920 г. в качестве члена Реввоенсовета Ферганской армейской группы Скалов координирует борьбу против басмачества. После участия в подавлении кронштадтского мятежа он был награжден орденом Красного Знамени. Затем вновь на Востоке, возглавляет ТурЧК (среди его предшественников — Г.Бокий и Я.Петерс). В конце 1922 г. Скалова по его просьбе отзывают из Туркестана и по решению ЦК РКП(б) назначают ректором московского Института востоковедения. По предложению председателя РВС республики М.Фрунзе, знавшего Скалова по Туркестану, его направляют в Китай.

В Китае он под псевдонимом Синани (по одной из версий этот псевдоним был образован от слова Сина — Китай) руководил Кайфэнской группой военных советников, был инструктором Кантонского комитета компартии Китая, а после отъезда Бородина в Ханькоу стал советником Кантонского правительства. Вернувшись в СССР, учится на восточном факультете Академии РККА. В 1929 г. его направляют в Монголию руководителем правительственной делегации СССР.

В августе 1930 г. Скалов, «состоящий в распоряжении IV управления штаба РККА», постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) «передан в распоряжение ИККИ», но при этом оставлен «на особом учете в штабе РККА — IV управление. В 1930 — 1931 гг. — инструктор ИККИ. Скалов был арестован 29 марта 1935 г. (еще 26 марта на заседании парткома в ИККИ отводя от себя удар и обвинения, он заявил, что его посылали за границу по линии разведки, следовательно, он пользовался

шифровальщик И. Зотов (1900-1927.), который был отравлен на банкете в Ханькоу в августе 1927 г., начальник штаба Калганской группы, советник при начальнике связи НРА А. Корнеев (1890 г., — псевдоним Андерс, Кук), начальник оперативно-разведывательного отдела в штабе Гуанчжоуской группы латыш Струмбис с женой Верой, А. В. Благодатов, с

которым приехала его жена Даровская Дина Яковлевна/7081

Во время проведения Северного похода советниками при корпусах были: 1-м (командир Хэ Инцинь) — А. И. Черепанов; 2-м (Лу Дипин) — И. Я. Зенин; 3-м (Чжу Пэйдэ) — Ф. Г. Майцейлик; 4-м (Ли Цзишэнь) — В. Н. Панюков и В. Е. Горев; [709] 5-м (Ли Фулинь) — А. Б. Портненко; 6-м (Чэн Цянь) — Н. И. Конциц и А. Н. Черников/71^

В войсках командира 17-й дивизии войск Гоминьдана. У Тэчэна работали военные советники: Чалов, Рудаков, Никулин, Моисеев, вице-консулами в Ханькоу были А. Б. Бакулин (Буров) и Битиев, в 1926-1927 гг. генеральным консулом там же был латыш О. Ю. Пliche.!

Начальником группы советских военных советников в Северном Китае с апреля по июль 1925 г. был В. К. Путна.[713]

После прибытия группы советских советников в армию Гоминьдана встала задача по созданию современной системы разведки и контрразведки для успешной борьбы с преступностью, уголовниками, шпионами, по добыванию правдивой информации о противнике. Раньше этим занимался Департамент общественной безопасности, но он, по мнению наших специалистов, с делами явно не справлялся. Организованной разведывательной работы в Гуандуне не существовало. В армии генералы имели довольно хорошо налаженную разведку, а в главном штабе разведка отсутствовала. Разведка генералов основывалась не на платных агентах, а на друзьях и знакомых, которые информировали их о всех важных событиях и фактах. Причем, это была личная агентура генерала и кроме него ее никто не знал. Поэтому с устранением того или иного генерала разведка разваливалась и оставалась неиспользованной.[7и]

«Восполнить этот пробел можно лишь объединив в один аппарат разбросанные везде организации и отдельных членов Гоминьдана и получить от них нужную информацию, — говорилось в секретном «Докладе о разведывательной работе в Гуандуне за ноябрь 1925 г. — Причем, учитывая психологию китайцев, нужно полагать, что организовать это в виде работы

какого-либо учреждения едва ли удастся, а вероятно придется сделать в виде осведомления кого-либо из популярных членов Гоминьдана, которому будут писать в порядке дружеской информации»/7151

Другой формой улучшения разведывательной работы в Гуандуне было создание трехмесячных школ контрразведывательной и разведывательной службы. Задачей школы было выпустить теоретически подготовленных руководителей контрразведывательных и разведывательных групп,

а также рядовых агентов и уполномоченных. Создавалось два факультета: контрразведывательный и разведывательный. Состав их набирался из хорошо проверенных людей: студентов, младшего и среднего комсостава, членов профсоюзов, крестьянских организаций, забастовщиков. Весь курс был рассчитан на 624 астрономических часа (не считая строевой подготовки). В него включались несколько политических предметов: политграмота, политпартии и политзадачи; знакомство с партийными группировками, элементы военного дела: оружие, стрельба, подрывное дело; элементы гражданского управления страной: функции, задачи разных органов; основы секретной работы, правила конспирации; основы разведки и контрразведки; основы информационной службы; тайнопись.

На отделении разведки были такие предметы:

1. Военное дело и во йи КОВИЯ рвздеаа (114 часо в);
2. Агентурная разведка (110 часов);
3. Информация (60 часов);
0. Организация (6 часов);
5. Контр-разведка (50 часов);
6. Противники (40 часов);
7. Запасные часы (22 часа).

На отделении контрразведки:

1. Службл охааны аон тконзврдзв (4 часа);
2. Наружное наблюдение (115 часов);
3. Информация (60 часов);
4. Осведомление (91 час);
5. Бандитизм (20 часов);
6. Вспомогательные службы (20 часов);
7. Официальные службы (30 часов);
8. История действий наших врагов в Гуандуне (20 часов);
9. Разведка (20 часов);
10. Запасные часы (22 часа).

Формой учебы являлись лекции и семинары, а также практические занятия.

Предполагалось, что каждый слушатель также должен будет изучать один из иностранных языков, предпочтение отдавалось русскому, затем английскому и французскому. Занятия языком и политработа должны были проходить вне часов сетки основной программы.

При приеме на курсы будущие слушатели должны были пройти испытательную комиссию, на которой оценивались их политические взгляды, уровень образования на китайском языке, знание европейского языка, память и сообразительность.[716]

Первые краткие курсы с ускоренной программой обучения, состоящие из 32 лекторских часов, окончили 24 военкома и политработника; для облегчения усвоения материала конспекты лекций переводились и раздавались заранее. Некоторых окончивших курсы вернули в свои части, а некоторых послали в округа и центральный аппарат. Считалось, что эти 24 человека

вместе с несколькими работниками центрального аппарата явятся основой будущего китайского ГПУ. Центральный разведывательный аппарат (коллегия) включал 7 человек: председатель коллегии Тан Пинсан — объединяет и руководит всей работой. Первый помощник Фу Ли[^]— ведет работу «наших Кро, СО (контрразведывательного отдела, секретного отдела. — В. У.) и экономотдела». Второй помощник Ян Ин[719]_ ведет работу с агентурой, бандотделом и экономотделом. Чэн, помощник начальника политотдела 3-го корпуса — член компартии для работы по 00 (особому отделу. — В. У.), орготделу и отделу подготовки. Помимо этого имелся отдел информации и цензуры, во главе которого стоял окончивший курсы слушатель.[720]

Таким образом, была поставлена задача по созданию организации типа ГПУ, способной выполнять задания по охране страны от контрреволюции, шпионажа, бандитизма, от крупных должностных преступлений, контрабанды.

Предполагалось через трехмесячные курсы пропустить к 1 ноября 1926 г. 360 человек, первый поток с 15 декабря 1925 по 15 марта 1926 г. — 95 человек, второй — с 1 апреля по 1 июля — 120 человек, третий — с 15 июля по 15 октября 1926 г -145 человек.7211

Вся организация школ находилась на содержании СССР, ежемесячно расходы составляли от 5 тыс. долларов (в первые месяцы) до 20 тыс. долларов.⁷²⁴

Планировалось с помощью школ расширить «закордонную работу». В школе должны были готовиться люди для резидентур. «Для Гонконга и Макао из забастовщиков будут подобраны кадры постоянной агентуры, которые будут проинструктированы и дадут нам полное освещение Гонконга и Макао», — сообщалось в отчетном докладе в Центр.[^]

По «совершенно секретному» «Плану организации разведывательной работы в провинциях Южного Китая и сопредельных районах» ставились задачи: собрать «сведения, интересные для СССР» и «необходимые для нашей работы в Гуандуне материалы» по районам и провинциям Южного Китая. С этой целью предлагалось послать 15 резидентов по Южному Китаю (по 1

человеку-резиденту на провинцию, столичный район и пограничный район), в первую очередь, в Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Хунань, Хэбэй, Цзянси, Фуцзянь и 3 человека в другие районы (Гонконг, Макао и Ханой-Хайфын). Считалось, что выпуск школы 15 марта 1926 г. «покроет эту нужду». В «Плане» говорилось, что к «организации резидентур надо приступить немедленно, организуя по мере возможности, рассчитывая на то, что вначале мы будем иметь: во-первых, плохую агентуру и, во-вторых, двойников».^[724] При этом эта резидентура, видимо, должна была находиться в новых консульствах на Юге Китая. О желании открыть такие консульства (всего 14) в ближайшие 6 месяцев говорят «Предложения подкомиссии Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) об открытии новых консульств в Китае». В них прямо говорилось, что данные «консульства, как преследующие, главным образом, информационно-разведывательные цели, могут быть ограничены минимальным штатом в 3 человека: консул, секретарь и переводчик».^{^251}

Однако при организации школы столкнулись со значительными трудностями, которые выражались в нехватке специалистов и переводчиков. К примеру, по этому поводу один из разведчиков 30 ноября 1925 г. сообщал в Центр: «Не буду повторять моих доказательств, но докладываю, что если не будут присланы срочно из Москвы просимые мною работники в количестве двоих и немедленно из Пекина обещанные люди, я буду принужден считать, что работа ГПУ

считается второстепенной и обращаюсь к выполнению работы более важной (видимо) военной, где я найду, вероятно, большее применение.

Без инструкторов школу открыть нельзя, без школы нельзя получить китайских работников, без работников нельзя организовать дела. Отвечать за невозможную организацию я не считаю себя вправе». Он напоминал, что когда он уезжал, ему было обещано («и даже подтверждено честным словом»), что будут немедленно посланы Браиловский и Катюшин^[72?] по линии ГПУ и кто-либо из работников по линии Разведупра. «Я позволил себе еще в Пекине высказать свое сомнение в выполнении этого обещания, — писал он. — Сейчас я принужден убедиться, что поступил неправильно, уехав, не дождавшись обещанных людей. По меньшей мере странно думать, что можно работу ГПУ организовать, не дав ни одного человека».^{^81}

Он отмечал, что его личный состав, ведущий инструкторскую работу, составляет всего 2,5 человека: это Никитин^[72 9] (чтение лекций в школе, составление инструкций, организационная работа, руководство агентурой, информационная работа по английской

прессе), Михайлов[^] (ведение всех дел, вербовка и связь с иностранной (не китайской) агентурой, учебная часть школы, часть лекций в школе, ведение финансовой отчетности) и Фрэд Бородин (используется только в свободное время, так как имеет постоянную работу: ведет работу как английский секретарь коллегии, информационная обработка английских материалов).

«Если я один и могу что-либо сделать, хотя бы в качестве рядового уполномоченного, инструктируя агентов, без переводчика я обречен на сидение сложа руки. Здесь переводчиков нет, а те, которые есть, загружены работой и выделены быть не могут, — писал один из агентов в

Центр. — А обещанный мне Ли не едет. Оставляю Вас судить, можно ли вести работу или нет без переводчика. Разговоры об английском языке чепуха. Из партийцев по-английски говорят очень мало, а спекулянта для переговоров, даже лекций, не говоря уже об агентурных материалах, брать не решаюсь».[732] Видимо, поэтому 26 октября 1925 г. Китайской комиссией Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление: «Считать необходимым создание в Москве школы переводчиков на 100 человек».

В Северные армии в 1925 г. были направлены две группы военных советников — Калганская(основная)

и Кайфэнская, координировавшая работу с калганской группой.

Однако считалось, что военных советников в Китае явно не хватает. «Наши финансовые затруднения не позволяют нам содержать значительное число наших военных советников в Китае, — сообщал в письме наверх 18 марта 1926 г. Сейфуллин (А. Я. Лапин). — В этих условиях требования к работникам, назначенным в Китай, особенно повышаются: в мирное время они должны быть педагогами, организаторами и даже «книжниками», а в военное — оперативными советниками. В прошлом подбор наших работников не удовлетворял перечисленным требованиям: это наряду с прочими причинами влияло на неполноценность нашей работы в Китае».[734]

В ночь с 31 июля по 1 августа 1927 г. части Хэ Луна, Е Тина и Чжу Дэ подняли восстание в Наньчане. 1 августа на объединенном заседании представителей КПК и левого Гоминьдана были сформированы руководящие органы восстания и приняты программные документы. Повстанцы объявили о создании Революционного комитета Гоминьдана, большинство членов которого составляли коммунисты. В силу ряда причин, главным образом спада массового движения, восстание в Наньчане не привело к образованию нового центра революционной борьбы. 5 августа повстанческая армия, насчитывающая около 15 тыс. штыков, ушла из Наньчана. Фактически восстание потерпело поражение.

14 сентября 1927 г. в Москве в IV управлении штаба РККА было проведено совещание «по разбору

Наньчанского восстания». Среди участников совещания в его стенограмме значатся: В. Е. Горев, М. М. Чхеидзе, [А. Н. Черников, !] И. И. Василевич, 1 37]Е . В. Тесленко, [38]И . Я. Зенек, Г. Б. Скалов, К. Я. Волдин, з^Сергеев, А. Н. Грей, И. К. Мамаев, М. Г. Ефремов, В. П. Рогачев. С основным докладом и заключительным словом выступил Горев.[740]

В 1925-1927 гг. корреспондентом ТАСС в Китае (какое-то время, находясь и в Кантоне) работал И. М. Мусин.[741] Он поставлял М. В. Фрунзе уже в 1925 г. краткие, но достаточно объективные сведения о положении в Гуандуне. Именно от него в конце мая 1925 г. были получены сообщения о борьбе Гоминьдана с федералистами весны—лета 1925 г. и первые сообщения о начале «движения 30 мая 1925 г.» в Шанхае. Ему же

принадлежал прогноз о потенциальной возможности Гоминьдана выступить в военный поход уже весной 1926 г.

Предположительно И. М. Мусину принадлежит письмо Г. Н. Войтинскому от 2 марта 1926 г., где предлагалось создать Китайско-русское телеграфное агентство с центром в Пекине и ответвлениями в крупных портовых городах страны.^Ему же принадлежат очень интересные «Тезисы о задачах КПК в Кантоне» от 24 апреля 1926 г.[744] Судя по этим материалам, И. М. Мусин в эти годы, видимо, был связан с разведкой.

Калганская, Кайфэнская группа

советников, Кашгар

В то время как М. Бородин, Синани (Г.Б.Скалов), Кисанька (Н.В. Куйбышев) и другие советские советники работали на юге в главном центре Гоминьдана, на Север также были направлены советские военачальники, имевшие большой боевой опыт. Москва возлагала большие надежды на маршала Фэн Юйсяна как на единственного китайского военачальника, которого, по ее мнению, можно противопоставить Чан Кайши. Калганская группа советников начала работать в 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна, штаб которой располагался в Калгане. Она состояла в апреле 1925 г. из прибывших 29 военных советников-инструкторов, двух политических работников, одного врача и четырех

переводчиков, [745]через пять месяцев, в сентябре, увеличившись до 35 советников, в январе-феврале 1926 г. — 36 советников, марте 1926 г. число советников уменьшилось до 27 человек. Кроме того, в группе работали прибывшие из СССР технические специалисты.

Первым руководителем Калганской группы был в 1923 г., окончивший Высшие академические курсы и перед саом поездкой в Китай, Работавший инспектором РККА, Витовт Казимирович Путна (1894-1937), коммунист с дореволюционным стажем, по возвращении из Китая был военным атташе в Японии, Финляндии, Германии, Англии, а с мая 1925 г. — Виталий Маркович Примаков (Лин, Г. Аллен, 1897-1937), один из организаторов Красной Армии на Украине. Начальником штаба был Иван Корнеев (Андерс, 1890 г. рождения). Участник Первой мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. Как вспоминала переводчица, работавшая в штабах наших военных советников в 1925-1927 гг. и в аппарате главного политического советника М. Бородина, Б. В. Вишнякова-Акимова, «отовсюду, где ему приходилось бывать по делам группы, он привозил подробное описание местности, экономики, положения населения и народного быта».[746]В числе советников были прибывший в Китай в апреле 1925 г. Н. Ю. Петкевич (Дюфрен — 1895 г.) — военный советник по артиллерии, участник Первой мировой войны и гражданской войны в России,

А. Я. Климов, 1 47]окончивший Академию Генштаба старой армии П. П. Каратыгин (Рагби), Б. А. Жилин.[748]В 1925-1926 гг. военным советником Калганской группы был В. М. Акимов (Петя Силин — Бе Цзя), [749]он преподавал на курсах офицеров пехоты по переподготовке, в 1926-1927 гг. — Гуанчжоуской группы, работал в школе Вампу, был советником 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса Национально-революционной армии. Участвовал в штурме Учана. Трое — А. Вихрев (1902 г., убит в монгольской степи в Ганьсу в 1926 г.), [5°]Балк (умер от заражения крови в начале 1926 г. Похоронен в Пекине), и С. С. Чекин (Сергеев) • 51]как военные советники по бронепоездам

747 А.Я. Климов (1898 — 1970), член РКП(б) с 1918 г. Участник революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА, участник Ш конгресса Коминтерна (1924 г.). Военно-политический советник в Китае в 1924-1925 гг. в Хэнаньской группе, а в 1925-1926 гг. — в Калганской группе. Консул СССР в Калгане. В 1927 г. отбыл в Москву. В дальнейшем н а дипломатической и педагогической работе.

748 А.Я.Калягин. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М.1979. С.12.

749 Владимир Михайлович Акимов (Петя Силин, Бе Цзя, 1901-1957). Советский военный разведчик. В 1919-1922 гг. — красноармеец, политработник на Туркестанском фронте. В 1925 г. окончил китайское отделение Высших курсов востоковедения РККА в Ташкенте. В 1932 г. окончил Восточный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе. В 1927 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1932-1936 гг. работал в информационном и восточном отделах Разведупра. В 1937-1938 гг. работал в Китае в г. Ланьчжоу по снабжению китайской армии в войне против Японии. В 1938-1939 гг. был уволен из РККА. В Великую Отечественную войну командовал дивизией и корпусом. (А.Колпакиди, Д. Прохоров. Ук. соч. С. 304^305).

75° Там же. С. 80-81.

751 С.С.Чекин (Сергеев, 1894 г. — ?) участник Первой мировой войны и гражданской войны в России, в Китае с 1925 г., в 1926-1927 гг. военный советник Калганской группы по инженерному делу, вместе с К.Б.Калиновским построил для 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна пять бронепоездов, сыгравших большую

руководили постройкой трех бронепоездов. С ними работал военный советник К. Б. Калиновский (Корде). в Калганской группе был также П. Зюк (1896 г., Броне), советник по кавалерии, окончил Военную академию РККА (по воспоминаниям В. В. Вишняковой-Акимовой, Павел Зюк отличался бесстрашием и холодной неукротимой яростью в минуты гнева. Из всех советников он один вступал в рукопашные схватки с белогвардейцами в Пекине и даже с английской полицией на территории посольского квартала), Иванов-Ринов, бывший генерал царской армии, военный министр омского правительства Колчака. В группе работали А. Н. Черников (Никитин второй, Сатрап, 1891 г.), окончивший Военную академию РККА, советник группы, с 1926 г. советник Гуанчжоуской группы, участник Северного похода, И. Корейво

(Нога, 1885 г.) — военный советник, окончил китайское отделение Высших востоковедческих курсов РККА в Ташкенте, и А. А. Аргенов (Марино) — артиллеристы. Они работали в артиллерийской школе, где в 1925 г. обучались 114 человек. В Калгане работали Федор Боканенко (Корф), Вениамин Гамберг (Майский), В. Е. Горев. В группе работали также Борис Перлин, И. Корнеев (Андерс) (1890 г.), который окончил Военную академию РККА, Б. И. Кузьмичев (Вен, 1900 г.) — военный советник по кавалерии, А. Я. Лапин, работал военным советником в этой группе в 1925-1927 гг., в 1926 г. замещал военного атташе, окончил Военную академию РККА, И. В. Лобанов, участник Первой мировой войны, окончил Военную академию РККА, В. И. Львов (1898 г.), окончил Военную академию РККА, Н. С. Молчанов (1896 г.) — военно-медицинский советник группы, С. Н. Наумов (Калачев, 1890 г.) — с мая 1925 г. работал в Калганской группе, а также М. В. Сангурский (Усманов, 1894-1937), П. Е. Скачков (Кречетов) (1892-1964).

Переводчиками в группе были Ф. Т. Боканенко (Корф, ранее учившийся в Восточном университете во Владивостоке, по воспоминаниям директора Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковского, был лучшим на курсе знатоком китайского разговорного языка) и Певзнер (Крафт). С помощью советников были организованы высшая пехотная школа, высшая офицерская школа, пулеметная школа, школа связи и инженерная. Из «Стенограммы беседы с т. Примаковым

15 февраля 1926 года» Ивановского (А. С. Бубнова) следует, что в Калгане также была создана школа контрразведывательной службы. Это подтверждает в своих воспоминаниях и Иван Винаров. «Мы (здесь Винаров имеет в виду еще руководителя их группы Григория Салина, приехавшего из Москвы вместе с ним, оба были советниками по вопросам военной разведки при Блюхере, и жену Винарова Галину Лебедеву — их шифровальщицу, дочь царского генерала, воспитанницу петербургского института благородных девиц. — В. У.) за короткое время выполнили функции советников по военной разведке в «народной армии» Фэн Юйсяна, и, когда Фэн после измены «переориентировался» и встал под другие знамена, — пишет он, — мы перебрались в Пекин и Шанхай, где начали осуществлять свои задания — вести разведку в лагере противника».⁵⁷¹

Фэн Юйсяну была оказана Москвой большая материальная помощь. Только на вооружение его армии за один год было израсходовано свыше шести миллионов рублей.⁸¹

В 1924 г. произошли события, изменившие военно-политическую ситуацию и имевшие важные последствия. Речь идет о перевороте одного из генералов чжилийской клики милитаристов — Фэн Юйсяна, который в октябре 1924 г. выступил против чжилийцев, переименовал свои войска в Национальную

армию (Гоминьцзюнь) и 23 октября 1924 г. занял столицу страны — Пекин (в Китае это событие в те годы называли «столичная революция»). «Чжилиец» Цао Кунь был вынужден оставить пост

президента, его правительство ушло в отставку, а бывшего последнего китайского императора Пу И изгнали из дворца Гугун для укрепления, как писал Фэн Юйсян, республиканского режима/7591

В составе Гоминьцзюня были созданы три армии — 1, 2 и 3-я Национальные армии. Главнокомандующим Гоминьцзюня и командующим 1-й Национальной армией стал Фэн Юйсян.

Действия Фэн Юйсяна после занятия его войсками Пекина были противоречивыми. С одной стороны, к участию во временном правительстве были привлечены некоторые политики, связанные с Гоминьданом, и на совещании лидеров Гоминьцзюня было решено пригласить в Пекин Сунь Ятсена для обсуждения государственных дел.

С другой стороны, Фэн Юйсян вступил в контакт с прояпонским политиком Дуань Цижуюем, который возглавил правительство, и с фэнтяньским милитаристом Чжан Цзолинем, также ориентировавшимся на Японию. «Отчасти эта непоследовательность, — как считал наш известный китаист, профессор М. Ф. Юрьев, — объяснялась тем, что Фэн Юйсян фактически оставался милитаристом, хотя и вступившим на путь, который привел его к участию в национально-революционном движении». [760]

759 Фэн Юйсян. Моя жизнь. Ч.3.[Б.м.]. 1944. С.26.

760

Фэн Юйсян решил для укрепления своей армии пригласить военных советников из СССР. Вот как он сам впоследствии описывал историю их приглашения на работу в национальные армии: «Меня познакомили с Бородиным и Караханом, при их встречах со мной переводил всегда Чэнь Южэнь. Мы беседовали о революции, религии, отмене неравноправных договоров. Я им говорил, что цель Китая заключается лишь в свободе и равенстве; кто сможет помочь нам добиться этой цели — именно тот наш друг. Чем больше мы встречались и разговаривали, тем более сближались. В результате моя идеология и мои взгляды тоже постепенно менялись. Поэтому я попросил их порекомендовать мне 30-40 советников из СССР — пехотных, кавалерийских, артиллерийских, саперных специалистов, чтобы они работали в наших учебных заведениях без каких-либо условий с обеих сторон, с единственной целью — помочь нам завершить национальную революцию. Через некоторое время они приехали». Затем несколько десятков студентов были посланы на учебу в Советский Союз. В Сиани была создана военная школа по типу школы Вампу, которая называлась Сианьское военное училище им. Сунь Ятсена. Руководил училищем левый гоминьдановец Юй Южэнь, одновременно являвшийся главкомом частей Народно-революционной армии в Шэньси. Начальником училища был член КПК Ши Кэсюань, его заместителем — вернувшийся из СССР Ли Линь, впоследствии погибший в Центральном советском районе, начальником

политотдела училища и секретарем его парторганизации — Дэн Сяопин/7621

Уже в октябре 1924 г. в г. Кайфэне (Хэнань), где находились в то время штабы 2-й и 3-й национальных армий, начал работать советский политический советник А.Я.Климов.[763

2-я Национальная армия, которой командовал генерал Ху Цзини, а с апреля 1925 г. — Юэ Вэйцзюнь, располагалась в провинции Хэнань (штаб в Кайфэне). В Кайфэн группа советников приехала 21 июня 1925 г. Численность Кайфэнской группы в сентябре 1925 г. — 30 советников, в ноябре 1925 г. — 22 советника, в январе 1926 г. — 21 советник.С764]

В Кайфэнской группе советников, работавших во 2-й и 3-й национальных армиях, насчитывалось в разное время от 21 до 43 человек. Из них десять человек имели высшее военное образование, шесть окончили школу «Выстрел». В группе имелись врач, два инженера (специалисты по боеприпасам), семь политработников.

Руководитель Кайфэнской группы — Георгий Борисович Скалов. Его заместителем и начальником штаба группы был А. Я. Лапин, [766]переведенный в 1926 г. в Калган.[76?]в Кайфэне

работали уже упоминавшийся А. Я. Климов, с июня 1925 г. Зимин, Никулин, Лубе, Булин, советник по военно-инженерному делу В. Васин, два бывших царских генерала — военный советник военного атташе в Пекине И.В. Тонких был начальником штаба атамана Анненкова во время гражданской войны на Дальнем Востоке (умер в 1947 г.) и Шалавин (Руднев, умер в 1929 г.), преподававший артиллерию в Хэнаньской военной школе в 1925-1926 гг., с конца 1926 и в 1927 г. работал в штабе Гуанчжоуской группы, переводчики И. М. Ошанин, В. А. Васильев,

С. М. Оконешникова (из Ленинграда), Г. Ф. Скворцов и С. А. Врубель (и Владивостока). Здесь уместно отметить, что когда все советские советники вернулись в СССР и были представлены к орденам Красного Знамени, никто из Калганской и Кайфэнской групп наград не получил, так как, по мнению Центра, там не было одержано столь блистательных побед, как на юге.

В 1927-1931 гг. генеральным консулом в Кашгаре был военный разведчик Борис Петрович Постников.^{7™1}

В 1927-1929 гг. вице-консулом в Кашгаре был резидент ИНО ОГПК М. М. Казас/711

Секретарем генконсульства в Кашгаре в 1927-1933 гг. был Алявдин Николай Валерьянович.^{^2]}

Под прикрытием секретаря, вице-консула генконсульства в Цицикаре в 1925-1929 гг. работал по линии ИНО ОГПУ китаист Г. М. Григорьев/7731

В Китае в 20-х годах нелегальным военным разведчиком работал С. А. Скарбек (Скорбек, он же Бенедик).[774]в эти же годы в Китае (прибыл в октябре 1924 г. в Гуанчжоускую группу) по линии IV Управления Разведупра работал Р. А. Таиров.^{^]}

воздухоплавательных частях. В 1933 г. окончил курсы усовершенствования по разведке и направлен в IV Управление Штаба РККА, затем был вице-консулом генконсульства СССР в Сан-Франциско (1934-1936), в Лос-Анджелесе (1937). В 1937 г. уволен в запас. По данным ЦА ФСБ репрессиям не подвергался.

773 Абрамсон (Г.М.Григорьев, 1901-1997), еврей. Родился в Одессе. В 1906 г. вместе с семьей переехал в Харбин. Закончил харбинскую гимназию. В 1919 г. переехал во Владивосток, где поступил на работу в издательство Совета профсоюзов обкома РКП(б). После захвата города японцами в апреле 1920 г. ушел в подполье, получив документы на имя Григорьева. В дальнейшем жил под этой фамилией. В июле 1920 г. стал членом РКП(б), с ноября 1920 г. служил в РККА. В 1922-1924 гг. он учился на Восточном отделении Военной академии РККА (специальность — китаист), затем работал референтом НКВД. В 1925-1927 гг. и 1931-1933 гг. находился в Китае по линии ИНО ОГПУ под «крышей» секретаря, вице-консула консула СССР в Цицикаре и Тяньцзине. В 1934-1938 гг. работал в полпредстве СССР в США (А.Колпакиди,Д.Прохоров. Внешняя разведка России. С.209.)

После 1945 г. Г.М.Григорьев был назначен заместителем начальника кафедры китайского языка Военного института иностранных языков. С декабря 1949 до конца 1965 г. он старший редактор китайских словарей в словарной редакции издательства «Советская энциклопедия». С 1966 г. до выхода на пенсию работал в Институте востоковедения АН СССР.

774 С. А. Скарбек (Скорбек, Бенедик, 18*97-1974). Поляк, родился в Польше в Ленчице. Член германского Бунда (1916-1918), Спартакusbунда и образовавшейся из него компартии Германии. Электромонтер. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию, принят в РКП(б) со стажем с 1918 г. Награжден серебряными именными часами «За работу в связи с событиями на Дальнем Востоке» (1930).

775 Владимир Христофорович (он же Рубен Артемьевич) Таиров (Тер-Григорян, Тер, Теруни, 1894-1938), армянин, родился в 1894 г. в семье крестьянина в с. Испаганджук, Нагорный Карабах. В

1914 г. окончил Бакинское коммерческое училище. Большевик с 1915 г. В 1916 г. учился в Киевском коммерческом

Временное свертывание работы в

Китае

В связи с обострением внутренней борьбы в Китае, нарастанием антисоветизма, при подстрекательстве империалистических держав с весны 1926 по весну 1927 г. участились нападки на СССР, его полпреда, советские учреждения. Карахан, по словам Чжан Цзолиня, якобы «с самого начала приезда в Китай покупал за деньги студентов для организации студенческих возмущений и, кроме того, способствуя снабжению войск Фына, помогал тем самым продлению внутренних государственных беспорядков», что, по мнению Чжан Цзолиня, превышало «официальные права посла и нормы международного публичного права». В представлении генконсулу СССР в Мукдене по этому поводу было заявлено, что Чжан отныне не признает Карахана полпредом Советского Союза и во избежание

осложнении настаивает на его отзыве из страны. Аналогичные демарши последовали и со стороны китайского посольства в Москве. Против Карахана была развязана кампания и в Англии. Руководство СССР было явно недовольно таким поворотом дел. На специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос о положении в Китае и предложен проект резолюции, подготовленный комиссией Политбюро, где говорилось: «Ввиду требования со стороны китайской реакции, подстрекаемой империализмом, об отзывании тов. Карахана, признать необходимым развить в Китае (а по возможности и в других странах, прежде всего Англии и Японии) самую энергичную политическую кампанию против этого наглого требования, разъясняя смысл и содержание освободительной политики, проводившейся тов. Караханом как представителем Советского Союза» (пункт 24). Проект резолюции был одобрен и приняты следующие решения: «Развить бешеную систематическую кампанию в китайской печати за т. Карахана. То же самое проделать, по мере возможности, в Англии» (пункт 5); «Поручить т. Серебрякову сказать Чжан Цзолиню, что его заявление об отзыве т. Карахана советское правительство вынуждено рассматривать как шаг, могущий сильнейшим образом помешать налаживающемуся сотрудничеству СССР с Чжан Цзолинем, и как шаг, на который Чжан Цзолиня толкают

иностранные империалисты» (пункт 6 б); «поручить т. Раковскому выяснить позицию французской дипломатии в отношении кампании, поднятой Англией за отзыв т. Карахана из Пекина, и в надлежащей форме дать понять Франции, что ее поддержка англичан в этом вопросе будет нами рассматриваться как архивраждебный акт по отношению к СССР» (пункт 6 ж).

По личному предложению И. Сталина, с целью надавить на Чжан Цзолиня, Политбюро ЦК РКП(б) приняло 16 апреля 1926 г. специальное решение: «направить немедленно т. Серебрякова в Мукден и обязать его требовать от Чжан Цзолиня гарантий, заявив ему, что ответственность за бесчинства в отношении нашего полпредства в Пекине будет нести лично Чжан Цзолинь».¹ Имелась специальная инструкция, где говорилось, что «при переговорах указать Чжан Цзолиню на то, что известные японские круги согласны на замену Чжан Цзолиня другим буферным генералом, но что мы не усматриваем основания к замене Чжан Цзолиня другим лицом при условии установления нормальных отношений»/¹

Причем секретные бумаги, добытые советской разведкой, которые получила полиция Чжан Цзолиня во время налета на советское посольство, должны были «раскрыть глаза» Чжан Цзолиня на то, что Япония готовила для себя в его собственных маньчжурских владениях.

Премьер Танака, покровительствовавший Чжан Цзолиню, считал, что за последним должно быть сохранено особое положение в Маньчжурии на том основании, что маньчжурский наместник был единственным лицом, могущим безболезненно отделить Маньчжурию от Китая для создания в ней сферы неоспоримого японского влияния. Однако поражение маньчжурских войск и наступление

войск Чан Кайши в результате Северного похода изменило взгляды японцев. В кругах Квантунской армии назрел план самостоятельного действия по обезвреживанию маньчжурской армии путем ликвидации старого маршала. До японской разведки дошли дополнительные сведения (предоставленные ей советской разведкой), что в Пекине Чжан Цзолинь успел заручиться обещанием американской финансовой помощи и поддержки за предоставление особых привилегий американским интересам в Маньчжурии.

Одним из лиц, подавших мысль о ликвидации Чжан Цзолиня, был полковник генерального штаба Камамото, который с ведома командующего Квантунской армии генерала Мураока и при участии полковника Доихара взялся привести ее в жизнь. В Пекин был послан офицер разведки, чтобы узнать о дне и часе отправки в Мукден поезда маньчжурского правителя. Было решено устроить взрыв поезда в районе Хуантуан, вблизи пересечения Пекин — Мукденской дороги японской Южно-Маньчжурской дорогой. Четвертого июня поезд Чжан Цзолиня отбыл в Мукден. Взрыв произошел в шесть часов утра, уничтожив поезд, в котором погиб маршал и все пассажиры. Чтобы отвлечь подозрение, японские власти расстреляли на месте двух случайно захваченных чинов гомиьндановской армии. Но подозрение пало на

японское командование в Северном Китае (хотя ходили слухи и о возможной причастности других стран, в том числе советской разведки. Известно, что осенью 1926 г. на станции Пограничная при таможенном досмотре поезда, следовавшего из Владивостока на запад, в чемодане одного из пассажиров были найдены взрывчатые вещества, часовой механизм и большое количество американских долларов и японских иен. Арестованный пассажир оказался неким Бурлаковым, два брата которого находились в Мукдене, где они должны были дать концерт во дворце маршала Чжан Цзолиня. Произведенное следствие показало, что адская машина должна была быть оставлена во дворце во время концерта и время взрыва поставлено на ночь. Вместе с Бурлаковым были арестованы и преданы суду его сообщники Власенко и Медведев. Последний одно время служил в железнодорожной полиции. Арестованы были и два музыканта, брата Бурлаковы. Советские власти заявили, что все это происки эмигрантов, а Бурлакова назвали «белобандитом». Он был приговорен к пяти годам тюремного режима. Таким образом, официально советские власти отреклись от Бурлакова и его сообщников, но, как ни странно, не перестали интересоваться их судьбой. Хотя советский консул в Мукдене избегал посещать Бурлакова и его сообщников в тюрьме, но из средств харбинского резидента Марка (Власа Рахманова) регулярно выплачивал жене Бурлакова по 200 долларов в месяц и время от времени выдавал различные суммы женам Власенко и Медведева. Советский вице-консул в Мукдене и резидент ГПУ Павел Донской докладывал харбинскому резиденту, что «тройка» (Бурлаков, Власенко и Медведев) «сделали ряд промахов при подаче апелляции маньчжурскому суду» и

что «надо гнать каждого, предлагающего организовать побег тройки из тюрьмы» вследствие того, что после побегов арестованных из харбинской тюрьмы охрана в мукденской тюрьме стала много строже. «Связь с арестованными чрезвычайно трудна и опасна. Все проверяется тщательно. Я прекратил всякую связь и все передаю устно через жену Медведева»). Последствием убийства маршала Чжан Цзолиня было падение кабинета Танака.

В связи со сложившей обстановкой в Пекине, связанной с нападением на советское посольство, Карахану было предложено держать связь с Москвой для ее регулярного информирования через Калган/у84]предлагалось «обновить состав генерального консульства в Харбине» и всю дипломатическую работу в Маньчжурии «целиком и полностью» перенести из Харбина в Мукден.^{4]}

Чан Кайши 20-21 марта 1926 г. неожиданно для русских советников изгнал коммунистов из 1-го корпуса Национально-революционной армии и школы Хуанпу, некоторых арестовал, оцепил войсками штаб и квартиры советников, поставил караул у дверей квартиры А. С. Бубнова (Ивановского), главы советской делегации. Затем его войска окружили Сянганский стачком, арестовали руководителей забастовки, в основном коммунистов. Чан Кайши упразднил Военный совет, объявив себя главнокомандующим

Национально-революционной армии, и потребовал отъезда из Китая Н. В. Куйбышева, В. П. Рогачева и И. Я. Разгона. Эти события известны в истории как «события 20 марта» 1926 г.

Чуть позже в интервью с представителями иностранной печати Чан Кайши заявил: «В разрыве дипломатических отношений с Советской Россией мы только порываем с советским правительством... Никакой перемены в отношении китайского народа к русскому народу не произошло.

Стоит только посмотреть на советские консульства в различных городах Китая. Фактически они являются отделами Третьего Интернационала и одновременно рассадниками китайских коммунистических интриг. Ради собственной безопасности, как и ради китайской революции и мира на Дальнем Востоке, Гоминьдан предпринял это решительное действие».⁷¹

Постараемся ответить на вопрос: почему произошли эти события. Здесь было несколько причин, которые раньше в советской историографии замалчивались. В рядах Гоминьдана нарастало недовольство диктаторскими замашками коммунистов и ролью русских инструкторов и советников, которые, по мнению китайцев, все меньше считались с желаниями бывших соратников и ближайших друзей Сунь Ятсена. Реализация коминтерновских установок, направленных на коммунизацию Гоминьдана, оборачивалась почти откровенным стремлением советских советников и

китайских коммунистов овладеть аппаратом Центрального исполнительного комитета Гоминьдана и Национального правительства. И это закономерно вело, как справедливо считает российский историк А. В. Панцов, к антикоммунистическому перевороту Чан Кайши.^[788] Так, В. Соловьев (Райт) в письме к Л. Карахану, которое он написал сразу же после событий 24 марта 1926 г. на борту парохода «Память Ленина», прямо сообщал, что советские «военные работники слишком зарвались и забыли, что они только советники, а не командиры». «Мое глубокое убеждение, — говорилось в письме, — что до сих пор, я имею в виду последние месяцы или, точнее, последний месяц, мы делали все, чтобы оттолкнуть Чан Кайши от себя и от Национального правительст-ва»⁷⁸⁰]А. Бубнов в письме от 27 марта 1926 г. М. Бородину признавал, что «события 20 марта» были «осложнены, ускорены и обострены крупными ошибками, допущенными в военной работе», они «также обнаружили и некоторые общие ошибки руководства». Он признавал, что «в первую очередь должна быть ликвидирована практика выпячивания и тем более непосредственного командования со стороны советников. Одновременно с этим должен быть ослаблен комиссарский контроль над генералитетом, а также должно быть проявлено больше осторожности в агитационно-пропагандистской работе».^[79] Это же подтверждается в Тезисах И. М. Мусина о задачах КПК в

Кантоне от 26 апреля 1926 г., где утверждалось, что «выступление Чан Кайши 20 марта было вызвано общим создавшимся положением в Кантоне в последнее время; но оно было, несомненно, ускорено и обострено благодаря ошибкам в военной работе как со стороны русских товарищей, военных и политических советников, так и со стороны китайских коммунистов, работавших в армии». Расшифровывая эти положения, Мусин писал: «Формирование процесса централизации армии, слишком быстрое введение института комиссаров, слишком резкое положение о комиссарском институте и жесткое применение этого положения, окружение китайских генералов слишком большим контролем, слишком большое выпячивание коммунистов, занятие ими слишком многих ответственных постов и вдобавок часто нетактичный, «товарищеский», сводящийся к бесцеремонности подход к кит[айским] генералам и, в частности к самому Чан Кайши, все это ускорило и обострило выступление 20 марта». Комиссия

А. С. Бубнова по горячим событиям отстранила от работы начальника группы военных советников в Южном Китае Н. В. Куйбышева (Кисаньку), его заместителя

В. П. Рогачева и зам. начальника по политической работе И. Я. Разгона (Ольгина).²¹

«Наши ошибки (слишком затянувшаяся забастовка, выпячивание коммунистов, недостаточное внимание к деятельности суньятсеновского общества, слишком быстрый темп работы по централизации армии, забвение необходимости «обслуживать» генералов, и в первую

очередь Чан Кайши, и т. п.) на этот раз дали возможность вскрыться всем этим противоречиям», — писал В. П. Рогачев в докладной записке о событиях 20 марта 1926 г.

Другой причиной таких действий со стороны Чан Кайши были, как сообщали в своих докладных записках о событиях 20 марта И. Разгон и В. Рогачев, угрозы убийства во многих анонимных письмах, которые «в последнее время Чан Кайши получал»/ 94]«18 марта комиссар флота (Ли Чжилун, коммунист) получил приказ, отданный от имени Чан Кайши по телефону, о посылке к острову Вампу канонерки «Чжуншань», — сообщал В. Рогачев. — Ли Чжилун «Чжуншань» отправил, но обратился к Чан Кайши за письменным приказом. Чан Кайши заявил, что он никакого приказа не отдавал. В это время Чан Кайши получил письмо за подписью того же Ли Чжилуна (якобы также подложное), в котором Ли Чжилун предлагал Чан Кайши в трехдневный срок (а И. Разгон писал о 3-х месячном сроке.^51 — В. У.) провести через правительство национализацию предприятий в Гуандуне, угрожая, в случае невыполнения, арестом и высылкой в Россию»/796]В такой ситуации Чан Кайши справедливо опасался, что

готовится заговор, его пытаются похитить и на канонерке доставить во Владивосток/7971

Наглядно видны трения, которые возникли между советскими советниками и Чан Кайши. Он жаловался: «Я отношусь к ним искренно, но они платят мне обманом. Работать с ними невозможно... они подозрительны и завистливы, и явно обманывают меня».[798]

Любопытны характеристики, иногда противоречивые и диаметрально противоположные, которые давались в то время Чан Кайши советскими советниками и разведчиками, говорящие о разных оценках самой фигуры Чан Кайши.

«Чан Кайши — главный инспектор Нацармии, начальник Центральной Военной школы, член Политбюро ЦИК Гоминьдана. Уроженец провинции Чжэцзян. Получил образование в японской военной школе. Кроме китайского знает японский язык. Был в СССР, — говорилось в одной из них. — Скрытый, недоверчивый и чрезвычайно самолюбивый человек, абсолютно никому не верит. Очень мнителен. Властолюбив. Одним из первых генералов пошел на серьезную работу с нами. Из всех генералов наиболее обработан. Хороший организатор. Умеет подбирать вокруг себя людей, абсолютно ему подчиняющихся. Сравнительно легко идет на нововведения, когда убеждается в их необходимости. С ним можно хорошо работать, если внешне не претендовать на его власть и на руководство. Политически левый и идет налево. Легко может подпасть

797 П. Балакшин. Финал в Китае. С.28.

798

под влияние левых идей, некоторыми способен увлекаться. Политическое его поведение зависит от людей, которые его окружают. В проведении своих решений скрытен и решителен. Не особенно считается с мнением других, иногда идя наперекор всем».[799]

А вот в другой характеристике Чан Кайши военного инструктора Степанова говорится, что Чан Кайши — выдающаяся индивидуальность, человек, умеющий принимать решения, умеющий их выполнять и преисполненный честолюбивых планов. По мнению Степанова, Чан Кайши отлично разбирается в вопросах не только китайской, но и общемировой политики. Он сразу почувствовал, какой путь вернее приведет его к власти и, дорожа поддержкой масс, никогда не полагается на них всецело/8001

Приведем еще одну характеристику, данную другим русским советником (Черепанов полагает, что она может принадлежать ему или Терешатову): «Чан Кайши — командир 1-го корпуса Вампу, был

в России. Из военных работников стоит к нам ближе всех. Разбирается в политике. Страшно самолюбив. Изучает Наполеона, которого читает на японском языке. Учился в Японии. Уроженец провинции Чжэцзян, и ранее были подозрения, что его все время тянет туда.

В то время, когда главкомом был Сюй Чунчжи, не выделялся особенно в военном отношении среди

798 Данная безымянная несколько отредактированная характеристика приводится в «Записках» А.Черепанова (С. 389), но без авторства, нам удалось в архиве найти ее неотредактированный текст и автора Н.А.Шевалдина (Прибылева). — Фонд 627.0П.1. Д.21. Л.94-95.

799 Из доклада Степанова, найденного среди бумаг, захваченных в посольстве СССР в Пекине 6 апреля 1927 г.

остального генералитета. Сейчас, когда ему пришлось встать фактически на первое место, он уже поднимается над узкими взглядами комкора до понимания армейских задач. После взятия Вэйчжоу послал телеграмму правительству, где указывал в первой части своего доклада на свои заслуги в деле военного строительства в Гуандуне и на то, что он понимает задачи этого строительства. Затем пишет, что боится стать заурядным милитаристом и просит снять его с военной работы. Когда ему было разъяснено, что он не может стать милитаристом, потому что у него нет армии, а его корпус — не его войска, а войска партии, ухватился за эту мысль и в своих речах приводил это положение.

В своих решениях скор, но часто принимает решения необдуманно и тогда их меняет. Упрям, любит поставить на своем; в своей политической эволюции должен дойти до логического конца. В армии авторитетом пользуется и, подтягивая части на службе, умеет вне службы установить дружеские отношения с комсоставом»/8011

Люблпытная оценка Чан Кайши, данная замечательным военным, обладавшим удивительной политической чуткостью, умением рассмотреть истинную суть дела за вескими хитросплетениями и демагогией, В. К. Блюхером в своем докладе от 5 июня 1926 г. «Мои личные взаимоотношения с Чан Кайши в первое время были несколько натянутыми, хотя он выслал мне навстречу в дельту лучшую канонерку, пересев на которую я приехал в Кантон. Он все время возвращался к вопросу о том, доверяем ли мы ему, много раз и подолгу

рассказывал о причинах, толкнувших его на выступление 20 марта. Из его рассказов получалось, что Ван Цзинвэй и Кисанька (хотя он о Кисаньке прямо и не говорит) пытались свести его на нет, задерживали рост его войск, ставили их в худшее положение по сранению с другими, что такая политика пренебрежения к нему и его войскам, могла привести к усилению врагов национально-революционного движения и поэтому он должен был это сделать для спасения национально-неволюционного движения.

Получив военную и прочную диктатуру и стремясь занять место Сунь Ятсена в Гоминьдане, иными слвоами, стремясь укрепить свою диктатуру, диктатурой партии, он боится сейчас вступить в борьбу с «Обществом изучения суньятсенизма» и втягивается в это болото. Что касается коммунистов и левых, то он их тоже боится, понимает, что даже левые не простят налета на партию и изгнания Ван Цзинвэя. Он отлично понимает, что коммунисты и левые сильны и рвать с ними райне опасно. Отсюда и половинчатость его политики».

24 марта делегация во главе с А. С. Бубновым, а вместе с ней Н. В. Куйбышев, И.Я. Разгон и В. П. Рогачев выехали из Гуанчжоу/ J Ху Ханьмин предлагал Чан Кайши арестовать и только что приехавшего в Китай М. М. Бородина, но Чан Кайши не пошел на это.[803]В Пекине А. И. Черепанов 21 марта был вызван к Л. М. Карахану. Последний извлек из стола ящика телеграмму

следующего содержания: «Сейфуллину от Кисаньки. Черепанову (решением заседания Политбюро

от 24 марта 1927 г. награжден орденом Красного Знамени) дождаться в Пекине возвращения Ивановского из Кантона».¹⁵¹

Первые дни после «переворота» Чан Кайши в Москве явно наблюдалось определенное замешательство. Многие не могли понять, как получилось, что Гомиьндан, который еще совсем недавно, вскоре после своего II конгресса в феврале 1926 г. в лице своего ЦИК обращался в президиум ИККИ с официальной просьбой о принятии его в Коминтерн,¹⁶ -! вдруг решился на «контрреволюционный переворот». Следует отметить, что совершенно очевидно, с одной стороны, от представителей разных советских ведомств шла противоречивая информация, с другой стороны, сказывался и недостаток правдивой информации.¹ 1 «Когда мы прибыли в Китай (середина

июня 1926 г. —В. У.}, все то, что мы там от товарищей узнали о событиях 20 марта в Кантоне, — говорилось в докладе секретаря Дальбюро ИККИ в Шанхае Рафеса на частном заседании по китайскому вопросу 24 ноября 1926 г., — о военной демонстрации Чан Кайши против левого Гомиьндана и коммунистов, было совершенно для нас ново. В Москве мы представления не имели о том, что было 20 марта в Кантоне. Мы не имели представления о том, насколько далеко зашло выступление, как глубоко результаты этого выступления. А между тем «20 марта» проникло во внутреннюю политическую жизнь самого Гуандуна. Товарищ Ивановский там был, товарищ Соловьев там был. Но реальные результаты 20 марта были видны только после их отъезда. В момент, когда была военная демонстрация против коммунистов, тогда не было еще ясно, что здесь вскрывается определенное столкновение классовых сил, что все это будет иметь большое значение для группировки политических сил после «20 марта»».[809]

Однако несмотря на события в Китае, 29 апреля 1926 г. на состоявшемся закрытом совещании Политбюро ЦК ВКП(б) по проблемам единого фронта в Китае, курс на активное вмешательство КПК во внутрипартийные дела Гомиьндана с целью исключения «правых» из этой партии оставался прежним, несмотря на отрицательную позицию Троцкого и Зиновьева. В качестве корректировки курса было решено только замедлить

темп коммунистического наступления в Гомиьндане, чтобы перегруппировать силы. Сталин признал необходимым пойти лишь «на внутренние организационные уступки левым гомиьндановцам в смысле перестановки лиц»/810]Причем мартовское выступление Чан Кайши в то время никто в советском руководстве не относил к «правым». Руководство СССР сделало все возможное, чтобы сообщение о «перевороте» Чан Кайши не проникло в печать. Советская общественность и все инересующиеся событиями в Китае держались в неведении о происшедших 20 марта 1926 г. событиях вплоть до весны 1927 г. — до выступлений оппозиционеров в ВКП(б), затронувших и вопрос о событиях в Китае.

В августе 1926 г. Чжан Цзолинь заявил, что он заберет в свое ведение все суда, принадлежащие ранее КВЖД, потребовал ликвидировать учебный отдел КВЖД и передать все школы КВЖД под управление народного просвещения при главнокомандующем особом районе Трех Восточных провинций Китая.

На такое требование последовала Нота народного комиссара по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина поверенному в делах Китайской Республики в Москве от 31 августа 1926 г. В ней говорилось, что «Союзное правительство ожидает немедленной отмены указанных выше требований к правлению КВЖД и требует передачи рассмотрения этих вопросов в ведение нормально действующих дипломатических органов правительств».¹¹

Однако несмотря на эту ноту, 2 сентября 1926 г. местные власти в Харбине захватили все речные суда и имущество КВЖД. Эта акция сопровождалась изгнанием из учреждений принадлежавшего КВЖД пароходства советских служащих.

Серия мелких провокаций была продолжена в Северной Маньчжурии и в 1927 г. Так, уже 11 января без предъявления обвинений был арестован председатель совета профессиональных союзов советских граждан Есиков, 12 января произведен обыск в дорпрофсоже, 31 числа китайский полицейский — русский белогвардеец — задержал на улице автомобиль Харбинского консульства с генеральным консулом, требуя снятия советского флага с машины. 11 марта был произведен обыск в Харбинском торгпредстве, 16 марта приказом местных властей была закрыта без мотивировки харбинская контора советского акционерного общества «Транспорт», 31 марта был произведен обыск на квартирах председателя дорпрофсожа Степаненко, инструктора Косолапова и заведующего харбинской телеграфной конторой КВЖД Вильдгрубе. [813|25 мая комендант станции Мулин Юй Цзайцзян зверски избил дежурного по станции Савченко за то, что тот предлагал китайскому солдату не садиться в поезд на ходу. Им же был избит и сцепщик вагонов Саврасов. 10 июня в Харбине был избит в присутствии китайских полицейских шофер советского консульства Калинин, защищавший от белых хулиганов красный флажок на автомобиле. 19 июля на станции Маньчжурия командир батальона Ха Янчжоу избил

служащего Дальбанка Коновалова, его жену и сына за то, что мальчик гонялся за голубями. 2 сентября на станции Пограничная без всякого повода были избиты полицейскими Киселев, Хмелев, Самойленко; после избиения они были арестованы и повенены. 8 сентября на той же станции был избит Лобанов, а 25 сентября — Подгорский. Последний после избиения был закован в кандалы и брошен в подвал. 3 сентября на станции Цицикар был избит советский гражданин Ушаков.[814]

Довольно трудно было работать в эти годы и нашим дипкурьерам, они часто попадали в трудные переделки. Их арестовывали как советских шпионов (пароход «Памяти Ленина», о котором речь пойдет ниже), иногда они оказывались в эпицентре бандитского налета.

Так, 9—10 ноября 1926 г. произошел налет пиратов на советский пароход «Томск», который шел в Кантон. Вот как это событие описывал известный китаевед П. Е. Скачков, который вместе с латышом Бредисом плыл на этом пароходе в качестве дипкурьера из Шанхая: «Устье Чжуцзяна. Неожиданная остановка, сломалось что-то в рулевом управлении. Мы стоим. Ночь. Выстрелы. Мы с Бредисом, схватив чемоданы с документами и револьверы, выскочили из каюты в чем спали, и, пробежав коридор, спустились в машинное отделение...Некоторый маскарад. Сняли нижние рубахи, одели на головы полотенца. Я — около угольной ямы. Бредис — около котлов. Шум над головой страшный, еще бы, пираты увидели долгожданный денежный ящик. Ожидаем, что ворвутся сюда. Команды о движении нет. Шум от падающего тела. Капитан удрал от пиратов, скользнул в люк для угля, слишком мало угля, ушибся. Рассказал как было и есть плохо. Пираты взяли [корабль] на бордаж. Грабят пассажиров, радисту разбили голову, связи нет. Пытаюсь пробраться в каюту, забрать документы, паспорта, деньги, оставленные в каюте. В коридоре выстрел, прячусь за дверь ванной и затем оставляю мысль выполнить [свой замысел], возвращаюсь под прикрытие двери. Сидим, ждем. Волнения. Так прошло 6 часов. Вокруг все стихает. Китайский крейсер направил прожектор на наш «Томск». Пираты убежали...»

28 февраля 1927 г. войска генерала Чжан Цзолина захватили под Нанкином советский пароход «Памяти Ленина», вышедший из Шанхая 27 февраля рано утром и державший курс в Ханькоу за грузом чая для Совторгфлота. Это был довольно известный пароход. Он еще до революции 1917 г. работал в составе Черноморского торгового флота под другим именем. Когда началась эвакуация белогвардейцев из Крыма, этот пароход мог уйти вместе с остальными судами за границу. Но капитан Гроссберг и команда парохода тайно ночью вывели его и направили в порт, находившийся под советским флагом. Пароход вошел в состав Советского торгового флота на

Черном море и в 1924 г. получил имя «Памяти Ленина». Капитаном этого судна неизменно оставался Гроссберг. Затем этот пароход бы переведен во Владивосток и стал совершать регулярные рейсы между Владивостоком и китайскими портами. Когда в 1925 г. национальное правительство Сунь Ятсена в Кантоне ввело новые портовые пошлины, иностранцы

отказались их платить. Чтобы принудить китайское правительство к отмене этих пошлин, иностранные компании отказались продавать Кантону нефть и керосин. Кантону угрожал серьезный топливный кризис. «Память Ленина» первый прорвал блокаду и спас большой город от топливного голода, привезя нефть и керосин.

Вот как эти события описывала очевидец Фаина Бородина: «Около полудня, когда мы проходили Нанкин посередине реки, я услышала какие-то сигналы, после которых наш пароход застопорился и остановился. Стали спускать якорную цепь. Я не знала, в чем дело, но решила на палубу не показываться и дожидаться известий у себя в каюте.

Через каютный иллюминатор я увидела, что к нам подходит китайское военное судно. Положение стало ясным — «Памяти Ленина» предстоял обыск.

Вскоре кто-то забежал в мою каюту и сказал, что нас будут обыскивать. Я узнала, что на «Память Ленина» прибыл адмирал Ху, несколько морских офицеров и много военных моряков»/8161

Как вспоминала Ф.Бородина, «адмирал» Ху до своей «военно-морской» карьеры у Чжан Цзолиня был агентом Доброфлота в Шанхае и Нанкине и знал все русские пароходы, их расположение и капитанов. Офицер, проводивший досмотр вещей Бородиной, имел с собой фотографию досматриваемой и спросил ее по-английски, жена ли она Бородина. Женщину и ее каюту

8“ Ф.С.Бородина. В застенках китайских сатрапов (мои воспоминания). М.-Л. 1928.С. 10

досматривали трижды: дважды китайцы, третий раз — белогвардейцы.

Подробнее о том, что было на пароходе, можно судить по снятому 9 марта 1927 г. в Нанкине в Комиссариате по иностранным делам г. Нанкина, в присутствии самого комиссара Яна, его секретаря Т. Г. Сюйя и коммерческого директора Совторгфлота И. М. Ошанина показанию капитана парохода «Памяти Ленина» Г. М. Гроссберга генконсулом в Шанхае Линде.

«28 февраля сего года в полдень, подходя к Нанкину, получил приказ военного судна, стоящего на рейде под китайским флагом, остановиться. Приказание мною было исполнено, — говорилось с показании. — На борт прибыли китайские военные власти, заявившие, что будут делать обыск. Их первый вопрос был — нет ли на судне оружия, на что ответ получили отрицательный. Затем они приступили к осмотру судна. Прибывшие в числе около двадцати человек военные начали обыск с носа корабля, постепенно переходя через все части корабля. До этого предварительно у трапа и на мостике поставлены были свои военные караулы. Затребован был список пассажиров и грузовые документы. Грузов не имелось, а пассажиров на борту было четыре человека. Пассажиры и их багаж подверглись тщательному осмотру в своих каютах, причем ехавшие три дипкурьера заявили решительный протест против вскрытия диппочты, но под давлением особо полученного приказа командира китайского военного судна диппочта все же была вскрыта в присутствии капитана парохода. Четвертое ехавшее лицо — пассажирка Гроссберг подверглась столь же тщательному осмотру, при котором капитан не присутствовал. У трех дипкурьеров при мне нашли три места диппочты за казенными печатями НКВД.

Обыскивавшие требовали вскрыть диппочту, от чего дипкурьеры отказались. Вскрыли почту сами обыскивавшие. Дипкурьеры предъявили свои курьерские паспорта и листы на почту и предупредили, что ответственность за последствия вскрытия почты возлагается на лиц, вскрывших ее. Вскрытые при мне китайскими военными вализы содержали изданные на русском языке книги, журналы и газеты «Правда» и «Известия»; никакой иностранной литературы, в том

числе китайской, среди содержимого вализ не было, и обыскивающими ничего взято не было. Продолжая обыск, дошли до угольной ямы, обыск которой закончился лишь 2 марта, ночью, после того как произведена была перештровка всего запаса угля в количестве около 100 тонн. В начале обыска в угольной яме найден был маленький ручной саквояж (это было 28 февраля), в котором, по словам присутствовавшего при вскрытии его второго помощника капитана, Гораина, оказались старые серебряные вилки и ложки, прибор дамского туалета (для завивки) и несколько книг на китайском и русском языках. Вскрытие саквояжа произведено было на борту китайского военного судна. Кому принадлежал саквояж — мне неизвестно, но присутствовавший при обыске угольной ямы третий механик Гибшер высказал предположение, что он, возможно, был похищен и спрятан в угольную яму на переходе из Владивостока в Шанхай, ибо подобный саквояж имелся у пассажирки-немки, следовавшей в Шанхай. В тот же вечер, 28 февраля, на борт прибыл генерал Ху в сопровождении других военных, в том числе одного русского белогвардейца в китайской офицерской форме, которые потребовали указать, где на судне спрятаны пушки и вообще оружие, угрожая, что скрывание

этого оружия, в случае обнаружения, будет иметь фатальные последствия. По настоянию генерала Ху тут же вторично, в присутствии нескольких белогвардейцев, осмотрена была диппочта. В присутствии тех же белогвардейцев капитаном был составлен акт осмотра, фиксирующий, что ничего компрометирующего в диппочте не было. Однако генерал Ху отказался от подписания акта. Ничего при этом из диппочты вновь изъято не было. Генерал Ху уклонился от подписания акта без объяснения причин. Того же 28 февраля произведен был детальный обыск во всех служебных помещениях, который также не дал решительно никаких результатов. При обыске пассажирки под фамилией Гроссберг у нее найдены были визитные карточки на китайском и английском языках, причем ею тут же было объявлено, что она — Бородина, путешествующая под своей девичьей фамилией. 1 марта обыск на судне продолжался, и в третий раз произведен был обыск диппочты в присутствии белогвардейцев шаньдунской армии, и на этот раз обнаружены были пять—шесть листовок какой-то китайской рукописи. Откуда они появились — сказать не могу, но свидетельствую, что при первом и втором обысках этих листовок не было, хотя осматривалось все содержимое очень тщательно, вплоть до отдельных листов книг. При всех трех обысках диппочты присутствовал мой второй помощник Гораин. 1 же марта вновь были обысканы все каюты, каковой обыск, так же, как и предыдущий, ничего не обнаружил. При этом осмотре капитану задан был вопрос, сколько на судне коммунистов, причем у одного из коммунистов на борту, а именно секретаря судовой ячейки Гибшера, произведен был белогвардейцами дополнительный обыск, который тоже не дал никаких результатов. Из

архива ячейки изъяты были все протоколы. Имеющееся у капитана и у старшего помощника Воженина и у двух дипкурьеров огнестрельное оружие генералом Ху было отобрано, в чем выданы расписки. 2 марта, ввиду того, что проверка угля производилась слишком медленно и тем самым задерживался отход парохода, я заявил письменный протест военному командованию, требуя освобождения судна немедленно, так как в результате обысков ничего найдено не было. Ответа до сего дня нет. 3 марта, около 9 часов утра сняты были с борта дипкурьеры, три человека. И пассажирка Бородина вместе с частью их багажа. Пополудни того же дня три дипкурьера вернулись обратно; также вернулась к вечеру гр-ка Бородина в сопровождении одной из жен Чжан Цзунчана. Утром 3 марта те же дипкурьеры и Бородина отправились с парохода под конвоем, куда — не знаем».[817]

Итак, находившиеся на борту парохода советские дипкурьеры Иван Крилл 42 лет, Грейбус 36 лет и Карл Сярэ, а также супруга главного политического советника 36-летняя Фаина Бородина вместе со всем экипажем судна, составлявшем 47 человек, были арестованы. 5 марта последовала нота Посольства СССР в Китае, где говорилось, что «по полученным посольством сообщениям, русские белогвардейцы, принадлежащие к регулярной армии Чжан Цзунчана, захватили 28 февраля советское торговое судно «Памяти Ленина», которое направлялось в Ханькоу за грузом чая. Эти

белогвардейцы забрали пароход для перевозки войск и вооружения и задержали команду и пассажиров, включая дипломатических курьеров. Их судьба до сих пор не

выяснена». На нее последовал ответ китайского министерства иностранных дел от 11 марта 1927 г. следующего содержания: «Министерство имеет честь подтвердить получение письма от 5 марта... Посольство предъявляет протест и заявляет, что китайское правительство должно нести полную ответственность за жизнь и имущество указанных граждан СССР.

Министерство считает долгом сообщить в ответ к сведению г-на поверенного в делах, что в настоящее время от особо назначенного дипломатического комиссара пр. Шаньдун получен по телеграфу ответ, что трое курьеров и жена Бородин из Нанкина доставлены в Цинаньфу и пользуются очень хорошим обращением и проживают в доме г. Сие в безопасности».¹⁵ 'Очевидно, китайские власти еще не решили, что делать с арестованными.

Однако еще до этого письма было дано поручение соответствующим службам проверить, где находится Ф. Бородин. И вот 9 марта 1927 г. в 19 час. 20 мин. послана шифровка в Пекин на телеграмму от 9 числа следующего содержания: «Г-жа Бородин с тремя русскими содержится с 6-го сего месяца в доме, по-европейски оборудованном, под стражей, но с ней обращаются как с почетным гостем. О дальнейшем будет решено по окончании войны. Так как дипкурьеры существуют только для связи правительства с посольствами, то здешнее правительство не желает признать г-жу Бородину и спутников как курьеров и считает злоупотребление доказанным при всех обстоятельствах, так как провозилось оружие и агитационная литература». Подпись: Зиберт.[820]

Китайские власти после ареста Ф. Бородиной пытались надавить на ее супруга. Об этом красноречиво говорит письмо, присланное от Чжан Цзуншэна Бородину.

Однажды утром в Ханькоу, где находился главный политический советник Бородин, ему доложили, что в приемной его дожидается какой-то мандарин, который называет себя посланным от маршала Чжан Цзунчана. Бородин принял неожиданного гостя, который вручил ему письмо и добавил, что имеет передать от маршала также и устное поручение.

«Многоуважаемый высший советник, — говорилось в послании. — В то время, когда ваша супруга проезжала Нанкин, в этом районе происходило усиленное передвижение войск. Я был обеспокоен тем, чтобы она не пострадала от какой-либо несчастной случайности, и поэтому пригласил ее сойти на берег. Так как и на берегу, в Нанкине, безопасность вашей супруги не могла быть обеспечена, я просил ее проехать в Цинаньфу.

Не беспокойтесь за судьбу вашей супруги — она рассматривается нами, как почетная гостья».¹⁶

Устное поручение Чжан Цзунчана, носившее скрытую угрозу, было следующего содержания: «Продолжение военных действий между Югом и Севером может повлечь за собой международные осложнения такого порядка, что создастся угроза, в частности для

Китая и Советской России. Тогда может угрожать опасность и вашей супруге. Если бы г-н Бородин мог употребить свое влияние, чтобы добиться заключения перемирия между Югом и Севером, то тем самым была бы оказана большая услуга делу всеобщего мира, в частности, от этого выиграли бы интересы Китая, Советской России и была бы обеспечена безопасность вашей супруге»/8221

«Маршал ставит меня в очень неловкое положение, — ответил Бородин. — Если бы я в данный момент высказался за мир между Югом и Севером, то я навлек бы на себя справедливые обвинения в том, что я желаю спасти свою жену. Если, наоборот, я буду противиться всяким предложениям о мире, то мои действия могут быть истолкованы как личная обида за арест моей жены. Если маршал думает, что, задержав мою жену, он принудит меня занять определенную позицию в вопросах войны и мира между Югом и Севером, то, к сожалению, я должен

разочаровать его. Что же касается безопасности Бородиной, — сказал в заключение советник, — то ее судьба находится в руках китайского народа, который, я уверен, сумеет ее защитить».⁸²!

Видимо, поняв, что торг провалился, и учитывая апрельские события в Пекине в первой половине мая 1927 г., Ф. Бородина была перевезена в Пекин и брошена в следственную тюрьму. Начались ее допросы. Она стала требовать встречи с представителем советского консульства. Усилия увенчались успехом, Бородиной

разрешили встретиться с секретарем пекинского консульства СССР Юшкевичем. Она узнала, что судно «Памяти Ленина» было потоплено белогвардейцами, что вся команда парохода и капитан сидят в тюрьме Цинаньфу, ребята, захваченные в советском посольстве при налете в апреле 1927 г., сидят в той же тюрьме, что и она, но к ним никого не пускают. Положение арестованных с парохода «Памяти Ленина» особенно осложнилось после отъезда из Пекина советского временного поверенного в делах А. С. Черных.^[824]В печати стали появляться все более угрожающие сообщения о предстоящей казни если не всех, то части арестованных «русских коммунистов». Опасность стала вполне реальной после казни 28 апреля 1927 г. 20 китайских коммунистов.⁸⁵ И хотя в результате длительных разбирательств сначала в военном, а затем в гражданском суде было установлено, что прямых улик против советских сотрудников по существу нет, пекинские власти в то время отказались освободить заключенных. Как подчеркивал на суде официальный защитник Ф. Бородиной и дипкурьеров Кантарович, «дело, которое рассматривается, является первым крупным политическим процессом против граждан СССР в Китае и против нетрактатных иностранцев

824 А.С.Черных (1892-1940), уроженец г. Селенгинска. В 1926-1927 гг. — временный поверенный в делах СССР в Китае, в 1927-1928 гг. — член коллегии ЦСУ СССР, в 1928-1931 гг. — на ответственной работе в Госплане СССР, в 1931-1933 гг. — вице-президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, в 1933-1935 гг. — член Всесоюзного Радиокomiteта при СНК СССР. В 1935-1939 гг. — полпред СССР в Иране.

вообще». Поэтому оно «привлекает внимание всего мира».

Дипкурьеры и Ф.Бородина предстали перед судом в Пекине. Защитником в суде по делу Бородиной, как мы уже говорили, был тридцатилетний Канторович (А. Я. Канторович (Терентьев, Аякс, 1896-1944, родился в Петербурге в семье юриста, активный участник революции и гражданской войны. В 1919-1921 гг. сотрудник Петроградского отделения ИККИ, в 1921-1922 гг. — сотрудник информационного отдела ИККИ в Москве.^{[82?} Окончив в 1922 г. факультет общественных наук Петроградского университета, работал в Народном комиссариате иностранных дел. В Китай попал в 1924 г. в составе комиссии профессора Пергамента. В апреле 1928 г. А. Канторович возвращается в Москву, в Народный комиссариат иностранных дел, а в 1932 г. переходит на работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики), помогал ему в качестве консультанта известный американский адвокат, редактор газеты «North China Star» Чарлс-Джеймс Фокс, но китайские власти не согласились допустить его в суд в качестве защитника.^[828]ф. Бородина и дипкурьеры были освобождены после энергичных демаршей руководства СССР только 12 июля 1927 г., когда им был вынесен оправдательный приговор/⁸²⁹Этот эпизод в жизни

Ф. С. Бородиной подробно описал М. И. Казанин в своей книге «В Штабе Блюхера»: «Расчет контрреволюции был примитивен — угрожая расправиться с Бородиной, повлиять на позицию ее мужа. Однако, поскольку ни сам Бородин, ни его жена не выражали желания идти на какую бы то ни было сделку, Чжан Цзолинь и его ближайший подручный, в то время шаньдунский дуцзюнь(военный губернатор провинции. —В.У.) Чжан Цзунчан, готовили Бородиной судьбу Ли Дачжао (ей было предъявлено обвинение по 101-й статье, грозившей пожизненным заключением или смертной казнью.— В.У.). Ее предали суду, но демократично настроенный судья (очевидно, дело не в «демократичности» судьи, а в крупной взятке ему, хотя прямых документов по этому поводу нами не обнаружено, но имеются устные свидетельства и косвенные документы. Так, в те

годы в Пекине ходили слухи, что судья Хо получил взятку в 200 тыс. долларов, эти слухи подтверждает сама Ф. Бородина в своей книге «В застенках китайских сатрапов»: «Впоследствии в газетах распространились известия о том, что Хо Чун якобы был подкуплен нашим посольством и получил за наше освобождение двести тысяч долларов»/8301 — В. У.) провел заседание рано утром, вынес оправдательный приговор и, зная, что за это придется отвечать головой, бежал. Бородина тут же покинула здание суда»/831как вспоминала сама Бородина, гнев милитаристов обратился на родных судьи — его жену, двоих детей и брата. Они были задержаны и отправлены в распоряжение Чжан Цзучана, а там посажены в тюрьму. Обо всем этом, не переставая,

жужжали провода телефонов, пространные сообщения появлялись во всех газетах мира. Поиски Бородиной в Пекине продолжались. Начальник пекинского гарнизона объявил награду в 30 тыс. долларов за ее поимку, мукденские власти назначили за ее голову — 20 тыс. долларов. Считалось, что Фаина Бородина возможно скрывается на территории советского посольства. Входы в посольский квартал в Пекине в течение двух месяцев были оцеплены многочисленными шпиками и русскими белогвардейцами. Поперек улицы Лигэйшэн, идущей к посольству, вырыли довольно глубокие ямы и повесили плакаты «ехать медленно», чтобы полицейские пикеты могли иметь время вести наблюдение за всеми автомобилями, которых в то время в Пекине было немного. Вот как описывал происходившее американский журналист Шиэн: «Пекин был перевернут вверх дном, открыта была слежка за поездами, производились налеты на подозрительные дома. В Тяньцзине был установлен контроль над отходившими пароходами. Бородину никак не удавалось найти.[833]Ее портреты помещались во многих газетах и висели у полицейских управлений в Пекине, Тяньцзине, Мукдене и других городах Маньчжурии. Особое внимание призывали обратить на г. Тяньцзинь. Он был выбран потому, что считалось осуществить бегство легче всего там. В эти дни полицейские власти города следили «за всеми полными, чернявой внешности, дамами». Для того чтобы сбить с толку китайцев (Ф. Бородина находилась в Китае), советские спецслужбы опубликовали в зарубежных газетах дезинформацию о том, что она едет во

Владивосток. «Но вот однажды, через десять дней после оправдания Бородиной,— вспоминает Казанин,— японское агентство Ренго в депеше из Владивостока сообщило, что Бородина прибыла во Владивосток на японском пароходе, и подробно передало ее впечатления во время заключения и суда в Пекине. Еще через десять дней газеты опубликовали интервью с Бородиной в сибирском экспрессе и затем ее заявление по приезду в Москву. Сомнений быть не могло, сообщения эти были напечатаны всей мировой прессой. Итак, Бородина ускользнула из лап Чжан Цзолиня и теперь была в безопасности в Москве. Чжан Цзолинь и его подручные признали свое поражение и прекратили слежку». А в это время Ф.Бородина пряталась в домике, находившемся в одном из узких пекинских переулков старого города.

По имеющимся у нас данным, хозяевами дома были два человека: востоковеды Борис Иванович Панкратов (1892-1979) и Петр Антонович Гриневич (1888-1941), оба учившиеся в Восточном институте во Владивостоке, только первый — в 1916 г. его закончил, а второй — в этом году поступил в институт.

Справка.Борис Иванович Панкратов имел китайское имя Пань Кэфу, а прозвище Уцюань, у него было также монгольское и тибетское имя Лобсан Чултим. С 1917 г. Борис Иванович начал преподавать в институте монгольский и маньчжурский языки, тогда на год его направили в Пекин для усовершенствования знаний в китайском языке. Вернувшись, он помимо преподавания исполнял обязанности секретаря по студенческим делам, видимо тогда он теснее и познакомился со студентом Гриневичем. В 1918 г. Панкратов был откомандирован в Китай и находился в Ханькоу до 1921 г., там он преподавал русский и английский языки и изучал

местные диалекты. В Ханькоу с ним произошла одна «история», которая вынудила его покинуть этот город.

В 1921 г. он жил на территории бывшей русской концессии. У него сложились довольно приличные отношения с главой русской колонии Бельченко, в прошлом русским консулом, имевшим неплохие связи с местными китайскими властями. Вокруг было много эмигрантов. Однажды Бельченко нашептали, что Б. И. Панкратов симпатизирует советской власти и он привлек Панкраторова к суду за просоветские убеждения. Последнего судили Бельченко и представитель китайских властей. Решением суда подсудимый должен был покинуть русскую концессию и тому ничего не оставалось, как уехать в Пекин. Там он устроился на работу в агентство РОСТА и одновременно в Институт русского языка при китайском МИДе. Сохранились документы, подтверждающие, что уже в сентябре 1921 г. ему предлагали провести квалификационные испытания в этом институте. Из-за нехватки хороших квалифицированных востоковедов его в 1923 г. взяли переводчиком с английского и китайского языков в Консульский отдел Советского посольства, где он и проработал до 1929 г. Видимо в начале 20-х годов он и поселился в том доме, о котором мы упомянули в начале статьи. У Панкраторова были налажены хорошие контакты с Государственным пекинским китайско-русским университетом, с Пекинской коллегией адвокатов, он принимал активное участие в научной жизни пекинских университетов и институтов, где преподавал, выступал с докладами, занимался исследованиями. Вскоре после приезда в Пекин он близко познакомился с представителями и передовой интеллигенции, руководителями движения «4 мая»: профессором Ли

Дачжао и Ху Ши. Дружба с первым продолжалась до самого ареста китайскими властями в 1927 г. Панкратов с риском для себя старался помочь Ли Дачжао, спрятать его и лишь по счастливой случайности избежал участи других советских людей, пытавшихся также его спасти. С Ху Ши он познакомился в 1921-1922 гг. в Пекинском университете. Жили они недалеко друг от друга и это способствовало общению. Ху Ши ввел Панкраторова в китайские научные круги.

Справка. Петр Антонович Гриневич родился 16 января 1888 г. в семье священника на Украине. В 1920 г. окончил Восточный институт, а в 1924 г. — факультет общественных наук ДВГУ. С 1925 г. он становится преподавателем восточного факультета ДВГУ и работает в этом качестве до 1928 г. В эти годы Гриневич часто выезжал в научные командировки в Китай. С виду довольно молчаливый и даже сумрачный и казавшийся довольно чужаковатым Петр Антонович был очень добрым и отзывчивым человеком.

Обычно в их дом приходила и приезжала самая разнообразная публика: китайцы, иностранцы, миссионеры, студенты. И в этом не было ничего необычного, когда однажды вечером в узкий переулок въехала шурша шинами машина с итальянским флашком на капоте, она подкатила к воротам, за которыми располагалась расписанная традиционно для старого города стена, отпугивающая злых духов. За ней проглядывал чудесный сад, оставшийся от ранее находившегося здесь храма. Из машины вышли двое иностранцев, а за ними скромно одетая бегинка в громадном крылатом белоснежном головном уборе. Трое неизвестных довольно быстро, чтобы не привлекать внимания посторонних, прошли через ворота, пересекли

сад и вошли в уединенный довольно скромный жилой дом. Пекинская полиция, которая уже несколько дней имела специальное задание по поиску особо опасного преступника, не обратила серьезного внимания ни на машину, ни на пассажиров.

Спустя несколько недель та же монахиня, в том же накрахмаленном уборе в сопровождении иностранцев выехала из этого домика, стараясь не привлекать внимание посторонних.

По официальной советской версии экипаж судна «Памяти Ленина» и его пассажиры попадали под амнистию и 13 декабря 1927 г. после уплаты штрафа были выпущены. Однако на самом деле в ход Москвой были пущены крупные финансовые средства. Специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1928 г., подписанным И. Сталиным, разрешалось «отпустить НКВД 280 тыс. долл. сверх уже переведенных 120 тыс. долл. f 834]для уплаты штрафа за экипаж парохода «Память Ленина»/ ;Итак, экипаж парохода находился в заключении в ужасных условиях (члены экипажа и капитан неоднократно объявляли голодовку на тот или иной выпад против них) в

Цинаньфуской тюрьме около 11 месяцев, до первой половины января 1928 г., 1 8зб]им не предъявляли никаких обвинений, держа в качестве заложников, и они были выпущены только тогда, когда был выплачен крупный выкуп. Таким образом, можно сделать вывод, что «уже переведенные 120 тыс. долл.»

предназначались для выкупа Ф. Бородиной. Известный российский китаист Ю. М. Гарушянц подтвердил мою догадку, что за Ф. Бородину был дан солидный выкуп, об этом она ему сама рассказывала позднее. Олег Васьков, с которым мы случайно встретились в Пекинском посольстве в Москве на торжествах по случаю 50-летия КНР, также подтвердил мне, что именно его отец Василий Васьков участвовал в операции по освобождению Фаины Бородиной (о точной сумме выкупа он не помнит). На просьбу разрешить сослаться на него при описании этого события Олег Васьков заявил, что действительно необходимо восстановить справедливость и назвать имена участников той операции. В книге Ф. Бородиной «В застенках китайских сатрапов» фамилия В.Васькова стоит только под переводом документа «Ходатайство о предварительном разбирательстве», сделанного в Пекине 27 мая 1927 г., и больше он нигде не упоминается. Сын рассказал, что его отец был ответственным лицом за эту операцию, он прятал Фаину и затем с большим риском переправлял ее верблюжьими тропами через Синьцзян на территорию СССР. (Кстати, по воспоминаниям сына, Василий Васьков, готовясь в эвакуации советского имущества из посольства в Пекине в 1929 г., лично упаковал золотые предметы (столовое золото и др.), оставшиеся еще от старого российского посольства, и переправил их все на советскую территорию).

6 апреля 1927 г. китайские солдаты и полицейские совершили налет на советское полпредство в Пекине и произвели обыск в апартаментах военного атташе и жилых помещениях служащих полпредства, а также в помещении Дальбанка, представительстве КВЖД и др., 15 советских сотрудников и 60 китайских граждан

(включая Ли Дачжао с двумя дочерьми), были арестованы. Вот как это событие описывала В. В. Вишнякова-Акимова: «6 апреля в половине одиннадцатого утра пятьсот солдат, полицейских и сыщиков окружили и заняли часть территории полпредства, отделенную от главной внутренним переулком. Все входы и выходы были закрыты. Большой двор с десятью домами, где жили сотрудники, военный городок и участок Управления КВЖД, где находились также помещения Дальневосточного банка и торгпредства, были наводнены солдатами. Начались обыски, грабежи, перешедшие в настоящий погром. Бандиты разнесли клуб, вывезли библиотеку, забрали бухгалтерские книги банка, произвели обыск в помещении торгпредства, разгромили отдел ТАСС. Служебные помещения военного атташе и его личная квартира, а также другие частные квартиры были обысканы и разграблены.... Всю ночь слышался грохот от взламывания замков и рев грузовиков.

...Вместе с китайскими товарищами были арестованы пятнадцать советских граждан, в том числе переводчик Гамберг (Майский), сотрудники военного атташе Тонких и Ильяшенко, преподаватель русского языка в Пекинском университете Скатын, сторож Григорьев, вице-консул Морозов и др.».[837]

Некоторые из них были жестоко избиты. В то время все местные и иностранные средства массовой информации систематически публиковали якобы изъятые в полпредстве документы, полностью разоблачающие деятельность советских спецслужб в Китае, а также

списки советские военных советников с указанием их псевдонимов. Так, утверждалось, что Тонких «ведал секретной документацией и делал сводки из газетных сообщений о военных делах для военного атташе, ввиду этого он обвинялся как секретный военный агент советского полпредства».^]

Наркоминдел и советское полпредство в Пекине выступили с протестами против нарушения китайскими властями элементарных норм международного права. Так, в ноте Народного комиссариата иностранных дел СССР от 9 апреля 1927 г. поверенному в делах пекинского правительства в СССР по поводу налета китайских солдат и полиции на помещение военного атташе полпредства СССР в Пекине, ареста и издевательств над сотрудниками полпредства говорилось, что «совершенно невероятное и неправдоподобное заявление пекинского правительства о том, что при обыске якобы найдены оружие и документы, служащие доказательством подготовки восстания, может объяснить, почему налет на помещение военного атташе и квартиры сотрудников посольства был произведен в столь исключительной обстановке. Ибо при такой обстановке, исключающей возможность элементарного контроля, описи отбираемых вещей и т. д., нет никакой гарантии, что в качестве якобы «найденного» в этих помещениях может фигурировать все могущее быть использованным враждебными иностранными влияниями, инспирированными и санкционированными акт набега 6 апреля».

Далее в ноте говорилось, что «если пекинский кабинет располагал сведениями, что на территории, находящейся в непосредственном ведении советского посольства, находились китайские граждане, которым он приписывал направленную против его интересов деятельность, то он имел полную возможность и был обязан в первую очередь довести об этом до сведения Посольства СССР».

В связи со всем изложенным Советское правительство настаивало на «выполнении следующих элементарных требований»:

- 1) «Китайский военный отряд и полиция должны быть безотлагательно удалены из помещений военного атташе, сотрудников посольства и торгпредства
- 2) Все арестованные служащие советского посольства и советских хозяйственных учреждений должны быть немедленно освобождены.
- 3) Все документы, взятые в помещении военного атташе, должны быть немедленно возвращены.
- 4) Имущество в виде денег, вещей, домашней обстановки, книг и проч., разграбленное и взятое полицией и военным командованием Ангоцзюня («Армия умиротворения государства» — объединение вооруженных сил северокитайских милитаристов, созданное для борьбы против революционных сил. —В.У.), должно быть немедленно возвращено их владельцам».

Далее в ноте говорилось, что «впредь до удовлетворения этих требований Советское правительство вынуждено в знак протеста отозвать своего поверенного в делах Г. Черных со всем посольством из Пекина, оставив лишь персонал для выполнения консульских функций».[840]

Итак, в Москве было принято решение отозвать весь состав полпредства, оставив лишь консульство и лиц, которым было поручено охранять имущество полпредства.

На запросы представителей печати по поводу опубликованных в иностранной прессе якобы захваченных во время налета на советское посольство в Пекине «документов» замнаркоминдел Литвинов вынужден был выступить с заявлением.

«В последнее время в связи с обыском в советском полпредстве в Пекине штаб Ангоцзюня (Чжан Цзолина) начал публиковать списки «документов», якобы захваченных в канцелярии военного атташе и в квартирах сотрудников полпредства. Кроме того, штаб Ангоцзюня в число этих документов включает также и те документы, которые якобы были найдены при обыске советских дипломатических курьеров, пливших на пароходе «Память Ленина» и арестованных полицией Чжан Цзучана в Нанкине.

Иностранная пресса публикует тексты этих «документов», переданных их корреспондентами по телеграфу из Пекина, делая вид, будто она верит в их подлинность, комментируя их вкривь и вкось, делая выводы, нужные и удобные тем правительствам, которые поощряли налет на советское посольство, если не являлись его инициаторами.

Обстановка налета лишает нас всякой возможности высказаться по поводу всей массы якобы захваченных документов. Ни один из наших официальных представителей не был не только приглашен присутствовать при обыске, но полиция прямо противодействовала этому. Например, когда поверенный в делах тов. Черных пытался пройти на территорию военного городка, он не был допущен туда полицией, точно так же не были допущены и другие официальные представители нашего полпредства».

«Обстановка при аресте и обыске наших дипкурьеров в Нанкине была также крайне характерна. Два первых обыска без участия каких-либо наших официальных представителей и самих дипкурьеров ничего не дали. И только на третий день, при третьем обыске, опять-таки произведенном при помощи русских белогвардейцев и без всякого участия наших официальных представителей и самих дипкурьеров, были якобы найдены какие-то документы.

Штаб Ангоцзюня пока публикует только списки «документов», не приводя их подробного содержания. Единственный документ, фотография которого пока опубликована в газете «Норт Чайна Стандарт» в Пекине, носит все признаки подложности, — заявил Литвинов. — Автор этого документа, не зная, очевидно, что в СССР уже десять лет введена новая орфография, пишет этот «документ» по старой орфографии (хотя, если учесть, что несколько российских сотрудников, которые работали в советских ведомствах в Китае, перешли из царских дипломатических ведомств, можно предположить, что они не стали переучиваться и писали

как и раньше. —В. У.), притом с массой грубейших ошибок»/

Интересно, что после этого налета и знакомства с рядом документов, найденных в советском представительстве, английские власти неожиданно для себя обнаружили копии нескольких совершенно секретных английских дипломатических документов. В отчете Министерства иностранных дел говорилось, что среди этих документов были «два особо важных сообщения» из всех, подготовленных за несколько месяцев британским послом М. Лэмпсоном (это говорило о продуктивности работы советской разведки в Китае). Сам же Лэмпсон утверждал, что утечка информации из дипломатических представительств Италии и Японии была еще более серьезной.[842]

«Документы, полученные из итальянского представительства, включали в себя главным образом расшифровки наиболее важных телеграмм, посылаемых из Пекина в Рим и обратно. А документы из японского представительства носили настолько детализированный характер, что в них была даже точная рассадка гостей на официальных приемах и записи бесед между официальными представителями миссии и их посетителями».[843] Это доказывает, что все-таки советские секретные службы неплохо работали в Китае, о чем признается за рубежом.

После этого была проведена чистка в английском представительстве, в результате которой в шпионской деятельности в пользу русских были уличены начальник канцелярии и еще один представитель китайского персонала при британской миссии/8441

Шпионажем против иностранных миссий в Пекине, по мнению историка К. Эндрю, занималась в основном военная разведка, а не ОГПУ. Автор приводит один документ, полученный в результате обыска советского представительства, который якобы демонстрирует методы работы разведки СССР. В инструкции по вербовке младшего китайского персонала иностранных представительств (посыльные, сторожа, садовники и тому подобное) говорилось: «Самые подходящие завербованные агенты — это те члены (коммунистической) партии, которые имеют достаточную подготовку по вербовке тайных агентов на основе идеологических убеждений». Завербованные

агенты должны были собирать разорванные и выброшенные в мусорные корзины документы, «испорченные машинописные страницы, первые корректурные оттиски, оставшиеся после работы на различного рода множительных машинах, и так далее». Особое внимание следовало уделять трафаретам, которые использовались на множительных аппаратах.

«Агентов, которым удастся добыть подобные материалы, следует поощрять денежным вознаграждением — оно, однако, должно быть небольшим по двум причинам: во-первых, крупная сумма денег в руках агента может вызвать подозрения у других

сотрудников данного представительства, а через них об этом могут узнать их хозяева; во-вторых, если по какой-либо причине агент заподозрит, что его информация носит ценный характер, он может при удобном случае начать торговаться с нами. Поэтому вы должны постоянно указывать ему на то, что мы ждем от него более важной информации, и если мы платим ему больше, так это потому, что надеемся на то, что в будущем он будет работать еще более успешно.

Следовательно, вознаграждение таких агентов должно быть немногим больше, чем их зарплата, которую они получают от своих хозяев». И далее: «За хорошую работу тайных агентов вознаграждение должны получать также те агенты, которые их завербовали, поскольку именно они являются движущей силой этой работы». Тайных агентов следовало ориентировать на то, чтобы они проявляли «рвение, пунктуальность и не скрывали своей преданности и привязанности» к своим хозяевам, а также делали все, чтобы избежать подозрений с их стороны. Их связные должны были «постоянно быть начеку, помня о ложной информации», и отдавать себе отчет в том, что агент может быть раскрыт сотрудниками представительства и использован для передачи дезинформации.^{46]}

Такая же участь постигла советские учреждения в Шанхае, где размещались отделения Дальбанка, агентство КВЖД, Русско-Азиатский банк. Заблокировано было и находившееся там советское консульство. «6 апреля советское консульство было окружено

вооруженными белогвардейцами и отрядом английских войск, которые пытались обыскивать всех входящих и выходящих, даже комиссара по иностранным делам китайского управления Шанхая, и, поскольку он отказался подвергнуться унижительной процедуре, его не пропустили к генконсулу Линде», — вспоминала В. Вишнякова.^[84/] Две недели продолжалась осада. В это время в консульстве находился и Стоянович, который был одним из активных его защитников/^{848]} Перехватывались все письма и телеграммы, посетители шанхайского консульства бесцеремонно фотографировались.

Английские власти в июне 1927 г. арестовали Стояновича и журналиста С. Голяновского под предлогом «выступления против нанкинского правительства и за выступление против существующего порядка». Подготовка компрометирующих материалов для привлечения Стояновича к судебной ответственности была выполнена известным в Шанхае сыщиком Кедроливанским-Кей из английской службы. Стоянович так характеризовал его: «Кедроливанский — «гроза» шанхайского преступного мира и неудачник в потугах создания провокационных выступлений в Шанхае против Совучреждений и отдельных советских работников».^{49]} Однако, по данным П. Балакшина, В. М. Кедроливанский был одним из самых способных русских детективов при шанхайской муниципальной

полиции. Он ушел оттуда после нескольких лет службы и открыл свою собственную контору/^{850 (И} мя Кедроливанского стало широко известно в связи с делом Э. Доссера и доктора Е. Фортунатова. Доссер, советский гражданин, был арестован по подозрению в шпионаже и подрывной деятельности. При обыске его помещения, Кедроливанский, тогда служащий шанхайской муниципальной полиции, нашел свидетельство Коминтерна, уполномочивавшее Доссера производить забастовки и устраивать волнения среди рабочих Шанхая. Некоторое время спустя после ареста Доссера Фортунатов предложил Кедроливанскому 10 тыс. долларов за то, что он на суде покажет, что коминтерновский документ был сфабрикован шанхайской полицией и по ее

приказу подсунут в бумаги Доссера. Кроме денег Кедроливанскому были предложены билет до Пекина и сопроводительное письмо послу Карахану, который должен был способствовать отправке его в Советский Союз.

О предложении Фортунатова Кедроливанский доложил своему начальству. Затем была устроена встреча его с Фортунатовым. Во время передачи денег

Кедроливанскому Фортунатов был арестован шанхайской полицией.

Недоволен Стояновичем был и Чан Кайши, агенты которого также следили за ним. Гоминьдановцам не нравилось, что последний вместе с журналистом С. Голяновским организовал в Шанхае информационное бюро советско-китайских журналистов — «Китсовжур», собирал обширную информацию, был хорошо знаком с большинством советников в Китае, был отлично информированным человеком. Три месяца он провел в китайской тюрьме (ему предъявлялось обвинение, что в его документах оказались расписки на получение денег от Бородина, из этого делался вывод, что он агент Бородина).[852]Только благодаря решительному вмешательству советского консула в Шанхае Козловского по просьбе жен Стояновича и Голяновского было проведено тщательное юридическое расследование, и на заседании Верховного суда провинции Цзянсу был вынесен оправдательный вердикт по их делу следующего содержания:

«19 сентября 16-го года Республики.

Вердикт Верховного суда провинции Цзянсу.

Ответчики: Стоянович, 41 год, русский, живет в Шанхае.

Голяновский, 36 лет.

Выбранный ими защитник Чжу Шучжэн.

Вследствие того, что вышеупомянутые ответчики подозревались в устройстве внутренних смут, Верховный следственный суд провинции Цзянсу просил об открытии по их делу прелиминарного процесса.

Ныне наш суд этот прелиминарный процесс закончил и вынес следующее решение. Указанное дело слушанием прекратить»/8531

После этого Стоянович и его семья вынуждены были покинуть Китай.

7 апреля 1927 г. был произведен обыск в помещении Тяньцзиньского отделения Дальбанка, Монценкопе, коммерческом агентстве КВЖД, Совторгфлоте.[854]21 апреля 1927 г. на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) после информации Ворошилова и Карахана о положении в Китае было принято Решение: «Всех военно-политических работников, кои не могут продолжать легальную работу в тех районах, где они работают в настоящее время, перебросить в другие районы; не представляющих ценности работников отозвать».[855]этим же Решением предлагалось «ввиду отъезда из Китая военного атташе (Р. В. Лонгва — В. У.) общее руководство военными работниками временно возложить на тов. Уральского

853 Там же. С.98.

854 Г.Н.Пескова. Ук. соч. № 2.С.72.

855 ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.692.

(В. Блю хера. — В . У .) » , [8 5 6] а М. М. Ланшевичу[85?] «уничтожить в КВЖД секретную и специальную переписку».[858-(Понятное дело, что в составе сотрудников КВЖД, работали и советские разведчики. К примеру в 1926-1932 гг. секретарем правления КВЖД был сотрудник

советской военной разведки В. И. Клярфельд/859—В. у) В специальном пункте г) предлагалось запросить Североманьчжурский комитет, «приняты ли меры для уничтожения документов русских парторганизаций на КВЖД.[86°]В этом же постановлении предлагалось

856 Там же.

857 М.М.Лашевич (1884—1928). Родился в Одессе, там провел годы своего детства и юности. Семнадцатилетнем юношей вступил в ряды РСДРП, после раскола примыкает к большевикам. Состоял членом николаевского, екатеринбургского, петроградского комитетов партии. За свою революционную деятельность сидел в тюрьмах, был в царской ссылке в Вологодской губернии и Нарымском крае. В 1917 г. в составе восставших он участвовал в захвате телеграфа, государственного банка, казначейства и почты в Петрограде. В

1918-1919, 1923 гг. — член ЦК партии. Воевал в составе Красной Армии против Колчака, Деникина и Юденича. По окончании польской войны М.М. Ланшевич был отправлен в Сибирь в качестве командующего Сибирским военным округом и председателем Сибревкома. В конце 1925 г. он назначается первым заместителем Наркомвоенмора и председателем Реввоенсовета СССР. За боевые заслуги дважды награжден орденом Красного Знамени.

В 1926 г. он был назначен Товарищем Председателя Китайской Восточной железной дороги и руководил КВЖД до 1928 г.

858 ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.693.

859 в.И.Клярфельд (1895—1939), родился в Херсонской губернии. Окончил реальное училище в 1915 г. и Петроградскую школу прапорщиков в 1917 г. С 1919 г. в РКП(б) и РККА. В 1920—1924 гг. работал в Региструпре. В 1924-1926 гг. помощник начальника оперативной части штаба 14-й стрелковой дивизии. В 1*935^1938 гг. — в распоряжении Разведупра РККА. Расстрелян 19 марта 1939 г.

«Довгалеvскому[861]разведать строго секретно программу действий японского правительства в отношении СССР, Маньчжурии и Южного Китая» и сообщить результаты Москве.[862]

Итак, в апреле 1927 г. со всей остротой выявился глубокий кризис революции в Китае, который назревал в течение последних месяцев. Усиление классовых требований рабочих и крестьян, активизация политической деятельности коммунистов, расширение сотрудничества коммунистов с левыми гоминьдановцами, обострившиеся разногласия между М. Бородиным и Чан Кайши, наконец, прямой нажим империалистических держав, привели к почти повсеместному выступлению правых гоминьдановцев, прежде всего их генералитета под общим антикоммунистическим знаменем.

М. Бородин, выступая на общем собрании старых большевиков в Москве 23 октября 1927 г., заявил: «Мы порвали с Чан Кайши вовремя. 3 января 1927 г. разрыв стал неизбежен... Уже 3 января мы шли на разрыв с Чан Кайши».[863 Юднако это была линия М. Бородина. Конфликт между ними приобрел острый характер. Чан Кайши в феврале потребовал отзыва Бородина в СССР. Свое требование он обосновал в беседах с Г. Войтинским

861 В.С. Довгалеvский (1885-1934), инженер, член РСДРП с 1908 г., с 1921 г. нарком почт и телеграфов РСФСР, с 1923 г. заместитель наркомма СССР, в 1924-1925 гг. полпред в Швеции, в 1925 — 1927 гг. — в Японии, с 1927 г. — во Франции.

86 2 ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.693.

72 и 23 февраля и с Блюхером 26 февраля 1927 г.[864 1 Уже в конце января 1927 г. Г. Войтинский информировал Москву о путчистских намерениях Чан Кайши.^51

Рассчитывая подорвать или хотя бы нейтрализовать позиции Чан Кайши, представители ИККИ в Китае и КПК взяли курс на радикализацию ЦИК и правительства Гоминьдана в Ухане и одновременно попытались осуществить ряд акций против Чан Кайши и его армии в центрах, к которым она приближалась, — в Нанкине и Шанхае. В прессе и устной пропаганде КПК была развернута кампания против правых, острие которой направлялось против Чан Кайши. Под давлением М. Бородина в середине марта 1927 г. на пленуме ЦИК Гоминьдана были приняты решения, серьезно ограничивавшие единоличную власть Чан Кайши в ЦИК и его военном совете. В правительство в Ухане вошли два коммуниста. Чан Кайши, маневрируя перед решающими боями за Шанхай, заявил, что подчиняется дисциплине Гоминьдана.

Сразу после мартовского (1927 г.) пленума ЦИК Гоминьдана «с подачи Бородина» глава Уханьского правительства подписал секретный приказ об аресте Чан Кайши. Приказ был вручен коммунисту Линь Боцьюю — политкомиссару одного из основных корпусов армии Чан Кайши, командир которого был связан с уханьскими левыми.¹ Все это происходило еще до «переворота Чан

Кайши» в Шанхае 12 апреля 1927 г. Причем, судя по ответам М. Бородина на вопросы сотрудника Полпредства СССР в Пекине М. Юшкевича 2 апреля 1927 г. во время их беседы в Ухане, М. Бородин неправильно оценивал ситуацию и переоценивал силы левых. «У Цзян Кайши (Чан Кайши. — В. У.) ничего нет. Есть только главком Цзян Кайши, а у него, пожалуй, 1-я дивизия, на которую он может положиться. Ну, его еще поддерживает группа купцов Нинбо. Вот и все. Нанкин взят нами. Цзян Кайши сидел на воде и в Нанкин не заезжал. Сейчас он в Шанхае. Там он не выступает. Главком сейчас в положении «летучего голландца», он мечется и не знает, как ему быть. А в Ухане все. Большинство армии за нами. Рабочие и крестьяне за нами. У нас все».[868] В конфликте с Чан Кайши Бородин опирался на хунаньского генерала Тан Шэнчжи (1889-1970), который во время Северного похода командовал 8-м корпусом НРА.

Иной оценки событий, более близкой к реальности, придерживался Блюхер. В беседе с тем же Юшкевичем на следующий день 3 апреля 1927 г. Блюхер считал момент, наступивший после взятия Шанхая, неблагоприятным для того, чтобы рвать с Чан Кайши. За Чан Кайши, по оценке Блюхера, большая часть армии Тан Шэнчжи, который будто бы считается опорой Национального правительства в Ухане, личность ненадежная, среди военных кругов непопулярен. Тот

факт, что Ухань пытается опереться на Тан Шэнчжи, дает как раз козырь в руки Чан Кайши против Уханьского правительства. «Чан Кайши идет вправо, — считал Блюхер. — ... Он опирается на армию, на значительные круги буржуазии, возможно, на иностранных империалистов. Он будет поддержан целым рядом провинций, в частности, приморскими, в которых давно сильно влияние империалистов, Гуандуном и Гуанси».[869] Он считал разрыв несвоевременным и неорганизованным, когда фактически рвали не мы, а рвал с нами Чан Кайши, пользуясь колеблющейся политикой Уханя. Блюхер считал, что надо продолжать маневрировать с Чан Кайши до занятия Пекина или вообще не порывать с ним. Как подтвердили дальнейшие события, оценки Блюхера были более реалистичны и точны, а высказывания М. Бородина свидетельствовали о непонимании им сложившейся обстановки на Юге Китая и расстановки сил в армии.

Политика М. Бородина и особенно полученное Чан Кайши известие о готовившемся его аресте, несомненно, подталкивала последнего на более радикальные методы борьбы. И это уже показали события в Шанхае.

КПК решила подготовить новое восстание в Шанхае. Были восстановлены и пополнены рабочие дружины, насчитывающие 5 тыс. человек, созданы городской и районные штабы восстания. Для руководства восстанием ЦК КПК образовал тройку во главе с секретарем Шанхайского комитета партии Ло Инуном. Коммунисты действовали в контакте с гоминьдановцами и местной буржуазией. 21 марта, когда части НОА были уже на

подступах к городу, 800 тыс. рабочих начали всеобщую забастовку, которая сразу же переросла в вооруженное восстание. К вечеру 22 марта город оказался в руках восставших. Части НРА под командованием генерала Бай Чунси, по приказу Чан Кайши задержавшего наступление на Шанхай, надеясь на разгром рабочих, вступили уже в освобожденный город. На следующий день другая группировка войск Чан Кайши заняла Нанкин. Это была крупнейшая победа революции, ставшая, однако, и началом ее поражения. Войска под командованием Чан Кайши сразу же попытались лишить восставших Шанхая плодов победы, введя военное положение. Чан Кайши, прибывший в Шанхай 26 марта, через четыре дня после войск Бай Чунси, быстро установил связи не только с находившимися там после изгнания из Уханя правыми гом и ньдановцами и : богатым торговцем Чжан Цзиньцзяном, бывшим анархистом У Чжихуем, видным деятелем в области просвещения Цай Юаньпэем, теоретиком национализма Чэнь Гофу и Дай Цзитао, но также и с китайскими деловыми кругами Шанхая. Определенную роль в подготовке переворота сыграли старые связи Чан Кайши с шанхайским уголовным миром.

Только главари шаяк, например Хуан Цзиньжун, главарь Синего братства (Цинбан), или Ду Юэшэн, тесно связанный с французским генеральным консульством в Шанхае, могли представить необходимые для операции отряды. Чан Кайши, который, по некоторым данным, сам вступил в Синее братство за 10 лет до описываемых событий, когда он был лишь незаметным маклером шанхайской биржи, вновь связался с Хуаном и его подручными. В конце марта и начале апреля именно с

их помощью он завербовал несколько сот хорошо вооруженных головорезов, организовал из них Общество всеобщего прогресса, временная резиденция которого была расположена на территории французской концессии в доме Хуан Цзиньжуна. Видимо, Чан Кайши даже не старался сохранить в этом смысле полную тайну, по крайней мере, от международной полиции, в одном из рапортов которой (от 7 апреля) упоминаются «подготовительные меры Общества всеобщего прогресса с целью произвести внезапное нападение на помещение городского совета профсоюзов и разоружить находящиеся в нем. Это нападение должно производиться членами Синего братства, поддержанных переодетыми в штатское солдатами».

Определенную финансовую помощь Чан Кайши оказали финансовые банкиры Шанхая. Так, на IV съезде профсоюзов называлась цифра — 15 млн. юаней. «Банкиры содействовали своими фондами антикоммунистической кампании», — писала «Политик де Пекин» 10 апреля 1927 г., не называя цифр. Другие источники говорили о двух выплатах в начале апреля — одна в 7 млн., другая в 3 млн. юаней.^[87]Используя эти финансовые средства, Чан Кайши вооружает и финансирует отряды шанхайской мафии (из состава тайных обществ Цинбан — «Синее братство» и Хунбан — «Красное братство»). С их помощью разоружаются рабочие дружины 12 апреля 1927 г. В помещении их главного штаба в Чжабэе было найдено и конфисковано

20 пулеметов, 3 тыс. винтовок, 200 револьверов системы «маузер», 1 млн. патронов, 2 тыс. пик.

В этот критический момент была предпринята попытка открытой империалистической интервенции. В территориальных водах Китая было сконцентрировано более 170 военных кораблей Англии, США, Японии, Франции и других стран, на китайской территории высаживались все новые и новые контингенты иностранных сухопутных войск. В это время Чан Кайши активизирует связи с правыми гоминьдановцами и с консулами империалистических стран. В ночь на 12 апреля войска империалистов в Шанхае арестовали более 1000 коммунистов и революционных рабочих, передав их в штаб Чан Кайши. В 4 часа утра 12 апреля наемные банды гангстеров, финансируемые и вооруженные чанкайшистами на деньги шанхайских капиталистов, повязавшие в качестве отличительного знака нарукавную повязку с иероглифом «гун» (труд) и одетые в синюю форму, провоцируют вооруженные столкновения с рабочими пикетами, неожиданно напав на 20 с лишним пунктов в Чжабэе, Пудуне, Наньши и Западном Шанхае при поддержке армии и полиции. Им удалось за несколько часов разоружить все дружины и захватить нескольких рабочих руководителей, в частности, председателя Совета профсоюзов Ван

Шоухуа/874] Массовые митинги протеста в городе были разогнаны пулеметами и подавлены вооруженной силой, рабочие пикеты разоружены, около 300 пикетчиков были

убиты и ранено. Число убитых и раненых резко возросло, рабочие организации разогнаны, коммунисты вынуждены были срочно уйти в глубокое подполье. М. Бородин и другие советские советники скрылись в доме мрусского коммерсанта В. Е. Уланова во Французской концессии/8751

Одновременно контрреволюционные перевороты были совершены реакционной военщиной в столицах провинций Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Чжэцзян и Аньхуй. Она демонстрировала, кто является подлинным хозяином в этих районах. Эти события обычно в нашей литературе назывались «контрреволюционным переворотом».

18 апреля 1927 г. в Нанкине Чан Кайши провозгласил образование своего, в отличие от Уханьского, «Национального правительства», что означало оформление раскола гоминьдановского режима.

Все эти события не на шутку встревожили руководство в Москве. 12 мая 1927 г. собирается особое заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где заслушивается вопрос о Китае, по которому докладывали Ворошилов и Карахан. Были приняты специальные пункты постановления следующего содержания: «г) Поручить комиссии в составе тт. Косиора, Ягоды, Литвинова и Берзина пересмотреть все инструкции НКВД, ИККИ, РВСР и ОГПУ по вопросу о порядке хранения архивов, рассылки и хранения шифровок и др. конспиративных материалов, посылаемых за границу, в направлении максимального обеспечения в конспирации. Срок работы комиссии — двухнедельный. Созыв за т. Косиором, д) Обязать тт. Литвинова и Карахана в двухнедельный срок

представить в Политбюро проект постановления в связи с процессом арестованных советских работников в Пекине, ж) Считать необходимым посылку специального человека в Китай с целью обеспечить уничтожение всех, сколько-нибудь компрометирующих, документов и предотвратить возможность провала остальных. Обязать ОГПУ выделить для этой цели ответственного работника, согласовав его кандидатуру с НКВД и Секретариатом ЦК. з) Поручить ОГПУ и НКВД отправить с указанным работником в Китай специальные инструкции всем товарищам, работающим в Китае, на основе настоящего решения Политбюро, к) Послать по линии ОГПУ шифротелеграмму о принятии срочных мер по соблюдению конспирации в работе и уничтожении компрометирующих документов»/8761

То, что такие директивы вскоре были посланы, подтверждает в своих мемуарах советский разведчик 20-х годов в Персии, Турции и Афганистане А. Агабеков.

«В середине 1927 года, после обысков, произведенных китайской полицией в советских консульствах в Шанхае и Кантоне, — вспоминал он, — пришла циркулярная телеграмма для полпредства, торгпредства, Разведупра и ОГПУ с предписанием просмотреть архивы этих учреждений и уничтожить документы, которые могли бы компрометировать работу советской власти за границей. Полпредство и торгпредство немедленно приступили к разбору архивов. Отобрали колоссальные кипы бумаг, подлежащих сожжению. Целую неделю эти бумаги жгли во дворе полпредства. Пламя поднималось так высоко, что

городское управление, думая, уж не пожар ли в советском полпредстве, хотело прислать пожарных.

Мы получили более строгое распоряжение. Москва предписывала уничтожить вообще весь архив и впредь сохранять переписку только за последний месяц, но и ее предлагалось хранить в таком виде и в таких условиях, чтобы в случае налета на посольство можно было немедленно уничтожить весь компрометирующий материал. По этой спешке можно было заключить, насколько велика была паника в Москве».[877]

Когда после вторжения китайской полиции в советские дипломатические учреждения в Китае встала опасность аналогичных вторжений в других странах и перед Наркоминделом вырисовывалась опасность закрытия некоторых советских посольств, Литвинов потребовал, как вспоминал советский дипломат Г. Беседовский, в категорической форме от Политбюро немедленного запрещения дальнейшей работы агентур Коминтерна при посольствах и добился такого запрещения. «Когда некоторые члены Политбюро указывали ему, что контакт в работе посольств с коммунистическими партиями совершенно неизбежен, ибо он вытекает из основной установки на мировую революцию, — писал Г. Беседовский, — Литвинов ответил, что ему поручено не руководство мировой революцией, а руководство Наркоминделом, и он хочет спасти от окончательного разгрома органы Наркоминдела за границей. Если его перебросят на работу в Коминтерн, он будет, конечно, заботиться об интересах мировой революции, а пока он в

Наркоминделе, он должен заботиться о советских посольствах»/8781

2 июня 1927 г. в Москве на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вновь ставится вопрос о положении в Китае (докладчики Уншлихт и Карахан). Принимается следующее постановление: «Под ответственность консулов и лиц, дающих визы на отправку шифротелеграмм, категорически воспретить посылку специальных телеграмм за подписями и на имя официальных лиц и учреждений. Подлинные подписи, а также адреса, фамилии ответственных работников должны быть заменены псевдонимом».^]

21 июля 1927 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вновь заслушивается вопрос о положении в Китае, принимается решение «предложить т. Галину (В. Блюхеру. — В. У.) сжечь свой архив», а также «просить ИККИ организовать за границей широкую кампанию протеста против расстрела коммунистов в Китае».[88°]

После налета на Советское посольство в Пекине и захвата документов началась их обработка и публикация. Большое внимание сразу же было уделено этим документам в Пекине со стороны военных атташе Америки, Англии и Франции. Они одни из первых организовали отсортировку этих документов, их перевод и пересылку в свои страны. Первые документы в Пекине были опубликованы уже 19 апреля 1927 г. И с этого периода начались перевод и публикация этих документов в китайской и западной прессе. Около 30 уже было опубликовано к концу июня. Наибольший интерес из документов представляли материалы о советской разведке, военной помощи Гоминьдану и его армиям, работе советских советников в Кантоне.8811

Вот как характеризовал события 6 апреля 1927 г. известный ленинградский китаевед доктор исторических наук Г. В. Ефимов в коллективной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке»: «Во время налета было захвачено большое количество всякого рода материалов, в том числе документов, о подлинности которых нельзя судить уже по одному тому, что никаких советских официальных представителей при обыске не было (да, но есть советские архивы, где эти документы могут храниться. — В. У.). Первые из опубликованных «документов» носили явную печать фальшивок (некоторые из них были написаны даже по старой орфографии)».[882]Китайский историк Си Уи из Пекинского института новой истории академии общественных наук попытался разобраться со вторым утверждением — являются ли эти документы фальшивыми. Результаты своего исследования он опубликовал в статье «Фальсификация так называемых «Указаний военному атташе в Китае» в целях доказать наличие советского «заговора»». После тщательного

исследования документов (фотокопии сохранившиеся в архивах полицейского управления Пекина) и бесед с очевидцем и непосредственным участником событий, бывшим чжанцзолиновским дипломатом Чжан Гочэнем, который в 1927 г. возглавлял комиссию по подбору и переводу захваченных советских документов и признался, что первые опубликованные документы были фальшивками, автор приходит к выводу, что данный документ (Указания Москвы военному атташе в Китае, подготовленные на основе Пленума ИККИ по китайскому вопросу) — фальшивка. На чем

же Си Уи основывается? Прежде всего автор акцентирует внимание на наличии серьезных смысловых разногласий политического характера между текстом «указаний» и «Резолюции», прямых противоречий в принципиальных вопросах, касающихся характера, особенностей и перспектив китайской революции. Тщательно сопоставляя содержание «указаний» с документами Коминтерна, автор аргументированно подводит читателя к выводу о «глубоком сомнении в подлинности данного «документа». Си Уи, справедливо отмечая, что «в воспоминаниях 80-летнего человека о событиях более чем полувековой давности могут быть некоторые расхождения и неточности в деталях», особо выделяет из этого материала один момент — «появление на свет имени автора и непосредственного изготовителя фальшивки» — бывшего белогвардейского журналиста Н. Митаревского, который, используя свое положение «переводчика» документов, издал в те годы книгу под названием «Всемирный советский заговор: разоблачение

на основе еще не опубликованных документов, захваченных в советском посольстве в Пекине». Си Уи пишет, что «хотя некоторые западные историки выражали сомнения в компетентности Митаревского и отмечали субъективизм его оценок...но никто не предполагал, что он и является автором фальшивки». Кстати, М. Вильбур и Дж. Хоу в своей монографии также подвергают сомнению ряд документов, опубликованных в 1920-х годах, как фальшивые, и при отборе в свою книгу от них отказались.⁶¹

В такой обстановке русским советникам было небезопасно оставаться в Китае. Они стали выезжать на Родину. 8 июля 1927 г. в Москве собирается экстренное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и заслушивает сообщение о положении в Китае. На нем принимается постановление, где говорилось, что «Банкиру (М. М. Бородину. — В. У.) советуем выехать (из Китая. — В. У), чтобы не быть высланным. Отъезд Банкир должен обставить наиболее подходящими формальностями и мотивами». 7 и 8 июля 1927 г. Политбюро ЦК принимает текст телеграммы в Ухань, которая в тот же день уходит в виде шифровки, следующего содержания: «Галину, Банкиру, Люксу (Блюхеру, Бородину, Пliche. — В. У). В порядке партдисциплины Банкиру предлагается немедленно выехать Москву. Банкир не может назначить себе заместителя без разрешения Инстанции. Деньгами с настоящего момента должен распоряжаться Уральский (Блюхер. — В. У.) по предварительным указаниям отсюда. Инстанция».

16 июля 1927 г. днем Бородин в сопровождении трех десятков сотрудников и журналистов из Ханькоу выехал в Советский Союз, а в 2 часа ночи генерал Хань Цзянь устроил налет на его квартиру, рассчитывая расправиться с ним.[888] Сначала они ехали по железной дороге, затем на автомашинах по провинциям Шэньси и Ганьсу, через зыбучие пески Гоби на Улан-Батор. Обычный тракт через Калган был закрыт: там стояли войска Чжан Цзолиня. В Чжэнчжоу к Бородину присоединился советник Лапин. В Верхнеудинске Бородин появился только 29 сентября 1927 г. Еще раньше домой из Ханькоу выехали Вишнякова с Акимовым.

В августе 1927 г. Ханькоу нелегально покинули задержанные В. Блюхер и его жена, связная А. Л. Разумова и Ломинадзе. Вот в какой обстановке выехал Блюхер из Китая по воспоминаниям А. Л. Разумовой: «Василий Константинович оставался в Ханькоу, когда город покинули почти все русские советники. К Блюхеру приезжало много лиц, предлагавших ему свои услуги. Китайцы, зная, что генерал Галин плохо себя чувствует, особенно знойным летом, предлагали ему поехать в Куньмин, славившийся ровным мягким климатом круглый год, или в любое другое место. На приглашение Блюхер отвечал, что климат Китая вреден для его здоровья и что ему необходимо поехать в Кисловодск. Чан Кайши предлагал

Василию Константиновичу крейсер, чтобы доехать до Шанхая, но Блюхер отказался воспользоваться этим предложением. Было ясно, что Блюхеру не вырваться из Ханьчжоу — так плотно он был окружен «вниманием» сторонников Чан Кайши. Тогда было решено, что Блюхер выедет нелегально. Василия Константиновича задерживали (задерживали и его жену). Это было необходимо сделать потому, что Блюхера слишком хорошо знали в городе. Он разъезжал по

Ханькоу свободно и на машине, и на мотоцикле. Один из советских генералов организовал объявление в местной газете о том, что на таком-то пароходе такого-то числа выезжает генерал Галин со своим штабом. К указанному времени стали подъезжать машины, велась погрузка багажа на пароход, создавалась полная картина, будто Блюхер действительно уезжает. А когда подошел момент отъезда, то Блюхера не оказалось. Советский генерал объявил, что Галин заболел. Капитан сказал, что он ждать не может, и пароход отчал ил ». [889]

А В. К. Блюхер выехал в Шанхай на японском пароходе на следующий день. А по версии П. Балакшина, якобы «по дороге в Москву Галин — Блюхер заехал в Шанхай повидаться с Чан Кайши. У Чан Кайши отношения с Блюхером были такие, каких он не имел ни с кем из коминтерновских и красноармейских советников. Он считал его выдающимся военным, человеком положительным по своим качествам, совсем не похожим на других советских представителей. ...При расставании с Чан Кайши в Шанхае Блюхер чувствовал себя подавленным. Чан Кайши сказал ему: «У нас еще будет возможность работать вместе, не стоит огорчаться».

Блюхер ответил: «Надеюсь, что видимся не в последний раз».

«Еще до того, как корпус советников при Блюхере выехал из Китая, — вспоминал разведчик И. Винаров, — наша группа незаметно „растаяла“ и исчезла, превратившись в группу из нескольких бизнесменов, срочно открывших небольшие торговые предприятия и начавших „делать деньги“. Разумеется, группа поддерживала связь с Центром, с управлением Берзина, через нашу шифровальщицу Галину, имевшую в то время „официальный статус“ в Пекине. Встречи с Галей и обмен секретной корреспонденцией с Москвой осуществлялись по всем правилам разведывательного искусства ». [89!] Была открыта шанхайская импортно-экспортная фирма во Французском сэттльменте Шанхая и такая же фирма в Пекине, хозяевами последней официально были поляк, немец и два бывших белогвардейца из армии Колчака. ^]

Налеты на советские учреждения в Китае продолжались.

7 ноября 1927 г. русские белогвардейцы при полном попустительстве местных властей совершили погромный налет на советское генконсульство в Шанхае. Разъяренная толпа, только что прослушавшая молебен «по убиенным членам семьи Романовых», ломилась в двери, собираясь разнести здание и уничтожить всех находившихся в нем женщин и детей. Вот как это происходило по воспоминаниям известного российского китаиста Ошанина, пересказанным нашим дипломатом Б. Н. Верещагиным: «Огромная толпа белоэмигрантов, вдохновляемая своими вожаками, в том числе священниками, обступила здание генконсульства. Парадную дверь закрыть почему-то не успели. Со стороны речки Сучжоу под стенами генконсульства на барке, стоявшей на канале, соорудили виселицу и подожгли подвешенное чучело «коммуниста». Электричество было отключено, и на одном из окон верхнего этажа от керосиновой лампы вдруг загорелась портьера. Это придало смелости разъяренной толпе, и несколько человек ринулись к парадным дверям, намереваясь ворваться в здание генконсульства. Спасла сотрудников, по словам Ошанина, счастливая случайность. Напротив парадного входа был установлен вышедший из строя пулемет «максим», который незадолго до этого оставили в здании спасавшиеся от преследований повстанцы-коммунисты. Белогвардейцев-эмигрантов при виде пулемета охватила паника, и они отпрянули назад, началась давка, в которой раздавили несколько человек. Воспользовавшись замешательством и страхом нападавших, сотрудники генконсульства сумели закрыть парадную дверь, забаррикадировав ее железным щитом, и припереть

толстыми стальными стержнями, а наверху тем временем потушили огонь». [893]

В защите генконсульства в этот день отличился Людвиг Мадьяр. Он, вооруженный револьвером, был в числе тех сотрудников, которым была доверена самая передовая линия обороны, — непосредственная защита входа. Был момент, когда тяжелые двери поддались, и погромщики ворвались внутрь. Мадьяр и его товарищи, оказавшись лицом к лицу с ними, ни на миг не дрогнули

и продолжали стрелять. Это создало перелом, толпа обратилась в бегство, унося с собой раненых, один убитый остался лежать на месте преступления. Только после того как все было кончено, появилась английская полиция сэттльмента.^{^^}по данным китаиста О. Непомнина, идея с пулеметом «максим» принадлежала именно Л. Мадьяру.

Заместитель народного комиссара иностранных дел Л. Карахан специальной телеграммой передал благодарность генконсулу в Шанхае Б. И. Козловскому и его сотрудникам, на первом месте среди этих сотрудников шла фамилия Людвиг Мадьяра. ! 895]

11—13 декабря 1927 г. в Гуанчжоу вспыхнуло восстание («Кантонская коммуна») — последняя попытка КПК восстановить южную революционную базу. По предварительному решению восстание должно было начаться 13 декабря. Однако Ван Цзинвэй, находившийся

894 А.М.Григорьев, В.Н.Никифоров. Людвиг Мадьяр. С.105.

895

в то время в Шанхае, получил сообщение о готовившемся восстании и 9 декабря телеграфировал об этом Чжан Факую и послал в Гуанчжоу свою жену Чэнь Бицзюнь с инструкциями. 9 декабря 1927 г. была перехвачена телеграмма Ван Цзинвэя следующего содержания: «Советское консульство является штаб-квартирой коммунистов. Мы ждем, что вы произведете обыск и выгоните советского консула. Все коммунисты подлежат аресту. Это важнейшая задача момента». Эти требования Ван Цзинвэй повторил в телеграмме от 10 декабря 1927 г. Начало восстания было перенесено на 3 часа 30 мин. 11 декабря.[^]Восстание было потоплено в крови. Очевидно, в организации восстания видную роль играл разведчик Г. И. Семенов. Об этом говорит тот факт, что в начале 1928 г. после провала китайской революции и по возвращении в Москву он даже выступал с докладом о Кантонском восстании на расширенном заседании Президиума Коминтерна, специально посвященном причинам поражения «Кантонской коммуны», которая продержалась всего три дня. Сам факт присутствия и выступления Семенова перед такой аудиторией лишний раз свидетельствует о том, что в тех событиях в Китае он играл не последнюю роль. Деятельность Г. И. Семенова в качестве военного советника, несмотря на общее поражение на том этапе революции в Китае, судя по всему, получила высокую оценку. Не случайно в 1928 г. Семенова не только

перевели работать в центральный аппарат Разведупра, но и послали на повышение. До мая 1929 г. он служил в должности помощника начальника 2-го (агентурного) отдела Разведупра. Этот пост оказался пиком служебной карьеры разведчика Семенова.

После указаний Ван Цзинвэя и был совершен налет на генеральное консульство СССР в Гуанчжоу, и пять его сотрудников 14 декабря 1927 г. были зверски расстреляны. Это дипломат-разведчик, сотрудник ИНО ОГПУ, секретарь консульства В. А. Уколов, вице-консул А. И. Хассис, '00]шифровальщик генконсульства Ф.И.Попов, а также П. П. Макаров, К. И. Иванов.^{^03]}

Вот как вспоминал это трагическое событие генеральный консул в Кантоне в 1927 г. Б. А. Похвалинский[9° ^ (псевдоним Веселов): «Около 8 часов (13 декабря 1927 г. — В. У.), когда мы были уже в столовой, прибежал со двора дежурный китаец и сообщил, что мы окружены солдатами.

Предложив товарищам остаться, я быстро побежал вверх, где с балкона хорошо были видны обе улицы, на которые выходила наша усадьба. Было уже темно, но огромную толпу вооруженных солдат, запрудившую перед стенами усадьбы обе эти улицы, я все же разглядеть мог. Мелькнула мысль, что, по-видимому, грозит что-то другое, чем мы ожидали, но что?...Бросившись вниз, я сказал товарищам, что сопротивление бесполезно, крикнул одному из сотрудников, т. Попову, сжечь приготовленные еще заранее секретные государственные бумаги, остальным предложил

подняться ко мне в кабинет наверх, а сам, с упомянутым Лоу, у которого были ключи от ворот, пошел во двор к воротам.

У решетчатых ворот бесновалась толпа вооруженных солдат. Лоу, знавший английский, переводит, что они требуют открыть ворота. Пытаюсь через Лоу говорить с замеченным у ворот офицером. В ответ дикие крики, наведенные маузеры, приказ открыть ворота. Соображаю, что бумаги уже должны быть сожжены, предлагаю Лоу открыть ворота».

Весь состав консульства, включая членов семей и детей, был арестован и подвергся самым грубым издевательствам со стороны китайской военщины. Пятеро вскоре были расстреляны. По Гуанчжоу стали распространять открытку с трупами Хассиса, Уколова, Попова, Иванова и Макарова и надписью «пять русских, расстрелянных 14 декабря 1927 г.».

Аналогичная ситуация складывалась и в Ханькоу. В генеральном консульстве СССР в Ханькоу оставалось всего 10-12 человек сотрудников, в том числе В. Т. Сухоруков (член партии с 1917 г., участник гражданской войны, после окончания Военной академии РККА в 1925 г. был направлен для работы в Китай, где и проработал до 1927 г.) Ожидался налет и на советское консульство. Вот как вспоминал об этих событиях их очевидец В.Т.Сухоруков: «В ночь на 27 декабря 1927 г. я получил экстренное и достоверное сообщение, что ханькоускими военными властями получен приказ Чан Кайши из Шанхая о разгроме этой же ночью генерального консульства СССР в Ханькоу, аресте

сотрудников и учинении расправы над ними наподобие той, которая имела место в Гуанчжоу...Своевременная осведомленность о коварном плане Чан Кайши позволила нам в последнюю минуту уничтожить абсолютно все оставшиеся еще не сожженными документы и материалы». Налет был совершен. Было объявлено об административной высылке всех русских в Нанкин в распоряжение Чан Кайши. Вся группа в тот же день, погрузившись на катер отправилась вниз по Янцзы. Через сутки она прибыла в Нанкин, затем проследовала в Шанхай, из Шанхая через Японию во Владивосток.

23 декабря 1927 г. Народный комиссариат по иностранным делам СССР в связи с нападением на советское консульство в Гуанчжоу (Кантон) сделал заявление, в котором говорилось, что еще отсутствуют «точные сведения о последних кантонских событиях, но можно сказать с несомненностью, что ряд советских граждан в Кантоне погиб ужасной смертью после всевозможных надругательств. О трагической смерти советского вице-консула тов. Хассиса имеются сообщения из различных источников, и вряд ли можно еще сомневаться в правильности этого потрясающего известия».¹

В связи с арестами в Китае резко сократился круг людей, поставлявших информацию в Центр. С. Иоффе в своем письме В. И. Соловьеву (Райту) от 6 января 1928 г.

прямо пишет, что «события показали, что мы плохо информированы. Теперь источники информации почти иссякли. Важнейшая задача — наладить информацию»/9101

Революционные события в Китае и роль в них СССР не на шутку обеспокоили зарубежные правительства. Бывший с визитом в конце 1927 — начале 1928 гг. в Москве председатель Японо-советского общества культурных связей по случаю подготовки советско-японской рыболовной конвенции Гото специально обратился к советской стороне с разъяснениями по поводу «коммунистической пропаганды в Китае» и роли в ней СССР. 29 декабря 1927 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было принято подписанное Сталиным решение поручить Чичерину разъяснить советскую позицию по данному вопросу. «Мы не понимаем той тревоги и беспокойства, которые проявляют некоторые японцы, — должен был заявить Чичерин. — Коммунистическая пропаганда является неизбежным спутником национального движения, и коль скоро допущено национальное движение в Китае, обязательно будет иметь место и коммунистическая пропаганда. Наше отношение к китайским делам, с точки зрения коммунистической пропаганды, состоит в том,

что мы придерживаемся абсолютного нейтралитета. Мы ни в коем случае не допустим, чтобы кто-либо имел то или иное отношение к коммунистической пропаганде. Никто из наших служащих, уличенных или заподозренных в

коммунистической пропаганде, не может быть оставлен в учреждении ни одной секунды». 1111

Неоднократно Чичерин говорил, что политика СССР (в первую очередь Коминтерна) в отношении Китая в 1927 г. была ошибочной. Так, в письме И. Сталину 20 июня 1929 г. он подчеркивал, что «ложная информация из Китая повела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики 1923-1926 гг.), вследствие которых так называемый «советский период китайской революции» уже два года заключается в ее полной подавленности». «Буддийские деревянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы тт. Ломинадзе, Миф, Андрей, Семенов (директор издательства «Правда»), Шацкин и прочие комсомольцы, этого факта не изменили», — писал он. В письме Рыкову осенью 1929 г. Чичерин вновь заявляет, что «нынешняя линия Коминтерна кажется ему гибельной», «в Китае мы расхлебываем результаты роковой линии 1927 г.».

1 марта 1928 г. Танака Гиити от имени японского правительства передал на имя советского посла в Японии А. А. Трояновского ноту. В ней японское правительство от имени 12 государств, в том числе Великобритании, США, Франции, Италии, предложило СССР присоединиться к соглашению о запрещении ввоза оружия в Китай, заключенному ими в апреле 1919 г. в Париже.

По этому поводу 15 марта 1928 г. в Москве под руководством И. Сталина состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). В пункте третьем протокола данного заседания о «предложении японцев», говорилось: «Признать необходимым ответить японскому правительству нотой. Поручить НКВД составить на основе обмена мнений в Политбюро проект текста ноты и разослать всем членам Политбюро. Включить в ноту заявление о том, что мы не ввозим и не имеем намерения ввозить оружие в Л7/га/2(выделено мной. — В. У.)». Видимо, такое заявление было настолько циничным, кто знает реальную обстановку дела, что это положение не рискнули вставить в ответную ноту А.А.Трояновского на имя Танака Гиити от 26 марта 1928 г/91 ^ (скорее всего, это было передано на словах, без фиксации в документах. — В. У).

К 1928 г. у центрального руководства в Москве видимо возникли сложности с финансами и возможностью их пересылать, как раньше, своей агентуре в Китай. Одни резиденты на местах занимали у других из соответствующих ведомств. Об этом красноречиво говорит следующий документ от 17 мая 1928 г.:

«Совершенно секретно. Лично. ИККИ, тов. Пятницкому. Нашим представителем в Шанхае т. Алексеевым одолжено в свое время т. Альбрехту 4000 дол. Тов. Алексеев, вследствие этого, остался сейчас без денег и просит срочно телеграфировать по Вашей линии т. Альбрехту о возврате ему долга.

Кроме того, в Харбине из наших средств по Вашему поручению были выданы Вашей линии 2000 дол., каковы до сих пор нам не возвращены.

Прошу Вас в срочном порядке дать соответствующее распоряжение в Шанхай, а также вернуть нам здесь на месте 2000 дол.

Начальник IV Управления Штаба РККА Берзин». [915]

Враждебная СССР политика в Китае продолжалась и Чжан Сюэляном, сыном Чжан Цзолиня, после убийства последнего, произошедшего 4 июня 1928 г. во время взрыва (по одной из распространенных версий организованного японцами) поезда под виадуком ЮМЖД.

22 декабря 1928 г. отряд китайской полиции захватил в Харбине телефонную станцию, принадлежащую КВЖД и находившуюся в совместном советско-китайском управлении. Власти

северо-восточных провинций, подконтрольные Чжан Сюэляну, отказались от переговоров с советскими представителями об урегулировании конфликта. В начале января 1929 г. закрывается газета советских граждан «Молва», имевшая десятитысячный тираж (редактором-издателем «Молвы» был Н. П. Нечкин, до этого сотрудничавший в «Новостях Жизни» под псевдонимом Ник. Девиль. Когда газету закрыли, Нечкин был выслан из Харбина⁶). Затем состоящий на

китайской полицейской службе белогвардеец Моноканов открыл стрельбу в Харбинском генеральном консульстве.

27 мая большой отряд китайской полиции, в составе которого находилось несколько русских, во главе с генералом Ми Чунлином, оцепив здание, устроил налет на генеральное консульство в Харбине, в нарушение всех норм международного права. Предупрежденные одним из китайских служащих полиции, консульские власти наглухо забронировали входы в консульство. Только после решительных угроз взломать двери полиции удалось войти внутрь здания, где якобы консульские служащие спешно жгли секретные документы? 11

«В час дня 27 мая наряды полиции внезапно оцепили здание советского консульства в Харбине, и пока полиция требовала открыть двери, пока обе стороны сносились со своими начальниками, в многочисленных кабинетах и архивах консульства его чиновники во главе с консулом Мельниковым, L 918]поспешно жгли списки, протоколы, приказы, т. е. все то, что освещало красную подрывную работу в Маньчжурии, — так описывалось это событие в книге «Великая Маньчжурская империя». — Много было сожжено, но и того, что досталось в руки полиции, было достаточно, чтобы получить представление о характере и размерах «коммерческой» деятельности Дороги в Северной Маньчжурии. Обыск дал в руки властей столь компрометирующие советское консульство материалы, улики были так

серьезны, что большевистская дипломатия не рискнула даже выступить с протестом». [19]Как говорилось в этом издании, «обыск дал доказательства того, что целый ряд видных советских сановников (Лашкевич, Геккер, Грант и др.) вели специальную работу военного характера»/920

После проведенного обыска полиция задержала генерального консула Мельникова, вице-консула Знаменского, генерального консула в Мукдене Кузнецова, управляющего Дальневосточным торгпредством Цимбаревича, инспектора советского торговго флота Таранова, служащего Коммерческого отдела КВЖД Станкевича. Три последних арестованных являлись ответственными членами исполкома СМКК, который руководил работой всех профсоюзных, комсомольских, пионерских, женских и всех других организаций в Маньчжурии.[921]Всего же было арестовано около 80 человек, захвачена консульская переписка. Одновременно с налетом на харбинское генеральное консульство были произведены налеты на советские консульства в Сахалине, Цицикаре и Маньчжули (станция Маньчжурия). Служащие харбинского консульства после допроса были освобождены. А 39 человек, не имевших никакого отношения к советским консульствам и

919 Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин. 1942. С. 286.

920 Там же. С.286.

921 П.Балакшин. Финал в Китае. С. 152.

Управлению КВЖД, были увезены в Мукден и отданы под суд.

21 июля Нанкинское правительство выпустило «манифест» о данном налете, в котором утверждалось, что в харбинском консульстве захвачены документы о «тайных заговорах против объединения Китая», об организации «корпуса убийц для производства покушения на нанкинских и мукденских деятелей», о «создании тайной армии для разрушения КВЖД».[923]Кроме вышеназванных документов, в советском генконсульстве были найдены официальные конверты

японского генерального консульства и две печати американского консульства в Харбине.[^] Москва поспешила заверить всех, что она совершенно ни при чем, и заявила, что все это козни эмигрантов, служащих китайской полиции, обвинив их в том, что они во время обыска подсунули конверты и печати с целью дискредитировать советские консульские власти.

Об истории с конвертами японское правительство умолчало, но еще больше усилило надзор за своими консульскими служащими. Государственный департамент США также не придавал особого значения заявлению китайских властей по тем же соображениям, по каким сделала это и Япония. Никто из них не хотел допустить,

что в среде их консульского состава не все могло быть благополучно и что имелись шпионы.[925]

В «Нью-Йорк тайме» 13 июня 1929 г. цитировалась одна из захваченных в генеральном консульстве телеграмм в Далькрайком следующего содержания: «Волнения в Китае должны помочь нам выправить наше положение на Дальнем Востоке. Многие группы настроены против идеи объединения Китая, и если они выступят активно, мы сможем отвоевать себе то положение, которое мы занимали в Китае раньше.... Проведение беспорядков пока еще преждевременно...»

В китайской прессе развернулась очередная массированная антисоветская и антикоммунистическая кампания.

В качестве ответных мер в СССР были арестованы в административном порядке во Владивостоке несколько десятков нелегальных китайских банкиров, по всей стране несколько сотен «уголовных преступников», некоторые из них уже были осуждены, другие под следствием.-926]В СССР находились дети Фэн Юйсяна, которым не разрешали уехать из страны.

Когда китайская сторона через своего консула Хань Шуцзэна весной 1928 г. предложила урегулировать отношения СССР с пекинским правительством, то на заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 19 апреля 1928 г. было принято подписанное Сталиным решение (пункт б) согласиться с предложением китайской стороны. Для этого были выдвинуты 5 условий: 1) «...обменяться

письмами о взаимном невмешательстве во внутренние дела (эвентуально пойти на обязательство неподдержки враждебных группировок); 2) пекинское правительство выражает извинение или сожаление за налет на российское представительство в Пекине; 3) арестованные (пятнадцать) в Пекине освобождаются; 4) мы восстанавливаем посольство и посылаем нашего дипломатического представителя в Пекин; 5) китайцы, арестованные на нашей территории как в административном порядке, так и по суду, освобождаются из тюрем и выезжают в Китай. Освобождение и выезд осуществляется по спискам, представляемым пекинским правительством или китайскими консулами и при согласовании арестованных.

в) Если переговоры по полному урегулированию отношений будут затягиваться, считать возможным в первую очередь договориться о взаимном освобождении арестованных согласно пункту б-3 и 5.

г) Попытаться в переговорах вопрос об освобождении наших граждан расширить и добиться освобождения в разное время арестованных в Харбине и других городах Маньчжурии.

д) Включить обязательно в список наших условий требование в отношении пекинского правительства о роспуске и изгнании из Маньчжурии русских вооруженных белогвардейских отрядов.

е) Не возражать против выезда из СССР детей Фэн [Юйсяна]». [927]

По этим вопросам работала специальная комиссия, которая вынесла свои предложения о китайцах на Политбюро ЦК 22 марта 1928 г. Она предлагала «освободить уже арестованных и осужденных 57 содержателей нелегальных китайских банков при условии немедленного выезда их

из пределов СССР», в случае если китайский консул предъявит требование об их освобождении. Далее она рекомендовала «принять срочные меры к разгрузке тюрем от сидящих в них арестованных нескольких сот уголовных преступников» китайцев и «высылке в пределы Китая части арестованных, которые выразят на это согласие». Комиссия предлагала «в целях дезорганизации китайских нелегальных банковских организаций, занимающихся валютной спекуляцией», возможным арестовать «головку этой организации, но не более 5—10 человек». Одновременно предлагалось в будущем избегать массовых арестов и массовых высылок китайцев. Однако последняя рекомендация, видимо, не была учтена. Это видно из ноты поверенного в делах Китайской Республики в СССР Ся Вэйсуна от 17 июля 1929 г. на имя Л. Карахана. «По имеющимся у Министерства иностранных дел сведениям, полученным от своего посольства и консульств в СССР, Государственное политическое управление Советского Союза без всяких причин арестовало и держит под арестом не менее тысячи наших эмигрантов и торговцев», — говорилось в ней.[930]

В начале июня 1929 г. генеральный консул Муқдена Кузнецов был арестован с двумя консульскими служащими на станции Хайлар на пути в Москву. Задержанные вскоре были освобождены, так как осмотр багажа не показал ничего обличающего. Но пока маньчжурская полиция возилась с досмотром вещей Кузнецова, другой советский консульский служащий пересек маньчжуро-советскую границу на автомобиле с большим количеством багажа, в котором находилось, вероятно, то, что так искали китайские власти.[931]

17 июля 1929 г. последовала нота СССР, где говорилось, что «вместо прекращения незаконных репрессий против советских граждан и советских учреждений нота Китайского правительства санкционирует эти репрессии и лицемерно пытается оправдать их фальшивой ссылкой на якобы массовые репрессии в отношении китайских граждан в СССР, хорошо зная, что репрессии применяются в СССР лишь в отношении ничтожной группы шпионов, опиоторговцев, содержателей притонов, контрабандистов и прочих уголовных элементов из китайских граждан».^2]

На состоявшейся в начале июля 1929 г. в Пекине встрече Чан Кайши и Чжан Сюэляна было принято решение о вооруженном захвате КВЖД. Толкая Чжан Сюэляна на этот шаг, Чан Кайши стремился поставить молодого маршала в полную зависимость от Нанкина и одновременно поднять свой престиж и получить в распоряжение Нанкина большую часть прибылей от эксплуатации КВЖД. Чжан Сюэлян, в свою очередь,

полагал, что захват КВЖД укрепит его позиции на Северо-востоке, позволит самочинно распоряжаться прибылями КВЖД, обеспечит ему независимость от Нанкина.

10 июля 1929 г., нарушив советско-китайское соглашение 1924 г., китайские власти захватили телеграф КВЖД по всей линии, закрыли советское торговое агентство и все другие советские хозяйственные учреждения в северо-восточных провинциях Китая. По приказу председателя правления КВЖД Люй Чжунхуана советские служащие КВЖД были отстранены от исполнения своих обязанностей, более 200 советских железнодорожников были арестованы и брошены в тюрьму, среди них 85 человек на станции Хайлар и 60 на станции Покоту, а около 60 советских граждан, в том числе управляющий КВЖД Ермашев, высланы из Китая. Всего число арестованных советских железнодорожников возросло до 2 с лишним тысяч человек.[933] Вдоль советской границы были сосредоточены войска Чжан Сюэляна и отряды белогвардейцев. С середины июня китайские и белогвардейские части стали проводить систематические налеты на советскую территорию. Один из белых вооруженных отрядов ворвался в пределы Забайкалья и вышел в 15 милях к северу от Нерчинска. Другой отряд переплыл Уссури и напал на сторожевую советскую заставу в районе Имана. Были убиты несколько советских пограничников. ^

Не прекращались репрессии против советских граждан, проживающих в Харбине и других городах на

линии КВЖД; более 2 тыс. из них были заключены в концентрационные лагеря, где содержались в нечеловеческих условиях. 15 июля Чан Кайши открыто заявил о намерении завладеть КВЖД, а 22 июля нанкинское правительство опубликовало заявление, прямо призывающее в войне с Советским Союзом.

Советское правительство своей нотой от 17 июля 1929 г. заявило, что ввиду того, что «уже исчерпаны все средства, необходимые для урегулирования путем соглашения спорных вопросов и конфликтов на КВЖД, вызываемых китайскими властями», оно вынуждено принять следующие меры:

«1. Отозвать всех советских дипломатических, консульских и торговых представителей с территории Китая.

2. Отозвать» всех лиц, назначенных Советским правительством на КВЖД, с территории Китая.

3. Прекратить всякую железнодорожную связь между Китаем и СССР.

4. Предложить дипломатическим и консульским представителям Китайской Республики в СССР немедленно покинуть пределы Союза ССР».

Итак, что же заставило китайские власти пойти на конфликт с СССР.

1) Заблуждениид Чин Чан ши и Ч жи н Сюэ ляна относительно неготовности Советской России

использовать силу для защиты своих интересов. 2) Их стремление с помощью захвата КВЖД укрепить свое внутреннее и международное положение, а также финансовое положение. Успешный для нанкинского правительства исход конфликта с Советским Союзом давал основания активизировать усилия по аннулированию неравноправных для Китая международных соглашений, добиться своего международного признания. Для Чан Кайши акция на КВЖД позволяла не допустить союза Чжан Сюэляна с Фэн Юйсяном и ослабить правителя Маньчжурии, поставив его в зависимость от нанкинского правительства. Для Чжан Сюэляна победа в конфликте сделала бы его более независимым от Чан Кайши и повысила бы его политический авторитет в Китае.

В Сибири и на Дальнем Востоке была проведена частичная мобилизация. Советские войска подтянулись к станциям Пограничная и Маньчжурия. 9371

Неожиданно для китайских лидеров СССР пошел на силовой вариант решения проблемы КВЖД в советско-китайских отношениях. Здесь проглядывалось желание наказать Чан Кайши за его антикоммунизм и антисоветизм, неудачи советской внешней политики в Китае, стремление продемонстрировать Китаю и всему миру свою военную мощь, доказав тем самым прочность советской политической системы. Советский Союз для достижения указанных целей избрал верную тактику. Он не ввязался сразу в большой вооруженный конфликт, а проявил выдержку, умело сделал паузу, выждал момент и нанес противнику сокрушительный удар, когда тот был

ослаблен внутренними противоречиями (противоборством Чан Кайши с Фэн Юйсяном). По данным маршала Чуйкова, участника событий, советские войска разгромили в районе г. Маньчжурия 2 усиленные бригады численностью около 20 тыс. человек, взяв в плен около 10 тыс. Китайские войска понесли большие потери убитыми и ранеными. По предварительному соглашению советского правительства с Японией, советские войска не пошли дальше Хайлара и станции Маньчжоули. [938] Мишаньфунская операция была проведена западнее озера Ханка, в районе которого действовали отдельные белые партизанские отряды. 17 ноября при поддержке авиации советские войска повели наступление на 1-ю Мукденскую кавалерийскую дивизию, расположенную вблизи города Мишаньфу, и 42-й пехотный полк в районе Тайпинчжина. Наступление

продолжалось два дня и к исходу 18 ноября вся местность до реки Мурень была очищена от маньчжурских войск.

После окончания маньчжуро-чжалайморской и мишаньфуской операции мукденское и нанкинское правительства заговорили о мире.

22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, по которому военные действия в Маньчжурии были закончены, советские арестованные освобождены и на КВЖД восстановлено прежнее положение, обусловленное соглашением 1924 г.

Участником боев на КВЖД являлся Л. А. Анулов, который с 1929 г. был резидентом Разведупра в Китае.

Очевидно, что руководство в Москве было явно недовольно пассивными действиями китайских коммунистов в это время и отсутствием долгое время информации от них. 29 декабря 1929 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо Политсекретариата ИККИ Центральному Комитету Компартии Китая (что было крайне редко в практике взаимоотношений ИККИ с входившими в Коминтерн партиями). В письме руководство ИККИ высказывало свое видение ситуации в Китае и свою точку зрения по ряду актуальных сторон обстановки тех лет: о новой вспышке военных действий между различными группировками китайских милитаристов и Чан Кайши; образовании оппозиционной нанкинскому Гоминьдану «партии реорганизации Гоминьдана»; осложнении советско-китайских отношений в результате налета на генеральное консульство СССР в Харбине, организованного гоминьдановскими властями совместно с русскими белогвардейцами, о попытке захвата КВЖД; внутриэкономической обстановке в Китае, состоянии рабочего и крестьянского движения и т. д.

«Нельзя предсказывать быстроту перехода общенационального кризиса в непосредственно революционную ситуацию, — говорилось, в частности, в письме. — Но можно и должно уже сейчас начать готовить массы к революционному свержению власти буржуазно-помещичьего блока, к установлению диктатуры рабочего класса и крестьянства в форме советов, активно развертывая и все более расширяя революционные формы классовый борьбы (массовые политические стачки, революционные демонстрации, партизанские выступления и т. д. и т. п.)... Идеино-политическое влияние Коммунистической партии и организованность рабочего класса все еще отстают от роста массового недовольства и накапливающейся революционной энергии и стихийного движения»/9401

ИККИ, рекомендуя далее КПК бороться за руководство антиимпериалистическим движением, в частности, выступать против американского империализма, а в связи с инцидентом в Маньчжурии организовать кампанию под лозунгами защиты СССР, выступило с откровенными призывами к свержению существующего режима: «Укрепляйте и расширяйте партизанскую борьбу, особенно в районах Маньчжурии и в районах деятельности Мао Цзэдуна и Хэ Луна... стремитесь к созданию советских очагов».

В начале марта 1930 г. по решению политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай выехал из Шанхая в Москву (через Германию). Ему было поручено информировать

Коминтерн о работе, проделанной ЦК КПК после VI съезда партии. Перед отъездом им были подготовлены специальные докладные записки о численности и вооружении китайской Красной Армии и их дислокации. Видимо, это было сделано, чтобы, с одной стороны, показать, что КПК в эти годы не бездействовала, а с другой, проиллюстрировать мысль, что оружия явно не хватает, и СССР должен помочь КПК в этом. Всего, по данным Чжоу Эньлая, в рядах Красной армии к тому времени насчитывалось 62 700 человек, имевших на вооружении более 38 950 винтовок; в 162 уездах 10 провинций Китая действовали партизанские отряды/9421

Таким образом, представленные в книге материалы наглядно показывают, как проходило становление советской разведки в Китае в 20-е годы XX столетия, какие трудности (финансовые, организационные, кадровые, технические и т. д.) существовали в те годы, которые мешали налаживанию высоко эффективной разведывательной сети на территории соседней с Россией страной. На базе представленных конкретных документов видно, как и кем осуществлялось руководство разведывательной сетью в Китае из Москвы, какие центры были созданы и как они работали.

Заключение

На любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах разведка той или иной страны должна защищать интересы государства. Наша советская разведка в те годы, как и любой государственный

,42 Чжоу Эньлай няньпу. 1898-1949 (Хронология жизни Чжоу Эньлая. 1898—1949). Пекин.1990. С.180.

инструмент, не могла не быть идеологизированной. ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, включая внешнюю разведку, военная разведка, службы Коминтерна, в первую очередь ОМС, были оружием ВКП(б). И именно в этом качестве под «марксистско-ленинскими лозунгами» они осуществляли свою деятельность. У российской разведки были своя история и свой собственный опыт, накопленные до 1917 года. Вот ее основные вехи. Это в первую очередь опыт Приказа тайных дел, сформированного в 1654 г. Алексеем Михайловичем, как особой канцелярии, к которой перешло из Посольского приказа ведение разведывательной деятельности. С этого времени в регулярную практику секретной переписки стали вводиться шифры. Затем 1716 год, когда в новом воинском уставе Петра I разведывательная работа впервые ставится на правовую основу — она поручается генерал-квартирмейстерской службе. Далее 1810 год, когда военный министр М. Б. Барклай-де-Толли направляет первых постоянных представителей — «военных агентов» — в российские посольства некоторых европейских стран. С этого времени получение секретной военно-политической информации за рубежом ставится на регулярную, профессиональную основу. Наконец, 1856 год, когда Александром II утверждена первая в истории российской разведки инструкция о работе военных агентов и функции внешней разведки все больше становятся прерогативой военных. А в 1905 г., после жестокого поражения России в войне с Японией, впервые вводится курс тайной разведки в академии Генерального штаба, и подготовка кадровых разведчиков-профессионалов ставится на регулярную основу. К этому времени уже все понимают смысл афоризма: «Хороший агент стоит целой армии».

Представленные в книге материалы наглядно показывают, как проходило становление советской разведки в Китае в 20-е годы XX столетия. Молодая советская разведка только искала методы работы за рубежом. Часто сталкиваясь с многочисленными трудностями (финансовыми, организационными, кадровыми, техническими и т. д.), существовавшими в те годы, которые мешали налаживанию высоко эффективной разведывательной сети на территориях соседних, да и не только соседних, с Россией стран, наши службы (иногда более успешно, иногда менее) пытались их преодолеть.

На базе представленных в книге конкретных документов и материалов, некоторые из которых впервые извлечены из секретных российских архивов и вводятся в научный оборот, можно проследить, как и кем осуществлялось руководство разведывательной сетью в Китае из Москвы, какие центры были созданы и как они работали. У каждого центра были свои цели и задачи, своя агентурная сеть, нередко они конкурировали между собой за добываемую информацию. Иногда им приходилось делиться этой информацией с другими службами.

Условно деятельность советской разведки в Китае можно разделить на два этапа: первый — с 1920 по 1925 г. Второй — с 1926 по 1929 г.

Главными задачами закордонной разведки ИНО ГПУ-ОГПУ в 20-е годы были борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, подготавливавшей, как считали в Москве, военное вторжение в СССР, определение истинных целей и задач ведущих империалистических государств по отношению к

Советской России, их возможная интервенция на нашу территорию, вскрытие иностранных шифров с целью выявления планов ведущих империалистических государств, включая Японию. С территории Китая, как наиболее «освоенной площадке» на Востоке (а на Западе такой считалась берлинская резидентура), внешняя разведка (ИНО ОГПУ), помимо основных задач добывания различной информации о Китае, начала вести работу с соседними странами, включая Японию, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Резидентуры, созданные в начале 20-х годов в Пекине и Харбине, напрямую подчинялись ИНО ОГПУ. Учитывая большие расстояния, разведывательной работой в Китае непосредственно занималось полномочное представительство ИНО ОГПУ на Дальнем Востоке, располагавшееся в Чите, которое и засылало нелегальную агентуру в Маньчжурию и Китай.

Если в 1926 г. в Китае насчитывалось пять «легальных» резидентур и чуть более 10 нелегальных, а уже через три года в 1929 г. «легальных» стало 13, из них пять Маньчжурии. Резко возросшее число резидентур объяснялось усложнившейся ситуацией в Китае, большой политической неразберихой и раздробленностью страны, где практически была масса региональных правительств и фактически шла гражданская война. В связи с усилившейся антисоветской направленностью политики пекинского правительства, массой военных провокаций, захватом советских консульств на территории Китая, главная советская резидентура к концу 20-х годов переместилась из Пекина в Харбин.

Наиболее успешными операциями, осуществленными ИНО ОГПУ в Китае, считаются следующие:

- 1) Добывание архива белогвардейской контрразведки всего Дальнего Востока, полученного в 1923 г. советскими резидентами в Мукдене у японских спецслужб и немедленно отосланного в Москву.
- 2) Раскрытие с помощью зарубежной резидентуры в 1924 г. подпольной белогвардейской организации в Харбине. Затем замена ИНО ОГПУ поручика Ковалева, нелегально выезжавшего во Владивосток для руководства «бандой», своим человеком. В результате чего им удалось раскрыть филиал этой организации на нашей территории и в 1925 г. провести открытый судебный процесс по делу Ковалева и другими членами этой белогвардейской организации во Владивостоке.
- 3) Получение харбинской резидентурой документальных данных о наличии у Токио планов создания в 1928 г. в Северо-Восточном Китае «Независимой Маньчжурской республики».
- 4) Получение копии «Меморандума Танаки» в Харбине, а затем и в Сеуле и его широкая огласка в мировой прессе (хотя некоторые специалисты считают этот меморандум фальшивкой, сработанной в Москве). После капитуляции Японии меморандум фигурировал в качестве документа № 169 обвинения на заседаниях Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио в 1946-1948 гг., судившего главных японских военных преступников.

Военная разведка должна была определять военный и технический потенциал ведущих империалистических стран, а также китайских милитаристов, орудовавших в те годы.

Наибольший вклад военная разведка Советской России внесла в формирование, обучение и вооружение

гоминьдановской армии и так называемых национальных армий, а также создание школы Хуанпу и других военных школ, готовивших военные кадры. Советские военные советники активно передавали свой опыт и знания в Китае, планировали военные операции (особую известность в Китае получил В. К. Блюхер).

Службы Коминтерна в Китае, так же, как и во всем мире, были нацелены в первую очередь на разжигание мировой революции. Они были ответственны за создание коммунистических партий в Китае, Корее и Японии, издание «прогрессивных газет и журналов», выражавших левые взгляды руководителей китайских коммунистов. ОМС Коминтерна отвечал за доставку прогрессивной и коммунистической литературы из СССР в Китай, за нелегальное финансирование КПК и ее деятельности, за связи между Коминтерном и китайскими коммунистами, за транспортировку делегатов от китайских коммунистов в СССР на конгрессы Коминтерна, съезд КПК и обратно. Большой вклад Коминтерн внес в дело обучения китайцев на территории СССР в специальных учебных заведениях, военных школах, училищах и академиях. Лично сотрудники ОМСа совместно с руководством КПК занимались подбором абитуриентов в Китае для учебы в СССР в 20-е годы.

После провокаций и захвата территорий дипломатической миссии и консульств СССР на территории Китая, практического разрыва дипломатических отношений между двумя соседними странами, захвата КВЖД, когда Япония стала активно готовиться к агрессии Маньчжурии в 1929 г., перед советской разведкой встали новые задачи, которые ей

пришлось решать другими средствами и методами уже в 30-х годах.

Следует отметить, что большинство разведчиков, резидентов, сотрудников Коминтерна, работавших в Китае и в странах Востока, погибло не от рук противника, а от ложных обвинений советских судебных и карательных органов в период «великого террора» в СССР. Вот только некоторые из них в длинном списке погибших: Адольф Иоффе покончил жизнь самоубийством в знак протеста против сталинского истребления своих политических врагов; первый посол в Китае, вице-комиссар Иностранных дел Лев Карахан был расстрелян без суда на Лубянке в декабре 1937 г. за отказ признаться на показательном суде в несовершеннолетних им преступлениях; был репрессирован и расстрелян руководитель ОМСа в Коминтерне И. А. Пятницкий; был снят со своего поста и расстрелян в 1936 г. в Москве Иосиф Пеппер, член Коминтерна и один из триумвирата Кантонской коммуны; маршал Блюхер был убит вместе со своим адъютантом в отеле «Метрополь» в Москве в 1938 г.; маршал Егоров, комкор Геккер, Лапин (Сейфулин), занимавшие пост военного атташе в Пекине, были расстреляны по делу Тухачевского; по этому же делу был расстрелян герой гражданской авоины, один из выдающихся военачальников Красной Армии комкор В. М. Примаков; также был репрессирован; главный политический советник, работавший по личному приглашению Сунь Ятсена с 1923 по июль 1927 г. в Китае, затем главный редактор газеты «Moscow News». М. Бородин (Грузенберг). Уральский боевик, помощник председателя ВЧК, чрезвычайный комиссар ВЦИК по доставке царской семьи из Тобольска, один из организаторов Компартии Китая В. В. Яковлев тоже стал

узником ГУЛАГа и жертвой репрессии в 1938 г. Список лиц, попавших в «мясорубку» сталинских репрессий, названными фамилиями не ограничивается, его можно продолжать бесконечно. Следует в заключение сказать, что имена и фамилии многих разведчиков, военных и политических советников, работавших в Китае в 20-е годы, еще остаются мало известными или совсем неизвестными в нашей стране, многие из них работали под псевдонимами и до сего дня не восстановлены их подлинные имена и фамилии. И наш долг — вспомнить о них и рассказать об их деятельности в Китае в 20-е годы прошлого столетия.

Richard Deacon. A History of The Russian Secret Service. London. 1987; Roger Faligot, Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1989; Frederick S. Litten. The Noulens Affair. — The China Quarterly. June 1994, N138, p.492-512; C.Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920-1927. London. 1989; Чжун — Э вайцзяо цзи Чжунгун

шэньтоу юй бэйцин цзинго шияо (Исторические материалы китайско-русских международных отношений и просачивания коммунистов и очищения от них) — «Гэмин вэньсянь», № 9. 1968; Цзиньдай Чжунго вайде ю нейцзянь шияо хуйбянь (1871-1947) (Сборник материалов по истории зарубежной агентуры и провокаторов в Китае в период новой истории (1871-1947)). Тайбэй, 1986; Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1, М., 1996; Т. 2, М., 1996; Т. 3, М., 1997; Т. 4. М., 1999; Ф. Дикин, Г. Стори. Дело Рихарда Зорге. — М., 1996; Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. — Т. 1. — М., 1997; А. Кокурин, Н. Петров. ВЧК (1917-1922). — Свободная мысль. 1998. № 6.; В. Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1998, № 5, 6; О. Гордиевский, К. Эндрю. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999; А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: В 2-х книгах. — М., 2000 и др.

2

Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. — С. 45; Я. С. Драбкин. Идея мировой революции и ее трансформация.— Коминтерн и идея мировой революции. М. 1998. С. 22.

3

Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. — Т. 1. С. 150.

4

Там же. С. 150.

5

Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922). — С. 106.

6

Архив ЦК КПСС, VI сектор. Д. 34-Ф (66), Л.3-4. — Цит. по: Очерки. Т. 2. С. 10.

7

Архив ФСБ. Ф.1., оп. 3., пор. Н.13, л. 1. — Цит. по: Очерки. Т. 2. С. 10.

8

Кокурин А...Петров Н. ВЧК (1917-1922). С. 108, 111.

9

А.Кокурин, Н.Петров. ВЧК (1917-1922).С.109.

10

Очерки. Т. 2. С. 1766.

Там же.

12

Архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Пор. Н. 13. Л. 86. — Цит. по: Очерки. Т. 2. С. 9.

13

Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922). С. 109. Р. Фалиго и Р. Коффер ошибочно говорят, что Я. Давтян уже в 1918 г. стал начальником ИНО, что не подтверждается архивными документами (Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 151).

14

Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922). С. 109.

Сын армянского коммерсанта, учился в Петербурге, студентом в 1905 г. вступил в РСДРП. Через три года был арестован за политическую деятельность, а затем эмигрировал в Бельгию. Там он получил образование инженера. В 1915 г. Давтян едет в Россию, по дороге попадает в немецкую тюрьму для интернированных российских граждан. После революции он оказывается в Париже, являясь членом миссии Российского Красного Креста. Эта работа расширила его политический кругозор, обогатила знаниями мировой культуры. Он приобрел прекрасные манеры и блестящее знание трех европейских языков, так пригодившихся в его дальнейшей работе. В 1919 г. он вернулся в Россию и обратился в ЦК с просьбой помочь устроиться на работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. С начала 1920 г. Я. Х. Давтян начал работать в Народном Комиссариате иностранных дел, вскоре стал заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши. В это время Дзержинский подыскивал надежную кандидатуру на

работу в Иностраный отдел ВЧК. Инесса Арманд рекомендовала ему присмотреться к кандидатуре Я. Х. Давтяна, которого она хорошо знала по работе за рубежом. И вот Дзержинский уже обращается в ЦК с просьбой откомандировать Я. Х. Давтяна из НКВД в органы ВЧК для назначения на создаваемую должность и.о. начальника Иностранного отдела (ИНО). Вскоре (12.XI.1920 г.) Протоколом Оргбюро ЦК утверждено: «Просьбу т. Дзерж и некого удовлетворить. Откомандировать в его распоряжение т. Давтяна».

Давтян совмещал работу зав. отделом Прибалтийских стран и Польши в Наркоминделе с исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК до февраля 1921 г.

15

Фалиго Р. и Коффер Р. ошибочно утверждают, что Могилевский С. Г. уже в 1919 г. стал начальником ИНО, что не подтверждается архивными документами (Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 151).

16

Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922). С. 109.

17

Там же. С.113.

18

Там же. С.112.

19

Трилиссер М. А. (3—1940, псевдоним Москвин), уроженец Астрахани, стал профессиональным революционером в 1901 г., когда ему было всего 18 лет. До Первой мировой войны он занимался преимущественно выявлением полицейских шпииков в среде большевистской эмиграции. М. Трилиссер был главным организатором и руководителем Финляндской военной организации РСДРП в 1906 г. После ареста и суда был отправлен на бессрочную каторгу в Сибирь. Позднее Михаил Трилиссер войдет в состав советского военного комиссариата по Восточной Сибири и

Забайкалью, станет правительственным эмиссаром Амурской области Дальневосточной Республики. Он создаст первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Центром и начнет формировать разведывательный агентурный аппарат. (Р. Фалиго и Р. Коффер считают, что М. Трилиссер вместе со своим братом работал в разведаппарате Коминтерна. Однако скорее всего они ошибаются (хотя у Трилиссера и был брат), это был один и тот же человек, работавший в двух организациях. Так, фамилию М. Трилиссера мы находим в решении Оргбюро ИККИ от 19 декабря 1922 г. о создании нелегальной комиссии (Постоянная нелегальная комиссия ИККИ) вместе с фамилиями О. Пятницкого, Г. Эберлейна и Э. Прухняка).

В феврале 1921 г. М. Трилиссер как делегат от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП(б). Ему предлагают работу в аппарате ЦК: заниматься вопросами руководства парторганизациями Дальнего Востока. Через полгода, в августе 1921 г., Ф. Дзержинский берет его на работу в ИНО ВЧК. Трилиссеру было поручено заниматься организацией разведывательной работы в странах Западной и Восточной Европы, несмотря на его просьбы заняться

работой по восточному региону (Китай, Корея, Япония, Монголия).

20

Очерки. Т. 2. С. 53.

21

Сергей Георгиевич Вележев (Ведерников) (1885-1972). Сын священника, участник Первой мировой войны, прапорщик. Член РСДРП с 1905 г. Социал-демократ-интернационалист в 1917-1918 гг. Большевик с 1918 г. В 1917 г. член Омского вокома. С августа 1917 г. помощник командующего Омским военным округом. 12 октября 1917 г. арестован в Петрограде. В апреле 1918 г. кооптирован в состав Центросибири, был членом коллегии Сибирского военного комиссариата. С октября 1918 по апрель 1919 г. в плену у японских интервентов. С октября 1919 г. в партизанском отряде. Помощник командира, командир эскадрона, действовавшего в районе Хабаровска. С марта 1920 г. член Хабаровского райвоенкомата, с апреля — начальник штаба Хабаровского (Восточного) фронта. В июле—ноябре 1920 г. член Военного совета Амурского фронта. С февраля 1921 г. комиссар Оперативного управления, с июня заместитель начальника, а с октября — начальник Разведупра штаба помощника главкома по Сибири. В 1923-1929 гг. — помощник начальника ИНО ОГПУ. (Колпакиди А., Д. Прохоров. Ук. соч. С. 325-326).

Там же. С. 53—54

Фал иго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 153.

24

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна 1919-1943. М., 1997. С. 243

25

Там же. С. 11.

26

Там же. С. 11.

27

Глеб Иванович Бокий родился в 1878 г. в семье украинского учителя, старого большевика. Участник революции 1905 и 1917 гг., он 12 раз отбывал срок в царских тюрьмах и дважды был сослан в Сибирь, репрессирован в 1937 г.

28

Гордиевский О., Эндрю К. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. — М., 1999. — С. 94.

29

Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. № 5. С. 95-96.

А. В. СтВниславский — 18— 1.рождения, н 1911 1. окончил АГШ, имел звание полковника, с ноября 1917 по сентябрь 1918 г. руководил зарубежной агентурной разведкой, по служебной надобности в сентябре 1918 г.

выехал в район Брянска, перешел линию фронта и предоставил себя в распоряжение белых, умер 21 июля 1941 г. во Франции).

30

Шварц Н. Н. (1882 г. рождения), окончил АГШ в 1911 г., полковник, с января по октябрь 1918 г. руководил агентурной разведкой, затем работал в Штабе РККА, потом до конца жизни (1936) преподавал в Военной Академии РККА, был начальником ее Восточного факультета.

31

Цейтлин В. М. Разведывательная работа штабов. Смоленск. 1923. С. 6. Цит. по: В. Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. Свободная мысль. № 5. С.96.

32

Колчик В. Свободная мысль. 1998 № 5.С.97.

33

Н.М.Потапов (1871-1946) генерал-квартирмейстер ГУГШ. С июля 1917 г. Потапов сторудничал с Военной организацией Петербургского комитета РСДП, возглавлял ГУГШ до его ликвидации в мае 1918 г., затем — на различных ответственных постах в военном ведомстве, на военно-научной и преподавательской работе. Участник чекистской операции «Трест». Генерал-лейтенант. (В.Колчик.(Свободная мысль. 1998.№ 5.С.97).

34

В.Кочик. Свободная мысль. 1998.№ 5. С. 95-98

Не путать с Б. И. Кузнецовы м.

36

В.Кочик. Свободная мысль. 1998.№ 5. С. 101-102.

37

Там же. С. 102

38

Семен Иванович Аралов — сын купца, окончил коммерческое училище и коммерческий институт. В 1902 г. поступил вольноопределяющимся в Перновский гренадерский полк, где вступил в социал-демократическое движение. Участник русско-японской войны, участник революции 1905-1907 гг., заочно приговорен к расстрелу. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. После Февральской революции 1917 г. — заместитель председателя, затем председатель армейского комитета 3-й армии, примыкал к меньшевикам, стоял на позициях оборончества. После Октября — помощник командира полка. Член партии большевиков с 1918 г. В 1918-1920 гг. начальник оперативного отдела вначале Московского военного округа, затем Народного комиссариата по военным и морским делам, член РВС 12-й, 14-й армии Юго-Западного фронта. В ноябре 1918 — июне 1919 г. начальник Регистрационного (разведывательного) управления Полевого Штаба РВСР. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Книга 2. М.2000.

С. 287-288.)

В.Кочик. Свободная мысль. 1998. № 6. С. 88-89.

40

Там же. С. 89-90.

41

Там же. С.91.

42

Там же. С.92.

43

В.Я.Кочик. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в 20-е — 30 —е годы. — Военно-исторический архив. Вып. 13. М.2000. С. 78.

44

В.Х. Ауссем (1879-1937)— окончил кадетский корпус, в 1927 г. исключен из партии, с 1929 г. — в многочисленных ссылках, посмертно реабилитирован в 1989 г. (Там же. С.95.)

45

Я.Д.Ленцман (1881-1939), член партии с 1899 г., в 1917-1919 гг. на парработе в Латвии, после 1921 г. сотрудник латвийской секции Коминтерна. Арестован 24 ноября 1937 г. в должности начальника общей группы отдела кадров Строительства Дворца Советов, осужден и расстрелян в марте 1939 г., реабилитирован в 1956 г.

Там же.

47

Там же. С.96.

48

Там же. С.100.

49

Там же. С.102.

50

В.Я.Кочик. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в 20-е- 30-е годы. — Военно-исторический архив. Выпуск № 13. С.59.

51

Фал иго Р.,Коффер Р. Ук. соч. С. 158.

52

Его настоящее имя Петерис Кюзис (он же Берзиньш). Родился в 1889 г. в семье латышских крестьян. С 15 лет активно участвовал в работе подпольных революционных организаций. В 1906 г. в столкновениях с полицией ранен и арестован. Военный трибунал присудил его к 8 годам каторги. Однако это наказание в связи с его несовершеннолетием было заменено двумя годами тюремного заключения.

В 1911 г. он вновь арестован за вооруженный налет на банк. Его ссылают в Иркутск, откуда он возвращается 3 года спустя. По возвращении его мобилизуют в

царскую армию, откуда он дезертирует и приезжает в Петроград и устраивается работать механиком.

В феврале 1917 г. принимает активное участие в революции. Летом, когда большевики и приверженцы Троцкого готовят оружие для борьбы с меньшевиками, П. Кюзис редактирует латышский революционный листок «Пролетарская Сина». В октябре 1917 г. он уже в Петроградском комитете партии большевиков. Он становится Яном Карловичем Берзиным, неофициально его называют Павел Иванович. Он командует специальным подразделением, в его обязанности входит охрана В.Ленина и других вождей партии, проявляет себя там с лучшей стороны. Он пробует себя в контрразведке, выступая как коррумпированный карьерист, готовый сотрудничать с противниками режима. Берзин так хорошо исполняет свою роль, что проникает в британскую разведсеть Роберта Брюса Локкарта. Затем он становится заместителем наркома Внутренних дел в Латвии. Он устанавливает контакты с Красной Армией. Под контролем ЧК Я.Берзин создает первые отряды военной разведки. В первую очередь ведется наблюдение за офицерским составом. Его задача: раскрывать «контрреволюционеров», засланных белогвардейцами. В апреле 1921 г. его переводят в Разведупр и почти сразу же назначают руководителем Ш управления, занимающегося иностранной разведкой, а с марта 1924 г. по 1935 г. начальником Разведуправления. В 1936-1937 гг. — главный военный советник в Республиканской армии в Испании. Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г. (Там же. С. 161-162; Владимир Пятницкий. Заговор против Сталина. М. 1998. С.424.)

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.68.

54

В.Кочик. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки. С.59.

55

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.69.

56

Там же.

57

Александр Матвеевич Никонов (1893-1937) — один из руководителей советской военной разведки. Родился в деревне Леликово Олонецкой губернии. Окончил духовную семинарию и один курс Педагогического института, призван на военную службу, в 1916 г. окончил школу прапорщиков в Петергофе. Участник Первой мировой войны, служил в 44-й пехотной дивизии, подпоручик. Член РКП(б) с 1918 г., участник гражданской войны. Помощник начальника штаба оперативной группы, начальник штаба 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии, воевал на Севере, на латвийском фронте, участвовал в походе на Варшаву. С 1921 г. — в 3-м отделе Разведупра, в 1922-1924 гг. — помощник начальника 3-го отдела. С 1924 г. начальник 3-го (информационно-статистического) отдела и одновременно с 1925 г. — помощник начальника IV

(Разведывательного) управления Генштаба РККА. Близкий друг и соратник Я.К.Берзина. В 1927 г. окончил курсы усовершенствования высшего состава. В 1935-1937 гг. — заместитель начальника Разведупра. После ареста Берзина исполнял обязанности начальника Разведупра. Арестован 3 октября, расстрелян 26 октября 1937 г.

58

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.70.

59

Там же. С.71.

60

Там же. С.71.

61

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.72.

62

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.73.

63

Там же. С.73.

64

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.73

В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.79

66

В. КОЧИК. Некоторые аспекты деятельности советской разведки. С.79.

67

Там же. С. 79.

68

Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. М. 1934. С. 536-537.

69

См. доклад В.И.Ленина на П съезде коммунистических организаций народов Востока в Москве 22 ноября 1919 г. — Известия ыт 20 декабря 1919 г.

70

Ленин В.И. Сыч., 3-е изд. Т.ХХУ. М. — Л. 1929. С. 76-77.

71

РЦХИДТИ.Ф.495.0П.25.Д.1338.

72

Стенографический ытчет У1 конгресса Коминтерна. М.-Л. 1929. Выы.6. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. С. 81, 86, 98 -100, 105-106.

Коминтерн и идея мировой революции. М.1998. С. 221-222.

74

Б.В. Савинков (1879-1925)— активист партии эсеров, один из руководителей ее «боевой организации», заместитель военного министра Временного правительства, генерал-губернатор Петрограда. После Октябрьской революции — организатор ряда антисоветских заговоров; арестован в 1924 г., погиб в тюрьме.

75

В.М.Чернов (1873—1952) — один из создателей партии эсеров, ее теоретик. В мае — августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. После октябрьской революции — член контрреволюционных правительств на территории России. В 1920 г. эмигрировал за границу, в годы Второй мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции.

76

«Национальный центр» — объединение бывших кадетов, промышленников, боровшихся против Советской власти, создан в Москве в 1918 г. В апреле 1919 г. Центр совместно с другими московскими организациями — Союзом возрождения, Советом общественных деятелей — объединился в «Тактический центр». По версии ВЧК, Тактический центр готовил контрреволюционный мятеж в поддержку войск Колчака и Деникина. Поддерживал связь с зарубежными контрреволюционерами. 16-20

августа состоялся процесс по делу Национального центра. — См.: «Известия», 17, 19, 22 августа 1920 г.

77

Коминтерн и идея мировой революции. С. 220-221.

78

Р. Люксембург. Русская трагедия. С. 14-16. Публикация этой рукописи на русском языке впервые осуществлена лишь в 1990 г. — Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М.1991.

79

Там же. С.327. 80

Там же. С.330. 81

Там же. С. 332

82

Документы внешней политики СССР. М. 1962. Т.У1.С.547-548;552;628-629.

83

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч..191-193; Коминтерн и идея мировой революции. М.1998.С. 64.

Коминтерн и идея мировой революции. М.1998.С.447.

85

Там же.

86

П. Балакшин. Финал в Китае. С.46.

87

Пятницкий. В. Заговор против Сталина. М.1998. С.135.

88

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 21-22.

89

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.218.

90

Там же. С.217.

91

РЦХИДНИ.Ф.544. Оп.4. Д.6.Л.111. — Цит. по: В.М.Гиленсен. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 — осень 1921 г.) — Восток. 1999.№ 1. С.60.

92

Там же. С.62.

Там же. С. 62-63.

94

Там же. С. 74-75.

95

По решению ЦК РКП(б) от 18 июля 1919 г. Бюро ИККИ постановило выделить из своего состава Малое бюро ИККИ. В него вошли: Я.Берзин, А.Руднянский, Г.Клингер, Н.Бухарин (в качестве представителя РКП(б)).24 апреля 1920 г. Малое бюро было перизбрано в следующем составе: Н.Бухарин, К.Радек, Я.Берзин, Г.Клингер, А.Руднянский. Малое бюро стало играть роль руководящего органа Исполкома.

96

Д.С.Бэйко (Бэйка)(1885-1946). В годы революции 1905 г. был в числе руководителей знаменитого движения «лесных братьев». С 1910 по 1917 г. находился в эмиграции в США. Одновременно Бэйко являлся управляющим делами ИККИ. Владимир Пятницкий дает его фамилию как Бэйка. См. В. Пятницкий. Ук. соч. С.199.

97

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.199.

98

Там же. С.200.

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 18.Д.59.Л.3-5. — Цит. по: Г.М. Адиебеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня.

100

По данным В.Пятницкого, ОМС был переименован 15 сентября 1920 г. (См. Владимир Пятницкий. Заговор против Сталина. С. 195).

101

Авторы книги «Дело Рихарда Зорге» Ф.Дикин и Г.Стори датируют появление отдела несколько позже -1922 г., а переводчик книги неверно переводит название отдела как «секция международных связей» (СМС). (Ф.Дикин, Г.Стори. Дело Рихарда Зорге. М.,1996. С. 32.)

102

Цит. по: Владимир Пятницкий. Ук. соч. С. 197-198.

103

Иосель Орионов Таршис (Пятницкий Иосиф Аронович) родился в уездном городке Ковельской губернии Вилькомире (ныне Укмерге, Литва) в 1882 г. У него было три старших брата и три сестры. Иосель выучился читать самоучкой, не по букварю, а по газетам и листовкам на русском, еврейском и литовском языках, большинство из которых было революционного содержания. В семье говорили только по-еврейски. В тринадцать лет родители отдали его в обучение к дамскому портному. Так он становится ремесленником и начинает самостоятельную жизнь. В конце 1897 г. Иосель перебирается в Ковно (Каунас) к одному из братьев, у

которого и поселился. Брат был столяром. Иосель включился в деятельность кружка самообразования и нелегального профсоюза столяров. А оттуда — прямой путь к подпольной революционной деятельности. Интересно, что в Ковно в этот же период начинают действовать будущие соратники Пятницкого по Коминтерну: Пранпс Эйдукиявичус, Арон Сольц и Викентий Капсукас (Мицкевич), а также молодой Феликс Дзержинский.

Из Ковно Иосель перебирается в Вильну, где с помощью местных товарищей получает работу и вступает в нелегальный профсоюз дамских портных, а вскоре становится его секретарем и кассиром, не оставляя работы в мастерской. Здесь, в Вильне, в 1900 г. происходит боевое крещение Пятницкого, он участвует в захвате полицейского участка и освобождении трех арестованных товарищей. Спустя две недели ему поручили обеспечить переход двух женщин из числа освобожденных через границу. Это был первый случай, когда ему пришлось иметь дело с нелегальным переходом границы, делом, которым он позднее профессионально занимался на протяжении десяти лет.

Иосель помимо еврейского и литовского, говорил очень плохо на русском и немецком, немного на польском языках. Он, как вспоминают его современники, был очень коммуникабельным человеком, был очень ловок, предприимчив и отважен. Но, несмотря на пылкость натуры, умел сочетать смелость с точным расчетом. В Вильне он знакомится со слесарем по кличке Файвчик, прибывшим из Парижа по поручению группы «Освобождение труда», только что объединившейся с «Искрой». От приезжего Иосель узнает о программе группы «Освобождение труда» и о подготовке издания

газеты «Искра». Происходит знакомство с младшим братом Мартова (Цедербаума) Сергеем Цедербаумом (Ежовым). Иосель всецело переключается на транспортировку «Искры» в Россию и отправку нужных людей за границу. Он сопровождает транспорты с нелегальной литературой и занимается переправкой своих людей через границу. В 1902 г. первый арест девятнадцатилетнего Пятницкого в вагоне поезда. Его отправляют в Киев в Лукьяновскую тюрьму. Там он знакомится со многими крупными социал-демократами: Н.Бауманом, М.Литвиновым (Валах), наборщиком «Искры» Иосифом Блюменфельдом, последний всерьез занялся политическим образованием Иоселя.

18 августа 1902 г., отсидев за пять месяцев и четыре дня, вместе с группой единомышленников Пятницкий совершает дерзкий побег из тюрьмы.

В Киевском государственном архиве имеется несколько материалов Департамента полиции и Киевского губернского жандармского управления. Вот один из них от 5 сентября 1902 г.: «Литер Б-262. Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого:

Таршис Иосель:

...П. 18. Место воспитания, образование: ни в каких учебных заведениях не был. Совершенно не грамотен по-русски и малограмотен по-еврейски.

...П.22. Основания для привлечения к дознанию: агентурная связь и данные наблюдения, из коих известно, что Таршис был знаком многим крупным

деятелям и носил в партии конспиративную кличку «Виленец».

Именно с этого времени у Иоселя появилась кличка, ставшая фамилией на всю жизнь. Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали ему в целях конспирации прозвище Фрейтак (в переводе с немецкого Пятница), так как он постоянно назначал им встречи именно по пятницам.

К 1903 г. Пятницкий оказывается в Берлине, сразу же включившись в организацию транспорта литературы и людей в Россию. В конце 1903 г. в Берлин приехал член ЦК РСДРП Носков. Пятницкий вместе с ним выехал в Лондон, где в то время находилась редакция «Искры». Там он впервые встретился с Лениным и Крупской. Речь шла о создании транспортного пункта «Искры» в Берлине. Пятницкий должен был организовать службу связи заграничного центра партии с Россией. С этого момента он стал специализироваться в конспиративной и подпольной «технике» и обладал этим делом настолько, что после 1917 г. ЦК партии поручил ему организовать Службу связи Коммунистического Интернационала. Он должен был реорганизовать и улучшить работу ОМСа. Фактически И.А.Пятницкий стал создателем нового конспиративно-технического аппарата Коминтерна. В конце 1921 — начале 1922 г. он лично объехал все основные зарубежные пункты связи, по результатам поездки представив доклад руководству (В.Пятницкий. Ук. соч. С. 14, 203)

104

П.А.Вомпе (1890-1925) родился в Луге в семье земского врача. Получил высшее образование, работал

помощником юрисконсульта на Николаевской железной дороге.

105

П.Хубер вообще не упоминает его в руководстве ОМСа (Peter Huber. The Cadre Department, the OMS and the «Dimitrov» and «Manuil'sky» Secretariats during the Phase of the Terror.- Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents (edited by M.Narinsky and Surgen Rojajer). International Institute of Social History. Amsterdam. 1996.)

106

Frederick S. Litten. The Noulens Affair. P.499

107

Александр Лазаревич Абрамов (Миров-Абрамов) (1895 — 1937) один из руководителей советской военной разведки. Видный деятель Коминтерна. Родился в Москве в купеческой семье. Получил образование в Германии. Большевик с 1916 г., участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. С 1921 г. на дипломатической и коминтерновской работе в Берлине. С ноября 1935 г. — заместитель заведующего. Службы связи ОМС. С 5 сентября 1936 г. — в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА — помощник начальника Управления, руководитель испанского направления. Арестован 21 мая, расстрелян 25 ноября 1937 г. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 302-303.)

108

А.Л.Абрамов работает на этой должности до августа 1936 г., с сентября 1936 г. в IV управлении РККА —

помощник начальника Управления, руководитель испанского направления).

109

Там же. С.202.

110

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 2.Д.6.Л.20 об.

111

РЦХИДНИ.Ф.17.Оп.84.Д.403.Л .124. — Цит. по: М.В.Фукс. Ук. соч. С. 168.

112

Телеграфные линии вдоль КВЖД (Иркутск — Пекин), а также часть других линий, связывающих Россию с границей (в Восточной Азии — связь по линии Шанхай — Нагасаки — Владивосток), еще в 1906 г. были отданы в концессию «Датскому северному телеграфному обществу», которое взимало плату за свои услуги в свободно конвертируемой валюте. В соответствии с действующими тарифами «Датского общества», Дальневосточный отдел ИККИ в Москве, исходя из своего бюджета, был, например, в состоянии отправить границу только 15 страниц (8 слов в строке; 30 строк на 1 стр.) телеграмм в год. Кроме того, этому же отделу полагалось только 24 часа пользования «прямым телеграфным проводом» в год для переговоров со своими подразделениями в Сибири и на Дальнем Востоке (М.В.Фукс. Роль региональных властных структур во внешней политике Советской России на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов. — Русский исторический журнал. Москва Том 1.1998. № 2. С. 166).

113

РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2147. Л.20; Цит. по: М.В.Фукс. Ук. соч. С.169.

114

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.320.

115

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.246.

116

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.246.

117

Коминтерн и идея мировой революции. М.1998. С.153.

118

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.247

119

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941.М.2001 С.253.

120

Цит по: Владимир Пятницкий. Ук. соч. С. 247-248.

121

В.В.Ломинадзе (псевдоним. Вернер) (1897-1935)— в 1925-30 гг. кандидат в члены ЦК партии. В 1925-1926 гг. — секретарь ИК Коммунистического Интернационала Молодежи. С апреля 1926 г. по декабрь

1926 г. — член Президиума ИККИ. С июля по ноябрь

1927 г. — представитель Коминтерна в Китае. С

1928 г. — на партийной работе. Покончил жизнь самоубийством.

122

Маргарете Бубер-Нейман. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920 -1930-х годах. М.,1995. С. 68-69.

123

Там же. С. 69.

124

Там же. С. 68.

125

Коминтерн и идея мировой революции. М.1998.

С. 264-265.

126

Там же. С.265.

127

Там же. С.264.

128

Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М. 1971. Т.П. С.298; 305..

129

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 2.3.Д.361.Л.26.Цит. по: Г.М. Адиебеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.33.

130

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3.Дело 281.Л.2: Д.298.Л.2. Цит. по: Г.М.Адиебеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.33.

131

Там же. Д. 290. Л.3. Цит. по: Г.М.Адиебеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.34.

132

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 2.3.Д.361.Л. 29. Цит. по: Г.М.Адиебеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 32-33.

133

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 2.3.Д.355. Цит. по: Г.М.Адиебеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.26.

134

Цит. по: Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.203.

135

Там же. С.206.

136

«В течение первого десятилетия пребывания большевиков у власти советские разведывательные органы страдали от двух наиболее серьезных недостатков, — писал ведущий западный теоретик разведывательных проблем Кристофер Эндрю. — Во-первых, большевики, боясь использовать унаследованные от царского режима сравнительно сложные коды и шифры, ввели менее надежную систему передачи секретной информации, на первом этапе основанную на простой перестановке букв. Во-вторых, сильнейшая в мире царская служба дешифровки была расформирована, а некоторые ее ведущие сотрудники, к несчастью для большевиков, бежали за границу» (О. Гордиевский, К.Эндрю. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. С.81).

137

C.Andrew. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relation in 1920. -The Historical Journal. Vol. 20. 1977. N 3. P. 683-691.

138

О.Гордиевский, К.Эндрю. Ук. соч. С. 83.

139

Там же. С.98.

140

Там же.

141

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Ширина. Ук. соч. С.31.

142

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Ширина. Ук. соч. С.56.

143

Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С.304.

144

Яков Матвеевич Рудник (псевдоним Анри, Генри, Марин, Нуленс, Руэг) (1894-1963). Польский еврей. Родился под Киевом в бедной семье. Окончил коммерческое училище. Учился в Петербургском политехническом институте, откуда мобилизован в армию. Окончил военное училище, прапорщик. Участник Февральской революции. Большевик с марта 1917 г. Во время Октябрьской революции комиссар ВРК в Финляндском полку. Участник штурма Зимнего, подавления восстания юнкеров, мятежа Керенского — Краснова. Организатор Красной гвардии в Финляндии. В начале 1918 г. — член коллегии ВЧК в Петрограде. Затем в политотделе Высшей военной инспекции. Летом 1918 г. руководил нелегальной доставкой оружия в Киев. В конце 1918-начале 1919 г. учился в Академии Генерального штаба, затем на нелегальной работе на Украине, в Крыму. В марте 1919 г., спасаясь от ареста в Одессе, выехал на пароходе с демобилизованными французскими солдатами во Францию. Активно участвовал в коммунистическом и забастовочном движении во Франции, подвергался преследованиям. В сентябре 1920 г. вернулся в Россию, политработник на Южном фронте. Затем в аппарате Коминтерна. В феврале 1921 г. направлен резидентом советской

разведки во Францию. В 1922 г. арестован и осужден на два года тюремного заключения. В 1925-1931 гг. сотрудник ОМС ИККИ. В 1925-1927 г. в Австрии, в 1928-1931 гг. в Китае, где был арестован под фамилией Руегг. Находился в заключении до 1937 г. В 1939 г. вернулся в СССР. С 1940 г. на преподавательской работе в СССР. В 1941-1943 гг. в армии, затем в Красном Кресте и в Институте международных отношений.

145

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп. 73.Д.77.Л.28. Цит. по В.Пятницкий. Ук. соч. С. 208-209.

146

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С..350.

147

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Ширина. Ук. соч. С.69.

148

Г.Войтинский (Зархин, 1893-1953). Сын мелкого служащего, приказчика лесного двора, родился в г. Невеле Витебской губернии. Окончив в 1907 г. четырехклассное городское училище, три года работал наборщиком типографии в Витебске, в дальнейшем еще три года счетоводом в Стругах-Белых. В 1913 г. эмигрировал в Америку, жил в США и Канаде, был студентом, рабочим. В 1918 г. вернулся в Россию, вступил в РКП(б) и начал работать в Красноярском совете рабочих депутатов, участвовал в гражданской войне на Дальнем Востоке. В 1919 г. во Владивостоке был приговорен белогвардейцами к пожизненной ссылке

на о-в Сахалин, где в 1920 г. принимал участие в установлении советской власти. В 1920 г. его принимают в аппарат Коминтерна и сразу же посылают на Дальний Восток по поручению ИККИ.

149

Там же. С.88.

150

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.219.

151

П.Хубер неверно датирует его заведование с 1921 г. (См. Peter Huber. The Cadre Department, the OMS and the «Dimitrov» and «Manuil'sky» Secretariats during the Phase of the Terror.- Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents (edited by M.Narinsky and Surgen Rojager). International Institute of Social History. Amsterdam. 1996. P.149).

152

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.75.

153

РЦХИДНИ.Ф.495.Оп.23.Д. 365.Л.170.

154

Там же. Ф.490.Оп.1.Д.372.Л.291.

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.81.

156

Р.Зорге следующим образом оказался в Коминтерне. В 1924 г. в Германии проходил IX съезд Компартии Германии. Не него прибыла делегация Коминтерна, в которую входили О. Куусинен, С.Лозовский, Д.Мануильский и И.А. Пятницкий. Охрану делегации поручили группе боевиков военного отдела партии, возглавляемой Р.Зорге. Там и состоялось знакомство Пятницкого с Зорге. В 1925 г. Зорге вызывают из Германии в распоряжение ИККИ и направляют на работу в ОМС. С ноября 1929 г. Зорге рекомендуют начальнику Разведупра РККА для работы в военной разведке. (РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.18. Д.433. Л.52. Цит. по: Г.М.Адибеков, Э.Н. Шахназарова, К.К.Шириня. Ук. соч. С. 104-105.)

157

И.Н.Сотникова. Реорганизация органов Коминтерна, занимавшихся проблемами Китая (1926 г.) — Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. М., 1995. Ч.П. С.116.

158

Манабенда Нат Рой (1892-1954) в 1927-1928 гг. — член ИККИ, в 1927 г. — представитель ИККИ в Китае. В 1928 г. исключен из Компарии Индии и ИККИ.

ВКП(б), Коминтерн... Т.2.Ч.1.М.1996. С.157.

160

Л.Н.Геллер (1875-?) в 1922-1930 гг. (с перерывами) — заведующий Восточным отделом Профинтерна. С 1930 г. — на педагогической работе в МЛШ. Незаконно репрессирован.

161

Н.А.Фокин (Молодой, Зимилев) (1899 — ?) — в 1926 — 1927 гг. представитель КИМа в Китае, с 1928 г. — член делегации ВЛКСМ в КИМ, в 1927-1930 гг. — заведующий Восточным отделом ИК КИМ, в 1930-1933 гг. — заместитель заведующего Восточным отделом Профинтерна. Незаконно репрессирован.

162

А.И.Картунова. Москва и Северный поход национально-революционной армии Китая. — Восток. 1998 № 3. С.44.

163

И.Сотникова. Ук. соч. С.120.

164

И.Сотникова. Ук. соч. С.120.

165

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 130.

И.Сотникова. К вопросу об изменениях в представительстве Коминтерна в Китае в

1926- 1927 гг. — Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке. М., 1996. 4.2. С.162.

167

Герхард Эйслер Псевдонимы. Роберт, Робертс) (1897-1968) — в 1927-1928 гг. кандидат в члены ЦК КП Германии, с 1967 г. — член ЦК СЕПГ, в 1929-1931 гг. — представитель ИККИ в Китае. В 1931-1933 гг. — работник аппарата ИККИ. В 1933-1935 гг. — представитель ИККИ в США. В 1935-1939 гг. — сотрудник заграничного центра КПГ. В 1941-1949 гг. находился в эмиграции в США. В дальнейшем на государственных постах в ГДР.

168

Джордж Харди (Георг, Джордж) (1884-1966) — в 1922-1926 гг. член ЦК и политбюро КП Великобритании, в 1924-1926 гг. — представитель КПВ в Профинтерне. В

1927- 1930 гг. — представитель Профинтерна в Китае, секретарь Тихоокеанского секретариата профсоюзов. С 1930 г. — инструктор Англо-американской секции Профинтерна.

169

Йозеф Погани (Джон Пеппер, Джонс) (1886-1938). В

1919 г. — нарком национальной защиты, иностранных дел и просвещения Венгерской советской республики. С

1920 г. в СССР. В 1924-1926 гг. — заведующий Информационным отделом ИККИ. С 1927 г — член Секретариата ИККИ. В 1927-1928 гг. — представитель

ИККИ в Китае. В 1929 г. освобожден от работы в Коминтерне. В 1930-1937 гг. — сотрудник Госплана СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

170

Александр Масси (Беренс, Бернс) (1905-1947) — с 1926 г. член ЦК КП Великобритании, в 1928 г. — член ИК КИМ, сотрудник Восточного секретариата ИККИМ, в 1929 г. представитель КИМ в Китае, член Дальбюро ИККИ. В 1929-1932 гг. — секретарь ЦК КСМ Великобритании. В 1932-1938 гг. — секретарь ИККИМ. С 1937 г. — член Президиума КИМ.

171

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.481.

172

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.465.

173

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 131.

174

Коминтерн и идея мировой революции. С. 504-509.

175

Фалиго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 306-307; Frederick S. Litten. The Noulens Affair. P. 492-512.

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.117.

177

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С. 217-218.

178

Там же. С. 218.

179

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 133.

180

Григорий Беседовский. На путях к термидору. М.,1997. С.35.

181

РЦХИДНИ.Ф.167.ОП.162.Д.6.Л .70.Цит. по: Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С.134.

182

ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

183

ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

184

ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.463.

Френсис Уолдрон (Юджин Денис, Врансис Валдро, Тим Райян, Мильтон (1904—1961) В 1931-1934 гг. член Дальбюро ИККИ. С 1935 г. на партийной работе в США.

186

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.227.

187

ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

188

ВКП(б), Коминтерн... Т.3. С.465.

189

Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К. Шириня. Ук. соч. С. 160.

190

В.М.Гиленсен. Ук. соч. С.71.

191

В.М.Гиленсен. Ук. соч. С.73.

192

Коминтерн и идея мировой революции. С.131.

193

Там же. С.131.

Подробнее об этом см.: В.Н. Усов. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20 -30-е годы. — Проблемы Дальнего Востока. 1987, № 5.

С. 79-85

195

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. М.1995. С.127.

196

Sheng Yueh. Sun Yatsen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account. Lawrence. 1972, p.42; А.М. Григорьев. Революционное движение в Китае 1927-1931 гг. М.1980. С. 161.

197

Там же, р. 16-18; С. 161.

198

Г.В.Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая — Проблемы Дальнего Востока. 1966, № 2. С.172; А.В.Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20 -40-х годов. М.,1985. С. 48, 50; Хуан Цзилян. Московские Университет трудящихся Востока и Университет им. Сунь Ятсена. — Хэйлунцзян шэхуй кэсюэ. 1997, № 5. С.66.

В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1918-1931 гг. — Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 117.

200

Там же.

201

Архив МО,1920. Оп.68.Д .4.Л .275. Цит. по: Р.А.Мировицкая. Советско-китайские отношения: проблемы! военной помощи Компартии Китая в 1927-1929 гг. — И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. М.,1993. С.309.

202

А.В.Панцов. тайная история советско-китайских отношений. М., 2001. С.265.

203

Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С. 309-310.

204

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 162.

205

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.777.

206

Там же. С.777.

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 113.

208

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 195.

209

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.352.

210

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.352.

211

РГАСПИ. Ф.530. ОП.1.Д.34. Л. без №. — Цит. по: А.В.Панцов. Тайная история советско-китайских отношений. С. 266-267.

212

Ши Чжэ (Карский) (1905-1998) — впервые приехал в СССР в 1925 г. Из Москвы его вместе с более чем 20 китайскими слушателями школы инженерных войск направили в Киев в Объединенную военную школу командиров, где проучился до весны 1927 г. Из китайцев была сформирована самостоятельная специальная группа, состоящая из 50-60 человек, там имелась также небольшая группа слушателей, приехавших из школы Вампу, они все были членами Гоминьдан. Китайские слушатели ежемесячно получали по 80 рублей стипендии. К октябрю 1927 г. все китайские слушатели вместе с Ши Чжэ из Киева прибыли в Москву и были распределены в 4 военных училища, которые располагались в Лефортово. Ши Чжэ имел русский

псевдоним М.А.Карский. Во время У1 съезда КПК, проходившего под Москвой, он обслуживал китайскую делегацию, работал переводчиком. В 1929 г. он выехал на работу в Сибирь. А с 1929-1938 гг. — оперуполномоченный Полномочного представительства ОГПУ(НКВД) СССР по Новосибирской области. По данным Ю Маочуня именно в это время Ши Чжэ стал агентом ОГПУ. В 1939 г. — заместитель директора 2-го интернационального детского дома ЦК МОПР, помощник преподавателя китайской партшколы (Москва). В 1939-1940 гг. — корреспондент Отдела печати ИККИ. С 1940 г. находясь в Яньани (Китай) был специальным секретарем Мао Цзэдуна по радиосвязи с Москвой (учитывая его хорошее знание русского языка). В дальнейшем на работе в органах безопасности ЦК КПК и в Бюро переводов ЦК КПК. В 1991 г. Написал книгу воспоминаний под названием «Рядом с историческим исполином» (Yu Maochun. OSS in China. Prelude to Cold War. New Haven and London. 1996. P.280; Ши Чжэ. Рядом с историческим исполином. Воспоминания. Хэбэй. 1991).

213

Ши Чжэ. Рядом с историческим исполином. С.28.

214

ВКП(б), Коминтерн. Т. 3. С.193.

215

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 194.

216

Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С.310.

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 498-499.

218

ВКП(б), Коминтерн. Т. С. 351-352.

219

Архив МО, 1920. Оп.68.Д. 4.Л. 278. Цит. по: Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С.310.

220

Фортус М (П.А.Миф, Вильгельм, Джозеф, Жозеф, Копер, Купер) (1901-1943) — в 1926 г. проректор, в 1927-1929 гг. — ректор УТК (КУТК). В 1928-1935 гг. — заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ, в 1930-1931 гг. — секретарь Дальбюро ИККИ. В 1936 г. — ректор КУТВ, в 1937 г. — директор НИИ по изучению национальных и колониальных проблем. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

221

Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С.310.

222

Там же. С.311.

223

Там же.

224

Иван Кириллович Мамаев (1896 — ?) окончил коммерческое училище в Харбине. Участник Первой мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА. В Китае находился с октября 1924 по 1926 г. Преподавал в школе Вампу. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе в качестве военного советника при 7-м (Гуансийском) корпусе, а также в штурме Учана. В

1927- 1937 гг. — на командных постах в Разведупре. С 1937 г. преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

225

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.572.

226

Архив МО, 1920. Оп.68.Д. 4.Л. 278. Цит. по: Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С.315.

227

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.222.

228

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 221-222.

229

Я.Э. Стэн (1899-1937) в 1924-1927 гг. — член ЦК ВКП(б), заведующий сектором АПО ИККИ, в 1928- 1930 гг. — заместитель директора ИМЭЛ.

230

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 320-322.

231

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.322.

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.547.

233

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.547.

234

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.550.

235

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 683-684.

236

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.326.

237

Ши Чжэ (Карский) впервые приехал в СССР в 1925 г

238

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.3. С. 690, 691.

239

Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С. 310—311.

240

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.484.

241

Там же. С.729.

242

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.854.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М. 1998. С. 792-793.

244

Там же. С.793.

245

Чжун э гуанси шиляо: э чжэнбянь юй цзяошэ (Исторические материалы! о китайско-русских отношениях. Политический переворот в России и повседневные отношения). 1917-1919. Тайбэй, 1960. С.267. Цит. по М.Крюков. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923). — Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2. С. 110.

246

Там же. С.111.

247

Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С.37.

248

Вашингтонская конференция (12 ноября 1921- 6 февраля 1922 г.), в которой участвовали США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия и Португалия, зафиксировала новое создавшееся после Первой мировой войны! соотношение

империалистических сил в Китае и бассейне Тихого океана, благоприятное для США. Советская Россия, крупнейшая тихоокеанская держава, не получила

приглашение на конференцию. Делегации Дальневосточной Республики, которая прибыла на конференцию, власти США не разрешили в ней участвовать.

249

Игнатий Людвигович-Маринович Дзевялтовский-Гинтовт (поляк, известный в России как Игнатий Львович. Юрин был одним из первых советских комендантов Зимнего Дворца. В царской армии он командовал ротой. В Красной Армии — главный комиссар военно-учебных заведений, военный комиссар Всероссийского главного штаба, член РВС 12-й армии, затем секретарь Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), военный министр, впоследствии министр иностранных дел ДВР. Фамилия Юрина долгое время замалчивалась в советской исторической литературе в связи с тем, что он в середине 30-х годов якобы бежал в Польшу и стал «изменником, польским националистом». (Е.А.Ягодинский. Первые советские коменданты Зимнего дворца. — Вопросы истории. 1990. № 4. С.163. Цит. по. Ф.Б.Белелюбский. «Нет рецепта писать мемуары» (Обзор архива М.И. Казанина). — И не распалась связь времен...С.77).

250

В.Аварин. Империализм в Маньчжурии. Т.1.М. — Л. 1934. С. 199.

251

ГАРФ (бывший ЦГАОР). Ф.200. Д. 462.Л.4. Цит. по: Е.А.Белов. Россия и Монголия. М. 1999. С. 150.

Там же.

253

Там же. Л.12; С. 151.

254

Там же. Л.33; С.151.

255

Там же. Л. 39; С.151.

256

Там же. Л.6; С.151.

257

Там же. Л.9; С.151.

258

М.И.Казанин. Записки секретаря миссии. М.,1962.

С.69.

259

М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. Роль ДВР в борьбе советской власти за дружбу с Китаем в 1920-1922 гг. М., 1962. С.122.

260

Вот какую характеристику дал К. Мецлеру генерал Глебов в рапорте, представленном Главному центру Гомиьндана в Нанкине в 1936 г.: «К. Мецлер — человек не русский ни по происхождению, ни по

вероисповеданию. Отличительные черты: наглость, хлестаковщина, беспринципность». Как одно из обвинений в его адрес инкриминировалось то, что «в 1932 г. при конфликте Японии с Китаем, в Шанхае через Эмигрантский комитет тайно набирались русские рабочие для японских войск для перевозки военных грузов и устройства военного аэродрома». (Из архива Ю.А.Черемшанского. Цит. по: П. Балакшин. Финал в Китае. С.341.)

261

П. Балакшин. Финал в Китае. С.328.

262

М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М.,1962. С. 122-123.

263

П. Балакшин. Финал в Китае. С.328.

264

М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М.,1962. С.118.

265

Газета "Шанхайская жизнь" от 24 сентября 1920 г. Цит. по: М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М.,1962. С. 119-120.

266

7 сентября 1901 г. пекинское правительство подписало с послами восьми держав, включая Россию, так называемый «заключительный протокол». Он

налагал на Китай огромную контрибуцию за материальный ущерб, нанесенный иностранным державам повстанцами, в размере 450 млн. таэлей, которая должна быть выплачена в течение 39 лет. Вместе с процентами сумма контрибуции составляла 147 млн. фунтов стерлингов, то есть почти полтора миллиарда русских рублей.

267

М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М.,1962. С.120.

268

Газета "Шанхайская жизнь" от 8 августа 1920 г. Цит. по: М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. С.120.

269

М.И.Казанин. Записки секретаря миссии. М.,1962.

С.93.

270

Ф.Л.Глебов — генерал, начал Первую мировую войну в чине вахмистра. За боевые заслуги был награжден всеми Георгиевскими орденами и крестами. 14 сентября 1923 г. на пароходе «Охотск» прибыл из Владивостока в Шанхай. По прибытии в Шанхай он продал «Охотск» и другой российский пароход одной китайской фирме. Глебов был фигурой неоднозначной и многих неустраивающий. Верные семеновцы не могли ему простить перехода на сторону правительства бартьев Меркуловых, когда он заменил атамана Семенова на посту командующего остатками семеновских войск в

Гродеково. Участники похода белоповстанческих войск из Владивостока в Корею обвинили Глебова в создании в лагерях беженцев атмосферы концлагерей. По его приказу во Владивосток выслались лица, которых он подозревал в приверженности к большевизму. Люди его отряда, прибывшие в Шанхай, ставили ему в вину полное безразличие к условиям, в которых они находились в трюмах кораблей, страдая от желудочно-кишечных заболеваний, куриной слепоты, недостатка питания и медико-санитарной помощи, в то же время как он, их начальник, прокручивал деньги в Шанхае. О Глебове говорили, что он однажды заплатил танцовщице в дансинге 500 долларов за порванное платье. Глебова обвиняли в самовольном и безконтрольном распоряжении деньгами, полученными им от продажи кораблей, на которых его отряд прибыл в Шанхай. В 1925 г. по распоряжению атамана Семенова была назначена комиссия по расследованию деятельности Глебова. Комиссия собрала «обширный материал, но обстановка не дала возможности завершить дело до конца». Прояпонские элементы русской эмиграции ставили Глебову в вину, что во время японо-китайского конфликта он способствовал набору русских специалистов, артиллеристов, пулеметчиков и т. д. для гоминьдановских войск. Люди, стоявшие близко к российским консульским кругам, обвиняли Глебова в недопустимом отношении и грубой травле последнего царского генерального консула в Китае В.Ф.Гроссе. Как считает П.Балакшин, генерал Глебов был платным секретным агентом Гоминьдана (П.Балакшин. Ук. Соч., с. 344). Генерал Глебов не остался в долгу перед своими многочисленными обвинителями. В 1936 г. он представил обстоятельный рапорт Главному центру Гоминьдана в Нанкине, но мишенью для своих

обвинений избрал только К.Э.Мецлера и его группу. (П. Балакшин. Финал в Китае. С. 229-240.)

271

П. Балакшин. Финал в Китае. С.337.

272

П. Балакшин. Финал в Китае. С.337.

273

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 337-338.

274

П.Ф.Жуйков-Александровский. Дипломатическое поручение. — Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М.,1965. С. 264-265.

275

П.Ф.Жуйков-Александровский. Подписание соглашения между ДВР и Северо-восточным Китаем в марте 1921 г. (воспоминания). — Советское китаеведение. М.,1958, № 2. С. 133.

276

Там же. С.135.

277

РЦХИДНИ. Ф.372.0П.1 Д. 62. Л.185-186. Цит. по: М.С.Фукс. Ук. соч. С. 160.

Газета "Шанхайская жизнь" от 4 марта 1920 г. Цит. по: М.А.Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. С.245.

279

М.В.Фукс. Ук. соч. С. 146.

280

Документы внешней политики СССР. Т.У. М.1961. С. 127-127.

281

Документы внешней политики СССР. Т.У. С.227-228,733 -734.

282

П. Балакшин. Финал в Китае. С. П. Балакшин. Финал в Китае. С. 116-117.

283

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 117.

284

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 117.

285

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 117.

286

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 119.

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 119-120.

288

Участие атамана Семенова в Белом движении имело свою историю. Еще в октябре 1918 г. адмирал Колчак своим приказом № 67 объявил Семенова изменником и отрек от всех занимаемых должностей с преданием военному суду. Ему ставилось в вину задержка боевого снаряжения и вооружения, идущего с вотока на сибирский фронт, и бунт против существовавшего в стране государственного строя.

С первого дня основания семеновского отряда японские военные деятели стали играть немалую роль при его штабе. Одним из первых, приставленных к штабу, были майор Куроки, отлично владевший русским языком, и представитель военной миссии полковник Курасава. Позже атаман Семенов, по данным П. Балакшина, был связан с представителями японского правительства, полковником Иссоме, а когда вопрос коснулся создания в Приморье буферного белого государства — с начальником штаба японских оккупационных войск, генерал-майором Танака и командующим Квантунской армией генералом Такаянага. В планируемом японскими властями государстве на территории Сибири атаману Семенову предназначалась роль номинального главы. Таким образом, атаман Семенов сразу же связал себя с японцами. Причем в агрессивных планах Японии Семенов должен был играть значительную роль. Японский депутат Киюме Ичино заявил в парламенте, что за период с декабря 1918 по

февраль 1920 г. генерал Танака израсходовал 21.110.000 иен на поддержание Белого движения и, главным образом, атамана Семенова и его отряда (П.Балакшин. Ук.соч. С.289). Первое время генерал Хорват обещал помочь атаману Семенову, который испытывал определенные трудности, но прояпонская ориентация атамана Семенова заставила Хорвата взять свое обещание обратно и отказаться с ним сотрудничать (Л.К.Шкаренков. Агония белой эмиграции. М.1987. С. 142). «Да простит мне ББГ, что я рршил подддежать Семенова»,— писал позднее Хорват в своем дневнике (П.Балакшин. Ук. соч. С. 288).

289

П. Балакшин. Финал в Китае. С.265.

290

Хунхуз — разбойник, грабитель.

291

П. Балакшин. Финал в Китае. С.266.

292

В.В.Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае 1925-1927. М.1980. С.82.

293

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 167.

294

Там же.

Отряд Нечаева воевал с переменным успехом, неоднократно он подвергался разгрому. За ним сохранилась дурная слава, так как часто его солдаты занимались грабежами (это можно объяснить еще и тем, что служба у белогвардейцев не была сладкой. Китайские милитаристы им целыми месяцами не платили жалованья. Люди доходили до отчаяния, кончали самоубийством, а вербовщики поставляли все новых и новых наемников, обманом в их ряды завлекая даже подростков). Однако Нечаева боялись китайцы. Так, когда генерал Сун Чуанфан, губернатор провинции Аньхуй, принадлежавший к упэйфуской группировке, в конце 1925 г. напал на Шанхай и нанес жестокое поражение части отряда генерала Нечаева, то китайцы попытались обезопасить себя следующим образом. По данным В.М. Примакова, «возник слух, что захваченным в плен 300 русским белогвардейцам солдаты Сун Чуанфана отрубили кисти рук. Мотивом этого была боязнь, что пленные нападут на конвой, отнимут у него оружие и снова станут отрядом, способным уйти в горы и вести партизанскую войну. Когда Сун Чуанфан узнал об этом, он распорядился отрубить пленным и головы, потому что меньше варварства в убийстве пленных, чем в том, чтобы отрубить им руки». (В.М. Примаков. Записки волонтера. М.,1967. С.129.) Известен случай, когда весной 1926 г., когда войска Фэн Юйсяна уходили из Тяньцзиня, администрация иностранной концессии организовала специальный отряд жандармов, чтобы помешать отряду Нечаева войти в город. Весной 1927 г. он был разбит войсками Национально-революционной армии в Хэнани (В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С.83).

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.0100, Оп.9, П.114, Д.1, Л.99. — Цит. по Г.Н.Пескова. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924-1929 гг. — Новая и новейшая история. 1998, № 1. С. 107.

297

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1. 1920-1925. М.1994. С.548.

298

Аристарх Аристархович Ригин (Аристарх Рыльский, 1887-1938). Русский, сын крестьянина, усыновлен педагогом. Окончил немецкую школу в Петербурге в 1906 г., 1-й курс Петербургского университета. Университет в Цюрихе в 1910 г., два курса Военно-медицинской академии в 1913 г., ускоренный выпуск Александровского военного училища в 1916 г. По образованию биолог. В 1905-1910 гг. — эсер, член военно-боевой организации партии эсеров. В 1905-1910 гг. жил в Швейцарии.

До 1917 г. воевал в чине подпоручика на Салоникском фронте (в составе Особого экспедиционного корпуса русской армии во Франции). Был ранен. Вел революционную работу среди солдат. По доносу был выслан во Францию. Отказался выехать на фронт и получил по болезни отсрочку на два месяца. Переехал в Брест (Франция) и на эмигрантском пароходе в сентябре 1917 г. выехал в Россию. С 1918 г. — член РКП(б). В конце 1918 г. в Киеве секретарь члена ВЦИК

Н.С.Тихменева (впоследствии полпреда СССР в Дании) в составе делегации Х.Г.Раковского по переговорам с правительством гетмана П.С.Скоропадского. Был арестован германской полицией, находился в заключении в Лукьяновской тюрьме. В 1919 г. военный руководитель Киевского района, начальник Киевского гарнизона, боевого участка. В 1920 г. член Реввоенсовета 2-й трудовой армии, в 1920-1921 гг. состоял для особых поручений при штабе Юго-Западного фронта. В марте 1921 г. по предложению заместителя командующего войсками Украины и Крыма К.К.Авксентьевского был откомандирован в НКВД. Участвовал в работе эвакуационной комиссии в Выборге, Генуэзской конференции.

В 20-е и первой половине 30-х годов — работник ИНО ОГПУ. В 1922-1923 гг. резидент в Пекине (под прикрытием должности атташе и заведующего консульской частью полпредства, оперативный псевдоним «Рыльский»). Затем резидент в Дании (с августа 1924 по март 1925 г., атташе полпредства). В марте — мае 1925 г. 2-й секретарь полпредства в Японии. В августе 1925 г. ЦКК РКП(б) Ригину был объявлен выговор за склоку. С декабря 1925 по 1927 г. резидент ИНО во Франции (2-й секретарь полпредства). С октября 1927 по ноябрь 1928 г. — резидент в Риме (2-й секретарь полпредства). В связи с клеветническим доносом в конце 1928 г. был отозван из Италии. Разбирательство, которое провел член Коллегии ОГПУ Г.И. Бокий, закончилось оправданием А.А.Ригина.

После отъезда А.А.Ригина из Италии резидентуру возглавляла его жена З.А.Летавет. В Москве работал в аппарате ИНО ОГПУ. В апреле 1929 г. ЦКК ВКП(б) (в составе парттройки был Н.И.Подвойский — бывший

начальник Ригина по Киеву в 1919 г.) на заседании в присутствии самого Ригина и помощника начальника ИНО С.Г. Вележева выговор 1925 г. отменила... В 1935 г. вместе с Артузовым переведен в Разведупр РККА. Бригадный комиссар (1935 г.). Арестован 27 сентября 1937 г., расстрелян 1 сентября 1938 г.

299

Абрам Евсеевич Ходоров (1886-1949) уроженец Одессы, окончил там юридический факультет, участвовал в 1905 г. в студенческом движении. Октябрьская революция застала Ходорова на журналистской работе во Владивостоке, затем он возглавил в Пекине отделение РОСТА. В 1923 г. — заместитель председателя Восточной торговой палаты. С 1924 г. — на научно-педагогической работе. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

300

В.Н.Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970. С. 91-92.

301

Очерки истории российской внешней разведки. Т.2.

С.46.

302

Там же.

Там же. С.47

304

Там же. С.47.

305

Там же.

306

Там же. С.48.

307

Там же.

308

Там же. С.46.

309

Там же. С.47.

310

Там же.

311

В архиве РЦХИДНИ в Ф.5, Оп.1. Д.2148 хранится целая подборка писем и докладных записок (87 стр.), направленных В.Ленину в период с февраля по 21 июня 1923 г.

312

Архив РЦХИДНИ. Ф.17, Оп.3, Д.342, Л.1,4 — Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1. 1920-1925. М.,1994. С.316.

313

Очерки. Т.2. С.49

314

Там же. С.48.

315

Жизнь Я.Х. Давтяна безвременно оборвалась в 1938 г. В 1957 г. он был реабилитирован.

316

Карл Андреевич Михельсон-Арвис (1885-1938), латыш. Член партии большевиков с 1905 г. В 1905-1920 гг. на партийной работе в Латвии, в эмиграции, на Дальнем Востоке. В 1923-1934 гг. состоял в распоряжении Разведупра. Арестован 2 декабря 1937 г., расстрелян 26 апреля 1938 г.

317

А.Н.Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1927. М., 1968. С.140.

318

Там же. С.152.

319

Евгений Алексеевич Фортунатов (1883-1938). Сын профессора медицины, получивший блестящее образование и знавший несколько языков, включая восточные, до 1917 г. работал врачом. С 1903 по 1919 г. — большевик. Неоднократно арестовывался и сидел в тюрьмах в 1903, 1905 и 1907 г. Во время первой

русской революции член Казанского, Самарского и Ялтинского комитетов партии. Организатор Южного военно-технического бюро в Киеве в 1906-1907 гг. Делегат Таммерфорсской конференции военных и боевых организаций РСДРП в 1906 г. Проживал на берегах Тихого океана и поэтому считался знатоком Дальнего Востока. С 1920 г. сотрудник ИНО ВЧК. Однажды пытаясь приобрести секретные материалы, был схвачен китайской полицией буквально за руку в момент получения им документов. Был арестован, но затем ОГПУ удалось его освободить за 10 тыс. долларов. После Китая был руководителем Дальневосточного сектора в центральном аппарате ИНО. Во второй половине 30-х годов — создатель и руководитель Ленинградского музея ВЧК. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

Под его началом в ОГПУ работал и его сын Фортунатов Евгений (1904-1939), окончивший коммерческое училище, прекрасно владевший китайским и английским языками. Евгений в ОГПУ с 1926 г., в 1928 г. вступил в ВКП(б). С 1929 г. — сотрудник ИНО ОГПУ. Арестован по обвинению в шпионаже 13 марта 1939 г. расстрелян 25 сентября 1939 г.

320

М.С.Капица. Лев Карахан. — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 16-20.

321

В связи с возрастанием китайского фактора во внешнеполитической деятельности ВКП(б) и Советского государства 19 марта 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление создать комиссию (получившую

название «китайской комиссии») в составе: М.В.Фрунзе, в то время кандидата в члены ЦК РКП(б), председателя Реввоенсовета СССР, народного комиссара по военным и морским делам СССР; Г.Чичерина, В.М.Молотова, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК РКП(б), Ф.Ф.Раскольникова, заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна (с заменой Ф.Раскольникова его заместителем Г.Войтинским). Комиссия создавалась в формулировке постановления Политбюро «для общего наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гомиьндану и сочувствующим ему группам». Со временем комиссия пополнялась новыми членами. После кончины 31 октября 1925 г. М.Фрунзе на заседаниях комиссии председательствовал Уншлихт, который стал ее председателем. С 20 сентября 1926 г. ее председателем был К.Ворошилов, затем с 20 октября вновь замененный Уншлихтом. В комиссии

работали также А.Бубнов, Я.Берзин, Г. Сокольников, Г.Ягода, Б. Мельников, заведующий Дальневосточным отделом НКВД, Пятницкий. (Подробнее об этом см.: Вступительную статью А. Картуновой и К. Шевелева к публикации первых 10-ти протоколов заседаний Китайской комиссии. — Военные архивы России. 1 выпуск. 1993. С. 309-311.)

322

Николай Михайлович Воронин (Птицин, 1885-1937) медик по профессии. В 1905-1910 гг. член партии эсеров-максималистов, а затем большевик. Участник гражданской войны в Туркестане. С 23 июня 1921 по 30 октября 1922 г. — член РВС Туркестанского фронта. Награжден двумя орденами Красного Знамени. ВКП(б),

Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.1. 1920-1925. С.548.

323

Там же. С.546. 324

Там же. С.548. 325

Там же. С.548.

326

Георгий Агабеков. Ук. соч. С.265.

327

АВП РФ. Ф.0100. Оп.9. Д.1. П.114. Л.363-364. — Цит. По: А.Картунова. Ук. соч. С.52.

328

Картунова А.Н. Москва и Северный поход национально-революционной армии Китая. — Восток. 1998, № 3. С.36.

329

В.А. — Военный Атташе (Прим. автора).

330

А.Колпакиди, Д.Прохоров. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Книга 1. М.2000.

С.99.

331

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.П. 1926-1927. 4.1. М.1996. С.176.

332

Стремление Москвы разобраться «на месте», что же происходит в действительности в Китае, оценить тенденции и перспективы развития событий побудило Политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1926 г. принять решение об откомандировании в Китай инспекционной комиссии, наделенной широкими полномочиями, председателем которой назначить секретаря ЦК ВКП(б) и начальника Главного политического управления Красной Армии А.С.Бубнова, а ее членами Н.А.Кубяка,

И.И.Лепсе и Л.М. Карахана. Комиссия работала в Китае более месяца — с начала февраля по конец апреля 1926 г. О деятельности комиссии Бубнова в Китае см. также: Хуан Сюжун. Комиссия Бубнова в Китае. — Данши цзыляо чжэнцзи тунсюнь. 1986.№ 8. С. 26-31.

333

Архив РЦХИДНИ. Ф. 626, Оп.1, Д.17, Л.152.

334

Анатолий Ильич Геккер (1888-1937) родился в Тифлисе в семье военного врача Кавказской армии, учился в тифлисской гимназии, затем во Владимирском военном училище в Петербурге, в 1916 г. учился на курсах при Академии Генерального штаба, по их окончании был назначен в штаб 33-го корпуса, входившего в войска румынского фронта. Штабс-капитан

Геккер, известный своими революционными настроениями, стал членом корпусного комитета, а в сентябре 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1920 г. А.И. Геккер стал начальником штаба войск внутренней охраны республики, руководил операциями войск ВЧК против контрреволюции. В феврале 1921 г. «за отвагу, мужество и распорядительность» был награжден орденом Красного Знамени. В январе — августе 1922 г. помощник начальника, начальник Военной академии РККА. С июня 1922 г. по 1924 г. — первый военный атташе полпредства СССР в Китае. В 1925-1929 гг. — член правления КВЖД и один из руководителей советской разведки в Китае. В 1929-1933 гг. военный атташе в Турции. В 1934 г. — начальник Главного управления РККА. В 1934 — 1935 гг. — начальник 4-го отдела Разведывательного управления Наркомата обороны. В 1935-1936 гг. — начальник 6-го отдела Разведывательного управления. В

1936- 1937 гг. — начальник 11-го (внешних сношений) отдела Наркома обороны. Комкор (1935). Награжден тремя орденами Красного Знамени. Арестован 31 мая

1937- го, расстрелян 1 июля, реабилитирован посмертно в 1956 г.

335

C.Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. Missionaries of Revolution. P.428.

336

Н.М.Воронин (Птицин), по профессии медик, участник гражданской войны в Туркестане, был членом Военного совета армии. Награжден двумя орденами Красного Знамени. (А.В.Благодатов. Ук. соч. С.288.)

337

А.В.Благодатов. Ук. соч. С.45.

338

А.И.Егоров родился в октябре 1883 г. в Бузулуке. Военное образование получил в Казанском военном училище, которое окончил в 1905 г. В Первой мировой войне участвовал в качестве командира роты и батальона. После 1917 г. А.И. Егоров был избран депутатом П Всероссийского съезда Советов и членом ВЦИК.

После окончания гражданской войны, в которой он активно участвовал, А.И. Егоров занимал ряд крупных постов в Красной Армии: командующего войсками отдельных округов, начальника штаба, а затем начальника Генерального штаба РККА. В 1935 г. стал маршалом СССР. С 1937 г. — первый заместитель обороны. Незаконно репрессирован, скончался 22 февраля 1939 г., реабилитирован посмертно. (А.В.Благодатов. Ук.соч. С.289.)

Лапинь (Альберт Янович Лапин, Сейфуллин, 1899-1937). Альберт Лапин родился в семье латышского рабочего в Риге. В 1907 г. его семья переехала в Москву. Он работал на фабрике «Богатырь» и с 1915 г. состоял в большевистской организации. В Москве он окончил школу и коммерческое училище. В 1917 г. участвовал в революции, был членом Московского комитета партии. В декабре 1917 г. Лапин вошел в состав Главного штаба Красной Армии. В июне 1918 г. он выехал на фронт в

Казань для подавления мятежа белочехов, там его назначили комиссаром разведывательного отдела штаба 5-й армии, затем комиссаром штаба армии и заместителем Реввоенсовета армии. Он совершенствовал свое мастерство под руководством командующего 5-й армии С.Н. Тухачевского. 23 июня 1919 г. под Челябинском Лапин был тяжело ранен в позвоночник и несколько месяцев пролежал в госпитале. Врачебная комиссия признала его к военной службе негодным. Однако по просьбе Лапина Тухачевский принял его в свой штаб начальником оперативного отдела. Но как только А.Лапин поправился настолько, что мог передвигаться без костылей, он стал проситься на фронт. Революционный военный совет 5-й армии направил его командиром 30-й стрелковой дивизии, сформированной

В.К.Блюхером. Он принимал активное участие в борьбе с белополяками. Именно под его командованием 80-я бригада 27-й Омской стрелковой дивизии, преследуя противника, с ходу форсировала р. Западный Буг, наголову разбила смоловическую группу и подошла к Варшаве. Когда закончилась война с белополяками, Лапина направили на Дальний Восток очищать край от японцев и остатков белогвардейцев. С 1921 по 1922 г. он занимал различные должности: командующего войсками по охране железных дорог Дальневосточной Республики, врид главкома Дальневосточной Республики, командующего войсками Приамурского и Забайкальского округов. С Дальнего Востока А.Я.Лапин был направлен в Москву для учебы в Военной академии РККА. А в 1925-1926 гг. он уже военный советник Калганской группы в Северном Китае, в апреле 1926 г. замещал в Китае военного аташе, затем заместитель главного военного советника Северо-западной армии,

возглавляемой Фэн Юйсяном, начальник штаба Хэнаньской группы. По возвращении в СССР — начальник управления боевой подготовки Генштаба, командующий корпусом, зам. командующего Особой Краснознаменной дальневосточной армии Блюхера. Имел четыре ордена Красного Знамени. 11 мая 1937 г. был арестован НКВД и вскоре расстрелян. (С. Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. *Missionaries of Revolution*. P.429.)

340

Павел Юрьевич Боровой (1902 — ?) — сотрудник советской военной разведки, учился в Харбине. В РКП(б) вступил в 1920 г., был сотрудником Разведуправления НРА ДВР. До 1922 г. — на партийной работе на Дальнем Востоке. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА в 1924 г. Погиб в начале Великой Отечественной войны. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. 319.)

341

Роман Войцехович Лонгва (1891-1938). Родился в Варшаве в семье коммерсанта. Исключен из гимназии за революционную деятельность. Закончил ее экстерном. В 1910 г. вступил в Союз молодых социалистов. С 1910 по 1918 г. — член ППС Левицы. С марта 1912 по сентябрь 1913 г. находился в заключении за революционную деятельность. В 1915 г. окончил военное училище. Штабс-капитан 66-го Бутырского полка. В августе 1917 г. участник подавления корниловского мятежа. Член РКП(б) с 1918 г. Участник боев против Краснова и Деникина. В 1920 г. награжден орденом Красного Знамени. С ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г. — начальник Разведупра Полевого штаба РВС Республики. С ноября 1921 г. —

начальник разведотдела Вооруженных сил Украины и Крыма. В 1922-1925 гг. — в штабе Украинского военного округа, начальник, комиссар разведывательного отделения. В 1925 г. — секретарь Китайской комиссии» Политбюро ЦК ВКП(б). В 1926 г. — секретарь комиссии Бубнова в Китае, в 1926-1927 гг. — военный атташе посольства СССР в Китае. Именно в бытность Р.Лонгва военным атташе пекинская полиция совершила налет на его ведомство. По возвращении из Китая работал в Генеральном штабе, был начальником Управления связи РККА. Арестован НКВД 21 мая 1937 г., расстрелян 8 февраля 1938 г.

342

Архив РЦХИДНИ. Ф.627, Оп.1, Д.17, Л.111.

343

Архив РЦХИДНИ. Ф.626, Оп.1, Д.17, Л.152.

344

Архив РЦХИДНИ. Ф.627, Оп.1, Д.15, Л.34-34 (а).

345

Там же. Ф.627. Оп.1. Д.17. Л. 142.

346

М. И.Казанин. В штабе Блюхера. М., 1966. С.53.

347

Валентин Андреевич Трифонов вступил в РСДРП(б) в 1904 г. Делегат IX и X съездов ВКП(б) в ноябре 1925 г. Был направлен в Китай в качестве помощника военного атташе А.И.Егорова. Весной по решению комиссии А.С.

Бубнова от марта 1926 г. был отозван в Москву из-за его разногласий с советским послом в Китае Л.М.Караханом. Б.А.Трифонов подготовил письмо в Политбюро ЦК ВКП(б), объясняя свои разногласия с Караханом ошибочной политикой, проводимой последним в Китае (Письмо впервые опубликовано в ПДВ. 1990 № 3.

С. 114-119). В 1926 г. был назначен торгпредом в Финляндию. Из Финляндии вернулся весной 1928 г. и был назначен членом Президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина. В 1937 г. был арестован как участник «троцкистской диверсионно-вредительской организации».

348

Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 122.

349

Там же. С.121.

350

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.2. С. 193.

351

Там же. С.24.

352

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.2. 4.1. С.220.

353

Там же. С.226.

Там же.

355

А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. Кн. 2.С.288.

356

Иван Цолович Винаров (1896-1969) родился в г. Плевен (Болгария). Выходец из семьи крупного землевладельца. Член Болгарской СДРП «тесняков» с 1916 г. Участник Первой мировой войны, активный участник Сентябрьского (Владайского) восстания 1918 г. Сотрудник военного аппарата Болгарской компартии. Занимался закупкой и похищением оружия для компартии. В 1921 г. арестован. После ареста бежал из заключения, эмигрировал в СССР. Занимался транспортировкой оружия из СССР в Болгарию по морю. С 1924 г. сотрудник IV (Разведывательного) управления ГШ РККА. В 1925 г. на нелегальной работе на Балканах. С 1926 г. военный советник, в 1927-1929 гг. помощником нелегального резидента в Китае. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С.328)

357

Христофор Иванович Салнынъ («Гришка», Осип Христофор Фогель, Христофор Лауберг, Виктор Хугос, 1885-1939). Латыш, родился в Риге в семье рабочего. В 1900 г. окончил двухклассную народную школу. Член РСДРП с 1902 г. Активный участник революции 1905-1907 гг. Боевик. Участвовал в организации многих крупных выступлений боевиков в Прибалтике, в частности в освобождении смертников Лациса и Слесара

из Рижской тюрьмы, боевиков Люттера, Калныня и других из Рижского сыскного отделения. Трижды арестовывался, однако всякий раз бежал из-под ареста. С 1908 г. — в Лондоне, содержал конспиративную квартиру. С 1912 г. — в США. В 1920 г. выехал на Дальний Восток, вступил во 2-ю Амурскую армию, затем на подпольной работе. В 1920-1921 гг. — в Шанхае под именем Христофора Фогеля. В 1921 г. — в Петрограде в разведотделе. В 1921-1923 гг. — на Дальнем Востоке. В 1923 г. перебросен в Германию для работы по созданию нелегальной боевой организации КПГ, занимался организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети скрытых складов и баз оружия. В 1924 г. отправлен с транспортом оружия в Болгарию. Около 4 месяцев под псевдонимом «Осип» в составе отряда Янчева участвовал в партизанской борьбе с правительственными войсками на юге Болгарии. В 1923-1924 гг. разведчик-нелегал в Китае. В 1926—1929 гг. — резидент в Китае под именем Христофора Лауберга, гражданина США. Участник событий на КВЖД, руководил диверсионной деятельностью в тылу китайских войск. Окончил курсы совершенствования начсостава по разведке в 1930 г. С февраля 1936 г. — заместитель начальника спецотделения «А» (активная разведка) Разведупра. С июня 1937 по март 1938 г. в Испании под именем Виктор Хугос. Арестован 21 апреля 1938 г., расстрелян 8 мая 1939 г

358

В.Я.Кочик. Некоторые аспекты деятельности советской разведки. С. 67-68.

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. Воспоминания разведчика. София. 1974. С. 160 (на русск. яз.).

360

Раиса Соломоновна Беннет (1899-1937), уроженка г. Петрозаводска. Член Компартии США, прибыла в СССР и принята в ВКП(б) в 1927 г. Преподавала иностарнный язык в Военной академии им. Фрунзе. В 1929-1935 гг. в распоряжении Разведупра. Арестована 15 июля 1935 г по «кремлевскому делу». Расстреляна 9 октября 1937 г. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 314.)

361

П.Балакшин. Финал в Китае. С.40.

362

Там же. С. 40.

363

Там же. С.40.

364

А.В.Благодатов. Ук. соч. С.230, 295-296.

365

П.Балакшин. Финал в Китае. С.40.

366

И.И.Спильванек (1883-?). —и.о. консула в Пекине в 1927-1928 гг.

368. А.Копакиди., Д.Прохоров. Внешняя разведка России. С. 397-398.

368

С.Г.Вележаев (1885-1972), русский. Родился в деревне Ксихонка Задонского района Воронежской области. Сын священника. Учился 2 года в Горном институте (Санкт-Петербург). Член РСДРП с 1905 г. Работал учителем. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В 1917-1918 гг. — социал-демократ-интернационалист. Большевик с 1918 г. В 1917 г. член Омского Вокома. С августа 1917 г. — помощник командующего Омским военным округом. 12 октября 1917 г. арестован в Петрограде. В апреле 1918 г. кооптирован в состав Центросиббири, был членом коллегии Сибирского военного комиссариата. В октябре 1918 — апреле 1919 г. находился в плену у японских интервентов. С октября 1919 г. воевал в партизанском отряде. Помощник командира, затем командир эскадрона, действовавшего в районе Хабаровска. С марта 1920 г. член Хабаровского райвоенкомата, с апреля начальник штаба Хабаровского (Восточного) фронта. С февраля 1921 г. комиссар Военного совета Амурского фронта. С февраля 1921 г. комиссар Оперативного управления, с июня заместитель начальника, а с октября — начальник Разведупра штаба помощника главкома по Сибири.

С 1923 до августа 1929 г. Вележаев помощник начальника ИНО ОГПУ. В 1924 г. член комиссии по обследованию и возвращению кораблей бывшей

врангелевской эскадры в Бизерте (Франция). После Китая до ноября 1929 г. начальник Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. С 1930 г. в аппарате ЦК ВКП(б). В 1931-1933 гг. слушатель Промакадемии, в 1934-1937 гг. директор Киевского завода «Арсенал» и на другой хозяйственной работе. Член ЦИК УССР (1935-1937). В период Великой Отечественной войны работал в системе Наркомата цветной металлургии. С 1938 г. инженер Главвольфпрамрудмета. С 1957 г. персональный пенсионер.(А.Колпакиди, Д. Прохоров. Ук. соч. С.326.)

369

Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1893-1923. Том 1. Харбин, 1923. С. 17.

370

В.И. Чуйков. Миссия в Китае. Записки военного советника. М., 1981. С. 22. 371

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 106-107.

372

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 105.

373

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. М. 1991. С. 281 — 282.

А.Н. Авдонин. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург. 1995. С. 68.

375

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 99.

376

White, John Albert. The Siberian Intervention. New York. 1950. P. 186.

377

А.Н. Авдонин. Ук. соч. С. 63.

378

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 99.

379

К примеру, см. М.А. Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М. 1962. С. 160-162.

380

Документы внешней политики СССР. Т. У. М. Д961. С. 678.

381

М. Крюков ошибочно называет эту брошюру «Советская Россия и Китай» (М. Крюков Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М., 2000. С. 210-211.)

М.С. Капица. Советско-китайские отношения. М. Д958. С. 35.

383

М.А. Персиц. Ук. соч. С. 160-161

384

М.А.Персиц. Ук. соч. С. 211-212

385

А.Н.Хэйфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М. 1964.С. 392-393.

386

М.Крюков. Ук. соч. С.212.

387

Линь Цзюнь. Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам Архива МИД России — Новая и новейшая история. 1997,№ 3.С.51.

388

Там же. С.49.

389

М.Крюков. Ук. соч. С.213.

390

«Шанхайская жизнь» от 3 октября 1920 г.

ЦПА ИМЯ, Ф. 144, Оп.1, Д.120, Л.23. Цит.: по М Персиц. Ук. Соч. С. 161.

392

ЦПА ИМЯ, Ф. 372, Оп.1, Д.10, Л.18. Цит.: по М Персиц. Ук. Соч. С. 161-162.

393

«Шанхайская жизнь» от 10 октября 1920 г.

394

Там же. 20 октября 1920 г.

395

ЦПА ИМЛ, Ф.372, Оп.1, Д.61, Л.185. Цит. по М.Персиц. Ук. соч. С.168

396

В.Аварин. Империализм и Маньчжурия. М.,1931

С.169.

397

П.Балакшин. Финал в Китае. С. 146-147.

398

П.Балакшин. Финал в Китае. С.134.

399

П.Балакшин. Финал в Китае. С.134.

П.Балакшин. Финал в Китае. С.134.

401

РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.38. Д.139.Л.35. Цит. по: М.В.Фукс. Ук. соч. С. 175.

402

Барон Гиити Танака (1863-1929) японский генерал, с сентября 1918 по июнь 1921 г., а затем с сентября 1923 по январь 1924 г. был военным министром Японии. С 1927 по 1929 г. — премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний Японии. Один из главных руководителей интервенции на Дальнем Востоке.

403

Газета "Вперед" от 11 августа 1920 г. С.3. Цит. по: М.А.Персиц. Ук. соч. С. 153.

404

«Шанхайская жизнь» от 27 июня и 8 сентября 1920 г.

405

М.А.Персиц. Ук. соч. С.155.

406

М.А.Персиц. Ук. соч. С.154.

407

М.А.Персиц. Ук. соч. С. 148-149.

П.Балакшин. Финал в Китае. С. 104.

409

М.А.Персиц. Ук. соч. С.235

410

П.Балакшин. Финал в Китае. С.142.

411

П.Балакшин. Финал в Китае. С.141.

412

Там же.

413

П.Балакшин. Финал в Китае. С.142.

414

Там же.

415

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С. 79, 80.

416

П.Балакшин. Финал в Китае. С.142.

417

Там же.

418

Там же

Там же.

420

П.Балакшин. Финал в Китае. С. 142-143.

421

Яков Григорьевич Минскер (Минский, 1891 — 1934), еврей, родился в Киеве в семье портного. Окончил 4 класса ремесленного училища. В 1903 г. поступил в Киевское художественное училище, из которого был отчислен в 1906 г. за участие в забастовке учащихся. В 1911-1918 гг. — член партии социалистов-революционеров. С 1914 г. в ссылке, как член Киевской рабочей группы партии эсеров. 26 октября 1912 г. был арестован. В ноябре 1913 г. по 102-й статье «Уложения о наказаниях» был приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губернию. Из ссылки сразу же бежал в Одессу, оттуда в Полтаву, однако затем вернулся обратно в Иркутск, где вплоть до Февральской революции работал конторщиком.

После Февральской революции Минскер был избран в Иркутский Совет солдатских и рабочих депутатов. В апреле 1917 г. вернулся в Китай, работал в эсеровском издательском товариществе. В августе-сентябре он вновь отправляется в Иркутск, где принял участие в подавлении юнкерского мятежа. Был назначен комиссаром по учреждениям Союза городов. За сотрудничество с Советской властью был исключен из партии эсеров, от которой был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов. На 2-м съезде Советов Сибири

избран в ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), заведовал в нем информационным отделом. В августе того же года, после переезда Центросибири в Верхнеудинск, избран в президиум ЦИК Центросибири.

После поражения Советской власти в Сибири Я.Г.Минскер ушел в подполье. Был избран в подпольный ревком во Владивостоке. С декабря 1918 г. — член РКП(б). 29 января 1919 г. арестован колчаковской контрразведкой и до 31 января 1920 г. находился во Владивостокской тюрьме.

После освобождения он становится уполномоченным Приморского краевого комитета РКП(б), а затем — Дальбюро ЦК РКП(б) в полосе отчуждения КВЖД. Руководил работой профсоюзов в Харбине, был одним из организаторов всеобщей забастовки служащих КВЖД.

После прихода каппелевцев был избран в ревком и в августе 1920 г. был назначен уполномоченным Военного совета Амурского флота в Северной Маньчжурии. С октября 1920 г. — уполномоченный (резидент) Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии. В феврале 1921 г. Минскер выехал в Читу, а затем в Иркутск, где в течение года был заместителем уполномоченного ИККИ по работе на Дальнем Востоке. С февраля 1922 г. в Москве, сотрудник ИНО ОГПУ. В 1922-1924 г. — под «крышей» консула в Персии. С декабря 1925- по конец 1926 г. работал под

прикрытием вице-консула в Шанхае, с декабря 1926 по 1929 г. работал под «крышей» атташе полпредства в Турции. В 1929 г. был отозван в СССР и работал в центральном

аппарате внешней разведки. С 1933 г. начальник отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ. Умер в Москве.

422

К.А.Мячин (В.В.Яковлев, К.А. Стоянович, 1886-1938). Константин Алексеевич Мячин родился в крестьянской семье в Оренбургской губернии. С 13 лет жил у отчима в Уфе и там, в 1903 г. произошло его первое знакомство с революционерами. В 1904 г. он вступил в РСДРП. Вскоре он стал активным участником подпольной организации уфимского партийного комитета — «Боевого отряда народного вооружения» Он становится боевиком, отвечавшим за охрану митингов, собраний, участвует в налетах по захвату станков для изготовления бомб, шрифтов в типографиях, оружия, динамита со складов, осуществления экспроприации, дававших средства для нужд партийных организаций. Вскоре он стал руководителем и организатором боевых дружин на Урале. В 1908 г. по паспорту Яковлева (с этого времени он стал В.В.Яковлевым) он ездил в Женеву на совещание боевиков. Яковлев за время своей революционной деятельности участвовал в двадцати «партизанских действиях» и экспроприациях. Такое (умышленно завышенное) количество акций он укажет в письмах руководителям страны и ОГПУ, написанных позднее из Соловецкого лагеря, надеясь на снисхождение. После Февральской революции весной 1917 г. В.Яковлев, который до этого с 1910 г. учился в Болонской школе («Школе социальных наук»), входил в совет школы вместе с А.Луначарским, вернулся в Россию. После кратковременного пребывания в Петрограде он возвращается в родные места на Урал, избирается председателем Симского Совета депутатов (Сим —

рабочий городок в Челябинской области), а осенью вновь отправляется в Петроград на П съезд Советов. Там он попадает в атмосферу активной деятельности по подготовке и осуществлению Октябрьского переворота. В связи со знакомством с Я.Свердловым еще с 1906 г., последний поручает ему ответственную задачу — доставку оружия с Сестрорецкого завода, которую Яковлев очень быстро выполняет, — оружие доставлено в Петроград. Весной 1918 г. В.Яковлев доставил из Уфы железнодорожный состав из сорока вагонов с хлебом в Петроград, а взамен получил оружие, деньги для борьбы с Дутовым. В апреле его вызывает Свердлов в Москву и поручает секретнейшую операцию — перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Затем в 1918 г. он становится командующим Восточно-Уральским фронтом. И вдруг добровольно переходит на сторону Уфимской директории — Временного Всероссийского правительства. После возвращения в СССР был репрессирован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован посмертно (А.Н.Авдонин. Ук. соч. С. 7-44).

423

К.Стоянович. Письмо Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.Сталину и начальнику ОГПУ В.Р.Менжинскому. — СОЦДОО. Ф.221.0п.2Д.964. Л.102-113. Цит. по: А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.69

424

Генерал Н.Жанен — представитель Франции при Верховном правителе А.В. Колчаке.

425

П.Жильяр. Ук. соч. С. 281-282.

426

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1.1920-1925. М. 1994. С.34.

427

А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.70.

428

Я.Г.Минцкер вступил в партию эсеров в 1911 г. двадцатилетним молодым человеком. За активную деятельность в ней в 1912 г. был выслан на вечное поселение в Сибирь. Освобожденный революцией, он в декабре 1917 г. участвует в подавлении восстания юнкеров во Владивостоке. За это он был изгнан из партии эсеров, но принят в партию большевиков. Минцкер оказался способным журналистом и работал редактором владивостокской газеты «Красное знамя», откуда и был направлен на работу в Харбин на КВЖД.(А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.75.)

429

А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.76.

430

Там же. С. 77.

431

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.1. М.1994. С.49

432

Там же. С. 49.

433

Там же. С.31

434

А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.80.

435

П.Балакшин. Финал в Китае. С.143.

436

Там же.

437

П.Балакшин. Финал в Китае. С.106.

438

Там же. С. 107-108.

439

Там же. С. 125-126

440

Василий Михайлович Зарубин (1894-1972), родился в Москве в рабочей семье, окончил 2-х классное училище, работал в торговой фирме, был рабочим, конторщиком, одновременно учился.

С 1914 по 1917 г. служил в русской армии рядовым, во время Февральской революции был ранен, с 1918 по 1920 г. служил в Красной Армии, в 1921 г. был принят на службу в органы

ВЧК. Начальник Экономического отдела ОГПУ во Владивостоке. Первая поездка в ранге разведчика за границу была осуществлена в Китай в 1924 г. по линии контрразведывательных органов в период его работы во Владивостоке. С 1925 г. — сотрудник ИНО и в дальнейшем работал за рубежом по этой линии, в двух станах возглавлял «легальные» резидентуры и в трех странах работал нелегальным резидентом. Резидент в Финляндии, Дании, Франции, Германии, США. За время службы в разведке награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

441

Борис Николаевич Мельников (Б.Семенов, Мюллер, 1895-1938). Родился в г. Селенгинске. Казак. Окончил реальное городское училище. Учился в Петербургском политехническом институте, где в 1916 г. вступил в РКП(б). В 1917 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Подпоручик. В октябре 1917 г. начальник Иркутского гарнизона, член и секретарь Иркутского ревкома, затем — председатель Совета в Троицко-Савске. С лета по декабрь 1918 г. в плену у японцев. Эмигрировал в Китай, где был вновь арестован и передан белогвардейцам. До начала 1920 г. — в заключении. В 1922 г. — помощник начальника Разведупра штаба помощника главкома по Сибири, затем командирован в Москву и назначен начальником 2-го (Восточного) отделения агентурной части Разведупра Генштаба РККА. С 1923 по 1924 г. сотрудник управления уполномоченного НКВД СССР в Харбине. В 1924-1926 гг. — начальник отделения разведотдела Генштаба РККА, одновременно в 1924-1928 гг.

заведующий Отделом Дальнего Востока НКВД СССР; в 1928-1931 гг. — генеральный консул СССР в Харбине, одновременно в 1928—1929 гг. — член правления КВЖД. В 1931 г. временный поверенный в делах СССР в Японии. В 1932-1934 гг. заместитель начальника IV управления РККА. В 1935-1937 — заведующий Службой связи Секретариата ИККИ. Арестован 4 мая 1937 г., расстрелян 28 июля 1938 г., реабилитирован посмертно.

442

П.Балакшин. Финал в Китае. С.146.

443

Сведения о советских учреждениях, их структуре и должностных лицах были предоставлены П.Балакшину бывшим сотрудником разведывательной службы при гоминьдановском правительстве Н.Ф.Богунским.(П.Балакшин. Финал в Китае. С.146.)

444

П.Балакшин. Финал в Китае. С.144.

445

РЦХИДНИ. Ф.627. Оп. 1. Д. 13. Л.109 -110

446

Очерки, Т.2. С.254.

447

Архив внешней политики России (АВПР), секретариат Карахана. Оп.3. П.1. Д.9. Л.3-4. — Цит. по: М.В.Фукс. Ук. соч. С.155.

448

М.С.Фукс. Ук. соч. С. 155.

449

Очерки истории российской внешней разведки. Т.3.1933-1941.М.1997. С.224.

450

Очерки, Т.2. С.254.

451

И.А.Чичаев (1896-1984), русский. Родился в с. Ускляй Кокчетавского уезда Акмолинской области в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу. С 1911 г. проживал в Москве, работал рассыльным, грузчиком, книгоношей. В 1916 г. призван в армию, воевал на Юго-Западном фронте. После Февральской революции 1917 г. являлся членом полкового Совета солдатских депутатов, избирался председателем дивизионного комитета.

С 1919 г. Чичаев сотрудник ВЧК, председатель ревкомиссии и ЦК г. Рузаевки. С 1920 г. председатель ЧК на станции Алатырь. В 1921-1923 гг. представитель ГПУ на Московской железной дороге, обеспечивал восстановление железнодорожного транспорта.

В декабре 1923 г. командирован по линии КРО ОГПУ в Монголию под «крышей» заведующего консульским отделом полпредства СССР. В 1924 г. переведен в ИНО ОГПУ. С 1924 г. резидент внешней разведки в Тувинской

Республике под «крышей» консула СССР в Кызыле. В 1925-1927 гг. референт НКВД. С сентября 1927 г. резидент ИНО ОГПУ в Корею под прикрытием должности генерального консула СССР в Сеуле. В 1930 г. вернулся в СССР, работал в аппарате НКВД, затем начальником отделения ИНО ОГПУ. С 1932 г. резидент в Выборге под «крышей» генерального консула. В 1934 г. резидент в Эстонии. В 1934-1938 гг. в центральном аппарате разведки. С августа 1938 по апрель 1939 г. резидент в Риге. Затем работал резидентом в Стокгольме, Лондоне, Праге. В 1947 г. по возвращении в Москву работал начальником отдела, а затем, с 1948 г. заместителем начальника Управления КИ при СМ МИД СССР. Одновременно преподавал в ВРШ. В 1952 г. после перенесенного инфаркта вышел на пенсию по состоянию здоровья. Стал заниматься литературным трудом. Автор трех книг («Незабываемые годы», «Страницы минувших дней», «Рузаевка на заре Октября») многочисленных статей и очерков. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Внешняя разведка в России. М.,2001. С. 388-389.)

452

Очерки истории российской внешней разведки. Т.3.1933-1941. С.223.

453

Там же. С. 224

Там же.

455

Крутянский Тодрес Янкелевич (Федор Яковлевич Карин, в Болгарии — А.Корецкий, 1896-1937). Еврей, уроженец с. Суслены Бессарабской губернии. Член компартии с 1919 г., с 1919 г. в РККА, затем в том же году — в органах ВЧК. В 1922-1924 гг. разведчик-нелегал в Румынии, Австрии, Болгарии. В 1924-1927 гг. — резидент в Харбине. В 1928-1933 гг. — резидент в Германии и Франции. В Разведупре Штаба РККА с 1934 г. 20 января 1935 г. назначен начальником 2-го отдела

Разведупра. Корпусный комиссар. Арестован 16 мая, а расстрелян 21 августа 1937 г. (В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.87; А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С.358.)

456

Очерки истории российской внешней разведки. Т.2. С.255.

457

Арвид Янович Зейбот (Грант, 1894-1934) советский военный разведчик, латыш. Родился в Риге, закончил реальное училище, затем учился на физико-математическом факультете Петроградского университета. С 1916 г. — на нелегальном положении. После Февральской революции — депутат Рижского совета, член Исполкома латышских стрелков. Во время немецкой оккупации арестован, освобожден после заключения Брестского мира. Осенью 1918 г. вернулся в Ригу. Комиссар статистики советского правительства Латвии. С мая 1919 по октябрь 1920 г. — начальник

политотдела 15-й армии. С сентября 1920 г. — помощник начальника Регистрационного управления Полевого Штаба РВСР. С апреля 1921 г. — врид начальника Региструпра ПШ РВСР. С ноября 1922 по март 1924 г. — начальник и военком Разведотдела Штаба РККА.

458

459

Очерки истории российской внешней разведки. Т.3.1933-1941. М.1997. С.230.

460

Там же. С.254

461

Владимир Яковлевич Аболтин (Аварии) (1899-1978). Участник подпольной борьбы в Латвии и гражданской войны. В 1925 г. окончил восточный факультет военной академии им. М.Ф.Фрунзе. Аварии попал на Дальний Восток сначала как председатель комиссии ЦИК по принятию от Японии (в 1925 г.) Северного Сахалина. После возвращения в СССР в 1929-1930 гг. он преподаватель, затем заместитель директора, в 1931-1935 гг. сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики, с 1935 г. доктор экономических наук без защиты диссертации. В 1956-1976 гг. Аболтин был заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений. (В.Н.Никифоров. Ук. соч. С.358.)

462

Очерки истории российской внешней разведки. Т.3. С.226

463

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941. М. 2001. С. 16-17

464

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865 — 1937) родился в Орле в семье священника. Семья была большая (16 детей, но выжили только три сына и четыре дочери), с крепкими патриархальными устоями. Правда, во второй половине века эти устои начинали колебаться: старший брат, Алексей (1851-1920), отказался после семинарии от проторенного прошлыми поколениями семьи Позднеевых пути в духовную академию, поступил в Петербургский университет, стал одним из крупнейших монголоведов своего времени, он был наиболее талантливым и трудолюбивым

учеником монголоведа К.Ф. Голстунского, позднее Алексей стал первым руководителем Восточного института во Владивостоке.

В тринадцатилетнем возрасте произошел очень неприятный случай с братом Алексея Димой, вызвавший шок у всех домочадцев. В руках у Димы неожиданно взорвалась бутылка с сельтерской водой, осколки которой попали в левый глаз, и он на всю жизнь остался без глаза. Уже взрослым, будучи в Японии на стажировке, он сделал себе серо-голубой фарфоровый глаз, который выглядел как настоящий.

Дмитрий в 1889 г. окончил историческое отделение Киевской духовной академии, в 1893 г. поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду, где сразу же выделяется своими исключительными способностями. Все три его курсовые работы отмечаются золотыми медалями («Историко-географический очерк юго-восточной Монголии по Мэн-гу-ю-му-цзи», «История восточного Туркестана в ХУШ веке», «Исторический очерк уйгуров»). В 1894 г. становится приват-доцентом университета, лектором по истории Китая. По окончании университета он едет в годичную командировку, где совершенствует знания в библиотеках Лондона, Парижа, Берлина (1893-1894). Затем в 1898-1904 гг. он в командировке в Китае. Во время восстания ихэтуаней Позднеев с женой и годовалой дочерью находился в осажденном посольском квартале в Пекине. Он принимал участие в обороне, рыл окопы, нес караул. В Пекине он вел дневник, который потом был обработан и издан в Орле с приложением перевода императорских указов, печатавшихся в Пекине во время восстания. Работая в министерстве финансов у С.Ю. Витте, последний обращает внимание на редкие деловые качества и работоспособность Д.Позднеева и делает его опорой в форсировании торгово-экономических связей России с Китаем. 15 марта 1903 г. Д.Позднеев от имени России подписывает один из первых договоров с Китаем — соглашение о новом дополнительном тарифе для русского морского ввоза. С.Витте подключает своего молодого и способного сотрудника к делам КВЖД: назначает его управляющим отделением Русско-китайского банка, созданного в конце 1895 г., и заведующим Пекинским отделением правления

КВЖД). (Член Правления Русско-китайского банка, статский советник Давыдов, с которым он, видимо, активно общался, являлся русским разведчиком в Пекине, там же работал служащий этого банка Фридберг, помогавший Давыдову.) Одновременно его назначают заведующим Пекинским отделением правления «Общества КВЖД». За плодотворную деятельность китайский император Гуансюй пожаловал ему орден Двойного Дракона 3-й степени. За четыре года службы в министерстве финансов (пока не ушел со своего поста С.Ю.Витте) Д. Позднеев многократно ездил по Китаю, Маньчжурии и Монголии, изучал природные условия, экономику, обычаи народов. До 1903 г. им опубликована серия статей по практическим вопросам торговли (порты Маньчжурии, пошлины). В 1904 г. он возвращается в Россию.

В 1906 г. Позднеев уже находится в Японии, где служит в отделении телеграфного агентства и изучает японский язык. Преподаватель Петербургского университета (1896-1898), Восточного института (Владивосток, 1904-1905). Когда встал вопрос о новом руководителе Восточного института в связи с нервным переутомлением и желанием старшего брата вернуться в Орел, где овдовели его сестры, то была предложена в 1903 г. кандидатура Дмитрия. Когда о нем спросили Г.А.Платова, заведующего дипломатической канцелярией заместителя на Дальнем Востоке, тот ответил, что «Дмитрий Позднеев (Пекинский) лучше брата» и что «едва ли можно иметь препятствие к его назначению». Он с энергией приступает к реорганизации учебного процесса в институте. Однако требовательность и дотошность нового директора не вызвали особого восторга у профессоров. Возникли трения и конфликты.

В России надвигались события 1905 г. Дмитрия Позднеева возмущало лицемерие части профессоров, поддакивающих студентам на сходках, а на ученых заседаниях требующих немедленно пресечь беспорядки. Сам директор, в принципе, не одобрял участие студенчества в политической борьбе: «Студенты не имеют права тратить молодые силы ни на что другое, кроме

усвоения науки», считал он. В 1912 г. Дмитрий Матвеевич создает свой печатный орган «Бюро русских журналистов», выходящий вплоть до 1917 г., в каждый из номеров которого он писал статьи. Д. Позднеев был директором Практической восточной академии и преподавал там японский язык (1910-1917). В это время он написал свой капитальный труд в трех книгах «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России». После 1917 г. он работает штатным профессором Петроградского университета, читая курсы по экономике и истории Японии и Китая. В 1923 г. он начинает работу в Москве, преподает в Военной академии РККА.

465

РЦХИДНИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 19.Л. 29.

466

РЦХИДНИ. Фонд 627.0п.1.Дело 19. Л.42.

467

Д. Ринчино в то время был бурятским националистом, выступал за ориентацию бурят на Японию. Ц.Жамцарано также одобрял помощь японцев панмонгольскому движению, которое должно было привести к созданию независимой от Китая и России

объединенной Бурят-Монголии. В январе 1919 г. Семенов создал в Чите свое правительство, которое не подчинялось правительству Колчака, находившемуся в Омске. По инициативе Семенова, бурятская Народная дума решила созвать общемонгольский съезд. Съезд открылся в Чите 28 февраля и продолжался до 6 марта 1919 г. В нем присутствовали 6 бурят — Д.Сампилун (председатель Народной думы), Д. Ринчино (уполномоченный Народной думы по делам просвещения), Л. Цыдыпов и Б.Вампилун (члены думы), Н.Дылыков (от бурятского аймака) и Бимбаев, работавший ранее переводчиком по Внешней Монголии; 4 делегата от Внутренней Монголии; 4 делегата от Барги, переводчик Шадрин и японский капитан Суцзуки, посланный японским разведчиком капитаном Куроки. Присутствовали также атаман Семенов, его заместитель Волгин. От бурятского комитета в Урге присутствовал в качестве наблюдателя школьный учитель Дашиев. Все делегаты съезда высказались за создание единого самостоятельного монгольского государства, в которое должны войти Внешняя и Внутренняя Монголия, Бурятская Монголия и Барга. Съезд избрал Временное правительство объединенного монгольского государства. Съезд постановил послать делегацию на Парижскую мирную конференцию с целью добиться признания ею объединенного монгольского государства (Подробнее см.: Е.А.Белов. Россия и Монголия. М.1999. С. 170-171).

468

РЦХИДНИ. Фонд 627.0П.1.Д. 19. Л.44.

469

РЦХИДНИ. Фонд 627.0П.1.Д. 19. Л.44.

РЦХИДНИ.Ф.627.0П.1. Д.19. Л.27-28.

471

У Пэйфу (1878-1939). Генерал, глава проанглийской чжилийской клики милитаристов, господствовавшей в долине Янцзы и отчасти в Северном Китае. Войска У Пэйфу в июне — октябре 1926 г. были разбиты НРА, после чего он сошел с политической сцены.

472

Таможенная конференция была открыта в Пекине в августе 1925 г. Обсуждение вопроса державами о таможенной автономии было предусмотрено еще на Вашингтонской конференции, однако этот вопрос долгое время откладывался. Таможенная конференция еще в начале своих заседаний (19.11. 1925 г.) приняла «в принципе» предложение Китая о признании его таможенной автономии с 1929 г. Однако конференция ничего не сделала для осуществления этой автономии, поскольку отказалась принять решение о немедленном введении надбавок к существующему низкому таможенному тарифу С' China Year Book 1926", Shanghai 1926, p. 1111-1136). Делегация пекинского правительства требовала немедленного введения надбавки на существующие таможенные пошлины (на 5 % от стоимости товара на большинство товаров и более высокую надбавку на предметы роскоши). Японские представители (Хироки и Иосидзава) настаивали на заключении Китаем и торговых договоров с каждой державой отдельно, в расчете на то, что Японии удастся выговорить для себя лучшие условия;

они настаивали на том, чтобы добавочная пошлина (надбавка) до установления таможенной автономии не превышала 2,5 % от стоимости товара, ибо, по их заявлению, более высокая пошлина отразилась бы на торговле в промышленности Японии; они, наконец, выставили требование, к которому склонялись и другие члены конференции, но против которого возражала Англия, что добавочная пошлина должна обеспечить оплату негарантированных займов (по китайским данным, из всех негарантированных займов в 407 млн. кит. долл. На долю японских займов приходилось 255 млн., то есть 62,6%

473

Дуань Цижуй (1864-1936). Китайский милитарист, глава прояпонской клики Аньфу (аньхуйской). Находился у власти в Пекине в 1916-1920 гг. и в 1924-1926 гг. В 1918 г. подписал соглашение с Японией об участии Китая в интервенции против Советской России. Подавлял патриотическое «движение 4 мая» 1919 г. По его приказу была расстреляна антиимпериалистическая демонстрация в Пекине 18 марта 1926 г.

474

Чжан Цзолин (1875-1928) — глава фэньтяньской клики милитаристов, в 1920-1922, 1924-1928 гг. контролировал Пекинское правительство. С декабря 1926 по июнь 1927 г. — главнокомандующий объединенными вооруженными силами северных милитаристов — Ань Гоцзюнь (Армия умиротворения государства). С июня 1927 г. — «генералиссимус» Ань Гоцзюнь. Убит в результате покушения.

Фэн Юйсян (1882-1948) — до 1924 г. примыкал к чжилийской клике милитаристов, в октябре 1924 г. — руководитель переворота в Пекине, главнокомандующий национальными армиями и командующий 1-й Национальной армией, в 1926 г. совершил поездку в СССР, вступил в Гоминьдан. В дальнейшем — на военных и партийных постах. Погиб в результате несчастного случая.

476

Сунь Чуаньфан (1885-1935) — в 1923-1924 гг. — военный губернатор провинции Фуцзянь. В конце 1924 г. откололся от чжилийской клики милитаристов, ориентировался на США. В 1924-1926 гг. — военный губернатор провинции Чжэцзян, в 1925-1927 гг. — военный губернатор провинции Цзянсу. В 1926-1927 гг. разбит частями НРА. С 1929 г. — в отставке. Убит в результате покушения.

477

Чан Кайши (Цзян Цзэши). В период Северного похода — главнокомандующий НРА. В апреле совершил контрреволюционный переворот. В 1949 г. руководимый Чан Кайши Гоминьдан был разбит. Чан Кайши бежал на о-в Тайвань, где возглавил административную власть.

478

РЦХИДНИ.Ф.627.0П.1.Д.19. Л.46-49.

479

Известия 31 августа 1926 г.

Н. Кабанова. Дмитрий Позднеев из семьи позднеевых. — Азия и Африка сегодня. 1990. № 12. С. 42.

481

Там же.

482

В.Н.Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 107.

483

Вильгельм Цайссер (1893-1958), немец, родился в Ротхаузене под Эссенем, был членом союза «Спартак», затем КПГ. В 1924 г. окончил специальные военные курсы в Москве. С ноября 1925 до весны 1926 г. по линии военной разведки работал нелегально в Палестине. Один из руководителей военного аппарата КПГ, руководил нелегальными военными курсами компартии и редактировал журнал «Октябрь». В 1932-1935 гг. он инструктор Орготдела ИККИ и одновременно преподаватель военного дела в Международной Ленинской школе. С 1936 г. под псевдонимом генерал Гомес находился в Испании. Он создатель и первый министр госбезопасности ГДР. В 1954 г. «за антипартийную и фракционную деятельность» был исключен из партии и снят с ответственных постов В.Ульбрихтом. Умер в 1958 г.). (Владимир Пятницкий. Ук. соч. С. 302-303.)

Зоя Ивановна Воскресенская (1907-1992) родилась 28 апреля 1907 г. в г. Алексине Тульской области в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции Алексино. У нее было два младших брата. Отец в октябре 1920 г. умер от туберкулеза и семья переехала в Смоленск, где Зоя прожила до 1928 г. В 1921 г. 14 лет она поступила на работу библиотекарем в 42-й батальон войск ВЧК Смоленской губернии и стала работником штаба ЧОН. В 1923 г. она перешла на работу в колонию малолетних правонарушителей в деревне Старожище под Смоленском в качестве политрука. В 1928 г. будучи кандидатом в члены ВКП(б) она переходит на работу в Заднепровский райком партии г. Смоленска в качестве заведующей учетно-распорядительным подотделом орготдела. В 1928 г. она из Смоленска переехала в Москву к мужу, который был в столице на партучебе. По партийной путевке устроилась работать в педагогической академии имени Н.К.Крупской. Затем ее взяли на работу машинисткой в транспортный отдел ОГПУ на Белорусском вокзале. В апреле 1929 г. ее приняли в члены партии, а в августе того же года пригласили на Лубянку для работы разведсотрудницей ОГПУ. После соответствующей стажировки ее направили в Харбин для работы в нефтяном синдикате. После возвращения из Харбина в феврале 1932 г. она некоторое время работала начальником отделения в Иностранном отделе ОГПУ в Ленинграде, курировала Эстонию, Литву и Латвию. Вскоре ее направили разведчицей в Берлин, в 1933 г. в Австрию, с 1935 по 1939 гг. она работала в Финляндии под псевдонимом Ирина, а была известна как «мадам Ярцева», официально руководя советским представительством «Интуриста» в Хельсинки. В 1936 г.

резидентом в Финляндию под видом советника посольства был направлен Б.А.Рыбкин. З.Воскресенская в Хельсинки была заместителем резидента (Рыбкина, который представлялся в Финляндии как Ярцев, псевдоним Кин). Она осуществляла связь с советскими нелегалами и агентурой, собирала необходимую Центру информацию. Имела встречи с П.А.Судоплатовым (Андреем). С 1941 по 1944 г. она работала в Швеции. В начале 1950-х годов она выходит на пенсию и начинает свою литературную деятельность. В 1974 г. вышел ее трехтомник избранных

произведений. В 1933 г. выходит ее книга о разведке (З.И.Воскресенская. Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы. М. 1993; Очерки истории российской внешней разведки. Том 3. С. 310-324.)

485

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.131.

486

Эти данные подтверждаются Г. Атабековым. («Резидентом в Харбине до налета китайской полиции на Харбинское консульство работал Этингон (Наумов), затем вынужден был уехать в Москву, а из Москвы отправлен резидентом в Турцию», — пишет он. Однако данные отъезда разведчика из Китая разнятся.

487

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. Воспоминания разведчика. С. 192-193.

Цит. По: Дамаскин И. Семнадцать имен Китти Харрис. М., 1999. С. 81-82.

489

Чжунгун данши чжюяо шицзянь цзяньцзе (Краткое разъяснение важнейших событий и истории КПК) 1919-1949 гг. Чэнду. 1985. С. 180.

490

Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М. 1969. С.287.

491

С.Л.Тихвинский. Ук. соч. С.193.

492

Тан Юньчао. Путешествие в Москву для участия в У1 съезде КПК. — Чжунгун данши цзыляо. Пекин. 1998. № 66. С. 51-52.

493

Кузнецов выходец из духовного звания, бывший студент-технолог, попал впервые в Японию во время Первой мировой войны, выучил японский и китайский языки. В 1918 г. вступил в коммунистическую партию и, благодаря прекрасному знанию Дальнего Востока, был направлен на работу в Наркоминдел по восточному отделу.

494

П.Балакшин. Ук. соч. С. 153-154.

Г.Беседовский. Ук. соч. С. 184.

496

Павел Владимирович Стучевский (1890-1944) родился в Полтаве в еврейской семье. Накануне Первой мировой войны учился в Женеве в технической школе. По взглядам примыкал к группе анархо-синдикалистов, но был знаком со многими большевиками. После Февральской революции вернулся в Россию, член РКП(б) с февраля 1918 г. С 1918 г. — в Харькове на партийной и военной работе, в 1920 г. — на польском фронте. В 1921 г. — секретарь Южного бюро Коминтерна и одновременно сотрудник НКВД Украины. В 1922. переехал в Москву, где работал в романском

секретариате Профинтерна. С ноября 1924 по май 1927 г. — на дипломатической работе в Тегеране. В 1926 г. — уполномоченный ИНО ОГПУ. В 1927 г. перешел в Разведупр РККА и в октябре направлен резидентом в Париж. В 1931 г. арестован и приговорен к 3 годам тюрьмы. В 1934 г. вернулся в СССР. Работал в ОМС Коминтерна (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. 415-416.)

497

Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.223.

498

Там же. С.428.

499

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С.43.

А.Е.Ходоров. Мировой империализм и Китай (Опыт политико-экономического исследования). Шанхай. 1922. С.115.

501

П. Балакшин. Ук. соч. С.326.

502

Б.И.Глунин. Григорий Войтинский. — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 70-17.

503

Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М. 1986. С.37.

504

ВКП(б), Коминтерн Т.1. С. 37, 39.

505

E.Gunningam to Secretary of State, March 30, 1920. State Department Archive (SDA), 761.93/142. Цит. по: М. Крюков. Ук. соч. С. 113-114.

506

ВКП(б), Коминтерн Т.1. С.45.

507

Джордж Сокольский родился в 1893 г. в Нью-Йорке в еврейской эмигрантской семье, переселившейся из России. Его отец был раввином. Поступил в

Колумбийский университет, но вскоре был исключен. Он едет в Россию и летом 1917 г. появляется в Петрограде. На его глазах происходит Октябрьский переворот. Он покидает Россию и едет в Китай. Весной 1918 г. он появляется в Тяньцзине. Затем переезжает в Шанхай и поступает на службу в одно из зарубежных информационных агентств. Где-то в начале 1919 г. Сокольский знакомится с Сунь Ятсеном и оказывается в его окружении. Последний владел английским языком, но не настолько хорошо, чтобы самому писать своим иностранным респондентам. Он привлек для этой цели Сокольского, которому поручил также функции редактора организованной им англоязычной «Shanghai Gazette». Консул США в Шанхае Эдвин Каннинггам и американский

военный атташе Уолтер Драйздел делают Сокольского своим осведомителем, который регулярно сообщал в консульство о контактах Сунь Ятсена с иностранцами.

508

USDS,N 76193/142.March 30.1920; цит. по: М.В. Крюков. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М.2000. С. 155-156.

509

«Правда» от 15 марта 1925 г.

510

К.В.Шевелев. Из истории образования Коммунистической партии Китая. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. № 79. М. 1976.С.118.

А.И.Картунова. Забытый участник 1 съезда КПК. — Проблемы Дальнего Востока. 1989..№ 2. С. 154-157.

512

Владимир Абрамович Нейман (Никольский, Василий, Васильев, Берг Виктор Александрович) (1898-1938). Член РКП(б) с 1921 г. Окончил 3 класса Читинского коммерческого училища. Работал в частных фирмах во Владивостоке. В 1919 г мобилизован в колчаковскую армию. Поднял восстание в караульной роте и увел ее к партизанам. В 1919-1920 гг. служил в частях Народно-революционной армии ДВР. В 1921 г. — сотрудник административной секции Коминтерна. До декабря 1921 г. работал в Шанхае, затем до 1925 г. в Маньчжурии. Летом 1926 г. прибыл в Читку из Хабаровска. В 1926-1928 гг. — уполномоченный КРО Читинского, в 1929-1930 гг. — Владивостокского окружных отделов ОГПУ. В начале 30-х годов вновь в Китае (Сахалин). Затем начальник отделения ИНО полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю. В 1933-1935 гг. — в Шанхае. Переведен в Москву и направлен вграничную командировку. В 1938 г. арестован и расстрелян.

513

К.В.Шевелев. Ук. соч. С. 118.

514

М.А.Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — Народы Азии и Африки. 1971.; 4.С.51; К.В.Шевелев. Ук. соч. С.118.

К.В.Шевелев. Ук. соч. С. 119.

516

Chang Kuotao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol.I 1921-1927. Kansas.P.178.

517

П. Балакшин. Ук. соч. С.290.

518

С.А.Далин. Китайские мемуары 1921-1927. М.,1982. С. 120-130.

519

Там же. С.86.

520

ВКП(б), Коминтерн Т.1. С.76.

521

Там же. С.127.

522

ВКП(б), Коминтерн Т.1. С. 123, 132.

523

524

ВКП(б), Коминтерн Т.2. С.193.

ВКП(б), Коминтерн Т.1. С. 79, 80.

526

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С.210.

527

Там же.

528

Там же. С.226.

529

Там же. С.238.

530

П. Балакшин. Финал в Китае. С.328.

531

М.И.Сладковский. Шанхай, год 1926. — Проблемы Дальнего Востока.1976. № 1. С. 165-166.

532

М.И.Сладковский его называет Я.Г.Майский. Там же. С.168.

533

Георгий Агабеков. Ук. соч. 1996. С.419.

534

М.И.Сладковский. Ук. соч. С.166.

М.И.Сладковский. Ук. соч. С.167.

536

Г.Н.Пескова. Ук. соч. № 2. С.70.

537

Григорий Иванович Семенов (Андрей, 1891-1937), русский, уроженец г. Юрьева (Тарту), из семьи дворян, был сыном акцизного чиновника — коллежского советника. Получил неплохое среднее образование, знал французский и немецкий языки. Уже в 16-летнем возрасте был арестован и посажен в тюрьму за участие в революционной организации, через 10 месяцев выпущен и выслан за пределы Прибалтийского края. В 1908 г. арестован вновь как участник организации дерзкого освобождения смертников-революционеров из Рижского централа. Был посажен в этот самый централ, где отсидел около 12 месяцев, затем отослан на 2 года в ссылку в Архангельскую губернию. В 1912 г. вернулся в Юрьев, но вновь был арестован, однако через несколько недель выпущен на свободу. После этого Семенов решил эмигрировать во Францию. Здесь он прожил до 1915 г., в России бывая лишь наездами. В Париже он познакомился с С.Могилевским, будущим начальником ИНО ВЧК. Во Франции сблизился с эсерами, порвав с анархистами. В 1912-1921 г., судя по заполненной им анкете, состоял членом партии эсеров, в том числе в 1919 — декабре 1920 гг. был членом меньшинства партии. В 1917-1918 гг. он являлся руководителем боевой группы эсеров, ставившей целью устранить В.Ленина и готовившей покушение на него. Процесс «обращения»

Семенова из эсера-террориста в сторонника Советской власти начался в конце 1918 г. — начале 1919 г. вскоре после покушения на Ленина. 3 сентября после непродолжительного следствия была расстреляна так и не выдавшая сообщников Фани Каплан. По данным архивных документов, в сентябре 1918 г. контрразведка РККА арестовала скрывавшегося Семенова за принадлежность к военной организации ПСР. Как позднее оказалось, задержание было во многом случайным, поскольку явных улик в отношении Семенова тогда еще не было. Сам же Семенов считал совсем иначе. Поэтому по пути в караульное помещение задержанный предпринял дерзкую попытку бегства, ранив при этом двоих красноармейцев. Кровавая схватка для него закончилась неудачно. В тюрьме он содержался 9 месяцев, до весны 1919 г. Три года спустя, на процессе эсеров 1922 г., Семенов утверждал, что именно в тюрьме в конце 1918 г. у него в результате напряженного размышления произошел перелом во взглядах на Советскую власть. Как считает историк С.В. Журавлев, основываясь на архивных документах, процесс «переоценки ценностей» проходил не без «помощи» и «участия» сотрудников военной контрразведки и ВЧК, пытавшихся склонить Семенова к сотрудничеству в обмен на жизнь и свободу. Уже с апреля 1919 г. только что выпущенный из заключения Г.И.Семенов начинает негласно сотрудничать с Разведывательным управлением Штаба РККА. Однако, в справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 г., составленной на основании архивов разведки, по данным С.Журавлева, утверждается, что их сотрудник Г.И.Семенов в 1919-1921 гг. в основном «работал по линии ОГПУ». С 1922 г. Семенов стал штатным сотрудником

Разведывательного управления Штаба РККА и членом ВКП(б) (партийные рекомендации Енукидзе, Серебрякова, Крестинского). Из архивных документов Семенов предстает перед нами не как рядовой исполнитель заданий руководства, а как ценный сотрудник, которому были предоставлены широкие возможности для самостоятельной деятельности; как неординарный актер и конспиратор, человек, явно склонный к риску и авантюре. Осенью 1923 г. ему дается секретное задание от штаба Разведупра РККА в области экономического шпионажа — получению и переправке из Германии информации о технологии вольфрамового производства. Революционные события 1923 г. в Германии поставили под серьезную угрозу шпионскую операцию по вольфраму в Германии. Только к лету 1924 г. Семенову удалось, наконец, восстановить получение информации по фольфраму в необходимом объеме. 31 июля 1924 г. он был возвращен в СССР.

В 1927 г. опыт Семенова — боевика и военного организатора — вновь был в полной мере востребован советской военной разведкой. «В 1927 г. при активной поддержке Бухарина я был назначен советником Военной комиссии при ЦК Китайской компартии», — рассказывал Семенов. Итак, на сей раз его посылают в Китай, где после разрыва Гоминьдана с Коминтерном предпринимал решительные попытки осуществить национальную революцию по советскому

варианту. Наиболее рельефно это проявилось в Гуанчжоуском восстании декабря 1927 г. («Кантонская коммуна»), в подготовке и осуществлении которого непосредственное участие принимал и Семенов. 8 октября 1937 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха

приговорила Семенова к расстрелу по «делу бухаринского центра». Приговор был приведен в исполнение немедленно. Из имеющихся в архиве документов следует, что он находился в Китае с апреля

1927 по январь 1928 г. Позже работал в Маньчжурии. (Независимая газета от 31 марта 2000 г.)

538

ВКП(б), Коминтерн Т.2. С.810.

539

Александр Петрович Аппен (Хмелев, Венцель, 1893 — ?). Латыш, родился в деревне Аксеново Псковской губернии в крестьянской семье. В 1916 г. сдал экстерном за 4 класса гимназии. Окончил один класс учительской семинарии и школу прапорщиков. С июля 1918 г. в РККА, взводный командир пулеметной команды. Член РКП(б) с 1919 г. В 1919 г. — помощник начальника, начальник Оперативного отдела штаба 15-й дивизии. С 1920 г. в Региструпре: начальник Оперативного отдела. В 1921 г. начальник Регистративного отдела Кавказского фронта, начальник Разведывательного управления 11-й армии. В 1922 г. — военный атташе в Персии. В 1923 г. — начальник Разведотдела штаба 5-й армии, в 1924-1925 гг. — помощник начальника 2-го отдела Разведупра Штаба РККА. С сентября 1926 г. в Китае под фамилией Хмелев, руководил нелегальной военной организацией КПК, организовывал боевые рабочие дружины. Под его непосредственным руководством были проведены три восстания шанхайских рабочих, последнее из которых закончилось захватом Шанхая. В

1928 г. награжден орденом Красного Знамени. После возвращения из Китая работал помощником начальника

2-го отдела IV управления штаба РККА. С 1931 г. — слушатель основного факультета Военной академии им. Фрунзе, окончил в 1932 г. В 1932-1934 гг. — заместитель начальника отдела Разведупра. В 1934-1937 гг. — начальник Разведупра штаба Белорусского ВО. Полковник (1935). Репрессирован. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. 308; А.И.Картунова. Ук. соч. С.187.)

540

А.И.Картунова. О деятельности Военной комиссии ЦК КПК во время Северного похода НРА. — Китай и АТР на пороге XXI века. М., 1998. 4.2. С.84.

541

Там же. С.83.

542

Архив РЦХИДНИ. Ф.627, Оп.1, Д.19, Л.15.

543

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.717.

544

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 387, 390.

545

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.392.

546

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С.397.

547

РЦХИДНИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 15. Л. 99 -105.

548

Фал иго Р., Коффер Р. Ук. соч. С. 159; Roger Faligot, Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1989. P. 33, 34,43-44.

549

Г.М.Хейфец (Маркович, Гримериль, 1899-1984). Еврей, родился в Двинске под Ригой. Сын видного деятеля российской социал-демократии и Бунда, члена РСДРП (м) с 1900 г. М.Я.Хейфеца, и племянник одного из основателей КП США А.Гудальского.

С 1915 г. активный участник еврейского революционного движения, член «Бунда». В 1915 г. выслан из Риги в административном порядке. После этого проживал с г. Богородске Московской губернии. В 1915 г. работал репетитором, с 1916 г. — секретарь Еврейского рабочего клуба, а с 1917 г. — Объединенной организации РСДРП(м) и «Бунда». В 1917 г. окончил Богородицкое реальное училище.

С 1918 г. в Москве: секретарь Внешкольного отдела Народного дома Наркомпроса; в 1919 г. помощник начальника Дома народов им. П. Алексеева и отдела образования Моссовета.

Участник гражданской войны, член РКП(б) с 1919 г. В июне 1919 г. по направлению ЦК «Бунда» вступил в РККА. С июля 1919 г. инструктор-организатор ПО 16-й

армии Западного фронта. Участвовал в боях с белополяками в составе 8-й дивизии в Слуцком районе, а в сентябре 1919 с войсками 17-й дивизии Западного фронта на Борисовском направлении.

С марта 1920 г. помощник военкома Московского окружного военно-санитарного управления. В 1920 г. учился в Московском коммерческом училище и на ФОН МГУ. С января 1921 г. политком Кисловодских курортов Кавминвод. Принимал участие в ликвидации бандформирований в Кисловодском районе. Был ранен в руку.

С марта 1921 г. политконсультант оргчасти ПУ РККФ. С июля МОУВУЗа. Работал секретарем Н.К.Крупской, затем в аппарате ИККИ. С 1922 г. сотрудник ОМС Коминтерна. В апреле 1922 г. переведен в организацию прикрытия — НКВД СССР; секретарь отдела дипкурьеров, а затем помощник заведующего Правовой части ЭКО. В 1924-1927 гг. на закордонной разведывательной работе под дипломатическим прикрытием. После Китая работал в берлине. С февраля 1929 г. секретарь правления и заведующий издательством «Огонек», затем ответственный редактор журнала «Изобретатель».

С июня 1931 г. сотрудник особого резерва ИНО ОГПУ: на закордонной работе во Франции и США. По возвращении в СССР с октября 1935 г. помощник начальника отделения ИНО\ 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В июле 1938 г. без объявления причин снят с работы в 5-м отделе ГУГБ и направлен в распоряжение ГУЛАГ НКВД, где получил предложение отправиться на работу в Воркуту. В связи с

острой болезнью почек от предложения отказался. В итоге в сентябре 1938 г. из органов по болезни уволен и назначен заведующим отделом и заместителем Председателя ВОКС. В октябре 1939 г. восстановлен на учете чекистского запаса.

В октябре 1941 г. восстановлен на службе в 1-м Управлении НКВД СССР и в ноябре 1941 направлен в качестве легального резидента в Сан-Франциско («Харон») под прикрытием вице-консула генконсульства СССР. Принимал активное участие в разведывательном обеспечении советского ядерного проекта. В июле 1944 г. завершил работу в Сан-Франциско и сдал дела своему преемнику Г.Каспарову. В ноябре 1944 г. отозван в Москву. Подполковник.

21 апреля 1947 г. уволен из МГБ по сокращению штатов. В 1947 г. утвержден заместителем ответственного секретаря и членом Президиума Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В ноябре 1951 г. арестован по делу ЕАК, в августе 1952 г. осужден к 25 годам лишения свободы. 28 декабря 1953 г. освобожден за отсутствием состава преступления, реабилитирован и восстановлен в партии. Скончался в Москве. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» (1945 г.) (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Внешняя разведка России. М.2001. С. 385-386.)

550

А.М.Григорьев, В.Н.Никифоров. Людвиг Мадьяр.— Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М.,1970. С.105.

551

Лайош Мадьяр (1891-1940), родился в семье венгерского государственного служащего. До 1914 г. работал журналистом, во время Первой мировой войны — военный корреспондент, в конце 1918 г. — генеральный секретарь Союза журналистов. Во время Венгерской советской республики продолжал работать журналистом. В январе 1920 г. арестован. В 1922 г. по обмену заключенными выехал в Россию. В 1922-1926 гг., почти семь лет работал в ТАССе затем перешел в Наркоминдел. В 1929 г. Л.Мадьяр перешел на ответственную работу в Восточный секретариат Исполкома Коминтерна, занимая пост одного из заместителей заведующего секретариатом. Мадьяр, как и многие из его окружения, попал под жернова 1937 г. Интересно, что одним из обвинений в адрес Мадьяра (так же, как и Скалова) был его роковой разговор со Скаловым 7 ноября 1934 г., когда после демонстрации на Красной площади венгерский коммунист, вспоминая недавнее убийство министра иностранных дел Франции Луи Барту и югославского короля Александра в Марселе, обратил внимание на то, что советские вожди на трибуне мавзолея являются удобной мишенью для потенциальных злоумышленников. Он говорил, что в СССР руководство слишком «сконцентрировано», тесно связано со Сталиным, и политическое убийство вождей имело бы страшные последствия. Именно этот пронизанный беспокойством за безопасность советских вождей обмен

мнениями имел трагические последствия для его участников.

552

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 354-355.

553

ГАРФ.Ф.5446с. Оп.55. Д [1]436. Л.2. Цит. По:

А.Картунова. Ук. соч. С.201.

554

Там же. Л.1.

555

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.607.

556

А.Картунова. Указ. Соч. — ВИЖ.1995. № 5. С.63.

557

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.743.

558

А.Картунова. Новый взгляд на вопрос о разрыве с Чан Кайши (январь — апрель 1927 г.) — Восток. 1997.№ 1.С.39.

559

А.Картунова. Ук. соч. С.204.

560

Н.М.Насонов (Чарли, Юноша, 1902 — ?) — в 1924-1926 гг. — военный советник в Китае. С июля 1926 г. — помощник начальника 4-го отдела IV управления Штаба РККА, затем начальник штаба 43-й стрелковой дивизии. С ноября 1927 г. сотрудник IV (разведывательного) управления Штаба РККА.

561

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С. 626-627.

562

Там же. С. 628-629.

563

Александрович, (А.Миткевич, 1889-1943) в

1927- 1928 гг. представитель Профинтерна в Китае. В

1928- 1930 гг. на партийной работе на Северном Кавказе. В 1930-1931 гг. ответственный инструктор ЦК партии. В 1931-1936 гг. парторг, затем директор авиационного завода. Незаконно репрессирована.

564

ВКП(б), Коминтерн. Т.3. С. 383-384.

565

П. Балакшин. Финал в Китае. С.363

566

П. Балашин. Ук. Соч. С. 363-264

567

М.Е.Шасс. Годы работы в революционном Китае (Из воспоминаний финансового советника). — На китайской земле. М., 1974. С.124.

568

Там же. С.364.

569

В.Благодатов. Ук. соч. С. 271-272.

570

В.В.Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае 1925-1927. Воспоминания. М., 1980. С.281.

571

Roger Faligot, Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1989. P. 43 -44

572

П.Балакшин. Ук. Соч. С.365. Однако на этом след его не потерялся. Осенью 1937 г. генеральное консульство США в Шанхае запросило Шанхайскую Муниципальную Полицию относительно некоего Хайланда Лайона, подозреваемого в шпионаже в пользу Японии. Расследование полиции показало, что Лайон часто встречался с некоторыми японцами в гостинице Метрополь, причем при этих встречах нередко присутствовал и Кожевников. Было также установлено, что к своей цепи разведывательных служб Хованс прибавил и японскую разведку.

Полиция также установила, что Кожевников поддерживал связь с другими подозрительными личностями. Одним из них был некто Н.Кейс, американец, бывший служащий американского флота США, которого подозревали в торговле наркотиками. Другим был некто В.Найдис, он же Максим Ривош,

Абрамов, советский гражданин, бывший под следствием по делу о побеге из тюрьмы в Ханькоу некоего Иосифа Фальдена.

За два года до начала Тихоокеанской войны Кожевников-Хованс поступил на службу в качестве секретаря и информатора к Н.Н.Типольту, бывшему русскому эмигранту, ставшему румынским подданным сотруднику японского Военно-морского бюро в Шанхае. В течение нескольких месяцев Кожевников ухитрился добиться для себя положения равного Типольту, а затем подготовил на него донос, уличая того в двойной игре и других подозрительных делах. Типольт был арестован и провел некоторое время в приобретеншей дурную славу тюрьме при Бридж Хауз, в котором находился штаб японской жандармерии.

До связи с японской разведкой Кожевников успел сойтись с шанхайским отделом гестапо. Тогда уже число его служб для иностранных разведок достигло шести. Шефом Кожевникова, глава гестапо, был эксперт по взрывчатым веществам. Кожевников позже рассказывал, что по инструкции своего шефа он помещал адские машины на союзные коммерческие пароходы. Связь Кожевникова с гестапо была обнаружена во время суда над ним по делу Мамонтова-Рябченко (Там же.

С. 365-366.)

573

Ильнер, Артур (Рихард Штальман, 1891-1975), немец — в 1924 — 1927 гг. — слушатель военной школы в Москве, в 1927-1928 гг. — на нелегальной работе в Китае по заданию ИККИ, по

возвращении в Москву — инструктор Орготдела ИККИ по антивоенной работе, позже — член Заграничного бюро КП Германии в

Швеции, инструктор по работе среди немецких военнопленных в СССР, в 1931-1936 гг. — сотрудник аппарата Балтийской коммунистической федерации, ответственный редактор журнала «La Federation Balcanique».

574

Р.М.Хитаров (Берг, 1900-1939) — в 1925-1927 гг. — заведующий организационным отделом ИККИМ. В 1927 г. — представитель ИК КИМ в Китае. В 1927-1928 гг. — заведующий Среднеевропейским секретариатом ИК КИМ, в 1928-1931 гг. — секретарь ИК КИМ. В 1928-1935 гг. — член ИККИ, в 1935 г. — член ИККИ от КИМ. В 1931 г. — уполномоченный ЦКК партии по чистке совучреждений Западно-Сибирского крайкома партии. В 1931-1935 гг. — секретарь горкома партии на о. Сахалин. С 1935 г. — 1-й секретарь Окружкома партии г. Магнитогорска. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

575

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы Т.3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. 4.1. М.1999. С. 81.

576

Фридрих К. Фейергерд (Фриц, Шнейдер, 1897-1937). В 1927-1928 гг. — представитель ОМС в Китае. Незаконно репрессирован.

577

Frederick S. Litten. The Noulens Affair. P. 500, 502.

Ф.Дикин, Г.Стори. Ук. соч. С. 86-87.

579

Там же. С.80.

580

М.И.Сладковский. Ук. соч. С. 169-170.

581

П.Балакшин. Финал в Китае. С.358.

582

Чжоу Эньлай чжуань (Биография Чжоу Эньлая). 1898-1949. Пекин. 1989. С. 182.

583

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. New Haven and London. 1996. P.33

584

Как утверждает российский китаевед А.М.Григорьев, до апреля 1931 г. при политбюро ЦК КПК на правах особого отдела ЦК существовал «Совет по специальной работе», возглавлявшийся Сян Чжунфа, Чжоу Эньлаем и Гу Шуньчжаном. Затем якобы «совет» был реорганизован в «Комитет по особой работе». Его руководителем до отъезда в Москву в 1933 г. был Кан Шэн (А.М.Григорьев).

Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М. 1976. С.376).

Подробнее об этом см. Лин Нун. Чжоу Эньлай и особый отдел ЦК. Цит. по: Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.286.

586

С.Л.Тихвинский. Путь Китая к объединению и независимости 18*98-1949. М. 1996. С.211.

587

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.34.

588

С.Л.Тихвинский. Ук. соч. С.190Ю

589

Там же. С.193.

590

С.Л.Тихвинский. Путь Китая к объединению и независимости 18*98-1949. М. 1996. С.180.

591

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. New Haven and London. 1996. P.34.

592

В начале 50-х годов Чэнь Ген участвовал в корейской войне, затем с 1958 г. стал заместителем министра обороны КНР, скончался в марте 1961 г.

Подробнее о Чэнь Гене см. Му Синь. Товарищ Чэнь Ген в Шанхае. — Испытание борьбой в особом отделе ЦК КПК. Пекин. 1980. С. 34—44. Цит. по: Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.286.

594

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.34.

595

У Дэфэн (1896-1976). В 1929-1932 гг. — начальник отдела связи ЦК КПК. В дальнейшем на партийных и государственных постах.

596

Тэн Дайюань (Ли Гуан, 1904-1974). В 1930-1931 гг. — комиссар 1-й армейской группы, заместитель комиссара 1-го фронта Красной Армии Китая. В 1931-1934 гг. — член ЦИК Китайской Советской Республики. В дальнейшем — на военно-политических и государственных постах.

597

Го Шаотан (А.Г.Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М. 1990. С.350.

598

Там же. С.368-374.

599

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.35.

W. Kuo. Analytical History of Chinese Communist Party, vol.2, Taipei, 1968, p. 290-313; Цит. no: А.М. Григорьев. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С.376.

601

Там же. С.344-345. 602

Там же. С.362. 603

Там же. С.363. 604

Там же. С.346. 605

С.Л.Тихвинский. Ук. соч. С

606

Там же. С.217.

607

Год спустя, 20 августа 1930 г., в «Хунци» была опубликована статья Чжоу Эньлая, посвященная памяти Пэн Бая и его товарищей. «Сколько революционеров и их вождей погибло от открытых и тайных ударов врага в нынешнем Китае, раздираемом ожесточенной классовый борьбой! Подобные жертвы неизбежны, пока не победит революция, и пролитая кровь — залог ее победы. Без

мужественных и самоотверженных борцов-революционеров не проложить путь к великой победе революции!» — писал Чжоу Эньлай.(Чжоу Эньлай. Избранные произведения. Т.1.Пекин, 1981.С.39.)

608

Там же. С.355 -35.6

609

С.Л. Тихвинский. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949. М. 1996. С. 180.

610

С.Л.Тихвинский. Ук. соч. С.211.

611

Го Шаотан (А.Г.Крымов). Ук. соч. С.356.

612

Ло Инун (Бухаров, он же Ло Цзюе, 1901-1928), родился в 1901 г. в Хунани. В 1919 г. — участник «движения 4 мая» в Шанхае, с 1920 г. — член Союза социалистической молодежи, в 1921 г. вступил в КПК, вскоре прибыл в Москву для учебы в КУТВ под псевдонимом Бухаров. В 1925 г. вернулся в Китай. В 1926-1927 гг. участвовал в руководстве вооруженным восстанием шанхайского пролетариата. В 1927-1928 гг. член ЦК КПК, член Временного ПБ ЦК КПК, председатель оргбюро

ЦК КПК. В 1927-1928 гг. — секретарь комитета КПУ провинции Хубэй, секретарь Чанцзянского бюро ЦК КПК. Казнен гомиьндановцами.

Там же. С. 359-360.

614

Там же. С.359.

615

Цянь Чжуанфэй был родом их Чжэцзяна, член КПК с

1925 г. Он был земляком Сюй Эньцзэна и пользовался большой симпатией и доверием последнего. Через некоторое время Сюй был назначен начальником управления по делам радиосвязи и радиотехники при центральном правительстве, а Цянь Чжуанфэй, к этому времени успешно закончивший курсы, стал его секретарем.

616

Ли Кэнун участник «движения 4 мая», член партии с

1926 г., длительное время вел подпольную работу в Аньхуе.

617

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War.P.34.

618

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P.35.

619

Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. P. 35-36.

Одзаки Ходзуми («Отто», «Инвест». Литературный псевдоним — Сирокава Дзиро, У Цоси, Кусано Генкити, 1901-1944). Родился в семье японского журналиста, сам журналист, писатель и поэт. С 1922 по 1925 г. учился в Токийском университете. Доктор юриспруденции. С 1926 г. работал в газете «Токио асахи симбун». С 1927 г. работал в китайском отделе редакции «Осака асахи симбун». В 1931-1941 гг. — автор 11 книг на японском языке, многочисленных статей на японском и английском языках. С 1934 г. вновь сотрудничает с Р.Зорге в Японии. Работал в газете «Токио асахи симбун» м в Обществе исследования проблем Восточной Азии. Сотрудник аппарата японской секретной службы. В 1938 г. назначен принцем Коноэ советником кабинета по вопросам Китая. Одновременно консультант исследовательского бюро Южно-Маньчжурской железной компании (опорный пункт японского шпионажа в Китае). С августа 1939 г. редактировал «производственный» ежемесячный отчет ЮМЖДК. Арестован в 1941 г. В 1943 г. приговорен к смерти. Казнен 7 ноября 1944 г.(А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 387-388.)

621

Судьба Константина Мишина неизвестна. В русском Шанхае тех лет, наполненном всевозможными обвинениями друг против друга в прояпонских, просоветских симпатиях и антипатиях — обвинений зачастую совершенно необоснованных — незаметно шла работа Мишина, одного из участников группы Р.Зорге.

П.Балакшин. Финал в Китае. С. 359

623

Там же.

624

С.Л.Тихвинский. Ук. соч. С.216.

625

Инь Ци. Пань Ханьянь чжуань (Биография Пань Ханьяня). Пекин. 1997. С.412 (на кит. яз.).

626

Там же.

627

Там же. С. 87-88.

628

Инь Ци. Пань Ханьянь чжуань (Биография Пань Ханьяня). С. 99.

629

Там же. С. 100.

630

W.Kuo. Analytical History of CCP, vol.2, p. 313-314; История КПК. Тайбэй. 1962. С.316-317 (на кит. яз.).

631

Там же. С.314.

С.А.Далин. Китайские мемуары. 1921-1927. М. 1982. С. 104-105.

633

А.Н. Авдонин. Ук. соч. С.85.

634

С.Л.Тихвинский Путь Китая к объединению и независимости 1898-1949. С.78

635

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1.С.61.

636

Там же. С.56-57; В.Глунин. Первая миссия Гомиьндана в Москве. — Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5.С.99.

637

РГАСПИ. Ф.514. Оп.133. Л.105,129.

638

Цзиньдай ши яньцзю (Исследования по новой истории). Пекин. 1984. № 1. С.56 -73

639

С.Л.Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885-1925 гг.) М., 1964. С. 266-267; А.В.Панцов. Тайная история советско-китайских отношений.

Большевики и китайская революция (1919-1927). М., 2001. С.92.

640

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1. С. 170.

641

Основная серебряная монета Китая этого периода — юань — по весу была равна мексиканскому песо (доллару) ХУШ — начала XX вв., которые в большом количестве завозили в Китай; чеканка серебряных юаней началась в Китае в конце XIX в., за границей их по традиции продолжали называть мексиканскими долларами.

642

Р.А.Мировицкая. Первое десятилетие. — Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С.26.

643

АВП РФ. Ф.08.Оп.6. Д.2. Папка 4.Л. 11-14.

644

Там же. Д.7, Папка 4.Л.14. — Цит. по: рукописи: А.И.Картунова. Политика Москвы в отношении национально-революционного движения в Китае: военный аспект (1923-1927 г.) По документам. М.2000. С.25.

645

АВП РФ. Ф.08.0п.б.Д.7.П.4.Л.20. — Цит. по: А.И. Картунова. Ук. соч. С.25

Подробнее о деятельности советников в Китае см.:

В. В.Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925-1927. Воспоминания. М., 1965; М.И.Казанин. В штабе Блюхера. М., 1966; М.И. Козлов. В небе Китая. Воспоминания летчика. М., 1966; В.М.Примаков. Записки волонтера. М., 1967; А.Я.Калягин. По незнакомым дорогам (Воспоминания военного советника). М., 1969; Н.И. Кончиц. Китайские дневники 1925-1926 гг. М., 1969; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев 1925-1945. М., 1974; А.В.Благодатов. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. М., 1979; А.И.Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976.

647

Г.В.Астафьев. Интернациональная помощь Советского Союза Китаю (1917-1945 гг.) М., 1984. С.9.

648

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1. С.240.

649

Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С.65; В.И.Глунин. О коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе от 26 января 1923 г. — Тезисы докладов УШ Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир». 4.2. М., 1997.

С. 172-173.

650

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1. С.257.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1. С.258.

652

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1. С.281.

653

Р.А.Мировицкая. Михаил Бородин. — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С.24.

654

А.Н.Авдонин. Ук. Соч. С.87.

655

А.И.Черепанов. Ук. соч. С.21.

656

C.Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920-1927. London. 1989. P. 767-768.

657

Иоган (Яган) Гансович Герман (1896-1938) родился в Нарве, эстонец, окончил гимназию и бухгалтерские курсы в Петербурге. Прапорщик, офицер 429-го пехотного полка, участник гражданской войны. Член РКП(б) с 1919 г. В 1919-1920 гг. — на штабной работе в Эстонской стрелковой дивизии, воевал против Деникина, Махно и Врангеля. С 1920 г. — слушатель Военной академии РККА, окончил ее основной курс и восточный факультет в 1923 г. Военный советник Гуанчжоуской

группы (из «первой пятерки»), прибывшей в Китай в 1923 г. В Китае участвовал в организации школы Вампу и проведении боевых операций в Гуандуне. С 1926 г. в Разведупре. В 1927-1928 гг. — сотрудник 3-го (информационно-статистического) отдела Разведупра. в 1933-1936 гг. — в распоряжении Разведупра, начальник отделения 1-го (западного) отдела Управления. Полковник (1935 г.) В 1936-1938 гг. — военный советник в Испании. Награжден в 1937 г. орденом Ленина. Арестован 8 июня, а 3 сентября 1938 г. расстрелян. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 334-335.)

658

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С.749.

659

Р.А.Мировицкая. Михаил Бородин. С.31.

660

Иосиф Яковлевич Зенек (Зембровский, 1898-1937). Сотрудник советской военной разведки. Участник Первой мировой и гражданской войны. В РКП(б) и РККА с 1918 г. Окончил Военную академию РККА в 1925 г. В 1925-1927 гг. военный советник Гуанчжоуской группы. В 1927-1929 гг. — сотрудник 2-го управления Штаба РККА. В 1930-1932 гг. — помощник Военного атташе в Германии. Арестован 25 июля, расстрелян 21 ноября 1937 г.

661

Федор Георгиевич Мацейлик (Мацелик, 1895-1938), сотрудник советской военной разведки. Украинец. Юнкер военного училища. В РККА с 1918 г. В Разведупре с

1924 г. Окончил Военную академию РККА. С октября 1924 г. в Китае. Военный советник Гуанчжоуской группы. Преподавал в школе Вампу. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе советников при

3-м (юньнаньском) корпусе. В 1927-1930 гг. помощник начальника отдела, начальник сектора 2-го Управления штаба РККА. В 1930-1935 гг. состоял в распоряжении Разведупра. В 1935-1937 гг. начальник отделения 1-го отдела. Затем врид начальника отдела внешних сношений Разведупра. Комбриг. Арестован 23 ноября 1937 г., расстрелян 14 июня 1938 г. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 378-379).

662

Иосиф Исаевич Зильберт, 1898-1939). Еврей, уроженец г. Лодзи. Из служащих. В 1917-1918 гг. — анархо-синдикалист. С 1918 г. в РКП(б). Участник гражданской войны. В 1924 г. окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). Состоял в распоряжении IV (Разведывательного) управления Штаба РККА. С октября 1924 по 1926 г. — в Китае. Преподавал в школе Вампу, военный советник Гуанчжоуской группы, участвовал в боях в Гуандуне и Северном походе. В 1926-1927 гг. помощник начальника

4-го отдела Разведупра. В 1931 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1931-1932 гг. — заместитель начальника 3-го отдела Разведупра, начальник Научно-испытательного института ВВС РККА. Арестован 19 сентября 1938 г., расстрелян 15 апреля 1939 г.

А.В.Благодатов. Ук. соч. С. 147.

Владимир Николаевич Панюков (Коми, 1895—1938) сотрудник советской военной разведки. По национальности — коми, очевидно именно поэтому и получил такой псевдоним. Родился в селе Небедин (территория Усть-Кульского района КОМИ АССР). Окончил гимназию в Усть-Сысольске, учился в Варшавском политехникуме. Был мобилизован в армию, окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. В Первую мировую войну — адъютант полка. Член РКП(б) с 1918 г. В РККА с 1918 г. Участвовал в борьбе с бандитизмом в Сибири. Комбат, комдив. Был начальником штабов ЧОН Туркестанского фронта и Ленинградского ВО (1922-1924). Окончил курсы востоковедения в Ташкенте. Прибыл в Китай в октябре 1924 г. Первоначально работал в школе Вампу в качестве переводчика, затем преподавателем. Участвовал в качестве советника в боевых операциях в Гуандуне. К началу Северного похода был назначен В.К.Блюхером советником при командире 26-го корпуса генерале Бай Чунси. В 1927-1932 гг. — командовал дивизией, состоял в резерве РККА, служил в военизированной охране. В Разведупре с 1932 г. После Китая был военным советником Генштаба Монгольской народной армии (1932-1936). Начальник 9-го отдела Разведупра РККА (1936-1937) Арестован 13 августа 1937 г., расстрелян 15 марта 1938 г., реабилитирован в 1956 г. (В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8.С.91; А.В.Благодатов. Ук. соч. С.293; А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 390-391).

М.Г.Ефремов (Абнольд, 1897-1942), родился в Тульской губернии, работал в Москве на заводе гравером-инструментальщиком и одновременно учился на Пречистенских вечерних курсах. В 1915

г. был призван в армию и принял участие в Первой мировой войне. В 1917 г. окончил школу прапорщиков на Кавказе. Принимал активное участие в революции 1917 г., занимал различные командные должности в Красной Армии — от командира роты до командира бригады. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1920 г. участвовал в боях за освобождение Баку. Награжден тремя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием. По возвращении из Китая занимал высокие командные должности. В 1930 г. окончил Военно-политическую академию (факультет единоначальников), а в 1933 г. — Военную академию им. Фрунзе. Погиб во время Великой Отечественной войны на фронте, ему присвоено звание Героя Советского Союза (А.В.Благодатов. Ук. соч. С.276).

666

Оскар Сергеевич Тарханов (Разумов Сергей Петрович, О.Таубе, О.Танин, О.Эрберг, Каррио, Ян Чжулай, 1901-1938). Еврей. Член РКП(б) с 1918 г. Один из создателей комсомола. Входил в руководство подпольной организации Одессы. Осенью 1918 г., скрываясь от ареста, перебрался в Крым. Секретарь Крымского подпольного обкома комсомола и член обкома партии. После гражданской войны 1-й председатель Центрального бюро юных пионеров. В 1923-1924 гг. — член и секретарь Исполкома КИМа. В 1925-1927 гг. находился в Китае в качестве политического советника, затем работал в Монголии. В 1927 г. исключен из партии

за троцкизм. В 1928 г. восстановлен. В 1930 г. — слушатель Восточного отделения Института истории, советского строительства и права. С 1932 г. — на службе в РККА. На момент ареста — советник полпреда в Монголии. Арестован 12 июня 1937 г., расстрелян 3 февраля 1938 г.

667

Евгений Сигизмундович Иолк (Иоган, Иогансон, Яо Кай, 1900-1942?). Еврей, член компартии с 1919 г., в РККА с 1926 г. В 1926-1927 гг. — сотрудник аппарата М.М. Бородина в Китае. С 1932 г. — на службе в РККА. Полковой комиссар. С 1934 г. в распоряжении Разведупра РККА. В 1937 г. исключен из ВКП(б) парторганизацией Разведупра как враг народа.

668

М.И.Казанин. В штабе Блюхера. М.1966. С. 54, 111.

669

П.А.Павлов работал в Китае под фамилией Говоров, 1892 г. рождения, родился в семье генерал-лейтенанта царской армии. Учился в кадетском корпусе, затем поступил в Петербургский политехнический институт. В 1914 г. его призвали в армию и направили в школу прапорщиков. Затем он был произведен в офицеры лейб-гвардии Волынского полка. В 1919 г. вступил в РКП(б). За боевые заслуги в гражданской войне и ликвидации банд Антонова в тамбовской губернии и басмачей в Бухаре был награжден двумя орденами Красного Знамени (имел 4 боевые награды до 1917 г.). (А.В.Благодатов. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. М., 1979. С. 140-141.)

Д.Быков. Комкор Павлов. М. 1965. С.77.

671

Там же. С.78.

672

АВП РФ. Ф.ОЮО.Оп.8. Д.2. Папка 110. Л.107-108. — Цит. по: А. Н. Ка ртунова. Ук. соч. С.38.

673

Н.Д.Каширин (1888-1938) советский военачальник, член КПСС с 1918 г. Командир отряда в борьбе с белоказаками атамана Дутова. Один из руководителей Уральской армии похода.

674

А.Н.Авдонин. Ук. соч. С. 91-92.

675

М.И.Казанин. В штабе Блюхера. М.1966. С.55.

676

И.Винаров. Ук. соч. С. 161, 162.

677

АВП РФ. Ф.0110. Оп.9. Папка 114. Л.103. — Цит. по: А.Картунова. Ук. соч. С.40.

678

Там же. Л. 385,386; С.44.

Там же. /1.384; С.44.

680

А.Я.Калягин. Указ. соч. С.13.

681

Там же.

682

РГВА. Коллекция документов. — Цит. по: А.Картунова. Ук. соч. С. 59-60.

683

А.И.Картунова. Сунь Ятсен и советники из Советского Союза в 1923-1924 гг. (По документам и воспоминаниям). — Сунь Ятсен 1866-1986. К-120-летию со дня рождения. М., 1987. С.174-176.

684

Документы о коммунизме, национализме и советских консультантах в Китае. 1918-1927. Edited by С-Martin Wilbur and Julie Lienyiou How. N.Y. 1956. Документ № 16.

685

А.Я.Калягин. Указ. Соч. С. 13

686

А.Г. Юркевич. Военная школа Хуанпу и китайская революция. — Проблемы Дальнего Востока. 1985, № 3. С.113.

Р.А.Мировицкая. Первое десятилетие. — Ленинская политика СССР в отношении Китая. С.30.

688

АВПРФ.Ф.01000. Оп.9.Д.1. Папка 114а. Л.272. Цит. по: А.Картунова. Ук. соч. С.51.

689

А.Я.Калягин. Ук. соч. С.12.

690

А.В.Благодатов. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. С.287-299.

691

Там же. С. 297.

692

Архив РЦХИДНИ. Ф.627, Оп.1, Д.19, Л.15.

693

Ф.Сахновский (Нилов, 1898 — ?). Участник Первой мировой войны. Окончил Военную академию РККА. В 1924-1926 гг. военный советник в Китае. С июля 1926 г. помощник начальника 4-го отдела IV управления Штаба РККА, с ноября 1927 г. сотрудник IV управления штаба РККА.

694

Мария Филипповна Сахновская-Флерова (Чубарева, 1897-1937). Советская военная разведчица. Родилась в

Вильно. Еврейка. Член РКП(б) с 1918 г. Участница гражданской войны, работала в агитпоезде Бубнова, затем в 1-й Конармии, была единственной женщиной в СССР, окончившей основное отделение Военной академии РККА, после чего направлена военным советом в Китай. Была военным советником Гуанчжоуской группы. Занимала должность начальника штаба группы и преподавала в школе Вампу. После возвращения в СССР работала в Разведупре, возглавляла отдел, готовивший партизан и диверсантов. Награждена орденом Красного Знамени. Исключена из ВКП(б) в 1928 г. за троцкизм. Впервые арестована 29.12.1928 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ 5.01.1929 г. выслана в Сибирь на три года. 23.12.1929 г. это решение было отменено. Вторично арестована 15.04.1937 г. 31 июля 1937 г. приговорена Военной коллегией Верховного суда к смерти. Расстреляна в тот же день. (В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С. 148; А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С.408.)

695

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.649.

696

Наумов С.Н. Автор статьи "Школа Вампу" в книге "Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае".,1961.

697

Там же. С.113.

698

М.Ф.Юрьев. Революция 1925-1927 гг. в Китае. М.,1968. С.243.

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. С. 161-162.

700

А. Я.Калягин. Ук. соч. С.11.

701

Д.В.Благодатов. Ук. соч. С.289.

702

В. А. Степанов (1886—1936), участник Первой мировой войны и гражданской войны в России, в

1925- 1926 г. — военный советник в Китае. В

1926- 1928 г. — заместитель начальника 4-го отдела 1 управления Штаба РККА. С июля 1929 г. — начальник 2-го отдела У управления штаба РККА. С 1930 г. — командир и военком дивизии, затем заместитель начальника Украинского ВО. Учился в Военной академии РККА в 1926-1928 гг.

703

М.И. Казанин (Лотов, 1899 — 1972), работал в Китае в 1925-1927 гг., военный переводчик при А. Благодатове, когда он был заместителем Блюхера.

704

Подробнее о работе генерал-лейтенанта А.И.Черепанова в Китае см. его «Записки военного советника в Китае».М.,1976.

Г.Б.Скалов (Синани,1896-1940), родился 7 мая 1896 г. в Москве, был старшим из шести детей разорившегося помещика, ученого-агронома, мать учительница. Семья распалась, когда мальчику было 9 лет, и он жил сначала с матерью в Петербурге, Рогачеве, Минске, затем с отцом в Оренбурге и Самаре, где закончил в 1912 г. реальное училище. Весной 1914 г. окончил среднюю школу. В эти годы, как он сам писал в своей автобиографии, он «сочувствовал революции и считал себя анархистом, имея, однако, об анархизме более чем туманное представление». Он поступает в Петербургский институт инженеров путей сообщения, но через полгода, весной 1915 г., добровольно уходит в армию на правах вольноопределяющегося. «Патриотического подъема у меня не было, — вспоминал он, — но мне казалось «стыдным» сидеть в тылу, когда на фронте страдает и умирает народ». Осенью его производят в прапорщики, он заведует хозяйством запасной батареи, а полгода спустя назначается начальником мобилизационного отделения Инспектора артиллерийского округа в Казани. В его обязанности входит отправление на фронт новых артиллерийских формирований. В Казани он много читал, познакомился с марксистской литературой, однако «Капитал» до конца «не осилил», а «сколько-нибудь ясного представления о различии большевизма и меньшевизма не имел, сводя их только к вопросу об отношении к войне. Был оборонцем». В январе 1917 г. его артиллерийская бригада отправляется во Францию для помощи союзникам по Антанте. Однако воинский эшелон задерживают в Петрограде. Здесь 20-летний поручик попал в февральский водоворот, вынесший его почти на

самый гребень революционной волны. Он избирается солдатами членом комитета и командиром бригады, членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, становится членом бюро и товарищем председателя солдатской секции данного органа. Скалов входил в руководство Совета вместе с эсерами Керенским, Авксентьевым, Черновым, меньшевиками Мартовым, Даном, Чхеидзе, Гвоздевым, межрайонцем Троцким и большевиками Сталиным, Молотовым, Зиновьевым, Шляпниковым. После 1 съезда Советов стал членом первого (меньшевистско-эссерского) ВЦИК от Петросовета и вошел в бюро военного отдела ВЦИК. «Хотя после Февральской революции мне был выдан Петроградской меньшевистской организацией членский билет со стажем «с 1916 года», — напишет он позднее, — в действительности сколько-нибудь сознательным с.-д. я стал только после Февральской революции». Эти моменты из его биографии ему припомнят позднее во время

партийных чисток 1933-1937 гг. Затем Скалов рвет с прошлым, с борьбой в защиту идеалов Февраля, весной 1919 г. вступает в Красную Армию, а в ноябре 1919 г., находясь в Ташкенте, вступает в РКП(б). Он участвует в драматических событиях гражданской войны в Средней Азии. Ему доверяют важные миссии, он входит во Временное правительство Хорезмской Народной Советской Республики. В разное время он возглавляет Амударьинский отдел, Военный совет Семиречья, которому был подчинен облисполком, командует отрядом, направленным для разоружения восставшего гарнизона в г. Верном (Алма-Ата) (эти события были описаны Д.Фурмановым в романе «Мятеж»), работает уполномоченным Совета интернациональной пропаганды

в Синьцзяне. После свержения эмира Бухары он назначается помощником Н.В.Куйбышева, полпреда РСФСР и представителя РКП(б) и Коминтерна в Бухаре. В конце 1920 г. в качестве члена Реввоенсовета Ферганской армейской группы Скалов координирует борьбу против басмачества. После участия в подавлении кронштадтского мятежа он был награжден орденом Красного Знамени. Затем вновь на Востоке, возглавляет ТурЧК (среди его предшественников — Г.Бокий и Я.Петерс). В конце 1922 г. Скалова по его просьбе отзывают из Туркестана и по решению ЦК РКП(б) назначают ректором московского Института востоковедения. По предложению председателя РВС республики М.Фрунзе, знавшего Скалова по Туркестану, его направляют в Китай. В Китае он под псевдонимом Синани (по одной из версий этот псевдоним был образован от слова Сина — Китай) руководил Кайфэнской группой военных советников, был инструктором Кантонского комитета компартии Китая, а после отъезда Бородина в Ханькоу стал советником Кантонского правительства. Вернувшись в СССР, учится на восточном факультете Академии РККА. В 1929 г. его направляют в Монголию руководителем правительственной делегации СССР. В августе 1930 г. Скалов, «состоящий в распоряжении IV управления штаба РККА», постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) «передан в распоряжение ИККИ», но при этом оставлен «на особом учете в штабе РККА — IV управление. В 1930 — 1931 гг. — инструктор ИККИ. Скалов был арестован 29 марта 1935 г. (еще 26 марта на заседании парткома в ИККИ отводя от себя удар и обвинения, он заявил, что его посылали за границу по линии разведки, следовательно, он пользовался доверием) в своей

квартире на улице Горького, при обыске изъяты: орден Красного Знамени за № 2826, книги Зиновьева и Троцкого, газеты, бинокль и карты военно-топографического управления Москвы. Он проходил по «кремлевскому делу» — существовавшему якобы в Кремле заговору ряда служащих, работников комендатуры, военных и других лиц с целью покушения на Сталина. Во главе «заговора» был поставлен Л.Б. Каменев. Обвинение в адрес Скалова носило самый общий характер: связь с Мадьяром и другими деятелями зиновьевско-каменевской подпольной контрреволюционной организации. Скалов «признал себя виновным» в антисоветских разговорах и террористических намерениях против Сталина и был приговорен к десяти годам тюремного заключения с конфискацией имущества и поражением в правах на три года. Умер в лагере в 1940 г. (В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. — Латинская Америка 1998. № 5. С. 91-92; А.В.Благодатов. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. С.294).

706

Ян Матисович Жигур (Струмбис, 1895-1938), член партии с 1912 г. Участник Первой мировой войны, поручик. В Красной Армии с 1918 г. Командир 40-й стрелковой дивизии. В 1923 г окончил Военную академию РККА. С 1924 г. в IV (Разведывательном) управлении штаба РККА. В 1925 г. помощник начальника 3-го отдела IV управления, с 1926 г. заместитель начальника. В Китае под псевдонимом Струмбис руководил разведотделом Гуанчжоуской группы. С мая 1930 г. заместитель начальника Военно-химического управления РККА. Старший преподаватель Военной академии им. Фрунзе и

Академии Генштаба. Награжден орденом Красного Знамени. Арестован 14 декабря 1937 г., расстрелян 22 августа 1938 г.

707

А.В.Благодатов (Роллан, 1893 — ?), родился в г. Любляне в семье капитана 69-го Рязанского пехотного полка, его отец заслуженный боевой офицер, участник русско-турецкой войны, в 1904 г. ушел добровольцем на русско-японскую войну и был убит. Сын окончил ярославский кадетский корпус, а затем артиллерийское училище, участвовал в гражданской войне, принял участие в самом крупном сражении против Махно под Гуляй Полем, в сентябре 1922 г. поступил в академию РККА.

708

М.И.Казанин. В штабе Блюхера. С. 73.

709

Владимир Ефимович Горев (Высокогорец, Никитин, 1900-1938), белорусе, военный разведчик. В 1915-1920 гг. — анархо-коммунист. Член компартии с 1920 г. В 1918-1923 гг. — партизан, политработник, сотрудник Особого отдела в частях РККА. В 1924 г. окончил основной курс и Восточный факультет Военной академии РККА, в 1927 г. решением заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. награжден орденом Красного Знамени. После Китая работал военным руководителем КУТВа, воевал в Испании, в 1930 г. выпустил книгу «Китайская армия» под псевдонимом В.Высогорец. В 1930-1933 гг. нелегальный резидент в США. В 1936-1937 гг. — военный атташе в

Испании. Арестован 25 января, расстрелян 20 июня 1938 г. (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С. 337-338.)

710

А.Н.Черников (1889 — ?) — в 1925-1927 гг. военный советник в Китае. В дальнейшем — на командных должностях в РККА.

711

Д.Я.Калягин. Ук. соч. С.11.

712

О.Ю. Пliche (Люкс.), латыш, в 1926-1927 гг. — генеральный консул СССР в Ханькоу.

713

В.К.Путна (1893-1937) — в гражданскую войну комиссар, комполка, начальник дивизии. Позднее незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

714

Архив РЦХИДНИ. Ф.627,ОП.1Д.19.Л.15.

715

Там же.

716

Там же. Л.20-21.

717

Видимо, имеется в виду Тань Пиншань (1886-1959), гуандунец, в 1917 г. поступил учиться в Пекинский университет, член союза Тунмэнхуй, участвовал в

студенческом движении, в 1920 г. участвовал в создании коммунистического кружка в Гуанчжоу, член комиссии по реорганизации Гоминьдана в 1923 г., член КПК, участник 1-го съезда Гоминьдана (январь 1924 г.), по предложению Сунь Ятсена вошел в Центральный исполнительный комитет Гоминьдана, возглавил организационный и крестьянский отделы Гоминьдана, член Уханьского правительства.

718

Личность автором не установлена.

719

Возможно, Ян Инь (1892-1929), гуандунец, в 1911 г. вступил в «Тунмэнхуй», был связан с тайными обществами. В 1922 г. вступил в КПК и уехал учиться в СССР, в 1923 г. вернулся в Китай, видный лидер рабочего движения на Юге Китая, участник 4-го съезда КПК в 1925 г., один из лидеров Сянган-гуанчжоуской забастовки, участник 6-го съезда КПК под Москвой в 1928 г., избран членом ЦК КПК, позднее избран кандидатом в члены политбюро ЦК, был заведующим военным отделом ЦК КПК. По доносу предателя Бай Цзяна, являвшегося секретарем Военного совета, арестован в Шанхае 24 августа 1929 г. и 30 августа казнен (Чжунго гунчаньдан жэньминь цыдянь (Словарь коммунистов КПК). Шэньян. 1988. С.406).

720

Ф. 627. ОП.1.Д.19.Л.1-Ю.

721

Там же. Л.12.

Там же. Л.6.

723

РЦХИДНИ. Ф. 627. Оп.1. Д.19.Л. 10.

724

Там же. Л.18.

725

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С.649-650.

726

РЦХИДНИ. Ф.627. Оп. 1. Д. 19.Л.8.

727

Браиловский (Айтикин) прибыл в Кантон в июле 1924 г. и работал помощником военного атташе до октября 1924 г. Личность Катюшина не установлена, однако Хоу делает предположение, что это может быть Котов Леонид Александрович (1899-1981), бывший сотрудник Гомельской ЦК, окончивший в 1925 г. Военную академию, он же Наум Исаакович Эйтингон, родился в г. Шклове. Член партии левых эсеров с 1917 г., с 1918 г. в Красной Армии.

728

РЦХИДНИ. Ф.627. Оп. 1. Д. 19. Л.8

729

В.Е.Горев (Никитин, Гордон, 1900-1938).

Личность автором не установлена.

731

Фрэд(Федор) Бородин — старший сын Михаила и Фаины Бородиных, родился и вырос в Америке и по-английски говорил лучше, чем по-русски. В семье его на американский манер называли Фрэдом (Федор), в 1925 г. ему было 17 лет и официально он учился в американской школе в Шанхае.

732

Там же.

733

ВКП(б), Коминтерн. Т.1. С.653.

734

РЦХИДНИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 18. Л.178 а.

735

М.М. Чхеидзе — в 1925-1927 гг. военный советник в Китае. В конце 20-х — начале 30-х гг. — ответственный сотрудник П управления штаба РККА.

736

А.Н.Черников (Сатрап, 1891 — ?). Окончил военную академию РККА, в 1926-1927 гг. военный советник в Китае. В дальнейшем — на командных должностях РККА.

И.И.Василевич (1895-1937)— в 1926-1927 гг.— член Южнокитайской группы военных советников.

738

Е.В.Тесленко (Терещенко, 1898-1972). В 1925-1927 гг. — военный советник в Китае. В дальнейшем на руководящих постах в военной промышленности.

739

К.Я.Володин — с ноября 1927 г. по октябрь 1940 г. начальник артиллерии ряда ВО.

740

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.3.М.Д999.С.84-112.

741

Йохель (И.М.Мусин, Максимов, 1894-1928) В 1920-1922 гг. был секретарем Г.В.Чичерина в НКВД, сотрудником миссии ДВР в Китае. В 1922-1925 гг. стал политическим референтом и секретарем Восточного отдела ИККИ, в 1925—1927 гг. — корреспондент ТАСС в Китае. Покончил жизнь самоубийством в 1928 г.

742

Н.Л. Мамаева. Коминтерн и Гоминьдан 1919-1929. М.Д999.С.141.

743

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2.С. 133.

Там же. С. 179-185.

745

П.Балакшин. Финал в Китае. С.35.

746

В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С.77.

747

А.Я. Климов (1898 — 1970), член РКП(б) с 1918 г. Участник революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА, участник Ш конгресса Коминтерна (1924 г.). Военно-политический советник в Китае в 1924-1925 гг. в Хэнаньской группе, а в 1925-1926 гг. — в Калганской группе. Консул СССР в Калгане. В 1927 г. отбыл в Москву. В дальнейшем на дипломатической и педагогической работе.

748

А.Я.Калягин. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М. 1979. С. 12.

749

Владимир Михайлович Акимов (Петя Силин, Бе Цзя, 1901-1957). Советский военный разведчик. В 1919-1922 гг. — красноармеец, политработник на Туркестанском фронте. В 1925 г. окончил китайское отделение Высших курсов востоковедения РККА в Ташкенте. В 1932 г. окончил Восточный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе. В 1927 г. награжден

орденом Красного Знамени. В 1932-1936 гг. работал в информационном и восточном отделах Разведупра. В

1937- 1938 гг. работал в Китае в г. Ланьчжоу по снабжению китайской армии в войне против Японии. В

1938- 1939 гг. был уволен из РККА. В Великую Отечественную войну командовал дивизией и корпусом. (А.Колпакиди, Д. Прохоров. Ук. соч. С. 304-305).

750

Там же. С. 80-81.

751

С.С.Чекин (Сергеев, 1894 г. — ?) участник Первой мировой войны и гражданской войны в России, в Китае с 1925 г., в 1926-1927 гг. военный советник Калганской группы по инженерному делу, вместе с К.Б.Калиновским построил для 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна пять бронепоездов, сыгравших большую роль в обороне Пекинского района от мукденской армии. По возвращении из Китая работал заместителем начальника Военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева.

752

К.Б.Калиновский (Корде, 1897-1932) Родился в Смоленске в 1897 г. в семье офицера российской армии, воспитывался в Москве у родственников, обучался во 2-й Московской гимназии. По ее

окончании добровольно вступил в действующую армию на правах вольноопределяющегося в 4-й артиллерийский дивизион. Во время революции со всем дивизионом перешел на сторону большевиков. Летом 1919 г. был откомандирован в Высшую автобронетанковую школу в Москву и по ее окончании 17 ноября 1919 г. был назначен командиром

бронепоезда № 8, отправляющегося на Южный фронт против белополяков. Во время гражданской войны за боевые заслуги К.Б.Калиновский был награжден двумя орденами Красного Знамени. Затем он поступил и окончил Военную академию РККА. Во время учебы занимался научной работой, опубликовал несколько интересных статей, посвященных использованию бронетанковых войск в различных видах боя. Он также состоял членом редакционной коллегии журнала «Техника и снабжение Красной Армии». Калиновский отличался большой скромностью и никогда не кичился своими боевыми и революционными заслугами. Погиб в авиакатастрофе в 1932 г.

753

Там же. С. 43.

754

М.И.Сладковский. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы. — Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 148. Сладковский спутал его псевдоним, он был не Крафт, а Корф.

755

В.М.Примаков. Записки волонтера. М., 1967. С.202.

756

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. С. 137.

757

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. С. 173.

758

П. Балакшин. Финал в Китае. С. 35.

759

Фэн Юйсян. Моя жизнь. Ч.3.[Б.м.]. 1944. С.26.

760

М.Ф.Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20-40-е годы. М. 1983. С. 16.

761

Фэн Юйсян. Моя жизнь. Ч.3.С.41-42.

762

М.Ф.Юрьев. Вооруженные силы КПК. С. 16; Мао Мао. Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С.135.

763

А.Я.Климов (1898-1970 гг.), участник революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке, член РКП(б) с 1918 г. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА, старый

партийный работник Приморья и Сибири, участник Ш конгресса Коминтерна (1924 г.). Военно-политический советник в Китае. В 1925-1926 гг. — в Хэнаньской группе, в 1926-1927 гг. был помощником по политчасти начальника Кайфэнской группы военных советников, консулом СССР в Калгане. В 1927 г. отбыл в Москву и работал в НКВД, затем занимался научно-педагогической работой. (М.Ф.Юрьев. Предисловие. — А.В.Благодатов.

Записки о китайской революции 1925-1927 гг. Изд. 3. М.1979. С. 4.)

764

Р.А.Мировицкая. Ук. соч. С.55.

765

766

В.Благодатов. Ук. соч. С. 62-63.

767

М.Ф.Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20 -40-е годы. М., 1983. С. 16.

768

Илья Михайлович Ошанин (1900 г. -1982), родился в Ярославле в семье русского дворянина, юриста. И.М.Ошанин первоначально учился в Варшавской гимназии, которую закончил в 1918 г. с золотой медалью. Он знал кроме греческого и латинских языков., немецкий, французский и польский. В Москве поступил добровольцем в РККА, но был признан негодным к строевой службе по причине слабого зрения и оказался в Высшей военной инспекции на должности пиьсмоводителя, а потом в Управлении связи РККА, где до 1922 г. работал делопроизводителем. По ходатайству начальства юноше было дозволено слушать лекции по китайскому языку в Военной академии. Затем он поступил в Институт востоковедения на дипломатический факультет. Окончив в 1924 г. институт, молодой китаист

Ошанин оказался в Пекине на должности переводчика в Торгпредстве, а через год по приказу полпреда был включен в аппарат военных советников, работавших во 2-й Народной армии Фэн Юйсяна. Когда в феврале — марте 1926 г. армия генерала потерпела поражение, молодого драгомана перевели в Ханькоу и Шанхай, где он почти год проработал переводчиком Военного отдела ЦК КПК, а в 1927 г. стал служить драгоманом в Генконсульстве в Шанхае. (Д. Воскресенский. И.М.Ошанин — выдающийся ученый и педагог (к 100-летию со дня рождения). — Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3.

С. 162-163.).

769

В. Л.Ххйфец, Л.-Ххефец. Ук. соч. 1999 № 5. С.82.

770

Б.П.Постников (1295 — 1941) — советский военный разведчик и дипломат. Родился в Варшаве. Член РСДРП с 1917 г. В РККА с 1912 г., участник гражданской войны. В 1923 г. окончил Военную академию РККА. Сотрудник военной разведки под дипломатической «крышей»: в 1923-1927 гг. консул в Мазари-Шарифе, в 1927-1931 гг. — генконсул в Кашгаре. В 1932-1932 гг. в распоряжении IV управления (Разведупра) РККА. В 1933 г. был представителем НКВД в Таджикистане. Полковой комиссар (1936). В мае 1932 г. уволен из РККА. Научный сотрудник Института мирового хозяйства

и мировой политики. Арестован в Москве в апреле 1941 г., расстрелян 21 ноября 1941 г. в Саратове.

771

М.М. Казас (1896 г.). Из служащих, караим из Крыма, в 1914 г. окончил гимназию. С 1919 г. в РКП(б). В 1920-1921 гг. — особо уполномоченный Оренбургской губЧК. В 1921-1922 гг. — помощник начальника Особого отдела ВЧК. В 1922-1924 гг. учился в Лазаревском институте восточных языков, на Восточном факультете Академии РККА. До Китая с 1924 по 1927 г. — резидент ИНО ОГПУ в Тегеране под «крышей» 2-го секретаря полпредства. С 1929 г. — в центральном аппарате ОГПУ. В 1939 г. уволен из НКВД.

772

Н.В.Алявдин (1901 — ?) родился в Моршанске. Окончил Моршанскую гимназию и партийную школу (1922). Добровольно вступил в РККА в 1918 г., участник гражданской войны. В 1918-1927 гг. — на административной работе в воздухоплавательных частях. В 1933 г. окончил курсы усовершенствования по разведке и направлен в IV Управление Штаба РККА, затем был вице-консулом генконсульства СССР в Сан-Франциско (1934-1936), в Лос-Анджелесе (1937). В 1937 г. уволен в запас. По данным ЦА ФСБ репрессиям не подвергался.

773

Абрамсон (Г.М.Григорьев, 1901-1997), еврей. Родился в Одессе. В 1906 г. вместе с семьей переехал в Харбин. Закончил харбинскую гимназию. В 1919 г. переехал во Владивосток, где поступил на работу в издательство Совета профсоюзов обкома РКП(б). После захвата города японцами в апреле 1920 г. ушел в подполье, получив документы на имя Григорьева. В

дальнейшем жил под этой фамилией. В июле 1920 г. стал членом РКП(б), с ноября 1920 г. служил в РККА. В 1922-1924 гг. он учился на Восточном отделении Военной академии РККА (специальность — китаист), затем работал референтом НКВД. В 1925-1927 гг. и 1931-1933 гг. находился в Китае по линии ИНО ОГПУ под «крышей» секретаря, вице-консула консула СССР в Цицикаре и Тяньцзине. В 1934-1938 гг. работал в полпредстве СССР в США (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Внешняя разведка России. С.209.)

После 1945 г. Г.М.Григорьев был назначен заместителем начальника кафедры китайского языка Военного института иностранных языков. С декабря 1949 до конца 1965 г. он старший редактор китайских словарей в словарной редакции издательства «Советская энциклопедия». С 1966 г. до выхода на пенсию работал в Институте востоковедения АН СССР.

774

С. А. Скарбек (Ско рбек, бекедик, 1897-1974). 7оляк, родился в Польше в Ленчице. Член германского Бунда (1916-1918), Спартакусбунда и образовавшейся из него компартии Германии. Электромонтер. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию, принят в РКП(б) со стажем с 1918 г. Награжден серебрянными именными часами «За работу в связи с событиями на Дальнем Востоке» (1930).

775

Владимир Христофорович (он же Рубен Артемьевич) Таиров (Тер-Григорян, Тер, Теруни, 1894-1938), армянин, родился в 1894 г. в семье крестьянина в с. Испаганджук, Нагорный Карабах. В 1914 г. окончил Бакинское коммерческое училище. Большевик с 1915 г. В

1916 г. учился в Киевском коммерческом училище, вместе с которым эвакуировался в Саратов, где был арестован и 2 месяца сидел в тюрьме за участие в социал-демократической сходке. После

Октябрьской революции — в финансовой секции Моссовета. С 1918 г. в РККА. Участник гражданской войны, военком 1-й калмыцкой дивизии, военком 9-й армии, военком и член РВС 10-й армии, военком 1-й Конной армии, в политотделе Северо-Кавказского фронта. Окончил Военно-академические курсы высшего состава РККА. В 1924-1925 гг. слушатель Восточного отделения Военной академии РККА. В Китае с октября 1924 по 1927 г. под фамилией Теруни. В 1925-1927 гг. комиссар штаба Южнокитайской группы военных советников, заместитель начальника группы по политчасти. С июля 1929 по февраль 1932 гг. помощник начальника IV управления Штаба РККА и начальник 2-го отдела. В 1935-1937 гг. полпред СССР и уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии. Награжден в 1937 г. орденом Ленина «за выдающуюся работу в области внешней политики». Арестован в июне 1937 г., 22 августа 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. (В.Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Свободная мысль. 1999, № 8. С.92-93; А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч.

С. 416-417.)

776

Г.Н.Пескова. Ук. соч. № 2. С.70.

777

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.170.

Окончательный вариант документа, хранящегося в архиве Коминтерна, имеет разночтения редакционного характера с текстом, хранящимся в архиве Л.Д.Троцкого в США (см. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923-1927. Т.1. С. 178-181.)

779

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С. 164.

780

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С. 164.

781

Там же. С. 178.

782

Там же. С. 168.

783

П.Балакшин. Финал в Китае. С.148.

784

ВКП(б), Коминтерн. Том 2. С. 178.

785

Там же. С. 167, 169.

786

В.Благодатов. Ук. соч. С.159.

Chiang Kai-shek. Soviet Russia in China. New York. 1957. P. 55. Цит. по: П. Балакшин. Финал в Китае. С. 42-43.

788

А.В. Панцов. Большевики и Гоминьдан во время китайской революции 1925-1927 гг. — Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы научной конференции 23 апреля 1999 г. М., 1999. С. 14.

789

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.153.

790

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.160.

791

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.179.

792

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.154.

793

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.199.

794

Там же. С. 190, 198.

795

Там же. С.190.

Там же. С. 198.

797

П. Балакшин. Финал в Китае. С.28.

798

Дневник Чан Кайши. С. 215. Цит. по: П. Балакшин. Финал в Китае. С.27.

799

Данная безымянная несколько отредактированная характеристика приводится в «Записках» А. Черепанова (С. 389), но без авторства, нам удалось в архиве найти ее неотредактированный текст и автора Н.А. Шевалдина (Прибылева). — Фонд 627.0П.1. Д.21. Л.94-95.

800

Из доклада Степанова, найденного среди бумаг, захваченных в посольстве СССР в Пекине 6 апреля 1927 г.

801

А. Черепанов. Записки военного советника в Китае. С. 388-389.

802

Там же. С. 162

Там же.

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.649

805

А.И.Черепанов. Ук. соч. С.369

806

РЦХИДНИ.Ф.514.СП.1.Д.168.Л.219

807

В качестве одного из доказательств этого можно привести письмо Войтинского полпреду СССР в Китае Карахану от 22 апреля 1925 г., еще почти за год до «переворота»: «На днях во время продолжительного разговора со Сталиным выяснилось, что в его представлении коммунисты растворились в Гоминьдане, не имеют самостоятельной организации и держаться Гоминьданом «в черном теле». Тов. Сталин, выражая свое сожаление по поводу такого зависимого положения коммунистов, считал, по-видимому, что в Китае такое положение пока исторически неизбежно. Он очень удивился, когда мы ему объяснили, что компария имеет свою организацию, более сплоченную, чем Гоминьдан, что коммунисты пользуются правом критики внутри Гоминьдана и что работу самого Гоминьдана в большей степени проделывают наши товарищи. В защиту своего представления о положении коммунистов в Гоминьдане Сталин ссылался как на газетную, так и вообще на нашу информацию из Китая. Действительно можно полагать, что для тех, кто не бывал в Китае и не знаком с положением вещей там, сводки Бородина создали бы

именно такое представление». (А.В. Панцов. Тайна история советско-китайских отношений. С. 126)

808

М.Г.Рафес (Макс) (1883—1941) с 1920 г. сотрудник отдела агитации и пропаганды ИККИ, в 1926 г. секретарь Дальбюро ИККИ в Шанхае. В дальнейшем — заведующий отделом иностранной информации ТАСС. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

809

РЦХИДНИ. Ф.495.0П. 165. Д.71.Л.2-3; Цит. по: А.Панцов. Ук. соч. С.15

810

РЦХИДНИ.Ф.17. Оп.162.Д.3.Л.55; — Цит. по: А.Панцов. Ук. соч. С.17

811

Советско-китайские отношения 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С.115

812

В.Аварин. Империализм в Манчжурии. Т.1.М. — Л. 1934. С.238

813

Там же.

814

В.Аварин. Империализм в Манчжурии. С.242

В. С. Мясников. И не распалась связь времен... — И не распалась связь времен... М.1993. С.20

816

Ф.С.Бородина. В застенках китайских сатрапов (мои воспоминания). М.-Л. 1928.С.10

817

Там же. С. 143-145.

818

Ф.С.Бородина. В застенках китайских сатрапов (Мои воспоминания). С. 131

819

Там же. С. 133-134.

820

Там же. С.132.

821

Ф.С.Бородина. В застенках китайских сатрапов.

С. 35-36.

822

Там же. С.36.

Там же. С.36.

А.С.Черных (1892-1940), уроженец г. Селенгинска. В 1926-1927 гг. — временный поверенный в делах СССР в Китае, в 1927-1928 гг. — член коллегии ЦСУ СССР, в 1928-1931 гг. — на ответственной работе в Госплане СССР, в 1931-1933 гг. — вице-президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, в 1933-1935 гг. — член Всесоюзного Радиокomiteта при СНК СССР. В 1935-1939 гг. — полпред СССР в Иране.

825

Г.Н.Пескова ошибочно датирует это событие 1 мая 1927 г. См. В.В. Вишнякова. Ук. соч. С.241; История Китая. Под ред. А.В.Меликsetова. М., 1998. С.470.

826

Ф.С.Бородина. Ук. соч. С. 186.

827

Коминтерн и идея мировой революции. М.1998.

С.153.

828

Ф.С.Бородина. Ук. Соч. С. 114 -115

829

Там же.

Там же. С. 125-126.

М.И.Казанин. В штабе Блюхера. С. 160.

832

Ф.С.Бородина. Ук. соч. С. 126.

833

Там же. С.161.

834

Эти деньги, видимо, были отпущены на взятку судье, рассматривающего дело Ф.Бородиной.

835

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.197.

836

Ф.С.Бородина. Ук. соч. С.40.

837

В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С. 239-240.

838

Г.Н.Пескова. Ук. соч. № 2. С.72.

839

В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С.242-243.

840

Советско-китайские отношения 1917-1957.С.118.

Советско-китайские отношения 1917-1957.

С. 119-119.

842

О. Гордиевский, К.Эндрю. Ук. соч. С.92.

843

Там же. С.93. 844

Там же. 845

Там же. С. 93-94. 846

Там же. С.94.

847

В.В.Вишнякова-Акимова. Ук. соч. С.243.

848

А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.93.

849

К.Стоянович. По английским и китайским тюрьмам. — Архив Л.К.Карповой. Цит. по: А.Н.Авдонин. Ук. соч. С.97.

Одно время В.М. Кедроливанский жил в Тяньцзине, где был тесно связан с генералом Клерже и Слуцким. После ареста их японскими властями, Кедроливанский неожиданно покинул Тяньцзинь и снова поселился в Шанхае. Одно время он был связан с шанхайским японским генеральным консульством и одновременно с американским консульством, в первом — по политическим делам, во втором — по розыску дельцов по распространению наркотиков, среди которых были американские граждане. После убийства Клерже и Слуцкого Кедроливанский внезапно оставил Шанхай и выехал в Манилу, сказав, что едет в Лондон. После окончания войны он вернулся в Шанхай, где при загадочных обстоятельствах покончил с собой.

851

П. Балакшин. Ук. соч. С.361.

852

Там же. С. 97.

853

Там же. С.98.

854

Г.Н.Пескова. Ук. соч. № 2.С.72.

855

Там же.

857

М.М.Лашевич (1884—1928). Родился в Одессе, там провел годы своего детства и юности. Семнадцатилетнем юношей вступил в ряды РСДРП, после раскола примыкает к большевикам. Состоял членом никольского, екатеринбургского, петроградского комитетов партии. За свою революционную деятельность сидел в тюрьмах, был в царской ссылке в Вологодской губернии и Нарымском крае. В 1917 г. в составе восставших он участвовал в захвате телеграфа, государственного банка, казначейства и почты в Петрограде. В 1918-1919, 1923 гг. — член ЦК партии. Воевал в составе Красной Армии против Колчака, Деникина и Юденича. По окончании польской войны М.М. Ланшевич был отправлен в Сибирь в качестве командующего Сибирским военным округом и председателем Сибревкома. В конце 1925 г. он назначается первым заместителем Наркомвоенмора и председателем Реввоенсовета СССР. За боевые заслуги дважды награжден орденом Красного Знамени.

В 1926 г. он был назначен Товарищем Председателя Китайской Восточной железной дороги и руководил КВЖД до 1928 г.

858

В.И.Клярфельд (1895-1939), родился в Херсонской губернии. Окончил реальное училище в 1915 г. и Петроградскую школу прапорщиков в 1917 г. С 1919 г. в РКП(б) и РККА. В 1920-1924 гг. работал в Региструпре. В 1924-1926 гг. помощник начальника оперативной части штаба 14-й стрелковой дивизии. В 1935-1938 гг. — в распоряжении Разведупра РККА. Расстрелян 19 марта 1939 г.

860

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.693.

861

В.С. Довгалевский (1885-1934), инженер, член РСДРП с 1908 г., с 1921 г. нарком почт и телеграфов РСФСР, с 1923 г. заместитель наркома СССР, в 1924-1925 гг. полпред в Швеции, в 1925 — 1927 гг. — в Японии, с 1927 г. — во Франции.

862

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.693.

863

А.И. Картунова. К вопросу о разрыве с Чан Кайши (январь — апрель 1927 г.) — Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. М.Д995.Ч.П. С. 132-133.

864

Там же. С.133.

РЦХИДНИ. Ф.514. Оп.1. Д.240. Л. 12-13. — Цит. по: А.Панцов. Ук. соч. С. 21.

866

А.М. Григорьев. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926-1927). — Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 112.

867

Биография Линь Боцюя. Пекин.1986. С.127. Подробнее об этом см.: В.Ларин. Линь Боцюй и секретный приказ об аресте Чан Кайши (март 1927 г.) — Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. М.1991.Ч.П.

С.55-59.

868

А.И. Картунова. К вопросу о разрыве с Чан Кайши (январь — апрель 1927 г.). С.133.

869

Там же. С.133-134.

870

Жан Шэно. Китайское рабочее движение в 1919-1927 гг. М. 1969. С.440-441.

871

China Weekly Review. 9.1Y.1927; New York Times. 15.1Y.1927.

Жан Шэно. Ук. соч. С.440.

873

Новейшая история Китая 1917-1970 гг. М. 1972.

С. W0-107.

874

Жан Шэно. Ук. соч. С.447.

875

П.Балакшин. Ук. соч. С.33.

876

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.720-721.

877

Георгий Агабеков. Ук. соч. С.225.

878

Григорий Беседовский. На путях к термидору. М.,1997. С. 143.

879

ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.7-2.

880

Там же. С.85-.

С. Martin Wilbur, Julie How. Missionaries of envoi ution. Soviet Advirefr ond Notisnolirt Chino 1920-1927. ComUfidge- London. 1989. P. 1-2.

882

Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая. 1917-1945 гг. М.,1973. С.74-75.

883

Си Уи. Фальсификация так называемых "указаний военному атташе в Китае" в целях доказать наличие советского "заговора". — Лиши яньцзю.1985.№ 2. Более подробно о статье см.: С.А.Жданов. Интересное исследование китайского ученого. — Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 3. С. 189-191

884

Там же. С. 187.

885

Там же. С.189.

886

С. Martin Wilbur, Oulle Hew. Mis sinnarins of Revolution.P. 2, 16.

887

ВКП(б), Коминтерн. Т.2. С.843.

888

Р.А.Мировицкая. Михаил Бородин. С.40.

Цит. по книге А.Картуновой. В.Б.Блюхер в Китае 1924-1927 гг. М.1979.С.63.

890

П.Балакшин. Финал в Китае. С. 43-44. Позже, когда дипломатические отношения между Китаем и Советским Союзом были восстановлены, Чан Кайши несколько раз обращался с просьбой к советскому правительству о предоставлении ему Блюхера в качестве военного советника. Но положительного ответа не последовало. В 1939 г. председатель законодательного Юаня Сун Фу прибыл в Москву, где по просьбе Чан Кайши обратился лично к И. Сталину относительно Блюхера. Только тогда Сталин ответил, что Блюхер был казнен за то, «что поддался обольщению японской шпионки» (Чан Кайши. Ук. соч. С.51-52: цит. по: П.Балакшин. Финал в Китае. С. 43-44).

891

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. С. 173.

892

Иван Винаров. Бойцы тихого фронта. С. 177-178.

893

Б.Н.Верещагин. В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М. 1999. С. 9-10.

894

А.М.Григорьев, В.Н.Никифоров. Людвиг Мадьяр. С.105.

Там же.

896

Содержание телеграммы было опубликовано в "Правде" 13 декабря 1927 г. Цит. по: А.Г.Афанасьев. Героическое восстание пролетариата Гуанчжоу 11-13 декабря 1927 г. — Кантонская коммуна (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу).М.Д967. С.13.

897

А. Г.Афанасьев. Ук. соч. С.14.

898

С.Журавлев. Ук. соч.

899

Б.А.Уколов в 1910 г. за революционную деятельность высылается на вечное поселение в Сибирь, оттуда бежит в Австралию, где встречается с Сергеевым (Артемом), после 1917 г. возвращается на родину, в гражданской войне работает ответственным работником штаба армии на Северном фронте, работает начальником КРО ОГПУ Туркестана, затем переходит в НКВД.

900

А.И. Хассис (1894-1927), в ВКП(б) вступил в 1916 г., работал в рядах Красной Армии в качестве командира и политкома. Окончил Восточное отделение Военной академии в 1924 г. С октября 1924 г. работал в Наркоминделе в отделе Дальнего Востока. В 1925 г. был назначен секретарем генерального консульства в

Шанхае, а затем секретарем генерального консульства в Ханькоу, с декабря 1926 г. назначен вице-консулом генерального консульства в Кантоне.

901

Ф.И. Попов (1896-1927), родился в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии в семье крестьянина, был рабочим-столяром. В 1919 г. мобилизуется в Красную Армию. В 1920 г. вступает в ВКП(б), по демобилизации начинает работать шифровальщиком в Наркоминделе. В 1922 г. командирован на работу в Полпредство СССР в Монголии, где работает до 1926 г., а затем переводится в генеральное консульство в Кантоне на должность шифровальщика.

902

П.П. Макаров (1897-1927), из донских казаков, прошел полный курс реального училища, с октября 1918 по январь 1920 г. был матросом. В 1923 г. поступил на службу переводчиком в управление уполномоченного РСФСР в Маньчжурии, затем переводится в консульство в Цицикар. 6 августа 1927 г. переводится переводчиком с китайского языка в консульство в Кантон. («Правда» от 31 декабря 1927 г. Цит. по: Кантонская коммуна. С. 190.)

903

К.И. Иванов (1894-1927) родился во Владимирской губернии, окончил сельскую школу. В 1919 г. вступил в ВКП(б), был мобилизован в технические войска Красной Армии. Работал дипкурьером в Наркоминделе. 1 июля 1925 г. командирован в распоряжение полпредства СССР в Пекине, где и работает до 1927 г. С 1 июля 1927 г.

работает делопроизводителем в генеральном консульстве в Кантоне.

904

Б.А. Похвалинский (Веселов) — в 1927 г. работал генконсулом СССР в Кантоне. С 1928 г. — заведующий отделом Дальнего Востока НКВД СССР. Написал статью о разгроме «кантонской коммуны» (Б.А. Похвалинский. Кантонская трагедия. Разгром Генерального консульства СССР в Кантоне в 1927 г. (Рассказ очевидца). — Кантонская коммуна.)

905

Б.А. Похвалинский. Кантонская трагедия. Разгром Генерального консульства СССР в Кантоне в 1927 г. (Рассказ очевидца). — Кантонская коммуна. (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу). М. 1967. С. 165-166.

906

Кантонская коммуна. С. 186.

907

В.Т. Сухоруков. Налет чанкайшистов на генеральное консульство СССР. — На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев 1925-1945. М., 1974. С. 130-131.

908

Там же. С.132.

- Советско-китайские отношения 1917-1957.С. 122.
- ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.199.
- 911
- ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.196.
- 912
- Григорий Беседовский. Ук. соч. С.391-392, 393-394.
- 913
- ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.3. С.348-349.
- 914
- Документы внешней политики СССР. Т.К1. М. 1965-1966. С.706.
- 915
- Владимир Пятницкий. Ук. соч. С.219.
- 916
- П.Балакшин. Финал в Китае. С.143. Любопытно, что связи с СССР не помешали Н.П.Нечкину позднее основать в Сан-Франциско крайне-правую монархическую газету.
- 917
- П.Балакшин. Финал в Китае. С.152.
- Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин. 1942. С. 286.
- 920
- Там же. С.286.
- 921
- П.Балакшин. Финал в Китае. С.152.
- 922
- Там же.
- 923
- China Yearbook. 1929/1930/P/1223-1224. Цит по:
- В.Аварин. Империализм в Маньчжурии. С.251.
- 924
- П.Балакшин. Финал в Китае. С.153.
- 925
- Там же.
- 926

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.353-354, 379.

927

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.379-380.

928

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.353.

ВКП(б), Коминтерн. Т.3.С.354.

930

Советско-китайские отношения 1917-1957. М.,1959.

С.131.

931

П.Балакшин. Финал в Китае. С.154.

932

Там же. С. 133.

933

П.Балакшин. Финал в Китае. С.155.

934

Там же.

935

С.Л. Тихвинский Путь Китая к объединению и независимости 1898-1949. С.206; В.Аварин. Империализм в Маньчжурии. С.258.

936

Советско-китайские отношения 1917-1957. М.,1959. С.133.

937

П.Балакшин. Финал в Китае. С.155.

П.Балакшин. Финал в Китае. С.159.

939

Московии (Леонид Абрамович Анулов, 1897-1974), еврей, родился в м. Ганчешты Кишиневского уезда, военный разведчик. Закончил высшее начальное училище. В 1916 — 1917 гг. — рядовой царской армии. Участник большевистского подполья Бессарабии. С

1918 г. — в РККА. С 1919 г. — член РКП(б) и КП(б)У. В

1919 г. окончил командные артиллерийские курсы в Одессе. В 1919-1922 гг. — в долгосрочной командировке за рубежом. В 1922-1923 гг. — помощник Уполномоченного КРО ОГПУ. В 1923-1924 гг. окончил курсы по разведке IV управления. В 1925-1926 гг. в центральном аппарате Разведупра. В 1926-1927 гг. в заграничной командировке. В 1927-1929 гг. — начальник сектора 2-го отдела

Разведупра. Окончил курсы усовершенствования по разведке (А.Колпакиди, Д.Прохоров. Ук. соч. С.307.)

940

Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. Отв. ред. М.Л.Титаренко. М., 1986. С. 199-200.

941

Там же. С.202.

942

Чжоу Эньлай няньпу. 1898-1949 (Хронология жизни Чжоу Эньлая. 1898-1949). Пекин.1990. С.180.

167 Герхард Эйслер Псевдонимы. Роберт, Робертс) (1897-1968) — в 1927-1928 гг. кандидат в члены ЦК КП Германии, с 1967 г. — член ЦК СЕПГ, в 1929-1931 гг. — представитель ИККИ в Китае. В 1931-1933 гг. — работник аппарата ИККИ. В 1933-1935 гг. — представитель ИККИ в США. В 1935-1939 гг. — сотрудник заграничного центра КПГ. В 1941-1949 гг. находился в эмиграции в США. В

298 Аристарх Аристархович Ригин (Аристарх Рыльский, 1887-1938). Русский, сын крестьянина, усыновлен педагогом. Окончил немецкую школу в Петербурге в 1906 г., 1-й курс Петербургского университета. Университет в Цюрихе в 1910 г., два курса Военно-медицинской академии в 1913 г., ускоренный выпуск Александровского военного училища в 1916 г. По образованию биолог. В 1905-1910 гг. — эсер, член военно-боевой организации партии эсеров. В 1905-1910 гг. жил в Швейцарии.

До 1917 г. воевал в чине подпоручика на Салоникском фронте (в составе Особого экспедиционного корпуса русской армии во Франции). Был ранен. Вел революционную работу среди солдат. По доносу был выслан во Францию. Отказался выехать на фронт и получил по болезни отсрочку на два месяца. Перебрался в Брест (Франция) и на эмигрантском пароходе в сентябре 1917 г. выехал в Россию. С 1918 г. — член РКП(б). В конце 1918 г. в Киеве секретарь члена ВЦИК Н.С.Тихменева (впоследствии полпреда СССР в Дании) в составе делегации Х.Г.Раковского по переговорам с правительством гетмана П.С.Скоропадского. Был арестован германской полицией, находился в заключении в Лукьяновской тюрьме. В 1919 г. военный руководитель Киевского района, начальник Киевского гарнизона, боевого участка. В 1920 г. член Реввоенсовета 2-й трудовой армии, в 1920-1921 гг. состоял для особых поручений при штабе Юго-Западного фронта. В марте 1921 г. по предложению заместителя командующего войсками Украины и Крыма К.К. Авксентьевского был откомандирован в НКВД. Участвовал в работе эвакуационной комиссии в Выборге, Генуэзской конференции.

В 20-е и первой половине 30-х годов — работник ИНО ОГПУ. В 1922-1923 гг. резидент в Пекине (под прикрытием должности атташе и заведующего консульской частью полпредства, оперативный псевдоним «Рыльский»). Затем резидент в Дании (с августа 1924 по март 1925 г., атташе полпредства). В марте — мае 1925 г. 2-й секретарь полпредства в Японии. В августе 1925 г. ЦК РКП(б) Ригину был объявлен выговор за склоку. С декабря 1925 по 1927 г. резидент ИНО во Франции (2-й секретарь полпредства). С октября 1927 по ноябрь 1928 г. — резидент в Риме (2-й секретарь полпредства). В связи с клеветническим доносом в конце 1928 г. был отозван из Италии. Разбирательство,

31 2 Архив РЦХИДНИ. Ф.17, Оп.3, Д.342, Л.1,4 — Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1. 1*920—1925. М.,1994. С.316.

31 3 Очерки. Т.2. С.49

314 Там же. С.48.

315 Жизнь Я.Х. Давтяна безвременно оборвалась в 1938 г. В 1957 г. он был

424 Генерал Н.Жанен — представитель Франции при Верховном правителе А.В. Колчаке.

441 Борис Николаевич Мельников (Б.Семенов, Мюллер,1895-1938). Родился в г. Селенгинске. Казак. Окончил реальное городское училище. Учился в Петербургском политехническом институте, где в 1916 г. вступил в РКП(б). В 1917 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Подпоручик. В октябре 1917 г. начальник Иркутского гарнизона, член и секретарь Иркутского ревкома, затем — председатель Совета в Троицко-Савске. С лета по декабрь 1918 г. в плену у японцев. Эмигрировал в Китай, где был вновь арестован и передан белогвардейцам. До начала 1920 г. — в заключении. В 1922 г. — помощник начальника Разведупра штаба помощника главкома по Сибири, затем командирован в Москву и назначен начальником 2-го (Восточного) отделения агентурной части Разведупра Генштаба РККА. С 1923 по 1924 г. сотрудник управления уполномоченного НКВД СССР в Харбине. В 1924-1926 гг. — начальник отделения разведотдела Генштаба РККА, одновременно в 1924—1928 гг. заведующий Отделом Дальнего Востока НКВД СССР; в 1928-1931 гг. — генеральный консул СССР в Харбине, одновременно в 1928-1929 гг. — член правления КВЖД. В 1931 г. временный поверенный в делах СССР в Японии. В 1932-1934 гг. заместитель начальника IV управления РККА. В 1935-1937 — заведующий Службой связи Секретариата ИККИ. Арестован 4 мая 1937 г., расстрелян 28 июля 1938 г., реабилитирован посмертно.

442 П.Балакшин. Финал в Китае. С. 146.

4 73 Дуань Цижуй (1864-1936). Китайский милитарист, глава прояпонской клики Аньфу (аньхуйской). Находился у власти в Пекине в 1916-1920 гг. и в 1924—1926 гг. В 1918 г. подписал соглашение с Японией об участии Китая в интервенции против Советской России. Подавлял патриотическое «движение 4 мая» 1919 г. По его приказу была расстреляна антиимпериалистическая демонстрация в Пекине 18 марта 1926 г.

63 5 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.1.С.61.

636 Там же. С.56-57; В.Глунин. Первая миссия Гоминьдана в Москве. — Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5.С.99.

878 Григорий Беседовский. На путях к термидору. М.,1997. С.143.

879 ВКП(б), Коминтерн. Т.2.С.762.

88° Там же. С.856.